

Родная № 1(51)' 2020 **ПАДОГА**

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А. В. (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАРУБИН Михаил Константинович (Санкт-Петербург) — кавалер Ордена «Знак Почета», Почетный гражданин России, лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга в области культуры и искусства, заслуженный строитель РФ, писатель.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — член Правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Религиозные аспекты Великой Отечественной войны и деятельность Русской Православной Церкви. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	5
Александр Казин. Слово и мысль о войне. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	45
Александр Кугай. Национальное самосознание и патриотизм	82
Валентина Ефимовская. Наша победа или «Красное смещение» России. <i>О книге митрополита Константина (Горянова) «Чаша Господня и чаша бесовская». К 75-летию Великой Победы</i>	100
Николай Дорошенко. Бондарев. <i>Посвящение выдающемуся русскому писателю-фронтовику. К 75-летию Великой Победы</i>	117

ДОСЛЕДИЯ

Сергей Михеенков. Прорыв. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	52
Сергей Котьяло. Летописный свод победителей. <i>О книге «Письма с фронта», 2019. К 75-летию Великой Победы</i>	140
Камилла Кузнецова. Память о Полярных конвоях. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	171

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Леонид Ивашов. Таврида изменяет мир. <i>Геополитический смысл «Ялты—1945». К 75-летию Великой Победы</i>	68
Владимир Мальшев. Тайна Тургеневской библиотеки. <i>Как пропало самое знаменитое русское книжное собрание в Западной Европе</i>	222

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Николай Стариков. Спор об истории с «польским голубем». <i>К 75-летию Великой Победы</i>	79
---	----

ПОЭЗИЯ

Олег Селедцов	91
Геннадий Иванов	94
Владимир Скиф	97
Андрей Попов	161
Михаил Силкин	164
Милена Алексич	167
Александр Орлов	204
Наталья Апрельская	208
Дмитрий Ханнин	211
Сергей Корытин	247
Андрей Родосский	252

ПАМЯТОСЛОВ

Валентина Коростелёва. «Война вошла в мои глаза...». Михаил Дудин. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	128
Александр Корольков. Характер, укрепившийся фронтовыми письмами отца и русской литературой. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	133

ПРОЗА

Михаил Зарубин. Расскази мне про войну. <i>Рассказ</i>	150
Татьяна Агуреева. Чердак-дирижер	233

Славянское БРАТСТВО

Елена Гуськова. О сербах на Балканах — их роли и самосознании	184
--	-----

Пути ПОЗНАНИЯ

Юрий Лощиц. Шеломень. Из книги «Славянские святыцы»	190
--	-----

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита Шевцов, Елена Наумова. Пустозерск: тридцать лет спустя	214
--	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Переяслов. Здесь все — реально. О повести Игоря Изборцева «Чудеса болотные»	229
---	-----

НАСЛЕДИЕ

Ольга Гончарова. «Душа, окликнутая Богом». Стихи 90-х	243
--	-----

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

*К 75-летию
Великой Победы*

Историческая память — оборонный фактор государства. Память о Великой Отечественной войне, понимание глубинных ее причин и скрытых последствий особенно значимы сегодня, когда извечные наши враги и противники нацелились на новый передел мира. Когда идет тотальное осквернение и поругание освободительной миссии советского солдата. Когда подвергаются инверсии общечеловеческие смыслы. Память является важнейшей нравственной составляющей характера любого народа. А также — оружием, позволяющим не только отстоять свое Отечество, но и определить сторону добра и сторону зла. То есть это мощнейшее идеологическое средство, а, как известно, в архетипе любой войны лежит идея, начиная с библейских времен, с противостояния Каина и Авеля, а сегодня, в XXI в. — это война в Сирии, в которой тоже есть религиозный аспект. Объяснять феномен массового явле-

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

Водружение победного знамени над Рейхстагом

ния джихадистов-смертников, в основном молодых людей, только политическими и экономическими причинами — не серьезно, если не сказать — глупо.

Святой епископ Николай (Велимирович) Сербский так говорил в своем духовном поучении о будущей Второй мировой войне: «...Все войны, с начала и до конца истории, — библейские войны, т. е. все они находятся в зависимости от живой, активной и всемогущей воли Третьего, Невидимого и Всерешающего; все они проистекают из греховности или обеих сторон, или только одной из них; все они действуют по библейскому закону причинности и оканчиваются так, как им присудит Вечное, Непогрешимое Правосудие... Могу с уверенностью сказать, что победит та сторона, которой дает победу воля Божия. Из Святого Откровения Божиего ясно, кому Бог дарует победу. Это ясно и из примера всех войн истории человечества, если их рассматривать в освещении Святого Откровения. Короче: воля Божия дарует победу тому, у кого самая ясная и крепкая вера в Бога и кто исполняет Его закон... Народ же, который вместе с вождями своими остается верным Господу Иисусу Христу (мы все еще говорим о христианских народах), — будет или пощажен от войны, или же выйдет из нее победителем, независимо от своей численности, культуры и вооружения»¹. Великая Отечественная война окончилась нашей Победой. И много тому способствовала не уничтоженная большевиками до конца Русская Православная Церковь. Вернее, богоборцы не успели расправиться с ней до конца. Тем, что не успели, не осознавая этого, они спасли страну от порабощения, а себя от гибели в печах нацистских концлагерей.

Демоны революции

Церковь условно делится на небесную — торжествующую, представленную душами святых и ангельскими мирами, а также видимую земную. Ви-

¹ *Сербский Николай, святитель. Война и Библия. Симферополь: Издательство Шпатакова «Родное слово», 2016. С. 67–69.*

димая часть Церкви (духовенство, организация, имущество, люди, храмы) в СССР в XX в. подверглась небывалому за все время ее существования разорению и погрому. К началу Второй мировой войны, казалось, с Церковью было покончено, готовились показать «последнего попа», формально страна в короткие сроки была насильно превращена в атеистическую и антихристианскую. Но вера в душах людей сохранилась, хотя под страхом смерти ее приходилось до времени скрывать. В Германии в это время вызревала своя вера — в нацистские идеалы. Она базировалась на человеконенавистнических идеях, выражалась в стремлении обладать потусторонним знанием, в желании поставить темные силы мира на службу избранных. Возникновение нацизма нельзя объяснить только социальными или экономическими причинами. Упрощенная интерпретация этого страшного исторического явления не позволяет правильно понять его истинную суть и феноменальную живучесть. Третий рейх был оккультным. А наша страна, по сути, не стала ни антихристовой, ни оккультной, как напавшая на СССР Германия! Хотя и в большевистской России были апологеты оккультизма (мракобесия).

По определению генерал-лейтенанта СВР, историка Л. П. Решетникова: «Большевизм — особое явление во всемирной истории. Ни один режим, ни до, ни после, не возводил в такой степени богоборчество и ненависть к национальному началу в ранг главных приоритетов своей политики. Основной большевизма была антимораль. Его кредо сформулировано в словах Ленина: *“Нравственно то, что отвечает интересам пролетариата. Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата”*. На самом деле за словесной заботой об интересах пролетариата скрывалось абсолютное отрицание всего духовно-русского, агрессивное и последовательное богоборчество. Ф. М. Достоевский одним коротким, но очень точным словом охарактеризовал сущность этих людей — бесы. Многие большевистские деятели в тот или иной период своей жизни погружались в оккультизм с сатанинским уклоном; некоторые являлись членами тайных обществ. Ленин, известный своей патологической ненавистью к христианству, еще в начале XX в. читал лекции в парижской Русской высшей школе общественных наук, созданной масонской ложей “Космос”. Троцкий *“внимательно изучал исследования о бесах и демонах, об их князьях, дьяволе и об их темном царстве”*¹. Свердлов с юных лет увлекался каббалистическим оккультизмом и черной магией. Бухарин в юности считал себя антихристом, глумился над Святым Причастием, позже вступил в масонскую ложу. По западным источникам, членами масонских лож являлись известные большевики Красин, Луначарский, Скворцов-Степанов. Последний наряду с Ярославским (Губельманом) был инициатором и активным пропагандистом программы воинствующего атеизма в СССР в 20–30-е годы»².

Новейшие архивные исследования и рассекреченные, даже частично³, документы много помогают в осмыслении военного противостояния 40-х

¹ Выделено автором цитаты.

² Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадежности. М.: ФИВ, 2013. С. 105–106. См. также: Шамбаров В. Е. Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм; Эксмо. 2006.

³ Выдающийся просветитель, ученый, писатель, директор Института русской цивилизации О. А. Платонов (по свидетельству В. Осипова: газета «Слово» № 1 /

годов, берущего начало от сокрушения Российской империи. Дело в том, что Первая и Вторая мировые войны историками рассматриваются как одна война в Европе с двадцатилетним перемирием. В это время в СССР всплывают имена небезызвестных Льва Троцкого, соучастников его афер Якова Блюмкина и пламенного революционера кровавого Глеба Бокия, своей деятельностью подтвердивших тот факт, что мистика всегда состоит на службе у тайной политики (парапсихология, паранормальные явления и т. п.). Блюмкин и Бокий были тесно связаны с ученым мистиком Александром Барченко, которому предложили сотрудничество с ГПУ НКВД. Барченко возглавил лабораторию, специализирующуюся на изучении бесконтактного воздействия на психику человека. Именно ГПУ финансировало экспедиции ученого в Крым и на Алтай, где он искал следы древних прародителей человечества и таинственную Шамбалу.

Блюмкину, сообщнику Дзержинского в уничтожении всего русского, православного, власти доверили секретную миссию быть делегатом большевистской России в Тибете в 1925 году. Визит состоялся по приглашению главы Тибетского государства Далай-ламы 13-го. Блюмкин, по некоторым данным, под видом монгольского ламы, был принят радушно не только потому, что тибетцы искали союзнических отношений с новой Россией и называли Ленина махатмой (сверхдуховной личностью), но и по причине разрушения советской властью основ христианства. Атеизм власти в большевистском СССР, уничтожение богоборцами Православной Церкви нравились тибетским ламам, ведь буддизм — это религия без Бога. В июне 1926 г. Рерих (официальный глава делегации, которая осуществлялась под американским флагом) прибыл в Москву и передал советскому правительству «Послание Махатм», а также ларец с гималайской землей для возложения ее «на могилу брата нашего Махатмы Ленина». Текст этого послания гласил: «На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы изгнали Землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи... Знаем, что многие построения свершатся в годах 28—31—36. Привет всем, ищущим общего блага»¹.

1007/ 2020 г.) вспоминал, что в конце 80-х — нач. 90-х гг. он получил доступ в ранее секретные государственные архивы, прежде всего в Особый архив КГБ СССР. Основу этого архива составляли трофеи Советской армии в виде важнейших документов масонских лож и спецслужб противника, представляющие огромную важность для нашего государства. Ельцин решил подарить своим единомышленникам французским каменикам огромный пласт документов. Как говорит О. Платонов: «Я видел целый трейлер, загруженный секретными бумагами. В час ночи звоню С. Н. Бабурину: “Простите за поздний звонок, но увозят или воруют архивы”. Наутро Сергей Николаевич уже добился на заседании Думы прекращения вывоза Особого архива». В нем находились сотни уникальных документов, позволивших по-новому оценить многие события русской истории.

¹ Цит. по: *Матонин Е. В.* Яков Блюмкин: Ошибка резидента. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 311. https://royallib.com/read/matoin_evgeniy/yakov_blyumkin_oshibka_rezidenta_.html#0. Большое количество русских беженцев в Монголии сильно беспокоило зампреда ОGPU Трилиссера, который поручил Блюмкину решить этот вопрос. От его убийственной помощи даже не сентиментальные монголы отказались: «Летом того же года монгольское руководство предложило

Учителя Шамбалы, хранившие оккультные тайны паранормальных явлений, видели буддизм и коммунизм союзниками. Во имя будущего государственного сотрудничества Блюмкин был одарен ими документами с секретными знаниями. Этот подарок советскому государству чекист Блюмкин тут же обналичил в свою пользу. Документы он частично продал Японии, частично Германии. А часть сведений привез в Стамбул «демону революции» Троцкому, американскому резиденту. Главное, чтобы в России ничего не осталось. Блюмкина по приказу Сталина расстреляли в 1929 году¹.

Есть еще те, кто пытается представить жертвой сталинского режима такого деятеля революции, как Глеб Бокий, забывая, что этот ленинец утопил в крови Туркестан, будучи там с 1919 г. начальником особого Восточного отдела, членом Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Потом стал членом ВЧК, потом — НКВД. Это он был идеологом создания концентрационного лагеря на Соловках. По нашей теме он интересен как чекист, увлекающийся оккультными науками. Бокий пользовался доверием Ленина, который лично утвердил его руководителем Спецотдела. Возглавляя Специальный секретно-шифровальный отдел ОГПУ (с 1934 г. — НКВД), Бокий создал парапсихологическую лабораторию в целях радиоразведки, проведения различных научных экспедиций по изучению земного магнетизма, солнечной активности. Но это открытые сведения о работе отдела. В нем была еще и секретная, т. н. «черная комната», в которой исследовались возможности разных знахарей, медиумов, шаманов, всех, кто имел способности общаться с призраками. Многие из них привлекались к работе по дешифровке иностранных разведданных. И это у них получалось через связь с духами. Бокий входил в оккультную организацию «Единое трудовое братство», а также в «Дачную коммуну». Лидера этого «братства» Барченко расстреляли в 1938 году. На оргиях с помощью призраков или под воздействием спирта члены «коммуны» «хоронили» живьем участников, облачаясь в настоящие священнические ряссы, специально привезенные с Соловков. После ареста Бокий во всем, что ему инкриминировали, «сознался» уже после второго допроса и был расстрелян в 1937 году. Закон отложенного возмездия.

Известно, что ненависть к христианству была в крови у масона Горького, но малоизвестно, что вместе со своим приемным сыном Зиновием²,

Блюмкину поехать в район Самбейса — помочь подавить вспыхнувшее там антиправительственное восстание. Блюмкин согласился, но с условием: ему предоставят почти неограниченные полномочия, и, в частности, право расстреливать на месте любого контрреволюционера по своему усмотрению. Монголы решили, что это уж слишком, и условия Блюмкина не приняли» (Там же. С. 328—329).

¹ См. подробнее: *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир. Тайны прошлого — загадки грядущего. Что скрывают архивы Спецотдела НКВД, Аненербе и Верховного командования Вермахта. М.: Книжный мир. 2016; *Шишкин О. А.* Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

² Свердлов (Пешков) З. А. (Зиновий Алексеевич /Михайлович/, он же Ешуа Золомон) (1884—1966) — генерал французской армии, кавалер пятидесяти правительственных наград, старший брат Якова Свердлова и крестник Максима Горького (от него получил фамилию Пешков). Разойдясь с Горьким во взглядах, эмигрировал во Францию, поступил в Иностранный легион, принимал участие в боевых действиях. Большевистскую революцию в России не поддерживал. Служил в дипломатических должностях при Колчаке и при Врангеле. Участвовал во Второй мировой войне. Кавалер ордена Почетного легиона, был другом генерала де Голля.

родным братом Якова Михайловича Свердлова, он придумывал издевательства над именем Спасителя и образом Богородицы, разыгрывая глумливые «шуточные» сценки. Горький исполнял роль иудейского первосвященника, предавшего Христа на муки и смерть, Зиновий рядился в хитрого раба, а сожительница Горького Мария Андреева представлялась Пресвятой Богородицей.

Под лозунгами борьбы против «отсталости России», борьбы с ее якобы нравственной и технической «неполноценностью», ее несовместимостью с прогрессивными европейскими ценностями, происходил неприкрытый геноцид, сокрушение национальной идентичности, уничтожение всех традиционных форм бытия и обыкновенный грабеж страны.

По подсчетам известного историка русского зарубежья С. Мельгунова, который вел свою картотеку жертв Красного террора, основываясь на публикуемых официальных данных, за вторую половину 1918 г. было убито 50 тыс. человек, в начале 1919 г. — насчитывалось около 15 тыс. расстрелов. Понятно, что это не все жертвы сословного геноцида. В преступлениях большевиков одно из первых мест занимает геноцид казачества, который Свердлов развязал самолично. 9 января 1919 г. он написал и подписал секретную директиву ЦК РКП(б), в которой говорилось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам...»¹. Этот террор вылился в уничтожение не менее 1 млн человек.

Было еще и разъяснение этой директивы Троцким: «Казаки — единственная часть русской нации, способная к самоорганизации. По этой причине они должны быть уничтожены поголовно... Это своего рода зоологическая среда, и не более того... Очистительное пламя должно пройти по всему Дону и на всех них навести страх и почти религиозный ужас...»². Ужас наводили убийства без всякой необходимости священников, иноков и монахинь, которые осуществлялись с запредельной, иррациональной жестокостью и дьявольской ненавистью. Частично эта бесовщина отразилась в известных стихах:

*Комсомольская путевка,
Век двадцатый, год двадцатый.
Объясняю обстановку —
Все на фронт ушли ребята,
Закрывается райком.
Получили дьяволята
Комсомольскую путевку
И винтовку со штыком,
И винтовку со штыком.*

(Е. А. Долматовский)

¹ Цит. по: Уничтожение казачества. Террор Большеизма 1919 г. URL: <https://a-forester.livejournal.com/36239.html> (дата обращения: 21.05.2019).

² Цит. по: 24 января — начало расказачивания и геноцида казаков. URL: <https://orthodoxy33.wordpress.com/2011/01/24/kazak24/> (дата обращения: 21.05.2019).

Или другой пример:

*Нам не дано имен,
Детям станков и околиц!
Имя мое — легион!
Имя мое — комсомолец!*

(А. Жаров. «Марш»)

Тогда красноречивые аллюзии были узнаваемы, ведь у народа, в большинстве прошедшего церковно-приходские школы, еще сохранялись библейские знания. Широко известен был евангельский рассказ об исцелении бесноватого, устами которого говорят бесы: «(Иисус) спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5:9).

Лейтмотив всей новой инфернальной поэзии таков:

*Бешено, неумно бешено
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена,
И мы — ее палачи.*

(В. Александровский)¹

Особенно новые хозяева страны поживились за счет церквей, которые тысячами были разрушены, почти все ограблены, священники в большинстве отправлены в ссылки или убиты. Ограбление церквей, изъятие всех их ценностей происходило под лозунгами борьбы с голодом, хотя по статистическим данным только 2 % из собранного было употреблено на покупку хлеба для голодающих. Поныне остается открытым вопрос: где же остальные сокровища, которые имели огромную материальную, историко-культурную ценность, но еще большую — духовную, являясь богослужебными предметами?..

В начале 1929 г. Л. Каганович издал директиву, в которой церковь называлась «единственной легальной контрреволюционной силой». Понятно, что ее надо было добить. Антицерковную кампанию по указке правительства проводил Союз воинствующих безбожников (СВБ), возглавляемый Е. Ярославским (Минеем Губельманом). Этот орган открыто озвучил план по «безбожной пятилетке». В Карелии, например, к началу 1930 г. насчитывалось более 5 тыс. членов этой погромной организации. С ее подачи 1 февраля 1930 г. было принято правительственное решение прекратить колокольный звон во всех деревнях Карелии, а все колокола передать в фонд индустриализации. Храмы закрывались под разными предлогами и без предлогов, священников ссылали в концлагеря. Часто осужденные внесудебными органами, тройками ОГПУ, представители духовного сословия, священники и монашествующие приговаривались к ВМН (высшей мере наказания) — расстрелу. К 1930 г. из 594 храмов было закрыто 330, из 1724 часовен — 1708, из монастырей не осталось ни одного, из 1370 священников осталось только 200. К 1936 г. по Карелии осталось только 100 церквей и

¹ Цитаты приводятся по «Антологии русской лирики первой четверти XX века» И. С. Ежова и Е. И. Шамурина (Репринтное издание. М. 1991).

77 священнослужителей¹. А в 1939 г. перед началом Зимней войны с Финляндией — ни одной действующей церкви и ни одного священника.

«Оперативный удар» по Церкви был так силен, что, выступая на XIV областной партконференции в 1938 г., нарком внутренних дел С. Т. Матузенко с полным правом и черным юмором сказал: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено (Смех в зале)»². Смеялись недолго... до войны 1939 года.

Однако, несмотря на проведение жестокой антицерковной государственной политики на протяжении 1930-х гг., власти вынуждены были констатировать, что население Карелии оставалось религиозным. Вопреки преследованиям, сохранялось в дни религиозных праздников массовое посещение церквей, вплоть до дня их полного закрытия. Достаточно высоким был авторитет духовенства среди населения. Репрессии против православных священников, монахов и верующих продолжались до начала Великой Отечественной войны.

Приведенный частный пример, показывающий разгул богоборчества в одной епархии, позволяет представить общую картину погрома Русской Православной Церкви, точных цифр которого не установила даже правительственная Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, созданная в 1987 году. Вот примерные показатели «богоборческой пятилетки». В 1937 г. были арестованы 136 900 православных священников и церковнослужителей, из них расстреляны 85 300; в 1938 г. арестованы 28 300, расстреляны 21 500³.

Да и как могло быть иначе, когда новые руководители страны не скрывали своей ненависти к ее тысячелетней традиции. Показательно такое свидетельство. Во время службы Тухачевского в Военном отделе ВЦИК им был составлен проект уничтожения Христианства и восстановления язычества. Неудавшийся религиозный реформатор Тухачевский дал своей собаке кличку Христосик...⁴ В советское время власти, придумали формы имитации христианских обрядов, как, например, внедрение в массы «молитв» К. Марксу, «звездины» вместо крестин, временно одобряли священников-реформаторов Церкви и др. Однако среди православного народа эти религиозные новшества, даже через пытки, запугивания и убийства, поддержки не нашли. Взятая за преобразование традиционной религиозной идеологии и Гитлер, но в Германии, в отличие от православной России, духовно-нравственное реформаторство было поддержано немецким народом, к которому все же не применялось такое жестокое насилие, как в большевистской России.

Посредством придуманных псевдорелигиозных ритуалов, подавляющих волю человека военных маршей, огромных, застилающих небо зловещих флагов со свастикой и других психологических методов обработки, Гитлер

¹ *Константин (Горянов) митрополит*. Горькая ошибка. Церковная революция 1917 г. и ее последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края // *Апокалипсисы революций*. СПб.: Родная Ладога. 2018. С 446–461.

² *Чухин И.* Карелия-37: идеология и практика террора // *Поминальные списки Карелии. 1937–1938*. Петрозаводск, 2002. С. 40.

³ *Бог и Победа*. Сборник. Ред. Зоберн В., М.: Эксмо. 2014. С. 42.

⁴ *Воробьевский Ю.* Третий акт. Третий рейх и Третий Рим. 2015. С. 215.

хотел создать совершенно новый тип человека и новый вид цивилизации, которая должна была заменить «иудео-христианское ярмо». «У “простых людей” за короткое время исчезало разъедающее их жизни беспокойство, они с гордостью ощущали себя участниками великих дел и свершений. Ведомые тонким психологом и знатоком оккультных мистерий Гитлером, они переставали чувствовать себя заброшенными, покинутыми, никому не нужными человеческими песчинками и обретали радостное чувство единения с чем-то высшим и вечным»¹. Так Третий рейх стал оккультным.

При подготовке так называемой Сталинской Конституции проводилась перепись населения, которую Сталин назначил на 7 января 1937 г., на день праздника Рождества Христова, и сам поставил вопрос об отношении к религии. Многие из опрошенных открыто назвали себя верующими, точнее, 60 % советских людей не побоялись в то страшное время ответить, что они верят в Бога, делая акцент на христианском вероисповедании. А сколько еще не решились рисковать своим положением? Стало понятно, что атеизм в Советской России не состоялся, а скорее, стал вынужденной ширмой, за которой скрывались истинные, христианские приоритеты. Атеизм — на словах, Бог, Иисус Христос — в душе и сердце.

Итак, наша страна вступила в Отечественную войну с Третьим рейхом, имея на своей совести «Союз воинствующих безбожников», убитыми, зверски замученными тысячи священнослужителей, монастырями, превращенными в тюрьмы, разграбленными и взорванными православными храмами. Но не убитым в душах и сердцах людей Православием.

«И в Израиле не нашел Я такой веры»

Евангелие от Матфея 8:10

Гитлер, надеясь на помощь оккультных сил, назначил нападение на СССР на 22 июня, это день языческого праздника летнего солнцестояния и главный праздник СС, а свастика — древнейший символ солнца, так называемый солярный знак. Но германский фюрер не учел, что в России 22 июня 1941 г. совпало с православным праздником — Днем Всех Святых, в земле Российской просиявших². Однако это хорошо знали богоборческие большевистские власти, поэтому именно на 22 июня назначили показательный взрыв московского храма XVII в. Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках. В этот же день должна была состояться сдача ключей Богоявленского собора и церкви Ильи Обиденного в Москве. В Ленинграде на ближайшие дни был назначен взрыв мемориального собора Воскресения Христова (Спас-на-Крови). Но все святые Земли Русской (небесная, торжествующая Церковь) встали духовной неодолимой стеной против чудовищной по мощи бронированной силы оккультного рейха.

Народ на фронтах Великой Отечественной войны жертвенно искупил свое, пусть неосознанное, предательство, богоотступничество и нарушение клятвы на верность Помазаннику Божию Николаю II, причисленному к лику святых.

¹ Прусаков В. Оккультный мессия и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 149.

² Этот праздник был установлен в 1917 г. Поместным собором на роковой исторической грани между концом православной России и началом богоборческой тирании — и это имело глубочайший религиозный и национальный смысл.

Для вероломного свержения Главнокомандующего русской армии Царя Николая II и как повод для февральских беспорядков в столице, которые, в свою очередь, должны были привести к революции и поражению России в войне с Германией — была организована имитация нехватки в Санкт-Петербурге хлеба — сакрального продукта. Главная молитва всех христиан: «Отче наш... хлеб наш насущный даждь нам днесь...». А потом и город переименовали, надеясь вывести его из под покровительства святого Петра. А в результате — реальный голод в осажденном немцами Ленинграде. Извечная тема: преступление и наказание или, как любят говорить политпсихологи, — закон отложенного возмездия. Жертвенно и покаянно, как апостол Петр — непобедимый небесный покровитель города, искупили ленинградцы свои революционные грехи. Прощение было даровано Господом с Победой.

Также символичен календарь знаменательных дат Отечественной войны. 7/20 апреля 1941 г. православные люди праздновали Пасху Христову, а немцы отмечали день рождения своего фюрера; война началась в день Всех Святых, в земле Российской просиявших; ноябрьское контрнаступление Красной Армии под Москвой в 1941 г. началось в день памяти св. благокнязя Александра Невского (6 декабря); Прохоровское сражение произошло в день первоверховных апостолов Петра и Павла 12 июля 1943 г.; Киев был освобожден в день прославления иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в 1943 г.; в день Сретения иконы Божией Матери Владимирской был избран в Москве первый после святителя Тихона Патриарх Московский и всея Руси Сергей. Эти и многие другие совпадения свидетельствовали о том, что не оставил Господь Бог Россию, что сохранился над ней покров Богородицы, явленный с обретением иконы Божией Матери «Державная» в день свержения самодержавия, т. е. самостоятельной державы. «Иначе говоря, самодержавие — это понятие, обозначающее суверенитет власти и независимости русского государства»¹.

Тайно молились о спасении своей православной Родины священники, миряне, солдаты и генералы. И верили в победу даже тогда, когда в первый месяц войны два миллиона наших солдат попали в плен, когда число погибших мирных жителей достигло миллиона человек. Маршал Г. Жуков свидетельствует: «Надо будет, наконец, посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и при том войны победоносной... Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс... У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми, и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику»².

В середине 1942 г. вышел Приказ Народного Комиссара обороны Союза № 227 от 28 июля о мерах укрепления дисциплины и порядка в Красной

¹ *Перевезенцев С. В., Страхов А.* Традиции народовластия в России в X–XVII веках // Родная Ладога. № 4. 2018. С. 59.

² *Карпов В. В.* Генералиссимус. Книга первая. М.: Вече. 2006. С. 359.

Армии, названный в народе «Ни шагу назад». Приказ — драматическое свидетельство того страшного периода, когда речь шла о жизни страны. Ужасают даже не сталинские наказания, а картина военного положения Советского Союза, оказавшегося, действительно, на грани порабощения. Как писал А. Твардовский: «Этот месяц был страшен, было все на кону».

Сталин обращается к Армии: «...Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток. <...>

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

По сути, в этом приказе Сталин призывает к мобилизации духовных сил, к напряжению воли, к ответственности каждого воина перед страной. Главнокомандующий поясняет, чего не хватает Красной Армии:

«Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя». В довольно объемном Приказе № 227 нет апелляций к идеологии, что довольно странно для этого времени. Даже чисто статистически в приказе чаще «обвиняются» комиссары и политработники, нежели командиры. В итоге, 9 октября 1942 г. институт военных комиссаров был отменен.

Наверное, в это время в сознании Сталина и других военачальников происходит постепенное духовное отрезвление от интернациональной демагогии. Когда в разгар войны Сталин вдруг повернул страну к традиционным ценностям, он опирался и на собственные глубокие исторические знания, и на мировой опыт войн. Этот приказ имеет нравственное содержание, он, обращенный к душам и сердцам людей, сродни воспитательному действию. Здесь ставится высокая задача, связанная с принесением жертв во имя Родины. И народ так откликается с верой в победу:

— Западный фронт.

Красноармеец 50-й армии тов. Попков, имеющий 10 суток ареста за нарушение дисциплины, в присутствии бойцов и командиров заявил: «Я свою вину искуплю на поле боя. Буду сражаться против немецких захватчиков до последнего дыхания».

— Карельский фронт.

Красноармеец части Завьялова тов. Лик на митинге заявил: «Я умру, но не брошу свой пост, не запятнаю честь своей роты, не опозорю свою честь и семью. Я знаю, что здесь, в Карелии, я защищаю свою Украину, я буду беспощадно уничтожать фашистское зверье»¹.

Такие понятия, как вина, искупление, честь, ответственность, «до последнего дыхания» — это уже не богоборческая лексика, это свидетельство того, что люди, пусть неосознанно, вспоминали о Боге. У народа появилась вера в победу. И одумались власти, и уверовали военачальники. В страшном 1942 г., власти впервые официально разрешили праздновать Пасху. «Пока гром не грянет — мужик не перекрестится», гласит народная мудрость.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне, в войне — длившейся четыре года, в войне против миллионных объединенных сил Европы, доказала, что тысячелетнее русское Православие, даже «недобитое», обладает жизнестойкостью и духовной силой. Когда, казалось, что у Советской России, измученной тремя недавними революциями, обескровленной Гражданской войной, голодом, большевистским террором, не было шансов победить, Православная Церковь духовно восстала из руин и укрепила народ Советской России в борьбе с дьявольским нашествием. Видимая часть Церкви Христовой, разрушенной, ограбленной, оболганной, была подобна вершине айсберга, основная часть которого скрыта под толщей вод. Так и основная, незримая часть Русской Православной Церкви, русской веры, скрывалась в людских душах и сердцах.

Примеров тому много, в частности, опровергает ложь о нравственном разложении русских людей такой факт, обнаруженный гитлеровцами. Гитлера неприятно поразил доклад о результатах обследования угнанных в Германию русских женщин. В докладе врача сообщалось: «Россию победить невозможно, пока у этого народа такая нравственность: более 90 % обследованных мною лиц женского пола от 15 до 20 лет — девственницы»². (И это несмотря на послереволюционную программу «Долой стыд»). К наступлению войны народ еще не успел растлеться. Кроме того, было отмечено, что в России процент арийского населения (по немецким стандартам и методикам) оказался выше, чем в самой Германии.

Молодые советские люди часто называли себя атеистами. Но каков был на самом деле советский атеизм, можно представить по свидетельству полковника КГБ Ю. Э. Гулиева: «Мы просто придерживались тех нравственных и моральных норм, которые были востребованы обществом, полноценным субъектом которого мы себя считали. И, наверное, поэтому, будучи атеистами, следовали библейским заповедям...»³

Русское воинство всегда исполняло заповедь Христову: «*Нет больше той любви, чем кто положит душу свою за други своя*» (Ин. 15:13). Примером жизни по этой заповеди был Главнокомандующий — Царь Николай II, он принес себя в жертву ради победы над Германией. Заговорщики и организаторы Февраля понимали, что эта победа укрепит монархию. «Русская Империя, — писал Уинстон Черчилль, — выставила для кампании 1917 г. более многочисленную и лучше снаряженную армию, чем та, с которой она начала войну.

¹ Документы Победы. Приказ. Журнал «Родина», январь 2020. С. 18–19.

² Воробьевский Ю. Третий акт. Третий рейх и Третий Рим. 2015. С. 262.

³ Гулиев Ю. Э. Канатоходец под бичом истории // Следствие продолжается. Воспоминания сотрудников следственного и оперативных подразделений органов госбезопасности. Книга 15. СПб.: Первый класс. 2019. С. 445.

В марте (по нов. ст.) Царь был на Своем Престоле; Русская Империя и народ стояли твердо; фронт был в безопасности и победа несомненна»¹. В начале 1917 г. до Победы оставались считанные месяцы, генеральное наступление планировалось на начало мая 1917 года. Николай II, арестованный, не стал поднимать восстание за свое освобождение, понимая, что это приведет к гражданской войне в России, а за ней неминуемо последует поражение в Первой мировой войне, что и случилось. Германия проиграла войну странам Антанты, а Советская Россия проиграла войну проигравшей Германии, подписав кабальный или, как его называли, «похабный» Брестский мир. Отсюда и парижский сценарий празднования 100-летия окончания Первой мировой войны, где современной России была отведена унижительная второстепенная роль.

В связи с этим фактом сделаю отступление, чтобы показать, насколько все связано в истории, насколько нужно иметь «умное сердце», чтобы, зная прошлое, уметь предвидеть будущее. Один из участников торжественной акции рассказал об интересной подробности памятного парада победителей в Берлине в 19-м году прошлого века:

— По Берлину в 1919 г. также проходили части победителей, так вот, самая первая часть, которая там прошла под русским трехцветным знаменем, которое было запрещено в советской России, под ним прошел так называемый «Русский легион чести» — это остатки тех особых русских полков, которые воевали во Франции. Они потом остались, несмотря на развал России, воевать во Франции до победного конца, и им было предоставлено право идти первыми. И когда немцы заявили протест, что этой страны уже не существует и у нас с Россией мирный договор: «Она вышла из войны, и она фактически побеждена — эти русские не могут открывать парад!», тогда один из французских маршалов сказал, что «проигравшие условий не диктуют. Русские пройдут!»²

А в России русские герои Первой мировой войны «прошли» — сто лет спустя, когда в своем выступлении

Плакат Великой Отечественной войны

¹ Winston S. Churchill. The World Crisis. 1916–1918, v. 3, p. I, p. 224.

² <https://inform-24.com/3407-rossiya-vpervye-oficialno-otmechaet-datu-okonchaniya-pervoy-mirovoy-voyny.html> (дата обращения: 26.02.20).

на церемонии открытия памятника героям Первой мировой войны «Мы возрождаем историческую правду» Президент России В. В. Путин сказал: «Сейчас мы возрождаем историческую правду о Первой мировой войне, и нам открываются несчетные примеры личного мужества и воинского искусства, истинного патриотизма российских солдат и офицеров, всего российского общества... Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы. Сегодня мы восстанавливаем связь времен, непрерывность нашей истории, и Первая мировая война, ее полководцы, солдаты обретают в ней достойное место (как у нас в народе говорят, "лучше поздно, чем никогда"), а в наших сердцах приобретает та священная память, что заслужили по праву воины Первой мировой»¹.

Справедливость восторжествовала и для Царя Николая II. Ведь ради русской Победы, которая наступила только 9 мая 1945 г., Главнокомандующий Государь принес себя в жертву и был причислен к лику святых. Эта жертва была не напрасной. Русский народ нашел в себе такие духовные силы, что одолел непобедимую по человеческим меркам силу — германский рейх и водрузил Победное знамя над Рейхстагом, осуществив мечту Николая II через четверть века.

Нужно сказать, что Царь Николай II внес и материальный вклад в нашу Великую Победу. Ведь это его линкоры в годы Великой Отечественной войны защищали Ленинград и Севастополь. Эти корабли не потеряли своей боевой мощи и через 30 лет, будучи построенными во времена правления Николая II с учетом опыта Русско-японской войны. Они обладали мощным артиллерийским вооружением, высокими скоростными характеристиками, повышенной боевой живучестью. Российская империя с 1909 по 1914 гг. построила 7 линейных кораблей. Линкоры «Севастополь», «Полтава», «Петропавловск» и «Гангут» были приняты на вооружение в начале Первой мировой войны. После революции большевики их переименовали, и они стали называться «Парижская коммуна», «Марат», «Октябрьская революция». Интересный факт: «Жители Санкт-Петербурга, которые интересуются своим городом, знают, что немцы остановились во время Второй мировой войны на равнине перед Ленинградом. Никаких рубежей, которые могли бы остановить немцев, не было. Не было речки, оврага, возвышенности. Пулковские высоты немцы взяли. Непонятно, что их остановило на этой равнине после Пулковских высот до Ленинграда. Загадка такая... Ну, понятно, что Жуков приехал, великий наш полководец, понятно, что отступать было некуда. Но можно было отступить еще километр, два километра — голая степь. Выясняется... что немцы остановились ровно по той линии, которую достигала крупнокалиберная артиллерия царских линкоров. Царские линкоры, созданные по программе царя Николая II, вошли в Неву, встали на якоря и своей артиллерией били по наступающим немцам и ровно до того момента, как снаряды достигали

¹ Сайт Президента России (Источник информации — портал История. РФ, <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/koniets-piervoi-mirovoi>) (дата обращения: 22.02.2020).

немецких позиций, ровно там они остановились, дальше они не смогли пройти»¹.

Кроме того, во время Великой Отечественной войны Романов-на-Мурмане и Мурманская железная дорога или Мурманка, как называл ее народ, защитили русский Север. Необходимость в этой дороге появилась в начале Первой мировой войны для связи Петрограда с незамерзающим портом Мурманском. В январе 1915 г. Император Николай II утвердил ассигнование средств на строительство железной дороги в размере 330 млн царских рублей, а к ноябрю 1916 г. дорога была уже полностью завершена. Она построена всего за 1 год и 6 месяцев. И это — без всяких ужасов подневольного труда и репрессий. Вот какой силой обладала «прогнившая» царская Россия. Мировая история строительства железных дорог не знала подобных примеров. Полностью дорога себя оправдала в годы Великой Отечественной войны. За годы войны по ее железнодорожным путям были переброшены сотни тысяч солдат и офицеров, осуществлены поставки продовольствия, медикаментов и вооружения на фронт, а также эвакуировано население и материально-техническая база в тыл. А в блокадный Ленинград были отправлены несколько эшелонов с рыбой.

Знаменитая севастопольская батарея № 35, построенная при Николае II, стала главным и последним оплотом героической обороны Севастополя. Оборона была длительной. От Царя осталось так много боеприпасов, что на них сражались еще во время Великой Отечественной войны. Транссибирская магистраль спасла Москву и обеспечила тыл. И это тоже николаевское наследие. К 1917 г. в стране действовали 74 железные дороги. Паровозы и подвижной состав для них производили 20 отечественных заводов. Россия при Николае II стала крупнейшей железнодорожной державой мира. Многие выдающиеся советские военачальники были выпускниками николаевских военных училищ и царскими офицерами. Например, это царский полковник Шапошников, а затем маршал, начальник Генерального штаба РККА, единственный к кому Сталин обращался по имени-отчеству: Борис Михайлович, а не товарищ Шапошников. Таков бесспорный вклад Главнокомандующего Николая II в Победу над нацистской Германией.

*И. В. Сталин и маршал СССР
Б. М. Шапошников*

¹ Вклад императора Николая II в победу в Великой Отечественной Войне <https://за-царя.рф/myth/vklad-nikolaya-ii-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voynе> (дата обращения: 22.02.2020).

Но до Победы были времена отступлений, бегства с поля боя и поражений. Подумаем, почему это стало возможным? «Если все книги, в которых подробнейшим образом объясняются причины наших поражений в начале войны, сложить вместе, то получится нерушимая стена. Высотой с “Ленинку”, шириной — с ее фасад, — пишет доктор исторических наук, советник Президента РФ В. В. Путина В. Р. Мединский. Есть и всякая авторская экзотика типа того, что армия “бастовала”, так как была недовольна советскими реалиями. Или, наоборот, наши солдаты, жертвы собственной пропаганды, не верили, что свой брат рабочий — немецкий солдат — посмеет стрелять в братьев по классу. Но как бы ни были авторы уверены в правоте своих теорий, как бы удачно ни обыгрывали в своих трудах эту болезную тему, все равно между их выводов сквозит: “Как же так? Почему?”... Дам всего одно простое объяснение — немцы были сильнее. Все. Это не говоря о качестве техники, моральном духе покорителей Европы и заслуженно хваленом немецком “орднунге” в войсках. Их было больше, и они, признаемся, умели воевать лучше всех в мире. Остановить немецкую военную машину тогда не мог никто. На тот момент. Вот и все объяснение. Точка. А потом Россия сосредоточилась... Планировались и осуществлялись контрудары. Перестраивалась стратегия. Подтягивались резервы. А главное, открылось удивительное русское явление — массовый героизм»¹.

Рассмотрим духовные причины: это «психологическая готовность» по Жукову или «моральный дух» по Мединскому. Известно, что призывной возраст в 1939 — нач. 1941 гг. составлял 19–20 лет (до тотальной мобилизации). То есть, это были призывники-срочники, родившиеся в 1920–1921 гг., идеологически воспитанные безбожной советской властью на примерах гражданской братоубийственной войны, на идеях Интернационала. Вот «Откуда у хлопца испанская грусть... Я хату покинул, / Пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде / Крестьянам отдать» (М. Светлов — Шейнкман). Но скоро «хлопцы» запели другие песни: «Враги сожгли *родную* хату...» (М. Исаковский). В разгар войны — с конца 1943 г. — Интернационал как государственный гимн СССР отменили. Для формирования победных смыслов он был непригоден, Сталин это понял, потому и пошел на столь решительный шаг.

После падения Смоленска, когда масштабы военной катастрофы стали очевидными и ужасающими, была объявлена вторая призывная волна — мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. рождения. На защиту Отечества встали люди, воспитанные в церковно-приходских школах при Царе Николае II, то есть понимавшие святость служения Отечеству и воевавшие с немцами еще в Первую мировую войну. Врожденной верой и силой воли они сломали врага и завершили русской Победой Великую Отечественную войну. Хотя, надо отметить, что и родившиеся после 1917 г. солдаты, видя подвиги старших товарищей, вспоминали о вере предков. Генетической памятью можно объяснить такое парадоксальное сочетание советского и православных начал, нередкое для тех лет, как, например, слова из письма солдата М. Ф. Черкасова: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу»².

¹ Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Изд. доп. и пер. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2011. С. 142–145, 148.

² Советская Россия, 1990, 13 сентября. С. 2.

Здесь вспоминаются архетипы и библейские аналогии. Например, поразительное духовное преображение сотника-центуриона, о котором повествуется в Евангелии от Матфея в 8 главе. Будучи высокопоставленным римским офицером, он обладал богатством и властью в Капернауме. От своего положения воину легко было возгордиться и даже не заметить Иисуса Христа, Который этому офицеру должен был казаться всего лишь бедным странствующим проповедником, пылинкой на огромных, раскинувшихся на полмира просторах Римской империи. Но, однако, знатный римлянин говорит Иисусу: *«Я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой»*.

Капернаумский сотник безошибочным духовным зрением постиг, что совершаемые Иисусом деяния не мог бы совершить никакой земной человек. Привыкший к дисциплине римлянин прозрел в Учителе из Галилеи Царя царствующих. Офицер привык не только повелевать, но и подчиняться. Руководствуясь этим бесценным качеством своей души, сотник просит Спасителя: *«скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: “пойди”, и идет; и другому: “приди”, и приходит; и слуге моему: “сделай то”, и делает»*.

Воин, прозревший сердцем и духом, что единому слову Иисуса повинуются стихии, уверовал в Него как в Господа Вседержителя. Заметим, что это произошло задолго до подобного же исповедания Апостола Петра, прежде совершения величайших чудес Воскресения и Вознесения Христа. Потому-то и говорит Спаситель о сотнике: *«и в Израиле не нашел Я такой веры»* (Матф. 8:10). Нечто подобное в годы Великой Отечественной войны происходило со многими красноармейцами, вставшими на защиту своей Родины от нацистских полчищ.

Поразительны были случаи прихода к вере из комсомольского атеизма.

Стихотворение, найденное в шинели простого русского солдата Андрея Зацепы, убитого в 1942 г., перекликается с историей исповедания Бога римским сотником-первохристианином:

*Послушай, Бог, еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя...
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
Что нет Тебя. И я, дурак, поверил. <...>
Не странно ль, что средь ужасающего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя.
На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно. Ты на нас глядишь...
Но, кажется, я плачу, Боже мой. Ты видишь,
Со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог. Иду и вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.*

Молодой советский солдат, воспитанный в атеистическом мировоззрении, так же, как и римский сотник-язычник, принадлежавший к народу, не знавшему Божественного Откровения, прозрел на поле боя и возобладали не фарисейским, но истинно христианским духовным зрением, признава-

ясь, «мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя». Здесь свершилось то, что прорек Спаситель после встречи с сотником: *«Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов»* (Матф. 8:11–12).

Извержена во тьму оказалась технически оснащенная нацистская Германия, обладавшая мощнейшим оружием идеологического воздействия, укрепившаяся многими иностранными легионами, сплоченными вековой ненавистью к нашей стране. Новая оккультная религия Гитлера была смесью язычества, гностицизма и магии. Оккультизм (от лат. *occultus* — тайный, скрытый) — это таинственные учения и культы, выражающие стремление человека проникнуть в духовный мир, познать потусторонние силы и, овладев ими, занять место Бога. Человек, искусившись овладеть тайными силами, способностями, использует магические ритуалы, чтобы влиять на мир, чтобы стать «как боги», но без Бога. Такие люди приобретают тайные знания, гордятся ими, а потом теряют абсолютно все. Так случилось и с нацистским рейхом, обольстившимся ложной установкой — любой ценой встать во главе мира, завоевать все его богатства, среди которых ценнейшее — России.

Но этого не произошло, потому что за свою Родину, как за высшую Истину, вступился народ. Единая, цельная Истина — есть Бог, а познание Истины — есть вхождение в божественную жизнь, которая зримо осуществляется в Церкви. Происходило безотчетное, незримое восстановление кровной связи Церкви и народа, где и те и другие совершили подвиг: «Православная Церковь, истерзанная бесконечными гонениями, собрав последние силы, постаралась и словом, и делом помочь Родине. Не надо преувеличивать значение этой помощи: в те годы сил у Церкви почти не осталось, а противодействие государственного атеизма, несмотря на ряд послаблений, было еще велико. Сила русского Православия была в другом: в те годы она сохранила веру в сердцах человеческих, в душах русских людей... Я бы сказал так: негоже нам, людям Церкви, величаться без меры, приписывать себе всю славу этой войны и утверждать, будто мы шли впереди войска с хоругвями. Чего не было, того не было. Но, с другой стороны, жертвенность, мужество, великодушие солдат Красной Армии — это несомненный результат тысячелетней православной истории русского народа»¹.

Главная заслуга Православия в том, что оно укрепляло сердца русских людей, поддерживало веру в душах воинов, к числу которых можно отнести и солдат передовой, и генералов, и разведчиков, и тружеников тыла, и блокадников, сохранявших свои жизни и даже добровольно отдававших свою «истощенную» блокадную кровь бойцам на фронт. Главное, Церковь поддерживала веру людей в то, что они стоят за Правду. Стояли за нее на смерть. Но идти на смерть за что-либо, только лишь по приказу командира, невозможно. Нужна Высшая подвигающая сила. Нужна вера и понимание реальных целей врага. Трагический опыт первого года войны это убедительно доказал. Потребовалось время для укрепления воинского мастерства и для духовного прозрения, позволявшего разглядеть в фашистской свастике — сломанный христианский крест.

¹ Фролов М. И. Василик В. В. О войне и Победе. СПб.: Алетей. 2015. С. 11–12.

Вытеснители истории

У нацистского рейха, напавшего на нашу страну, ее порабощение было лишь одной из многих целей. Главная задача-мечта фюрера состояла в том, чтобы изменить жизнь на всей планете. Он говорил Раушнингу: «Наша революция — новый этап, или, вернее, конечный этап эволюции, приводящий к вытеснению истории...» Австралийский журналист Стивен Роберте, живший в 30-е годы в Германии, писал, что Гитлер был для своих сторонников «полубогом, обладающим сверхъестественными силами и знающим благодаря этому, что надлежит делать». Многие наблюдатели отмечают, что фюрер пародировал Иисуса¹. Нацистский рейх, провозглашая человеконенавистнические идеи, был проявлением вселенского зла, он нес смерть. Победа нашего народа в войне, содержащей тайну креста и воскресения, была возможна только с верой в то, что «с нами Бог».

Гитлер вступил на русскую землю под тем же лозунгом «Gott mit uns» / Бог с нами/. Казалось бы, оставшееся духовенство и православные люди должны были возлагать на завоевателей свои религиозные надежды, помня разгром Православной Церкви большевистским государством. Но многие в Советской России, особенно пастыри, поняли, с каким богом гитлеровский рейх идет на Русь, вооружившись тайными знаниями Шамбалы, которую люцифериане и служители Сатаны рассматривали как обитель темных сил. Это знание нацистские бонзы называли «оружием богов». Это, по их мнению, было то оружие, которое способно уничтожить Самого Иисуса Христа.

Нацистам пришлось по вкусу культы тибетских лам, высвобождающие демонические энергии или инфернальные силы. Вот описание таких служб из книги русского этнографа А. М. Позднеева, переизданной в 1993 г. в Калмыкии самими буддистами: «Приносящие балин хуvaraки перед началом служения должны прежде всего созерцать Чжамсарана и представить себе все пространство мира пустым. В пространстве этой пустоты они должны представить себе безграничное море из человеческой и лошадиной крови, в котором треугольником волнуются волны; в самой середине этих волн — четырехугольную медную гору и на вершине ее — солнце, человеческий и конский трупы, а на них Чжамсарана. Лицо у него красное; в правой руке, испускающей пламя, он держит медный меч, упираясь им в небо; этим мечом он посекает жизнь нарушивших обеты. В левой руке он держит сердце и почки врагов веры; под левой мышкой прижал он кожаное красное знамя. Рот страшно открыт, 4 острых клыка обнажены; имеет три глаза и страшно гневный вид. Он коронован пятью человеческими черепами. Стоит он среди пламенеющего огня премудрости. Мысленно принеся этому и армии иных демонов чашу крови, их призывают уничтожать врагов, а особенно тех, кто ограничивает распространение веры...»². Вот с таким богом нацисты пошли на Русь.

Третий рейх был в действительности не просто магическим, но черно-магическим, а точнее, сатанинским государством. В данном случае, это

¹ Прусаков В. Окультизм и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 146–147.

² Цит по: *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир. Тайны прошлого — загадки грядущего. Что скрывают архивы Спецотдела НКВД, Аненербе и Верховного командования Вермахта. М: Книжный мир. 2016. С. 254–255.

не метафора, не иносказание, Гитлер и нацистская верхушка использовали эти термины абсолютно серьезно и верили в реальность общения с inferнальным миром. При этом свое тоталитарное государство называли государством научного материализма. Гитлер во многом соглашался с атеистом Розенбергом, и записанные монологи фюрера наглядно свидетельствуют об этом. «Все религии одинаковы, неважно, как они себя называют. У них нет будущего, тем более в Германии... Будь то Ветхий Завет или Новый, нет никакой разницы: все то же самое, старое еврейское надувательство... Нельзя быть одновременно немцем и христианином. Надо выбрать одно. Нам нужны свободные люди, которые чувствуют и знают, что Бог находится в них самих...»¹.

С подачи Гитлера Розенберг составил параграфы устава будущей Церкви Национального Рейха. В них говорилось о беспощадной борьбе с чужеземной христианской верой, требовалось запрещение Библии и замена ее другой книгой — «Моя борьба»². В последнем параграфе устава «Новой Церкви» было сказано: «В день ее основания христианский крест должен быть снят со всех церквей, храмов и часовен и заменен единственным непобедимым символом — свастикой».

Если бы Германия одержала победу во Второй мировой войне, то подобное могло бы осуществиться. Хотя Розенберг и утратил свое влияние, но христианство имело значительно более могущественного противника в лице Мартина Бормана, откровенно заявлявшего: «Национал-социализм и христианство непримиримы»³.

Гитлер был убежден в том, что его государство просуществует 1000 лет. На самом деле это было временно приоткрытое в настоящей истории окно в апокалиптическое будущее, в государство Антихриста. Гитлер практиковал определенные оккультные дисциплины и мыслил, как маг. Многие, возможно, даже большинство из высокопоставленных нацистов, были такими же. Задолго до того, как психологи серьезно стали изучать технику убеждения, оккультные масонские ложи уже знали ее. Научное исследование фактов показывает, что Гитлер и нацистская верхушка действительно верили в то, что сами работают с определенным типом сатанической магии⁴.

Это проявлялось не только в обращении к германским языческим образам и в оккультных программах типа «Аненербе», на которые в Третьем рейхе тратились огромные деньги и силы, но в явной душевной потребности нацистов в сатанизме. Опасно было то, что языческий оккультизм гитлеровские пропагандисты стремились смешать с Христианством: образ Неизвестного солдата кощунственно совмещался с ликом Христа, сам Гитлер являлся своим adeptам в облике Мессии⁵, т. н. копые сотника Лонгина, пронзившее сердце Христово, в руках Гитлера стало магическим талисманом, а на пряжках ремней солдат, шедших убивать, грабить и зверствовать

¹ Пруссак В. Оккультный мессия и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 30.

² Запрещена в России.

³ Пруссак В. Оккультный мессия и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 30.

⁴ Бреннан Д. Х. Черная магия Адольфа Гитлера. М.: Библиотека газеты «Развитие». 1992. С. 35–36.

⁵ Вейс И. Адольф Гитлер. М., 1993. Т. 2. С. 243.

над мирным населением, были написаны слова из мессианского пророчества Исаии: «С нами Бог» (Исайя. 8:10). Крест на немецких самолетах, бомбивших школы и госпитали, явился одним из омерзительнейших кощунств над Животворящим Крестным Древом в истории, но также и знаменем псевдохристианской, а на последней глубине — антихристовой западноевропейской цивилизации. То, что одной из конечных целей нацистов являлось провозглашение Гитлера Мессией и признание его таковым покоренными народами всей земли, показывает следующая кощунственная молитва по подобию «Отче наш», активно распространявшаяся в листовках: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов, да придет твоя империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле»¹.

Принимая роль человека-бога, Гитлер также твердо верил в неизбежность появления «высшего человека». «Творение еще не окончено, — говорил он. — Старая человеческая особь уже находится в состоянии упадка. Человечество переходит на новую ступень развития каждые 700 лет, и окончательная цель — приход Сынов Бога. Вся творческая мощь будет сконцентрирована в новых людях... Сверхчеловек будет превосходить современного человека во всех отношениях. Понимаете ли вы теперь глубокий смысл нашего национал-социалистического учения? Тот, кто видит в национал-социализме лишь политическое движение, ничего не понимает в нем»².

Поддерживаемое властью тяготение к нечистой силе у германцев является отражением исторических времен разгула ведьм и колдунов, которых атеист Розенберг задним числом даже зачислил в предтечи нацизма: «Исторические свидетели мировоззренческой борьбы германских племен — средневековые ведьмы и волшебники — должны быть вписаны на кроваво-красные знамена национал-социалистического движения»³, — говорил этот нацист. В нацистской Германии было престижно иметь в родословном древе ведьму, сожженную на костре.

Может, памятуя этих «прародительниц», нацизм главной своей стихией выбрал огонь, а символом древо — Мировой Ясень, олицетворяющий все архетипические силы. Но если древо было умозрительным, фашистский огонь, берущий начало от ритуальных костров немецких предков, распространялся по всей Европе, но шире и беспощаднее по территории нашей страны. Нацизм здесь провел генеральную репетицию конца времен. Следует знать, что в бывшем гнезде эсесовцев, в замке Вевельсбург, поныне считают уместным держать живую саламандру: согласно мифу, она возрождается в огне. Не намек ли это на то, что в пламени минувшей войны не погибли идеи ордена СС?

Коротко и откровенно выразил суть происходящей идеологической битвы первой половины XX в. один из последователей Рериха В. Клещевский: «Заскорузлая “библейская идеология” стала тормозом на пути и науки, и нравственности, мертвые догмы надо было убирать. Любой ценой. Право-

¹ *Сергий (Ларин)*. Православие и гитлеризм. Одесса, 1946–1947 (рукопись). С. 23.

² *Пруссаков В.* Окултный мессия и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 172.

³ Протокол послевоенного допроса Генерального директора Аненербе Вольфрама Зиверса, рассекреченного 28 ноября 1973 г. Цит. по: *Воробьевский Ю.* Третий акт. Третий рейх и Третий Рим. С. 229.

Замок Вевельсбург

славию как забор держало ум и душу человека в потемках... Ленину было конкретное задание — «уничтожить церковь»¹. Гитлер пошел дальше — ему было дано задание уничтожить государство, кровью которого православная вера была на протяжении тысячи лет, такой и оставалась.

Убедительными для характеристики нацистских бонз являются следующие воззрения, известные из застольных разговоров Гитлера.

«Самый тяжелый удар прогрессу человечества нанесло христианство. Большевизм — это незаконнорожденное дитя христианства. У истоков обоих этих движений стояли евреи»².

«Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее... Нужно подождать, пока церковь сгинет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать одни дураки, а слушать их будут одни старики...»³.

Рейхсминистр восточных территорий Розенберг до того был непримиримым борцом с христианством, что католическая церковь предала его анафеме.

¹ Клещевский В. Тайна Ленина. // Знамя мира. 4(29). 1995.

² Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Изд. доп. и перер. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 359.

³ Там же.

Надо отметить, что при многонациональном и многоконфессиональном героизме советских людей находились и предатели. Война выявила симпатии «обиженных» советской властью соседей: латышей, эстонцев, финнов. Таковые нашлись в мусульманских республиках, в частности, среди крымских татар и чеченцев. Исламское духовенство в самые тяжелые дни войны, в 1942 г., даже решило провозгласить Гитлера великим имамом Кавказа, в ответ, в порыве благодарности, командующий 1-й танковой армией генерал Макензен принял мусульманство¹. Но в целом народ Советского Союза доказал свою сплоченность и отсутствие заметных национальных противоречий.

Вековые национальные традиции и устои русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений. Русская Православная Церковь не приняла лживые обещания нацистов, молитвенно и деяниями осталась со своим народом, благословляла людей на ратный, невиданный в веках подвиг. Это был искупительный, жертвенный подвиг, было совершено осознанное людское самопожертвование не только на фронте, но и в тылу, не только в физическом, но и в духовном измерениях. «Идет война народная, священная война» — это почувствовал народ при всем разнообразии психологических установок, связанных со страхом наказания или с чувством долга. И девиз Сталина «Наше дело правое — победа будет за нами» имел духовный смысл, перекликавшийся с изречением святого князя Александра Невского — «не в силе Бог, а в правде». Нет сомнения, что Бог помог народу СССР в смертельной схватке с дьявольской силой, облекшейся в регалии Третьего рейха, «с фашистской силой темною». Весь народ сразу выучил наизусть слова песни-гимна «Вставай, страна огромная», где была очевидна религиозная антитеза: священная война с силой темною. Не понимали этого только неверующие люди, не ощущающие духовных, метафизических законов мира.

Но эти законы понимали вожди Третьего рейха, испытывающие зверскую необходимость энергетической подпитки. Схематично противостояние двух сил к началу войны можно представить так: Третий Рейх — новейшая техника плюс оккультизм на службе абсолютного зла; СССР — уступающее немецкому вооружение плюс государственный атеизм, и неожиданно обнаружившееся «недобитое русское православие». Результат — Победа в войне с «силой темною». Как такое могло произойти? Неужели посредством несостоявшегося атеизма? Очевидно, другими идеями и смыслами.

Доказательством того, что нацизм имел свои идеологические, психологические корни, является факт массового самоубийства тибетцев, служивших в гитлеровской армии. Когда наши солдаты вошли в Берлин, они увидели большое количество их трупов в форме СС — это были тибетцы, преданные идеям нацизма. Своим самоубийством они подтвердили крах этой идеологии и неудачу своей религиозной миссии.

То, что нацисты имели на вооружении кроме оружия массового уничтожения также практики оккультизма, было доказано на Нюрнбергском процессе. Один из свидетелей сообщил, что из документов процесса были сознательно изъяты свидетельства о ритуалах и оккультных аспектах рейха. «Священный палач» полковник Сиверс, казненный впоследствии в Нюрн-

¹ *Ибрагимбейли Х. М.* Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе. // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981.

берге, возглавлял Аненербе — общество исследований для наследования своим предкам — одну из самых странных и таинственных официальных организаций Третьего рейха. «Основал ее откровенный язычник и оккультист Фредерик Хильшер, находившийся в контакте со шведским исследователем Свенном Гедином. Этот швед долго жил в Тибете и играл роль важного посредника в создании нацистских эзотерических доктрин... Гиммлер в 1935 году, через два года после ее основания, сделал Аненербе официальной организацией, приданной Черному ордену. Было объявлено, что ее целями является: “Искать локализацию, мысль, действия, наследие индогерманской расы и сообщать народу в интересной форме результаты этих поисков. Выполнение этой задачи должно отличаться методами научной точности”»¹.

Германское общество Туле было также магическим братством, где членов обучали искусству магии и развитию потенциальных возможностей. «В том числе и умению контролировать тонкую, невидимую и всепронизывающую силу, называемую английским оккультистом Литтоном “врилом”, а индусами “кундалини”. Врил — это огромная энергия, из которой мы используем в повседневной жизни лишь бесконечно малую часть, это нерв нашей возможной божественности. Тот, кто становится хозяином врила, становится хозяином над самим собою, над другими и над всем миром. Кроме этого, нечего больше и желать. И к этому должны быть направлены все наши усилия»².

А главное, в Туле учили технике коммуникации с так называемыми Тайными Учителями или Неизвестными Сверхлюдьми, незримо руководящими всем происходящим на нашей планете. В Туле проповедовали, что если не будет с Ними союза, немцы окажутся среди рабов.

Серьезность этих организаций подтверждают уникальные современные данные. Как говорит военный историк и боевой генерал Л. Г. Ивашов, исследователь этой закрытой темы, «на оккультные программы СС в Германии работало 50 институтов. Послевоенные исследования показали: фашисты затратили на Аненербе примерно столько же, сколько американцы на атомный Манхеттенский проект. Фашистским “магам” действительно удалось произвести в недрах германского народа психофизический взрыв небывалой силы, перед ним тускнеет вся мощь атомного оружия»³. Они не только создали мощную военную машину, но возбудили в народе еще более мощную идеологическую энергетику. Но эта сила проиграла войну.

Целью геополитики является пространство, то есть земля — это важнейшая геополитическая категория. А главный закон геополитической борьбы (войны) — закон контроля пространства. В осуществление этого закона гитлеровский рейх создал специальных воинов, претворявших эти идеи — Schutz Staffeln (SS) /специальная группа охраны/. Орден СС — таинственное братство, основанное по принципу иезуитского ордена. В него принимали по родословной — только чистокровных арийцев, такое же требование предъявлялось к родословной их жен.

¹ Пруссак В. Оккультный мессия и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 196.

² Там же. С. 135.

³ Ивашов Л. Г. Опрокинутый мир. Тайны прошлого — загадки грядущего. Что скрывают архивы Спецотдела НКВД, Аненербе и Верховного командования Вермахта. М.: Книжный мир, 2016. С. 265.

Следует заметить, что большинство членов СС имело блестящее образование. Каждый четвертый из них являлся обладателем докторской степени. В 1933 г., вскоре после прихода нацистов к власти, Гиммлер устроил собрание, на которое были приглашены ученые, промышленники, офицеры и землевладельцы. Обращаясь к ним, он призвал их «оказывать помощь СС в развитии и укреплении традиционных путей жизни». Каждое государство, заявил он, нуждается в элите, и в Германии такая элита — эсэсовцы. Но СС, продолжал Гиммлер, «может действовать эффективно только в том случае, если его члены соответствуют современным социальным требованиям, имеют военный дух, получили подлинное германское воспитание, обладают благородной внешностью и отобраны по расовому признаку»¹. Образцом организации послужил орден иезуитов². Основатель Общества Иисуса (иезуиты) Игнатий Лойола (1491—1566) собрал вокруг себя «отборных» молодых католиков, поклявшихся ему в беспрекословном послушании. Игнатий Лойола был баском. Для Гиммлера этот факт имел немаловажное значение, ибо немецкие оккультисты полагали, что баски являются последними наследниками расы атлантов. Знаменитые духовные упражнения Лойолы основывались на практике монахов в Монсеррате — святой горы для бенедиктинцев. Гиммлер верил, что эти упражнения были унаследованы от учителей исчезнувшей Атлантиды, и что он избран «высшими силами», чтобы использовать их для пробуждения врилы (кундалины) в целях осуществления господства тевтонской расы над всем человечеством³.

Монахи-воины, эсэсовцы с мертвой головой (не смешивать с другими разрядами, в том числе с войсками СС, состоящими из второстепенных или третьестепенных братьев ордена, или с мелкими учреждениями, построенными внешне в подражание настоящему СС), получали посвящение в Бургах. Для посвященных в высшие чины эсэсовцев не было больше речи о вечной Германии или национал-социалистском государстве, речь шла только о магическом приготовлении к приходу человека-бога; таких, одного за другим, Властители пошлют на землю, когда изменится равновесие духовных сил⁴. Некоторые исследователи видели в этом черную мессу в чисто сатанинской традиции.

Череп, как характерная и нетленная часть человеческого тела, стал эмблемой и символом воинской стойкости. Большое значение имела стилистика других символов, вплоть до зданий, в которых размещались орденские школы. Все это должно было обозначать германскую мистику и германскую доблесть. В таких школах приносили клятвы адепты «раздавателей смерти», получавшие, как им казалось, «неотвратимую сверхчеловеческую судьбу». Там готовились к приходу человека-бога. В Третьем рейхе, действительно, был воспитан новый человек — «тип бесчувственного экзекутора, требующего от себя самого “холодного, даже каменного поведения...” и “переста-

¹ Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 164.

² Справка: нынешний папа римский Франциск I — иезуит.

³ Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. М.: Мол. гвардия, Шакур-2, 1992. С. 165.

⁴ Там же. С. 166, 167.

ющего ощущать человеческие чувства»¹. Сверхчеловек должен стоять над понятиями добра и зла.

Личный врач Гиммлера Кестерн в своих мемуарах вспоминал об одной беседе с рейхсфюрером СС. Он спросил про угрызения совести при проведении карательных операций. Гиммлер ответил, что «Нельзя рассматривать эти вещи столь мелко, только с точки зрения собственного “я”. Надо всегда иметь в виду германскую расу в целом. Кто-то должен принести себя в жертву, и этот человек не имеет права думать о себе»². Надо сказать, что Гиммлер призывал соотечественников жалеть карателей, занимающихся массовым истреблением людей, т. к. у них тяжелая работа, вызывающая тяжелые переживания. О том же тяжелом переживании и чувстве высшего революционного долга ранее писал руководивший расстрелом Царской Семьи Юровский Янкель Хаймович. Как все замыкается...

Гиммлер при создании СС руководствовался также словами Гитлера: «Я освобождаю людей от отягчающих ограничений разума, от грязных и унижающих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью, и от требований свободы и личной независимости, которыми могут пользоваться лишь немногие». Во имя этих немногих, для всех остальных строились концлагеря, где эсэсовцы проливали кровь других людей. А также создавалась «истинная арийская вера». Гиммлер рассуждал так: «...Хочу выразить свою глубочайшую веру во всемогущего Всеотца, судьбу и наших мудрых пращуров, в то единение макрокосма и микрокосма, которое происходит на этой земле ежедневно и ежечасно, заставляя нас помнить о том, что все мы вовлечены в безостановочный кругооборот — из земли мы вышли, в землю и уйдем <...> Христианство — это чума, это моровая язва мировой цивилизации — должно быть уничтожено. Если это не удастся сделать нашему поколению, значит, не удастся сделать уже никому...»³.

Не удалось. Нацистская духовная сила имеет отрицательный заряд.

Расовая теория нацистов смыкалась с социал-дарвинизмом и возводила в ранг государственной — теорию «естественного отбора». Следствием теории «естественного отбора» стал германский закон 1939 г. об эвтаназии — «гуманном» истреблении больных. В результате геббельсовской пропаганды многие немцы были убеждены, что уроды и сумасшедшие, которых в Германии оказалось немало, не должны им доставлять нравственные неудобства и занимать дома и койки, которые быгодились солдатам. Была выведена формула: «жизнь, недостойная жизни». Некоторые протестантские теологи оправдывали стерилизацию и эвтаназию. Программа детской эвтаназии называлась «Милосердное умерщвление». Крепкой была евгеническая связь немецких ученых с США, с представительницей Международной федерации планирования семьи Маргарет Зангер, состоявшей в оккультной организации «Трест Люцифера». Немецкие специалисты многому научились от заокеанских коллег и даже нашли дешевый и надежный способ убийства неполноценных детей — травить газом. Гитлер на партийном съезде 1929 г. заявил: «Если бы в Германии ежегодно рождался миллион детей и 700-800

¹ Воробьевский Ю. Третий акт. Третий рейх и Третий Рим. 2015. С. 236.

² Там же. С. 259.

³ «Совершенно секретно. Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 116.

тысяч самых слабых уничтожались, то конечным результатом, возможно, стало бы даже укрепление наших сил»¹. Немалые средства на исследования в области очищения расы и принудительной стерилизации для Германии выделял клан Рокфеллеров.

Что уж тогда говорить о населении оккупированных территорий СССР, если существовал приказ: территории должны были освобождаться от коренного населения. Директор проекта генетической стерилизации штурмбанфюрер СС Эрнст Рудин, устранитель не только лишних людей, но и лишних народов, подписал такой декрет: «Аборты на остающейся площади должны быть свободны от запрета. Средства к абортам и контрацепции следует предлагать публично без политических ограничений. Гомосексуализм всегда надо объявлять легальным»². В самой Германии гомосексуализм считался тяжким преступлением.

На совещании, за несколько дней до начала войны, 16 июня 1941 г., Гитлер говорил: «Мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, доклады постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев... Не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям... Никакой помощи многодетным семьям... На всей русской территории всячески способствовать развитию и пропаганде употребления спиртных напитков в широком ассортименте и в любое время... Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается в алкоголизме и руководстве»³. Понятно, что все эти меры ведут к сокращению рождаемости, а значит, и численности всей нации. Но непонятно, почему в современной России эти античеловеческие идеи продолжают свое негласное существование? Хотя, почему негласное? Одним из первых законов Б. Ельцина в должности президента России был закон о легализации гомосексуализма.

Култ силы был производным от расовой теории. В борьбе рас, по мнению Гитлера, выживает и побеждает наиболее сильная. Он утверждал: «Природа учит нас: если внимательно присмотреться к явлениям и процессам, происходящим в ней, то будет ясно — в мире господствует принцип естественного отбора — сильный побеждает, а слабый погибает...»⁴. Гитлер делает вывод, что единственно правильная логика та, которая ведет к умножению силы. Эта сила нужна для увеличения жизненного пространства немцев за счет других стран. Гитлер убеждал обывателя в своей правде, даже запугивал его голодом, повторяя: «Нельзя вечно мириться с этим... недостатком пространства, ибо это приведет к гибели нашего народа»⁵. И эта нацистская доктрина оказалась ложной. Сегодня Германия существу-

¹ «Совершенно секретно. Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 262.

² Там же.

³ Там же. С. 116.

⁴ Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М.: Новости, 1991. С. 256.

⁵ Там же. С. 257.

ет на том же пространстве, даже несколько меньшем довоенного, показывая при этом очень высокий уровень жизни.

На территориях всех захваченных государств Европы нацисты насаждали свою идеологию. Жуткому геноциду подверглись православные сербы и священники. Сегодня мы вспоминаем целый Собор сербских новомучеников. Геноцид в Хорватии, которым руководил коллаборационист Анте Павелич, был всенародным. В уничтожении православного населения принимали активное участие католические священники, монахи и монахини. Вторым комендантом страшного хорватского концлагеря Ясеновац был францисканский монах Мирослав Филипович по прозвищу «брат-Сатана». Итальянский историк Марк Ривели приводит следующие свидетельства: «Монах Филипович был вежливым и приветливым, но только не во время убийств, в которых ему не было равных. Он и Градина возглавляли массовые убийства. Каждую ночь он выходил из дома, чтобы руководить боями и возвращался на рассвете в одежде, испачканной кровью. Ни у одного из убийц не было такой стойкости... Об убийстве православных детей в начальной школе Кривайи очевидец рассказал: “Одетый в монашескую одежду, но с усташской пилоткой на голове, Филипович вошел в класс в сопровождении нескольких усташей и приказал учительнице отделить православных детей от католиков и мусульман. Учительница, не подозревая ничего, вызвала из-за парт несколько сербов. Когда дети вышли из-за парт, брат Филипович бросился на них с кинжалом и зарезал всех в присутствии других, кричащих от ужаса детей. С разорванными и истекающими кровью горлом и грудью, обезумевшие дети носились по коридору, возвращались в класс, крича от боли и ужаса.... Однажды, когда он обедал, один из усташей подошел к нему и сказал несколько слов на ухо. Затем усташ подошел к калитке и вернулся с пленником. Монах Филипович встал и убил его. Несчастный упал на пол. Монах снова сел и спокойно закончил есть, предвзвистельно крикнув: «Позовите могильщика!»»¹.

Под страхом смерти происходили насильственные перекрещивания православных. Особенно лютовали усташы (члены профашистской католической националистической организации). Все, кто германскими националистами признавался «недочеловеками», подлежали или порабощению, или частичному уничтожению (как, например, славяне), либо полному истреблению (как евреи и цыгане). Насильно было перекрещено 2,4 млн человек, что, однако, не всех их спасло от уничтожения. Усташы им объясняли: «Нам нужны не ваши тела, а ваши души». Тот же итальянский историк приводит пример: католический священник Дионис Юричевич (начальник «миссионеров», которым было поручено выполнять «обращение» православных), обращаясь к жителям г. Стаза, внушал им следующее: «Мы все прекрасно знаем, куда будут высланы те, кто откажется от крещения. Эти южные регионы я уже очистил от всех, от младенцев до стариков. И, если будет необходимо, я сделаю это и здесь, потому что сегодня не грех убить даже семилетнего ребенка, если он мешает нашему усташскому режиму... Не обращайтесь на мое священническое облачение»². Убийства православных священников отличались запредельной жестокостью.

¹ *Ривели М. А.* Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. С. 90–91.

² Там же. С. 123.

Усташские преступления против сербов, евреев и цыган принимают характер пандемии. Ясеновац, Ядовно, Стара Градиска, Глина и многочисленные другие концлагеря известны как фабрики мучений и уничтожения. «Милости не было никому. Даже детям. Систематичность и эффективность усташских злодеев была такой, что возмутила даже гитлеровские оккупационные власти»¹.

Начало этнической чистки было ознаменовано внешними постановлениями. Сербские граждане были обязаны носить повязку желтого цвета с нанесенной на нее буквой «П» (православный). Евреи носили звезду Давида — сначала на рукаве, потом на спине. В общественном транспорте висела табличка, которая предупреждала: «Запрещается входить сербам (подразумевается православным), евреям, цыганам и собакам»². При этом отношение хорватского католического архиепископа Загребского Алоизия Степинаца к преступлениям подведомственного ему духовенства и паствы было в основном — нейтрально-благожелательное³. Осуждение «архиепископа геноцида», как называли Степинаца, на судебном процессе 1946 г. было обоснованным. Хотя его сделали «мучеником коммунизма» и он просидел в заключении всего 5 лет. После смерти Степинаца даже причислен Ватиканом к лику блаженных (предварительная ступень перед канонизацией в римо-католической церкви).

Здесь следует подчеркнуть, что, несмотря на активное участие еврейского капитала в разрушении Российской империи, несмотря на зверства еврейских большевистских комиссаров, Россия никогда не принимала участие в холокосте, наоборот, освобождала евреев из фашистских концлагерей, спасала от преследований.

Как уже выше отмечалось, 1942 г., «когда все было на кону», был очень тяжелым для Красной Армии, и Сталин хотел заключить временное перемирие с Германией, подобно Ленину, заключившему в 1918 г. кабальный договор с немцами. Маршал Василевский пишет: «в ходе общего наступления зимой 1942 года советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить»⁴. Передышка нужна была во что бы то ни стало. Сталину казалось, что победа под Москвой и общее наступление зимой 1942 г. сделают германское руководство сговорчивым. «Но он переоценил возможность извлечь стратегические дивиденды из сложившейся, как ему показалось, благоприятной военной и политической ситуации. Немцы не были в состоянии растерянности. Их представитель группенфюрер СС Вольф вел себя не как бедный родственник в трудном положении (так представлялось Сталину из-за нашего общего наступления), а уверенно и даже со свойственным немцам высокомерием. Переговоры продолжались в течение недели. В итоге, первый заместитель народного комиссариата внутренних дел СССР представил Сталину рапорт.

¹ Ривели М. А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. С. 5.

² Там же. С. 7.

³ Фролов М. И., Василик В. В. О Войне и о Победе. СПб.: Алетейя, 2015. С. 28–29.

⁴ Цит по: Карпов В. В. Генералиссимус. Книга вторая. М: Вече. 2006. С. 8.

27 февраля 1942 г. № 1/2428: "...немцы поставили следующие условия: Правительство СССР должно незамедлительно покончить с еврейством. Для этого полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район крайнего севера, изолировать, а затем полностью уничтожить: вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи..."»¹

*Первый заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР (Меркулов).*

Как свидетельствует авторитетнейший исследователь личности Сталина В. В. Карпов в своем обстоятельном историко-документальном исследовании «Генералиссимус»: «Сталин не предал "своих" евреев, не пошел на их истребление, как это сделали у себя фашисты, хотя взамен гитлеровцы предлагали очень выгодное "создание единого фронта против Англии и США". Цена, которую требовали за это гитлеровцы, — "поголовное истребление евреев" — для Сталина была неприемлемой. (Вот и задумайтесь, господа, те, кто по сей день считает его антисемитом)»².

Цыгане, согласно нацистской теории, являлись потомками арийцев из Индии и представителей «низших рас». Этим якобы объясняется их асоциальный образ жизни. Низкие оккультные практики у цыган (гадание, ворожба) компрометировали магизм избранных СС. Следует отметить, что в Третьем рейхе все остальные оккультные организации были запрещены. Используя мистические практики для того, чтобы прийти к власти, Гитлер не допустил конкуренции. Оккультизм должен быть прерогативой нацистской партии. Подобие тому, как большевики, захватив власть, уничтожили все остальные революционные партии. По последним данным количество жертв цыганского геноцида за период Второй мировой войны составляет до 1,5 млн человек. Это только погибшие. Число пострадавших еще больше. В книге «Утро магов» Жак Бержье и Луи Повель пишут: «Уничтожение цыган (750 000), кажется, не имеет никаких других причин, кроме "магических". Вольфрам Сиверс был назначен исполнителем, священным палачом, ритуальным убийцей... В сознании наиболее ответственных лиц речь шла о том, чтобы победить безразличие Сильных, привлечь их внимание. От мая до нацистов в этом заключается магический смысл человеческих жертв».

Отношение к Русской Православной Церкви у нацистов было неоднозначным. Так Розенберг поначалу не придавал ей большого значения, считая ее лишь ярким этнографическим ритуалом. По политическим соображениям немцы не препятствовали православным на оккупированных территориях открывать храмы и совершать богослужения. Постепенно Розенберг начал понимать духовное значение единой Православной Церкви как носительницы сплачивающей народ национальной идеи, враждебной Германии. Религиозная политика Розенберга и Гитлера была нацелена на деморализацию, разобщение, в конечном счете, уничтожение русских людей и, следовательно, инициировала религиозный хаос и церковный раскол. Вот что говорил Гитлер на совещании 11 апреля 1942 г.: «Необходимо запретить устройство единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий. Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая

¹ Цит по: Карпов В. В. Генералиссимус. Книга вторая. М: Вече. 2006. С. 11–12.

² Там же. С. 13.

деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»¹. Цитата достаточно красноречивая и весьма злободневная.

Под конец войны немцы, по выражению Мединского, — «вовсе “забили” на свои игры с русским православием, и, можно сказать, “раскрылись”... В общем, все узнаваемо — вернулся тот же шабаш, что творили большевики в 20-30-е годы. Так что в этом — отношении к церкви, пожалуй, действительно и нацисты, и большевики (до войны) были едины.

Все было сложно. Неоднозначно было. Но в результате-то что? И церкви остались, и Советское Государство с Православной Церковью примирились, и молитвы о победе русского оружия до Бога дошли.

Главное управление имперской безопасности, идя навстречу церкви, делая, казалось, верный и совершенно беспроеигрышный тактический ход в 1941 году, стратегически все равно проиграло. Не смогли немцы оценить силу патриотизма, заложенную в Русской Православной Церкви»².

Священный долг пред Родиной и верой

Священники и иерархи Русской Православной Церкви были со своей паствой с первых дней войны. Прав оказался провидец преподобный Серафим Вырицкий. Еще в 1927 г. он говорил своим духовным чадам: «Будет война, и война страшная, всемирная, она приведет народ России к Богу». Вел к Богу Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), когда в первый день войны написал свое знаменитое «Послание пастве и пасомым христианской Православной Церкви» и благословил всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Митрополит Сергей выступил как духовный лидер народа, используя четверть века запущенные в СССР слова и имена, древнерусские смыслы и молитвенные обороты речи: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов Православного Христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему отечеству... Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и вере»³.

¹ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание фашистской агрессии в Европе 1933–1941 гг. М., 1973.

² Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Изд. доп. и перер. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 366, 367.

³ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М., 1943. С. 3–4.

Митрополит Сергей (Страгородский)

Гонимая Православная Церковь сама протягивала руку помощи, но не столько атеистической власти, сколько заблудшему и несчастному русскому народу. В Послании местоблюстителя митрополита Сергея речь идет только о народе и о всенародном подвиге, ни слова о вождях, которые в это время практически безмолвствовали. Восстанавливался в своем значении русский православный патриотизм, гонимый, оплевываемый и осмеиваемый космополитами-коммунистами; вспомним знаменитые слова Ленина: «На Россию мне наплевать, потому что я большевик». Вспомним также статью и призывы Ленина к поражению России в Первой мировой войне, когда русские солдаты сражались на германском фронте.

От воспоминания местоблюстителем святых вождей русского народа — Александра Невского и Димитрия Донского, красная нить протягивается к соименным правительственным орденам и к сталинским словам из речи от 3 июля: «Под знаменами Александра Невского, Димитрия Донского, Минина и Пожарского — вперед к победе!» Митрополит Сергей вдыхал в души русских людей веру в победу и надежду на Божий Промысел: «Господь нам дарует победу». Устами Патриаршего местоблюстителя Церковь объявляла судьбу народа своей: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг».

Вели к Богу батюшки, которые, теряя последние силы от голода, служили в блокадные дни в неотапливаемых ленинградских храмах. Вели к Богу священники, исполняя богослужебную и проповедническую деятельность в военных условиях. В решающие моменты Сталинградской битвы митрополит Киевский и Галицкий Николай служил молебны перед Казанской иконой Божией Матерью¹.

Вели к Богу священнослужители, принимавшие активное участие в партизанском движении, особенно в Белоруссии, и многие из них заплатили

¹ Саулкин В. Очистительное испытание // Радонеж, 1995. № 3. С. 5.

за это жизнью. В одной только Полесской епархии более половины священников (55 %) было расстреляно за содействие партизанам¹. Некоторые священники, такие как о. Василий Капычко, «партизанский поп» (которого автор знал лично), священнодействовали в белорусских партизанских отрядах, исповедовали, причащали. Формы содействия были самыми разнообразными. Духовенство вело патриотическую агитацию и занималось сбором финансовых средств на помощь армии, а также на помощь сиротам и восстановление разоренных областей страны.

Эти труды выразились в создании и оснащении танковой колонны «Дмитрий Донской» (40 танков), эскадрильи «Александр Невский». Неслучайно в своих проповедях митрополит Ленинградский Алексей постоянно подчеркивал, что эти святые одерживали победы не просто благодаря своему патриотизму, но благодаря «глубокой вере русского народа, что Бог поможет в правом деле..., так и теперь мы верим, поэтому все небесные силы с нами». Но это только капля в море из всех церковных пожертвований на войну с фашизмом.

Митрополит Сергей практически нелегально начал церковные сборы на оборону страны. Его активно поддерживали все иерархи и священники. Духовенство только Ленинградской епархии сначала собрало 3 682 143 рублей, потом еще 1 769 200 рублей на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского. А всего православные жители Ленинграда пожертвовали около 16 миллионов рублей. Известна история о том, как безымянный папаша положил во Владимирском соборе под иконой Святителя Николая сто пятьдесят золотых николаевских червонцев: для голодающего города это было целое сокровище². Гражданский подвиг совершил священник Фео-

*Митрополит Николай Ярушевич благословляет
танковую колонну «Дмитрий Донской»*

¹ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 // Вопросы истории. 1994. С. 43.

² Поспеловский Д. Н. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995. С. 187.

дор Пузанов из села Бродовичи-Заполье, который смог на оккупированной немцами Псковской области собрать денег и ценностей на полмиллиона рублей и переправить их через партизан на большую землю¹.

31 января 1945 г. в московском храме Воскресения Христова в Сокольниках открылся Поместный собор РПЦ. В первый день представитель Правительства СССР Г. Г. Карпов выразил благодарность Церкви за ее патриотическую позицию в Великой Отечественной войне и заверил, что будет сделано все, чтобы способствовать «дальнейшей нормализации отношений между Церковью и государством». С докладом о патриотической деятельности Церкви в годы войны выступил патриарший местоблюститель митрополит Алексей (Симанский). Он особо подчеркнул, что «вещественные жертвы» Церкви, выразившиеся в сборах денежных средств, продуктов питания, драгоценностей и других предметов на нужды обороны страны и Красной армии, были лишь малой долей в общем деле помощи, какую оказала Церковь в годину военного испытания Отечеству. Православная церковь, говорил митрополит, «поднимала дух безмерной любви к Родине, волю к победе», давала «утешение страждущим, скорбящим, унывающим». В храмах, в молитве верующие черпали «единственное утешение в душевных страданиях, в боли сердца за дорогих сродников, проливающих кровь за Отечество, за своих сынов, погибших смертью героев на полях сражений». Исполнили свой долг и пастыри церкви, которые «неленостно выполняли свое святое послушание, невзирая на невероятные трудности, связанные с военным положением, особенно в местностях, в которых или близ которых происходили военные действия; ежедневно, и не один раз в день, исполняя просьбы своих пасомых, совершали они богослужения, молясь за живых и за умерших, совершая церковные таинства в духовное подкрепление страждущих душевно». Собор призвал всех верующих к продолжению беззаветного служения дорогой Родине.

Советские генералы Б. Шапошников, Г. Жуков, В. Чуйков, А. Василевский (выпускник Костромской Духовной семинарии) и др. в годы войны были не только предводителями в битвах, но во спасение Отечества и народа показывали пример силы духа и силу веры, они смогли объединить усилия верующего и неверующего народа Советской России. Сохранились свидетельства религиозности военачальников. Сам Сталин, не скрывая того, любил слушать церковное пение, об этом рассказывали сведущие люди после его смерти. Маршал Шапошников, по свидетельству его сына, каждое утро начинал с молитвы о спасении России «Боже, спаси Россию» и крестного знамения; генерал (будущий маршал) Василий Чуйков носил в партбилете написанную рукой его матери молитву «Отче наш». Есть свидетельства о легендарном облете Москвы с иконной Богородицы будущим маршалом авиации Головановым, состоявшемся в декабре 1941 г. по приказу Сталина. Опубликованы воспоминания Валентина Георгиевича Владимирова, в те времена охранявшего столичное правительство и жителей города от банд дезертиров и уголовников, наводнивших город. Спустя годы после войны он рассказывал следующее: «Когда я стоял однажды на посту у Боровицких ворот, мимо проехала машина с тремя священниками с бородами и крестами, и лишь позже выяснилось зачем. Через несколько

¹ Московский церковный вестник, 1989, № 2. С. 6.

дней самолет “Дуглас” поднялся в воздух с иконой Казанской Божьей Матери и трижды облетел Москву. Затем состоялся крестный ход вдоль оборонительных сооружений. То ли по случайному изменению в погоде, то ли действительно по велению высших сил, но тут же началось резкое похолодание, и повалил густой снег»¹. Героизм людей, молитвы Русской Православной Церкви и заступничество Божией Матери перед Своим Сыном за Россию — это духовная основа нашей Победы. Это не метафора, не цитата из религиозной книги, это правда жизни, подтвержденная ходом и результатом войны и множественными свидетельствами очевидцев Небесного покровительства.

Немало было зримых проявлений участия Божией силы на стороне России. Есть свидетельства явления Богоматери 11 ноября 1942 г., в тяжелейший момент Сталинградской битвы, оно было засвидетельствовано документом, датированным 1943 годом². Сохранились свидетельства очевидцев о явлении Божией Матери во время сражения на Курской дуге и во время молебна у стен Кенигсберга. Небесные заступники не только помогали России в самые тяжелые дни войны, но возрождали души неверующих людей.

В богоборческом СССР в 1941–1945 гг., когда появилась неотложная необходимость освобождения скрытой народной духовной силы, вернулась в страну искренняя всенародная молитва, вознесшая ко Господу мольбу о спасении Отечества, о ниспослании Победы над немцами. В 1942 г. власть официально разрешила праздновать день Святой Пасхи. В Пасхальном послании 1942 г. митрополит Сергей напишет: «Тьма не победит света... Тем более не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику... Не забудем слов: “Сим победиши”. Не свастика, а Крест призван возглавить христианскую культуру, наше “христианское жительство”»³.

В 1942 г. Пасха была ранней, праздник начинался в ночь с 4 на 5 апреля. Конечно, победа под Москвой вселила в народ надежду и веру в возможность разгрома столь могучего врага. Но, наверное, надежды было больше, чем уверенности. Решение о легитимизации Святой Пасхи позволило высшему руководству страны и лично Сталину убедиться в потенциальных духовных силах нации, почувствовать тот запас энергии, которым обладал русский народ после тяжелейших поражений и страданий 1941 года.

В 1943 г. от Сталина было получено разрешение на проведение Поместного Собора по избранию Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Как отмечает историк Анатолий Степанов: «Сталин, если можно так говорить, объединил “красных” и “белых”, объединил людей разных социальных и политических взглядов в одном порыве — в деле защиты Отечества. Отсюда и война — Великая и

¹ Легенда Великой Отечественной. Богоматерь спасла Москву. <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Futro.ru%2Farticles%2F2005%2F04%2F25%2F432384.shtml> (дата обращения: 29.02.2020).

² Титков Е. П. Духовный меч Великой Победы. Арзамас: АГПИ. 2010. С. 405–406.

³ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М., 1943. С. 9.

Отечественная. Русский народ потому и победил, что вдохновлялся идеями патриотизма, идеями защиты Отечества, идеями служения Родине»¹.

Но это больше политическая составляющая изменяющегося мировоззрения руководителя советского государства. Происходило еще и духовное его преображение. Если Гитлер получал энергетическую подпитку от общения с инфернальными демоническими силами, то Сталин обращался к православным подвижникам. Бесспорным фактом является приезд его к блаженной Матронушке в Царицыно в октябре 1941 года. Известная сейчас во всем христианском мире матушка Матрона Московская сказала руководителю Советской России: «Победа будет за тобой. Из начальства один ты не выедешь из Москвы». Промыслом Божиим был избран молитвенник за Россию митрополит Гор Ливанских Илия. Сталин обещал исполнить все, что наказывал ему Владыка Илия, не видя иной возможности спасти положение. Символично, что помощь пришла из Ливана. Это не удивляет, ведь первый византийский митрополит, участвовавший в Крещении Руси при св. князе Владимире, был родом из Ливана².

Сталин и его генералы поверили митрополиту Илию, что икона Казанской Божией Матери должна идти с войсками до границ России. Зная ее историческую роль в защите Земли Русской, полководец Г. К. Жуков до конца войны не расставался с этим образом, связующим Землю Русскую с Небом. Монахиня Сергия (Клименко) вспоминала, что когда в 1941 г. хотели вывезти из Москвы мощи св. благ. князя Даниила Московского, он сам в ночь на 23 ноября (ст. ст.) в тонком сне явился к Сталину и сказал: «Я хозяин Москвы, не трогайте меня, а то вам плохо будет...». Об этом рассказывал монахине казначей Патриарха Алексия — Иеремия (Лебедев).

Сталин вместе с русскими героями и святыми, по их молитвам перед престолом Господним за Отечество, сам постепенно преображался духовно. Это происходило не на пустом месте, в его душе, наверное, пробуждались знания семинариста, переживания очевидца крушения Российской империи. Недаром любимым спектаклем Сталина была пьеса «Дни Турбиных» по роману Булгакова «Белая гвардия». Почему руководитель советской страны смотрел его 16 или 17 раз? Может, хотел понять, какие духовные скрепы делали императорскую гвардию столь сильной? Обращение к гвардейским традициям происходило постепенно, с атрибутики, с символики, что должно было обозначить присущие советской Армии качества. Нужно было дать имена героическим поступкам и оценить в традиционных категориях подвиги советских солдат, которые характеризуют русского воина, как наследника исконной победной традиции.

Так в 1942 г. был введен гвардейский знак, похожий на орден Красного Знамени, он не давал никаких привилегий, кроме воодушевления на новые подвиги во имя Отечества. Гвардии рядовым был Александр Матросов, закрывший своей грудью вражью амбразуру. В том же, трагическом 1942 г. вспомнили великих русских полководцев Суворова, Кутузова, в их честь и во славу новых подвигов были разработаны одноименные ордена. Символично, что орден Суворова был учрежден на следующий день после под-

¹ Замалчивать и искажать роль Сталина в победе — фальшиво.
https://ruskline.ru/news_rl/2020/01/16/zamalchivat_i_iskazhat_rol_stalina_v_pobede_falshivo (дата обращения: 31.01.20).

² *Воробьевский Ю.* Третий акт. Третий рейх и Третий Рим. 2015. С. 317.

писания приказа «Ни шагу назад». Но если имена и подвиги полководцев XIX в. были известны в армии, то орден имени святого князя Александра Невского оказался неожиданным: явная отсылка к традициям Русской Православной Церкви. Этот орден был одним из высших орденов в императорской России, им награждали за военные заслуги. Все это подтверждает, что Сталин видел крепость государства в непрерывности истории, в единстве главных национальных смыслов. Недаром на этом советском ордене, макет которого утверждался Сталиным, серп и молот соседствуют с образом святого воина, а красная звезда по художественной стилистике напоминает царский крест.

Для моряков в 1944 г. по предложению главкома ВМФ Н. Кузнецова были введены ордена Ушакова и Нахимова. Ушаков — легендарный адмирал, не потерявший ни одного корабля, не проигравший ни одного из своих 43 сражений. Он отличался редкой религиозностью и благочестием и был причислен в наше время Русской Православной Церковью к лику святых. Нахимов — герой Крымской войны, погибший при защите Севастополя от объединенных европейских военно-морских сил. Эти ордена присваивались морякам за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций, в результате чего в боях за Родину была достигнута победа над численно превосходящим врагом.

Постепенно в армию возвращаются воинские звания, отмененные после революции 1917 года. Основные звания — подполковник, полковник, генерал и адмирал были восстановлены незадолго до войны. В начале 1943 г. по указу Президиума Верховного Совета СССР за подписью М. Калинина вводились «новые» знаки различия, а именно, погоны. В Указе причин такого решения не сообщалось, но было понятно, что это возвращение к традиции должно было способствовать повышению авторитета командного состава. А ненавистное слово «комиссар», ассоциировавшееся с большевистскими убийцами, кануло в Лету.

Новый 1944 г. страна встречала и с новым государственным гимном. В СССР с 1918 г. в качестве гимна использовалась международная пролетарская песня Интернационал, написанная французским поэтом, анархистом Эженом Потье. Конечно, народу были более близки и понятны слова Сергея Михалкова, положенные на величественную музыку Александра — Эль-Регистана.

*Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!*

Сталин понимал также, что Русская Православная Церковь может оказать содействие в укреплении связей с союзниками, в частности с США, не желавшими поддерживать яркий атеистический режим. В Послании, посвященном первой годовщине нападения фашистской Германии на СССР, митрополит Сергей пишет: «В борьбе с фашистами мы не одиноки. На днях из Америки, из Нью-Йорка к нам поступила телеграмма от Комитета по военной помощи русским. Пятнадцать тысяч религиозных общин США устроили 20—21 июня (канун начала войны) особые моления за русских христиан, чтобы

запечатлеть память о сопротивлении русских фашистским нашествникам и чтобы поддержать в американском народе помощь русским в их борьбе против агрессоров»¹. Таким образом, Церковь в немалой степени способствовала созданию положительного образа Советской России среди союзников и открытию Второго фронта. Даже немецкая разведка отмечала успешность воздействия на союзников фактора возрождения Церкви в СССР.

Многое сделала РПЦ, чтобы духовно укрепить и ободрить движение Сопротивления в Европе. В посланиях митрополита Николая (Ярушевича) к славянам и другим православным народам, находящимся на оккупированных фашистами территориях, видна горячая любовь к православным и единокровным братьям, в них сквозит пламенный призыв к сопротивлению фашистам: «Мы усиленно молим Господа, чтобы Он и на остающееся время войны поддержал ваши силы и ваше мужество. Пусть еще ярче разгорится у вас светильник Православия, еще пламеннее будет ваша любовь к Родине и ее свободе...»².

Сегодня, во времена тотальной, кощунственной фальсификации истории, особенно истории Второй мировой войны, мы понимаем, что надо неукоснительно говорить своему народу и всему миру правду о нашей Великой Войне, о нашей Великой Победе, свидетельствовать о роли Русской Православной Церкви. Мы имеем на это право, помня, что русские из общего числа погибших в годы войны составляли более 66 %. Подвиг советского народа раздражает современных противников России, которые поныне пытаются продолжить дело своих отцов и дедов по разрушению нашей страны, каким бы именем она ни называлась. Здесь и зависть к русским богатствам, и страх перед нашей мощью и нравственностью, и ужас от непонимания небесного уровня духовных устремлений православного народа. «Замечу, кстати», — пишет известный современный философ Александр Казин, — «что Романовы, безусловно, одна из самых успешных царских династий в мировой истории, и мы должны быть им глубоко благодарны за все, что они сделали для Отечества, вплоть до страстотерпца Николая Второго. Ни Иоанну Грозному, ни Петру Великому, никакой человеческой силе вообще (особенно политической) не удалось бы удержать падающую с христианской высоты в глубь духовного (либерально-атеистического) соблазна страну, что и произошло с Россией в начале XX века. Но сейчас речь не об этом — речь о современности. Россия весь XX век искупала свой грех. Октябрь 1917 года был искуплением за Февраль, 1945 год — искуплением Октября и продолжением под красными знаменами дела Святой Руси. Каждый из этих этапов нес в себе свое добро и свое зло. Но до сегодняшнего дня Россия (в отличие от многих «постхристианских» цивилизаций) сохранила в себе тот «небесный остаток», который на самом деле является ее ядром, который существовал и существует независимо от политических и экономических режимов, и который принимает на себя грехи предков и современников»³.

Необходимость и способы противостояния врагу отчетливо понимают историки. «Сегодня, для того чтобы отстоять свои законные права, Россия

¹ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник документов. М., 1943. С. 31.

² Там же. С. 86.

³ Казин А. Государь/Русская народная линия. https://ruskline.ru/news_rl/2020/03/16/gosudar (дата обращения: 17.03.2020).

вынуждена напоминать об исторической правде и отстаивать ее от многочисленных посягательств, диктуемых не абстрактными “общечеловеческими ценностями”, а корыстными интересами. Позитивный образ Великой Отечественной войны остается последним “рубежом обороны”: отступать дальше некуда. Именно поэтому необходимо отстаивать правду о войне по всем направлениям — и внутренним, и международным»¹.

Нельзя забывать о русофобских мотивациях Гитлера, о том иррациональном чувстве ненависти ко всему русскому, которое западники впитывают с молоком матери. Гитлер не знал, что его ждет в России, надеялся на помощь бесовских сил. А святой молитвенник Земли Русской Серафим Вырицкий, в своей богохранимой Вырице, занятой немцами, расположенной под Ленинградом, знал, что кого ждет. Он заранее знал, что в град святого Петра немцы не войдут, что в Вырице ни один дом не будет разбомблен, что мы победим фашистскую «силу темную». И об этом тоже надо знать молодежи и это знание хранить в памяти.

Надо понимать, что «нацисты (по крайней мере, из высшего эшелона) подготавливали приход Высшего Неизвестного. Мы, православные, это называем подготовкой к пришествию антихриста. Нацисты ради этого принесли в жертву миллионы человеческих жизней. Они хотели следовать Высшим Учителям. Они ненавидели христианскую цивилизацию, но потерпели сокрушительное поражение от народа страны, оставшейся верной Иисусу Христу. Победить с помощью магии оказалось невозможным. После Сталинграда Гитлер перестал быть пророком. Его магическая религия потерпела сокрушительное поражение. Победу одержали «ничтожные защитники презренной иудео-христианской цивилизации». «Понимаете ли вы, что произошло? — писал Геббельс. — Вся идеология, вся концепция Вселенной потерпела крах. Духовные силы раздавлены, приближается “час возмездия”»². Это надо знать, об этом надо помнить: «час возмездия» настигнет и разрушителей памяти, и «вытеснителей истории».

О памяти как оружии говорил на встрече с участниками и гостям мемориального вечера «Хранитель памяти» 26 января 2020 г. Президент России В. В. Путин: «Преступления нацистов и их приспешников не имеют срока давности, им нет ни прощения, ни забвения. Любые попытки замолчать эти события, переписать историю недопустимы и безнравственны. Наш общий долг — хранить и передавать будущим поколениям правду о самой кровопролитной войне XX столетия...»³. Именно Красная Армия вместе со всем народом Советской России, в союзе с Русской Православной Церковью победила силы зла и не допустила прихода антихриста.

Гитлер, как известно, покончил с собой выстрелом в рот 30 апреля. 30 апреля — это древнегерманский праздник костров, день, переходящий в Вальпургиеву ночь, в одну из наиболее благоприятных дат в сатанин-

¹ *Сенявский А. С.* Историческая память о Великой Отечественной войне и освободительной миссии Красной армии: эволюция, современное состояние и проблемы безопасности России / Сенявский А. С. // Карельский фронт и Европейский Север в годы Великой Отечественной войны: сборник статей международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2015. С. 23–24.

² *Пруссаков В.* Окультизм и его рейх. М.: Мол. Гвардия. Шакур-2, 1992. С. 203.

³ <http://kremlin.ru/events/president/letters/62667> (дата обращения: 27.01.2020).

*Маршал Г. К. Жуков подписывает Акт
о безоговорочной капитуляции Германии*

ском календаре для жертвоприношений. Похоже на то, что фюрер сделал это специально, чтобы обеспечить себе наилучшую реинкарнацию. Это действия сатаниста. Обширная его жертва была тщетной. Возможно, сатана не услышал, возможно, приняв плату, отец лжи скрылся, не уплатив долга. О жертве сатанинской гордыни говорит пророк Исаия: *«В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви — покров твой... А говорил в сердце своем: "взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера..."»* (Исаия 14:11,13).

День Победы 9 мая 1945 г. пришелся на перенесенный (по православному церковному календарю из-за Пасхи) день памяти святого великомученика Георгия Победоносца, небесного покровителя русского воинства и маршала Георгия Жукова, который принимал безоговорочную капитуляцию от Германии. Главой государства (после смерти Гитлера) и главнокомандующим вооруженными силами нацистской Германии с 30 апреля по 23 мая 1945 г. был гросс-адмирал Карл Дениц¹. Фамилия Дениц у православных ассоциируется с Денницей — Люцифером. Пророк Исаия восклицает: *«Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, потиравший народы...»* (Исаия 14:12). И это тоже символично — Святой Георгий победил Денницу. И это назидательно, если вспомнить что война с Наполеоном, первая в истории России война также с объединенными силами Европы, окончилась вступлением в Париж русских войск в Пасхальные дни 1814 г. под перезвон Пасхальных колоколов.

¹ К. Дениц (1891–1980) — официальный преемник Гитлера, он избежал виселицы в Нюрнберге. После 10-летнего заключения был освобожден. Впоследствии писал мемуары. Получал пенсию от западногерманского правительства.

Александр КАЗИН

СЛОВО И МЫСЛЬ О ВОЙНЕ

*К 75-летию
Великой Победы*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. И. о. директора Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Русская мысль основательно поработала над осмыслением явления войны вообще. В феномене войны для русского сознания сплетены два антиномических тезиса, совместить которые невозможно на плоскости явленного мира — требуется выход за его пределы. «Война есть основное явление нашего мирового зона», — писал Н. А. Бердяев в 1915 г., имея в виду как социально-антропологическое, так и духовно-религиозное состояние падшего бытия, история которого началась грехопадением первых людей под влиянием Змея, продолжилась убийством Каином своего брата и закончится, как известно, апокалипсической войной небесных сил накануне Страшного суда. С другой стороны, война есть пространство проявления высшей христианской силы — самопожертвования, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин., 15, 13).

За несколько лет до начала Первой мировой войны Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев сформулировали две полярно противоположные позиции относительно войны — абсолютно пацифистскую и антиномически-христианскую, восходящую в отечественной традиции к известной формуле свт. Филарета Московского: «Прощай врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими». В дальнейшем большинство отечественных мыслителей примыкало ко второму направлению, за исключением, разумеется, социалистов-марксистов, для которых

война есть революционное продолжение классовой борьбы. Наиболее фундаментальную концепцию войны между Россией и Германией предложил В. Ф. Эрн, согласно которому на ее полях происходит сражение между православным Логосом и агрессивным духом германского феноменализма («От Канта к Круппу»). Так или иначе, явление войны осмыслялось в русской философии на религиозно-метафизическом уровне, связывая эту трагическую тему с противоборством основных действующих лиц мироздания. Новым здесь было установление связи мировых войн XX в. с состоянием европейской цивилизации эпохи модерна, которая под лозунгами гуманизма и прогресса подготовила величайшие катастрофы в истории наиболее цивилизованных народов мира (саморазоблачение модерна и переход в постмодерн).

Вторая мировая война была непосредственным продолжением Первой. Первая и Вторая мировые войны суть одна и та же война, разделенная двадцатилетним версальским перемирием. Не случайно по настоянию Гитлера капитуляция Франции в 1940 г. была подписана в том же железнодорожном вагоне на той же станции, где в 1918 г. была подписана капитуляция Германии. Я убежден, что если бы у власти в России после октября 1917 г. остались Керенский и «керенщина» (либерально-буржуазный модерн), то Россия (вернее, то, что от нее осталось) разделила бы в 1941 г. участь французской «четвертой республики».

Однако вышло иначе. Начавшись как террористическая ленинско-троцкистская «Совдепия», Советский Союз (к изумлению самого Троцкого и возглавляемого им «четвертого интернационала»), унаследовав народную энергетику тысячелетней православной традиции, принес в середине XX в. плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории.

Говоря конкретно, Сталину пришлось (повторяю, вопреки большевистскому фетишу мировой революции — вот где Промысл Божий!) построить нечто вроде «самодержавной республики», и тем самым вытянуть Россию из болота, в которую ее загнали в феврале 1917 г. взбунтовавшиеся кадеты и социалисты. Как раз с этим и не согласны ныне, в начале XXI в., либералы (в том числе церковные) и националисты (в том числе языческие). Выпущена специальная резолюция ОБСЕ, уравнивающая фашистскую Германию и советскую Россию в качестве зачинщиков Второй мировой войны. Этим господам вроде бы невдомек, что если бы не советско-германский договор о ненападении 1939 г., отодвинувший границу СССР на Запад, немцы уже через несколько недель наступления взяли бы Ленинград, бросили все силы на Москву, и тогда исход Второй мировой войны мог быть совершенно другим. Кстати, Наполеон в 1812 г. дошел до Москвы уже в августе, а немцы в 1941 — только в ноябре.

Несколько лет назад вышла в свет книга священника Георгия Митрофанова, в которой едва ли не главным героем Великой Отечественной войны провозглашается предатель Власов, а воины, победившие оккультный Третий Рейх и спасшие Россию (и всех русофобов заодно) ценой собственной жизни, оказываются «носителями лжи». «Наше общество, — писал о. Георгий, — состоит из людей, в подавляющем своем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь проходила в служении правде. Они “служили России” — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, —

а на самом деле эти люди, не способные вот так честно и последовательно, как генерал Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую неправую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе». Г. Митрофанов даже изобрел чудовищный неологизм «победобесие» — это о празднике 9 Мая! Чем такой взгляд отличается от героизации бывших эсэсовцев в Прибалтике и на Украине? Еще более удивительно, что подобные мысли высказывает клирик русской православной Церкви!

Как видим, нигилистическая критика Отечества не ограничивается ее прошлым, направляясь центральным своим острием в его настоящее и будущее. Суть подобных воззрений не изменилась со времен Достоевского, заметившего, что «вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала». Перечисляя темные пятна отечественной истории, эти господа не могут (или не хотят) понять, что русская история и русский народ (в том числе и в советский период) не сводятся к черноте и крови.

Развернутую оценку современным поклонникам Власова дал святейший патриарх Кирилл в своем выступлении в Архангельске 24.08.2009 года. Вот отрывок из него: «Мы называем эпоху, в которой мы живем, эпохой постмодерна — такое вот слово выдумали. И наибольшим достижением этой эпохи считается свобода человека, которая ориентирована на свободный выбор. Человек сам является автономным носителем окончательных решений, что есть добро, а что — зло. Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен: “Это был их выбор, они свободны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами”. Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: “Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!” А им отвечают: “А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло. <...> Так постепенно размываются границы между добром и злом. А почему это происходит? А потому, что человечество утрачивает понятие греха. Сегодня, отталкиваясь от идеи человеческой свободы и альтернативного поведения, поддержанного современной псевдокультурой, мы укореняемся в сознании того, что любой человеческий выбор правомерен. Понятие нравственности исчезает: я сам себе голова, я сам определяю, что нравственно, а что безнравственно”».

Как видим, церковное осмысление этих событий — и вообще русской истории и культуры, включая советский и постсоветский периоды — решительно противостоит попыткам превратить Россию XX в. в «черную дыру», отождествив ее с красным ГУЛАГом. Все семьдесят лет отведенного ему исторического времени Советский Союз существовал как определенная (превращенная) социокультурная форма исторической России, со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. При всей чудовищности обоих режимов — нацистского (гитлеризм) и советского (сталинизм), существовала объективная разница между ними: первый ориентировался на биолого-мистическое господство сверхчеловеческой «белокурой бестии»,

опираясь при этом на оккультизм гностического типа и приговаривая остальных «недочеловеков» к смерти, — тогда как второй стремился в идеале к всеобщей солидарности людей труда. И Рузвельт с Черчиллем и Де Голлем очень хорошо отличали имперский проект Сталина от нордического мифа Гитлера, однозначно предпочитая советскую Россию и образовав с ней вместе Организацию Объединенных Наций. И столицы Европы весной 1945 г. встречали наши танки цветами.

Позиция современных власовцев — одна из знаковых (и в этом смысле закономерных) сторон русофобского неправославного сознания, навеки запечатленных тем же Достоевским в образе Ивана Карамазова. Этот литератор и в Бога вроде бы веровал («небесное гражданство», своего рода монофилизм), но только мира его — и прежде всего Россию — не принимал, а потому общался с чертом. Подобно этому господину, наши либералы так же по существу отвергают чуть ли не всю отечественную историю («уранополитизм») — зато уж идут в этом деле до конца, до оправдания войны на стороне гитлеровского фашизма: «хоть с чертом, но против Совдепии». Как тут не вспомнить роман А. Солженицына «В круге первом», герои которого рассуждают о том, следует ли подвергнуть сталинскую Москву американской ядерной бомбардировке...

Действительно, может, надо было?

Интересно, что ответил бы на это Василий Теркин?

ОТВЕТ БОЙЦА

Поэма Александра Твардовского «Василий Теркин» — это художественно выраженная национальная энергия, *воплощенный дух народа*, который воздвиг в 1945 г. над рейхстагом красный флаг, но зоркие люди уже тогда разглядели в небе над Берлином православный Крест. На последней странице «Василия Теркина» стоят даты его создания: 1941–1945. «Василий Теркин» — это подлинная энциклопедия войны со всем ее великим и малым, сверхчеловеческим, человеческим и античеловеческим смыслами. Книга начинается «на втором году войны» и заканчивается «на пути в Берлин». В нее вмещаются и переправа, и бой на болоте, и ранение героя, и его тяжба со смертью, и подбитый им фашистский самолет, и разговор с генералом, и баня, и яичница с салом, которой его угостили дед с бабкой, благодарные за починку часов, и многое другое. Сам автор прекрасно понимает, что его поэма не только о боях, — это поэма о народе-победителе, заплатившем за избавление мира от оккультного рейха огромную цену. На первой же странице своего сочинения автор говорит:

*А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.*

В чем же заключается эта правда? Она не совпадает с официозной национал-большевистской идеологией. Не сводится она и к «свирепому ре-

ализму» шолоховского «Тихого Дона». В первом приближении эта правда оказывается силой *живой жизни*. Жив — и в этом суть дела. Теркин живой весь, от макушки до пяток, и ведет за собой в бой других. Жизнь как бы концентрируется в Теркине, находит в нем свою середину, свое средоточие. Заметим, что Василий Иванович Теркин отнюдь не философ в абстрактном смысле этого слова, он не размышляет о концах и началах так, как будто их можно понять только умом, без того, так сказать, не пожить за них и посреди них. Он прекрасно знает, за что он льет свою кровь:

*То была печаль большая,
Как брели мы на восток.
Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!
Шли, однако. Шел и я...*

У Василия Теркина даже не возникает вопроса — надо ли идти ему лично. Все идут — и он идет. Это вовсе не «стадное» сознание, не свидетельство какого-то недостатка развития личности — это впитанное с молоком матери качество русского национального характера, зародившееся в глубокой древности, когда надо было всем миром защищать Русь от набегов и татар, и немцев, и поляков, и наполеоновской рати... В советское время это качество было еще усилено — хотя одновременно и извращено — коллективистским складом жизни. Разве можно обвинять Теркина, скажем, за то, что на Карельском фронте ему не дали медали, хотя сражался он там герой героем? («Может, в списке наградном вышла опечатка»). Да и спрашивать однополчане (а значит, и автор с читателем) не стали, постеснялись. Стоит ли интересоваться, почему Теркин перед вызовом к генералу «Богу помолился бы в душе»? Тут, впрочем, он ответил:

*Генерал стоит над нами, —
Оробеть при нем не грех.
Он не только что чинами,
Боевыми орденами, —
Он годами старше всех.
.....
И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.*

Это в основе своей соборное, «хоровое» восприятие мира, которое в лице Василия Теркина способно на ответ за свою страну и органически не способно думать о праве на благодарность за все это. Даже сбив из винтовки немецкий самолет, Теркин идет к генералу как бы с повинной, а не за наградой. В самом деле, ему, может, и есть за что отвечать: половина России отдана врагу. Общая вина за поражение первых лет войны лежит и на нем,

бесстрашном стрелке. Ничто — ни поединок врукопашную с немцем, ни возвращение вплавь в ледяной реке под огнем, ни почти гибель от «своего» снаряда на дне окопа — не спасает Теркина от изначального переживания того, что он (если воспользоваться словом Достоевского) за всё и за всех виноват:

*Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю.
Только ты прости меня...*

То, что у Шолохова в «Тихом Доне» рисовалось почти космической схваткой стихий, — у Твардовского в «Теркине» прошло проверку на человечность. Выдержит ли человек такое? — вот основной вопрос «Василия Теркина». Внимательно читая поэму, можно убедиться, что трагизма там не меньше, чем в «Тихом Доне», как не меньше и светлого порыва, прекраснодушия в глубоком смысле этого слова. Не забудем, что у солдата погибла вся семья:

*А у нашего солдата, —
Хоть сейчас войне отбой, —
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сына, а был, ребята, —
Рисовал дома с трубой...*

Выражаясь категориально, скажем, что идеал совпал у Твардовского с реальностью ценой *подвижничества* (и даже отчасти юродства) Василия Теркина — обычного русского человека. Теркиных много, они есть в каждой роте... Он и на гармони играет, и сто граммов не прочь выпить, но когда он услышит: «Взвод! За Родину! Вперед!...»

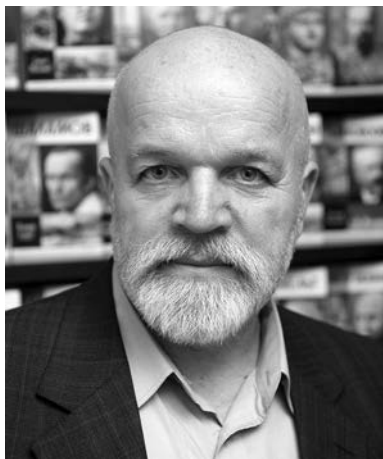
*И хотя слова вот эти,
Клич у смерти на краю,
Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою,
В душу вновь они вступали
С одинаково той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой,
С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.
— Взвод! За Родину! Вперед!*

Заканчивая свое замечательное произведение, Александр Твардовский прямо обратился в главе «От автора» к тому умнику-критику, что «читает без улыбки, ищет, нет ли где ошибки, — горе, если не найдет». Нашлись

такие критики, нашлись и ошибки. Если Иван Бунин, например, выразил безоговорочное восхищение «Василием Теркиным» («Вот стихи, а все понятно, все на русском языке...»), то Анна Ахматова обронила как-то фразу, что Твардовский, конечно, хороший поэт, но — без тайны... Я, со своей стороны, величайшую тайну и достоинство Твардовского-художника нахожу как раз в том, что он сумел соединить в своем герое земное и небесное, бытийное и бытовое. В истории русской литературы XX в. «Книга про бойца» остается непревзойденным опытом выражения в слове соборных основ народного мироотношения, с которым ничего не смогли поделать ни либералы, ни Троцкий, ни Гитлер:

*Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

Сергей МИХЕЕНКОВ

ПРОРЫВ

*К 75-летию
Великой Победы*

Сергей Егорович Михеенков — родился в 1955 г. в деревне Воронцово Калужской обл. Окончил филологический факультет Калужского института им. К. Э. Циолковского, Высшие литературные курсы при СП СССР. Занимается устной историей, краеведческими исследованиями, военной историей. Биограф маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского и др. Автор серии романов о подольских курсантах. Обладатель многих наград и литературных премий, в т. ч. «Сталинград», им. Н. Островского и др. **Живет в г. Тарусе.**

Октябрь 1942-го. Генерал Федюнинский снова под Ленинградом. Рядом со штабной землянкой плещется серые осенние воды Ладожского озера. На столе карта с нанесенными карандашными пометками вокруг населенных пунктов со знакомыми названиями: «Гайтолово», «Липка», «Тортолово»...

Ставкой была разработана очередная операция по прорыву блокады Ленинграда. Почти одновременно с директивой на наступление северных фронтов туда же вместе с группой генералов и офицеров был направлен и Федюнинский. По существу — в качестве своеобразного резерва Ставки и Генерального штаба.

Федюнинский после войны, вспоминая неожиданное возвращение под Ленинград, признавался, что обрадовался такому назначению — «хотелось довести до конца дело, которое не удалось осуществить прошлой зимой».

Блокированный город по-прежнему страдал от постоянных обстрелов и голода. Тонкая ниточка «Дороги жизни», проложенная через Ладожское озеро, не могла обеспечить жителей города достаточным количеством продовольствия, а его защитников необходимыми военными грузами.

Еще в Москве перед отлетом в Ленинград Федюнинский встретился с генералом армии К. А. Мерецковым. Ставка назначила его командующим войсками Волховского фронта. Судьба их сводила часто — в самые трудные дни обороны северной столицы командовали соседними армиями.

Поздоровавшись, Мерецков сразу сказал о главном:

— Вы, Иван Иванович, назначаетесь не только моим заместителем. Ставка возлагает на вас персональную ответственность за прорыв блокады. Они подошли к карте.

— Вот он, этот выступ. — И Мерецков указал на глубокий выступ, заштрихованный синим карандашом между Шлиссельбургом и Синявино. — Его и предстоит срезать. Операцию будут проводить два фронта. Говоров ударит навстречу.

Федюнинский пристально разглядывал заштрихованный синим выступ, упиравшийся в Ладожское озеро, перебирал, как четки, знакомые названия населенных пунктов и рек. Наконец, сказал:

— Здесь у нас стоит Вторая ударная. Напротив, на той стороне, — Шестьдесят седьмая...

— Да, именно так — встречный удар, — кивнул Мерецков. — Места вам известны хорошо. Так что, Иван Иванович, вам и *карта* в руки. — И придвинул карту к Федюнинскому.

На машине добрался до Малоярославца. Там, на полевом аэродроме, его уже ждал заправленный и готовый к полету По-2. Пилот капитан Маслов тут же запустил мотор. Легкий «кукурузник» разогнался, затем словно подпрыгнул и начал набирать высоту. Сверху хорошо просматривалась окрестность, извилистая лента реки Протвы, линии окопов. Здесь попеременно дрались соседние 33-я и 43-я армии Западного фронта против соединений 4-й полевой армии вермахта. К реке лепились дворы деревень. Некоторые были сожжены, торчали одни трубы. Где-то среди них — Стрелковка, родина комфронта и боевого товарища Жукова. О ней Жуков часто вспоминал во время встреч. Деревню, райцентр Угодский Завод, Малоярославец и Боровск освободили еще в декабре 1941 г. во время первого удара.

Федюнинский подумал и о своей родине. Пополнения на фронт шли непрерывным потоком. В маршевых ротах и лыжных батальонах были и зауральцы, и сибиряки.

Самолет набрал высоту и, ровно стрекоча мотором, пошел на север. Капитан Маслов время от времени оглядывался, крутил головой по сторонам. Работа у него непростая. Рядом фронт. Немецкие истребители часто залетали на оставленную год назад территорию то с разведывательными, то с иными целями.

До полевого аэродрома 2-й ударной армии долетели благополучно. Капитан Маслов тут же кинулся к заправщику. Ему предстояла обратная дорога. Попрощались. Маслов был опытным летчиком, надежным боевым товарищем. Федюнинский много часов провел с ним в воздухе. Попадали и под обстрел немецких зениток, и, случалось, прятались, прижимаясь к самым верхушкам деревьев, от немецких истребителей. Всегда он выводил машину и своих пассажиров из-под удара и угрозы быть сбитыми.

Самолет был заправлен. Капитан ловко влез в кабину, еще раз помахал рукой в кожаной краге. По-2 легко побежал по прикатанной взлетной полосе.

Как вскоре оказалось, они простились навсегда.

Примерно через месяц Федюнинский узнал о гибели капитана Маслова. Маслов летел с генералом Пигаревичем из штаба фронта в штаб армии. При

подлете к аэродрому из-за облаков на тихоходный По-2 свалился «мессершмитт», сразу же атаковал. Капитан Маслов был убит первой же очередью. Какое-то время самолет был неуправляем. К штурвалу пробрался генерал Пигаревич. Вскоре он выправил полет. Зенитки тем временем отогнали истребителя, не дали ему сделать новый заход. Пигаревич до этого летал на самолете только пассажиром. Видел, конечно, как Маслов управляет машиной, как переключал различные тумблеры и рычажки перед взлетом и посадкой. Но представления об их функциях и назначении почти не имел. На войне учатся мгновенно, в бою. Как говорили старики, выжил в первом бою — солдат. Вот так и генералу Пигаревичу пришлось осваивать летное дело. Время для учебы ограничено запасом топлива. Сделал несколько виражей, заходов на взлетную полосу и, наконец, освоился и вполне удачно посадил По-2. Правда, после посадки долго катался по окрестному полю, так что техникам пришлось ловить самолет.

Уточненные и конкретные задачи Ленинградскому и Волховскому фронтам Ставка направила в начале декабря 1942 года. Операции дали кодовое название — «Искра». Готовность — к 1 января 1943 года.

Для проведения операции были сформированы две ударные группировки. Ленинградский фронт выдвигал 67-ю армию генерал-майора М. П. Духанова¹. Волховский — 2-ю ударную генерал-лейтенанта В. З. Романовского².

Задачи обеим сторонам поставили следующие.

Группировке генерала Духанова: форсировать по льду Неву, прорвать оборону противника на участке Московская Дубровка, Шлиссельбург, зачистить этот участок, соединиться с авангардом Волховского фронта и, таким образом, восстановить связь с Большой землей, затем выполнять дальнейшие задачи.

¹ Михаил Павлович Духанов (1896–1969) — генерал-лейтенант (1943). Родился в Киеве. В Русской армии с 1915 года. Окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны — поручик. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1921 г. окончил Военную академию РККА. На штабной работе. В 1928 г. окончил академические курсы. На преподавательской работе. С 1939 г. — командующий 9-й армии. Участник Советско-Финляндской войны. В Великой Отечественной войне с августа 1941 г.: командовал стрелковой дивизией, корпусом, руководил штабом Невской оперативной группы и Невской оперативной группой, затем созданной на ее базе 67-й армией. С 1943 г. — заместитель командующего 8-й гвардейской армией, с которой дошел до Берлина. После войны служил помощником командующего Ленинградского военного округа. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Красной Звезды.

² Владимир Захарович Романовский (1896–1967) — генерал-полковник (1945). Родился в селе Вешаловке под Липецком в крестьянской семье. Участник Первой мировой войны — старший унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — комиссар бронепоезда. После войны на командных должностях. В 1935 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На командных должностях. С 1940 г. — командующий 10-й армией. На фронте с мая 1942 г. — командующий 1-й ударной армией. С декабря 1942 г. — командующий 2-й ударной армией. В ходе войны командовал 42-й, 67-й, 19-й армиями. После войны командовал войсками Воронежского военного округа, 4-й гвардейской армией. В 1948 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Командовал войсками Северо-Кавказского и Донского военных округов. Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени.

Группировке генерала Романовского: прорвать оборону на участке Липка, Гайтолово, овладеть рубежом Рабочий Поселок № 1 и № 5, Синявино, разгромить синявинско-шлиссельбургскую группировку противника и соединиться с авангардом Ленинградского фронта и в дальнейшем наступать на юг.

Задачу прикрытия флангов наступающих группировок выполняли соседние армии. Авиационную поддержку осуществляли две воздушные армии и авиация дальнего действия. Береговая и корабельная артиллерия должны были поддерживать атаку огнем.

Группировкой Ленинградского фронта руководил генерал-лейтенант Л. А. Говоров. Группировкой Волховского фронта — генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. На усиление той и другой передали резервы, в том числе артиллерийские. На тринадцатикилометровом участке прорыва 67-й армии сосредоточили 1909 орудий и минометов калибра 76-мм и более. Основной участок прорыва 2-й ударной армии был намного уже — около трех с половиной километров. Плотность орудий на один километр предполагаемого прорыва здесь составляла от 183 единиц до 365. На вспомогательном направлении — 101 орудие на километр фронта.

Последний месяц 1942 г. ушел на подготовку.

2-я ударная армия доукомплектовывалась, усиливалась. Перед атакой она насчитывала одиннадцать стрелковых дивизий, две лыжных бригады, четыре танковых бригады, танковый полк, четыре отдельных танковых батальона, тридцать восемь артиллерийских и минометных полков, инженерные и саперные части.

В тылу каждой дивизии оборудовали учебный полигон, рельеф которой был схож с рельефом местности предстоящего наступления. «Здесь, — вспоминал генерал И. И. Федюнинский, — подразделения и части учились штурмовать укрепленные позиции, вести наступательный бой в лесу. Помня уроки Любаньской операции, я на всех учениях требовал от командиров четкой отработки вопросов взаимодействия и управления в ходе наступления».

Однажды Федюнинский, объезжая учебные городки, приехал в 18-ю стрелковую дивизию. Дивизия только что прибыла из-под Сталинграда. Сразу обратил внимание: ледяные валы, имитирующие оборонительные сооружения противника, огромные, высотой под два метра, сделаны из снега, политого водой. Вместе с генералом Романовским он наблюдал за ходом учебной атаки. Вот пехота и танки пошли вперед. Вначале все шло хорошо. Пехота плотно бежала за танками, надежно укрываясь за броней. Но вот «атакующие» сблизилась с инженерными сооружениями и — замешкались. Танки не могли с ходу пробить ледяные валы, начали бодать их, буксовать. Стрелки отскочили, чтобы не попасть под гусеницы. Ни фашинов, ни удлиненных зарядов, ни лестниц, ни железных когтей или каких-либо других приспособлений для того, чтобы преодолеть ледяные валы, у них не оказалось. «Атака» было сорвана.

Начали разборку «полетов».

— Не следует умахать трудностей, — сказал Федюнинский командиру дивизии, — но нельзя и преувеличивать их. Посмотрите! Вы наморозили такие валы, каких у противника нет. У них они значительно ниже и уже. Зачем же пугать солдат, внушать им невозможность преодоления немецкой обороны!?

В заключение провели учения с боевыми стрельбами.

Одновременно усиленно работала разведка. Некоторые разведгруппы Федюнинский инструктировал сам. Потом беседовал с разведчиками о том, что они наблюдали на той стороне. Допрашивал «языков». В разведку посылали только группы из частей, которые давно находились в соприкосновении с противником. Работала авиаразведка. Фотосхемы и выправленные в соответствии с последними разведанными карты непосредственно перед наступлением получили все командиры, до рот и батарей включительно.

Тылы тоже готовились к работе в условиях наступления. Ремонтировали дороги, автомобильный транспорт, подводы и сани.

Особое внимание уделялось обеспечению секретности. Перегруппировку войск производили исключительно в темное время суток или в нелетную погоду, когда передвижение не могла засечь авиаразведка.

Склады, подтянутые к передовой линии, артиллерийские позиции на новых огневых, которые были значительно уплотнены, тщательно маскировались. Для этого не жалели ни времени, ни сил.

Все это, в конечном итоге, сыграло положительную роль. Немцы узнали о готовящемся наступлении буквально за несколько часов до красной ракеты, когда ничего уже нельзя было предпринять. А о направлениях главного удара так и не догадались.

Подготовка к решающему сражению была грандиозной и тщательной. Все, от генерала до рядового красноармейца, понимали значение этой подготовки. Войска были настроены только на победу. Мотивация была огромной — голодающий Ленинград, где каждый день, каждый час и минуту страдают женщины, дети, старики.

В ночь на 11 января после оттепели ударил морозец. «В кромешной темноте, двигаясь по густым лесам, — вспоминал генерал И. И. Федюнинский, — соединения первого эшелона 2-й ударной армии скрытно заняли исходное положение в 300—500 метрах от первой траншеи противника».

По совету Федюнинского командарм-2 в первый эшелон поставил шесть стрелковых дивизий, тяжелый танковый полк и одну танковую бригаду, усилив этот кулак артополками и саперными частями. В затылок первому выстраивался второй эшелон: четыре стрелковых дивизии, три танковых бригады. В резерве командующего: одна стрелковая дивизия и две лыжных бригады.

Штабы придвинулись вплотную к войскам. Связисты навели проводную связь. Все звенья были сомкнуты, все работало безотказно, подчиняясь единой воле командующего.

Ночью начали. По штабам противника, артиллерийским позициям, складам боеприпасов и горючего, по другим важным и заранее разведанным целям по ту сторону фронта в полосе прорыва отработала тяжелая авиация. Вскоре самолеты вернулись. И снова наступила тишина. Прелюдия была исполнена. Противник подсчитывал потери. Но главное действие было впереди. Немцы, конечно же, уже насторожились, уже ждали атаки. Но где? На каком участке русские ринутся в наступление?

Генерал И. И. Федюнинский вспоминал: «На рассвете, накинув на плечи шинель, я вышел из землянки, открытой на наблюдательном пункте командующего 2-й ударной армией. В лесу стояла настороженная тишина. Только слышался скрип снега под валенками мерно прохаживавшегося часового, да со стороны переднего края доносились редкие, приглушенные расстоянием пулеметные очереди».

Он так и не прилег в ту ночь. Много курил. Ходил вокруг стола с разложенной картой. Смотрел на заштрихованный синим карандашом выступ. Всего пятнадцать километров отделяли 2-ю ударную от 67-й армии. На лыжах, сибиряку, хорошим шагом — час ходьбы.

В 9.30 загудело. Затряслась земля. С елей и сосен посыпался снег. В лицо ударило снежной пылью. Началось.

Артподготовка длилась 1 час 45 минут. Некоторые историки настаивают: на час дольше. Пусть так — тем хуже для противника...

Еще не затихли пушки, над лесом показались группы штурмовиков. Они летели на штурмовку немецкой обороны ближних опорных пунктов Синявино и Рабочих поселков. Накануне летчики хорошо разведали цели, нарисовали схемы и основательно проинструктировали пилотов, распределив обязанности и объекты для ударов.

В 11.15 на участке прорыва между Липками и Гайтолово поднялась пехота. Вскоре сообщили: на левом фланге начала атаку и 8-я армия. Соседняя 8-я бросила в бой ударную группу своего правого крыла, которая прикрывала фланг основной группировки.

Несмотря на мощную обработку немецких линий артиллерией и авиацией, оборона противника не рухнула, не распалась. Ожили не подавленные огневые точки. Их гасили артиллерией сопровождения и огнем танков. Иногда — гранатами. Вскоре по поступающим донесениям из дивизий и бригад стало очевидным, что продвижение идет медленно и что бой принимает характер прогрызания немецкой обороны. Это было нежелательным. Этого опасались во время планирования операции. Но и это имели в виду и подготовили свои контрмеры.

К исходу дня первая линия обороны противника была взята. Дивизии и бригады местами продвинулись на пять километров. Авангарды овладели рощей Круглая.

Генерал Романовский отдал приказ прекратить атаки, закрепиться на достигнутых рубежах и готовиться к дальнейшему наступлению. Для уставших бойцов утро наступило быстро. Не успели сомкнуть глаза в мерзлых окопах среди окопневших трупов немецких солдат и своих товарищей, как взводные и ротные командиры снова начали поднимать в атаку.

Утром 13 января генерал Романовский ввел в дело две стрелковых дивизии и одну танковую бригаду из второго эшелона.

Немцы тоже бросили в бой резервы — командующий 18-й армией группы армий «Север» генерал Линдеманн прорыв 2-й ударной армии пытался заделать 96-й пехотной дивизией, переброшенной сюда из района Мги.

Сейчас, когда опубликованы многие документы, в том числе из немецких архивов, стало известно, что командир 26-го армейского корпуса, стоявшего на вершине выступа, в критический час предложил Линдеманну отвести войска от Шлиссельбурга и тем самым спасти корпус от сокрушительного тарана с двух сторон. Однако командующий 18-й армией отклонил его предложение и приказал войскам держаться. Это упорство стоило десятков тысяч жизней, вырванных смертью с обеих сторон. Но если бы 26-й армейский корпус отвел свои силы на юг и юго-запад, схватка могла продлиться и стать более жестокой.

В то утро Федюнинский, не выдержав дежурства у телефонных аппаратов — из коридора прорыва потоком шли противоречивые сведения, —

отправился в одну из дивизий первого эшелона. Дивизия наступала вместе с 16-й танковой бригадой южнее Рабочего поселка № 6. Дивизию он эту знал — 239-я сибирская. Прибыла с Дальнего Востока в самый разгар битвы за Москву. В октябре 1941 г. дралась под Тулой, жгла танки Гудериана на подступах к городу оружейников. В ходе московского контрудара наступала на Козельск и Сухиничи. Затем была переброшена в район Ржева. Теперь, в составе 2-й ударной армии, прорывала блокаду. Командовал дивизией генерал-майор П. Н. Чернышев¹. От Чернышева начали поступать путанные доклады. За этот участок Федюнинский беспокоился особо.

Шли втроем. Адъютант, офицер связи и он, заместитель командующего войсками фронта, исполняющий обязанности командующего ударной группировкой Волховского фронта.

Офицер связи местность знал, вел, держась ему одному известных ориентиров.

Вышли на опушку. Дальше тропа лежала по полю, изрытому воронками. Дошли до середины поля и повернули к лесу, держась на огромную ель с перебитой макушкой.

— Стоп, лейтенант! — сказал Федюнинский офицеру связи. — Похоже, мы вышли на минное поле. — И указал на торчащий из снега колышек с дощечкой: «Осторожно! Мины!»

— Так точно, товарищ генерал, — неожиданно спокойно ответил тот. — Но вы не беспокойтесь — зимой мины не взрываются. Взрыватели вмерзли в землю и не действуют.

И они пошли дальше.

Генерала Чернышева они отыскиали в шалаше, сложенном из торфяных кирпичиков. Внутри жарко топилась печь. В топку телефонисты то и дело подбрасывали все те же торфяные кирпичики. Командир дивизии, одетый в новый, но сильно испачканный маскировочный халат, сидел у чугунки и внимательно разглядывал пристроенную на коленях карту.

Федюнинский взглянул на карту и сказал:

— Должен заметить, товарищ Чернышев, что ваш НП расположен слишком далеко от боевых порядков полков.

Федюнинский знал историю генерала Чернышева.

Самые трудные месяцы московской обороны Чернышев командовал 18-й дивизией народного ополчения. Дивизия и ее командир отличились. 18-я ДНО получила гвардейское знамя и стала именоваться 11-й гвардейской стрелковой дивизией. Полковник Чернышев был произведен в генерал-майоры. Когда 5-я армия атаковала на Карманово и Самуйлово, а на левом крыле западного фронта, форсировав реку Жиздру, немцы начали наступление силами брянской группировки на направлении Калуги, 11-я

¹ Петр Николаевич Чернышев (1901–1966) — генерал-майор (1942). Родился в Могилеве. В РККА с 1920 года. Участник подавления Кронштадтского мятежа. В 1923 г. окончил командные курсы, в 1929 г. — курсы «Выстрел». В Великой Отечественной войне с лета 1941 года. Командовал 152-й стрелковой дивизией, 18-й дивизией народного ополчения, переименованной в 11-ю гвардейскую, 152-й стрелковой дивизией. После разгрома штаба дивизии 18 августа 1942 г. под Сухиничами отстранен от должности, отдан под трибунал. Но до трибунала дело не дошло. С августа 1942 г. командовал 239-й стрелковой дивизией. В конце войны командовал 17-й гвардейской стрелковой дивизией. После войны занимал ряд командных должностей. Награжден орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени.

гвардейская дивизия оказалась на пути танкового тарана — 17-й и 9-й танковых дивизий. Были разгромлены штаб дивизии и передовой командный пункт. Погибли многие штабные работники. Ходили разговоры, что генерал Чернышев смалодушничал и бежал в тыл, сказавшись больным. Неизвестно, какая болезнь его скрутила во время атаки немецких танков — дизентерия, язва желудка или довольно распространенная на фронте — медвежья. Ему грозил военный трибунал. Но следователи военной прокуратуры явной вины Чернышева не нашли. К тому же прорыв вскоре был ликвидирован. Дивизию собрал в кулак и повел в бой начальник штаба. Чернышева из дивизии убрали, назначили на 239-ю стрелковую, которая вела бои на Варшавском шоссе в районе Мосальска, а потом была переброшена на Ржевское направление. Вскоре 239-я, пополненная и доукомплектованная, прибыла на Волховский фронт.

— Связь с полками устойчивая? — снова спросил Федюнинский не отрывавшегося от карты Чернышева.

— Связь? Связь есть. Но не со всеми. — Командир дивизии, наконец, отложил в сторону карту; в голосе его чувствовалась неуверенность. — С полком, который вышел на железнодорожную насыпь, никак не могу связаться уже несколько часов.

— Что собираетесь предпринимать?

— Сейчас пошлю туда офицера связи.

— А где другие полки? Что у них?

— Закрепляются на достигнутых рубежах. — В голосе Чернышева снова задрожала неуверенность.

— Закрепляются... — Федюнинский негодовал. Но взял себя в руки, хорошо понимая, что в данной ситуации главное — выяснить истинное положение полков. — Дайте мне двоих автоматчиков, которые знают дорогу в потерянный полк.

— Товарищ заместитель командующего, связь сейчас будет восстановлена. Уже посланы люди...

Слова командира дивизии и тот просительный тон, которым они были произнесены, еще сильнее подстегнули Федюнинского. Он достал папиросу, взглянул на Чернышева и молча вышел из натопленного шалаша. Следом за ним выбежал адъютант.

Морозная поземка ударила в лицо. Он закурил. Подошли автоматчики.

— Ну что, ребята, дорогу знаете? — спросил Федюнинский.

— Известна, товарищ генерал, — живо ответил один из автоматчиков и махнул в сторону опушки леса. — Тут по-над лесом пройдем, потом через насыпь, а там уж и рукой подать.

Солдат на фронте дорогу меряет своей мерой. Путь оказался неблизким. Долго шли опушкой. Хорошо, стезка оказалась натопанной. Наконец, добрались до насыпи. Вскрабкались вверх. Осмотрелись.

— В прошлый раз тут стреляли, — сказал автоматчик. — Опасно было по насыпи идти. Сейчас тихо.

И действительно, с переднего края не доносилось звуков стрельбы. Это удивило Федюнинского.

— Что там такое? — спросил он автоматчиков, которые всматривались в темень, где, похоже, горели костры. Но кто там мог жечь костры, когда полк должен был наступать?

— Похоже, товарищ генерал, костры, — ответил изумленный автоматчик. — Народ озяб, греется...

Спустились вниз. Подошли к ближнему костру. Действительно, вокруг греются бойцы. Лица усталые, серые.

— Кто такие? Что здесь делаете? — спросил Федюнинский.

— Греемся, товарищ генерал, — ответил пожилой.

— Какой части?

Бойцы назвали полк. Все верно, подумал Федюнинский, автоматчики привели правильно. И он немного успокоился.

— Кто правее вас?

— Третий батальон, — ответил все тот же, пожилой; похоже, он тут был за старшего.

— А слева?

— Вторая рота.

— А там? — указал Федюнинский на цепочку костров впереди. — Чьи костры там?

— Там немцы греются, — тем же спокойным тоном ответил пожилой. — Небось замерзли сильнее нашего. Мы-то привычные.

Солдаты, обступившие костер, сдержанно засмеялись.

«Но мне было не до смеха, — вспоминал генерал И. И. Федюнинский. — Значит, с наступлением ночи боевые действия прекратились. Противник получил возможность подтягивать резервы и усиливать сопротивление. По данным разведки я знал, что из района Кириши начинают подходить части 61-й и 69-й пехотных дивизий, а из района поселка Михайловского выдвигалась 1-я пехотная дивизия.

Конечно, приходилось считаться с тем, что за день боя люди устали. Но в конце концов нужно было или подменить некоторые части, или действовать в ночное время силами небольших отрядов.

Ведь сейчас положение было иным, чем в период боев под Погостьем, теперь у нас были и вторые эшелоны, и резервы.

Я поручил одному из солдат разыскать командира батальона. Комбат доложил, что приказа продолжать наступление ночью не получал. Это подтвердил и командир полка.

По моему указанию была проведена некоторая перегруппировка. Из батальона второго эшелона выделили усиленную роту, которую послали в обход гитлеровцев¹, беспечно греющихся у своих костров.

Вернувшись на НП дивизии, я был вынужден сделать генералу Чернышеву серьезное замечание за плохую организацию связи, нераспорядительность, за то, что он и его штаб оторвались от частей, плохо знают обстановку».

Возможно, генерала Чернышева надломила жиздринская история. Конечно, не его вина, что дивизия в августе 1942 г. оказалась на острие танкового удара и на ее боевые порядки навалились сразу две танковые дивизии противника. Но как во время боя он оказался в глубоком, по масштабам дивизии, тылу, за одиннадцать километров от своего передового КП...

¹ В мемуарах тех лет, да и в исторических исследованиях, и даже художественной прозе существовало табу на слово «немец», если оно стояло в позиции «враг». Оно редактировалось на «фашист», «гитлеровец» и т. п.

Генерал И. И. Федюнинский в своих мемуарах о столкновении в жарко натопленном шалаше с командиром 239-й стрелковой дивизии написал довольно мягко. Хотя все упущения генерала Чернышева перечислил. По существу, штаб дивизии в ночь на 14 января потерял связь с частями, утратил инициативу и прекратил наступление. Можно предположить, что характер разговора между двумя генералами в ту ночь был иным. И возможно, что именно тот тяжелый разговор помог генералу Чернышеву преодолеть в себе жиздринский синдром. Воевал Петр Николаевич после той ночи хорошо, энергично управлял полками и прошел в должности командира дивизии всю войну.

В штабной землянке генерал-лейтенанта Романовского было шумно. Начальник штаба постоянно звонил то в одну дивизию, то в другую. Потом, после короткой паузы, начинал уточнять обстановку по новому кругу. Тут же наносил остро отточенным карандашом пометки на оперативную карту. Пометки все ближе и ближе придвигались к пометкам, обозначающим положение ударной группировки Ленинградского фронта, которая шла навстречу. Федюнинский и Романовский после каждого донесения сразу умолкали и молча смотрели на карандаш начштаба. Всё уже становился коридор, заполненный обороняющимися немецкими войсками.

— Завтра! — сказал Романовский, не отрываясь от карты.

— Да, — кивнул Федюнинский, — не позже, чем завтра.

А теперь стоит отмотать ленту событий немного назад.

По решению Ставки координацию действий обеих фронтов в ходе операции «Искра» осуществлял маршал К. Е. Ворошилов. Он ежедневно докладывал Верховному о подготовке войск к наступлению, о поведении противника. 6 января 1943 г. во время телефонного разговора обронил: мол, «об “Искре”, по всем признакам, пока противник не смекает...» Сталин тут же насторожился, не вполне доверяя мажорному настроению Клима, тем более, что в октябре 1941 г. старый маршал не справился с ситуацией в районе Ленинграда и туда пришлось посылать более надежного Жукова и группу генералов.

Жуков тем временем находился в штабе Воронежского фронта. Сталин позвонил туда и сказал:

— Товарищ Жуков, в Ленинграде как представитель Ставки находится Ворошилов. Государственный Комитет Обороны считает, что вам также необходимо поехать туда. Нужно на месте посмотреть, все ли сделано для того, чтобы операция «Искра» прошла успешно.

Десятого января генералы Мерецков и Федюнинский встречали Жукова в штабе Волховского фронта. Как всегда, выслушав доклад, Жуков сразу же предложил выехать на место и увидеть воочию то, что можно увидеть. Объехали дивизии первого эшелона, побывали и на левом фланге в 8-й армии. Вечером Жуков докладывал в Ставку: «Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова¹, с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Разобрал также обстановку с командиром 128 сд и его решение на бой.

¹ Генерал-лейтенант Ф. Н. Стариков в период проведения операции «Искра» командовал 8-й армией Волховского фронта.

Основными недочетами в решениях обеспечении операции являются:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход синявинского узла сопротивления, не имели танков, и по опорному пункту Рабочий поселок № 8 было недостаточно сосредоточено огневых средств. Отсутствие танков и недостаточное количество огневых средств не гарантировало прорыв.

2. Взаимодействие на стыках армии, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое, и по существу резервы превращались во вторые эшелоны, отмененные вашим приказом. Удаленность их от 1-го эшелона на 1–1,5 км могла привести к большим потерям.

4. Кроме того, обнаружен ряд мелких тактических и технических ошибок.

5. По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву¹ и командирам».

Во время этого же сеанса связи Жуков запросил подать для Волховского фронта воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков. Кроме того, потребовал дополнительно более ста тысяч выстрелов для гаубиц, 120-мм минометов и реактивных снарядов для «катюш». Сталин согласился с замечаниями и доводами Жукова и приказал командующим войсками фронтов немедленно устранить выявленные недостатки.

Порой можно услышать такой упрек в адрес маршала Г. К. Жукова: мол, умел побеждать только тогда, когда имел кратное превосходство над противником...

Что тут можно сказать?

Во-первых, согласно уставам, да и здравому смыслу, наступающая сторона действительно должна накопить ресурс превосходства над противником не менее трехкратного. В противном случае наступающая сторона погубит личный состав в бессмысленной атаке, израсходует материальный ресурс и, мало того, что не выполнит приказ, но и рискует заполучить мощную контратаку и утратить позиции, достигнутые до этого. Во-вторых, в данных и конкретных обстоятельствах инспекция Жукова действительно способствовала успеху операции «Искра». Имея воздушных корректировщиков, артиллерия стреляла точнее и эффект ее огня оказался значительно выше. А дополнительные десятки тысяч снарядов и мин усилили мощь артподготовки и огневых налетов в период артиллерийского сопровождения наступающих войск.

Таким образом, появление под Ленинградом Жукова накануне наступления сыграло положительную роль в успешном его проведении и завершении.

В ходе наступления ударная группировка Волховского фронта значительно расширила к флангам полосу прорыва. 128-я стрелковая дивизия и 12-я лыжная бригада совершили смелый маневр по обходу по льду Ладожского озера опорного пункта Липки. В результате немцы в Липках были полностью окружены, а затем уничтожены.

Начиналась уже другая война.

Утром 18 января авангарды двух фронтов, отбив контратаку противника, снова бросились в бой. Вскоре на линии Рабочего поселка № 1 они

¹ Оперативный псевдоним генерала К. А. Мерецкова.

соединились. В тот же день были очищены от врага Шлиссельбург и южное побережье Ладожского озера.

Коридор шириной до одиннадцати километров, пробитый вдоль берега Невы, восстановил прямую сухопутную связь Ленинграда с Большой землей.

Из сообщения Совинформбюро 19 января 1943 года: «Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли г. Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липки, Рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

Таким образом после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда...»

Волховская группировка, соединившись с Ленинградской, пыталась развить наступление на юг в сторону Мги. Однако вскоре продвижение застопорилось. Немцы перебросили в район Синявина 5-ю пехотную дивизию, усилили артиллерию на Синявинских высотах. Перегруппировка немецких войск продолжалась. Стало очевидным, что противник готовится к серьезной контратаке с целью вернуть утраченные позиции. «Угроза нашему левому флангу вырисовывалась все явственнее, — вспоминал генерал И. И. Федюнинский. — Можно было предполагать, что гитлеровцы попытаются восстановить блокаду Ленинграда. Командование Волховского фронта приняло необходимые меры. В ночь на 20 января был произведен сильный огневой налет по войскам противника, сосредоточивающимся в районе Синявинских высот. Кроме того, 20 января мы усилили левый фланг тремя дивизиями. С их командирами я выехал в район рощи Круглая для уточнения задачи на местности».

Погода в тот день была хорошая. Видимость отличная. А немецкие наблюдатели работали превосходно. Поэтому как только штабная машина появилась на открытой дороге в непосредственной близости к передовым линиям, немцы открыли минометный огонь. Ни водитель Александров, ни сидевший в машине полковник Московский, ни Федюнинский шлеста подлетающих мин не услышали. Увидели, как первая серия разрывов обступила дорогу. Шатнуло машину, осколки хлестнули по обшивке и радиатору. Мотор заглох.

— Что, приехали? — сказал Федюнинский водителю.

— Сейчас посмотрю...

Водитель выскочил из машины, открыл капот. Из-под заслонки с шипением гнало пар.

— Попали, — сказал шофер.

И тут новая серия мин начала рваться, подступая к машине все ближе и ближе. Полковник Московский бросился бежать назад. Федюнинский и водитель упали на снег. Когда грохот взрывов стих, Федюнинский, видя, что водитель не встает, позвал его:

— Александров, ты живой?

— Живой, товарищ генерал. Но ранен. Встать не могу.

Федюнинский попытался встать, но от боли, пронзившей ногу, едва не потерял сознание. Водитель Александров, видя его беспомощное состояние, сказал:

— И вас? В ногу? Пережмите повыше, чтобы кровью не истечь. Наши уже едут.

Помощь подоспела через несколько минут. Подъехала вторая машина, где сидели порученец майор Чуканов, адъютант Рожков и офицеры оперативного управления штаба фронта. Они наспех перевязали раненых, погрузили в машину и увезли на ближайшее дивизионное КП, где пострадавшими занялся врач. Потом на санитарной машине их отправили в госпиталь в деревню Горку.

Когда Федюнинского уже готовили к операции, в госпиталь приехали К. А. Мерецков и Л. З. Мехлис. Мерецков посмотрел на своего заместителя, на забинтованную ногу, и трагические морщина на его лице заметно расправились.

— Не волнуйтесь, Иван Иванович, — сказал он. — Все будет в порядке. Оперировать вас будет сам профессор Вишневский. А нам сообщили, что вас в голову ранило...

Федюнинского колотило. Он хотел сказать Мерецкову, чтобы принесли коньяка. Но в это время зашли санитары, переложили его на носилки и унесли в операционную.

Профессор А. А. Вишневский посмотрел на раненого, покачал головой. Сказал:

— Сейчас сестра сделает наркоз и колотить перестанет.

Операцию решили проводить под местным наркозом. От общего Федюнинский решительно отказался. Сказал:

— Ничего, потерплю. Вот только замерз. Прикажите хотя бы коньяку налить.

Вишневский усмехнулся и распорядился принести рюмку коньяку. Федюнинский выпил, и на какое-то время ощущение тепла, разлившегося по телу, его успокоило.

Операция длилась довольно долго. Когда профессор начал копаться в ране, вытаскивать осколок, а потом выковыривать куски одежды, стало совсем лихо, и Федюнинский попросил еще коньяку.

— Больше нельзя, — сказал профессор.

— А курить?.. Курить можно?

Профессор усмехнулся:

— Можно.

Ему подали зажженную папиросу. Сделал одну затяжку, и в голове сразу закружилось, как во время легкой контузии. Но и боль как будто бы ушла. А может, просто притерпелся к ней.

Осколок был большим, сантиметра четыре, плоский, как черепок, с острыми зазубренными краями. Профессор промыл его под краном и протянул Федюнинскому со словами:

— Возьмите на память. За успешное проведение операции «Искра».

— Возьму. Что и говорить, орден заслуженный. — И вдруг спросил: — А где мой Александров?

— С ним все в порядке. Операцию ему сделал мой коллега. Вынули несколько мелких осколков и отправили в тыловой госпиталь.

Он сделал еще одну глубокую затяжку, и снова закружилась голова. Курево ему всегда помогало. Папираса, как оказалось, действовала лучше рюмки коньяка.

Уже на утро Федюнинский почувствовал себя лучше. Несколько раз заходил Вишневский. Профессор сам делал перевязку. Внимательно осматривал рану. Через несколько дней сказал:

— Можем перевести вас в тыловой госпиталь. Там спокойней. Уход — лучше.

— Нет, профессор, позвольте мне остаться в здесь, в Горке. Мне с вами спокойнее. И если будете наливать мне хотя бы по рюмке коньяка, обещаю через неделю встать на ноги.

Рюмку коньяка приносили. Но реже. Читать много не разрешали. Лежал на госпитальной койке, смотрел на бревенчатую стену и изучал сучки. Они были разной формы. Некоторые, наполненные смолой, светились. Вспоминалась родная деревня, дом над речкой. Думал о Елене Владимировне, Леле... Начинал сочинять ей письмо. Письмо сочинялось непростое — в стихах. Строчки подбирались не сразу, стекались в ритмичную вязь. О том, как любит ее. О победе и снятии блокады. И ни слова о своем ранении.

Рана — пустяк. Сколько народу убито...

В палату иногда заходили офицеры, делились новостями, приносили газеты. Но основной беспроводной связью с миром и штабом фронта оставался порученец майор Чуканов. По предварительным подсчетам 2-я ударная, 8-я и 14-я воздушная армия, поддерживавшая ударную группировку Волховского фронта, только безвозвратно потеряла около двадцати тысяч человек. Ленфронт потерял около двенадцати тысяч убитыми. Погибли многие боевые товарищи. Григорий Пантелеевич Кравченко. Генерал, командир авиадивизии. Халхинголец. Дважды Герой Советского Союза. Они вместе учились в Москве. Каждый день он поднимался в небо на своем истребителе. В одном из воздушных боев его самолет был подбит. Кравченко выбросился с парашютом. Но немцы открыли огонь с земли. Пулей перебило вытяжной тросик парашюта, купол не раскрылся. Уже после завершения операции «Искра» во время авианалета погиб командующий бронетанковым и механизированным войскам Волховского фронта генерал-майор Николай Антонович Болотников. Прямое попадание авиабомбы в штабную землянку.

Общие потери противника — тридцать тысяч человек. Рубка была знатная.

Двадцать пятого января зачитали приказ Верховного Главнокомандующего: за успешные боевые действия по прорыву блокады Ленинграда объявлена благодарность войскам Волховского и Ленинградского фронтов. Сталин поздравлял их с победой.

Это была действительно большая победа. Здесь, на северном крыле советско-германского фронта, Красная армия одержала первую сокрушительную победу и закрепилась на новых рубежах. Противник был отброшен всего лишь на десять-двенадцать километров. Вроде недалеко. Но блокада была снята. Город задышал спокойней. Людей стали значительно лучше кормить. На фронте произошел перелом. Прорыв под Синявином не оставил шансов немцам и финнам соединиться для совместных действий. Советские войска начали накапливать силы для нового наступления.

Однажды в палате зазвонил телефон ВЧ. Он всегда молчал, так что порой хозяин палаты думал, что аппарат здесь стоит для полноты интерьера — палата-то генеральская. И вот зазвонил по-настоящему. В трубке послышался радостный голос генерала Мерецкова:

— Иван Иванович, мы с Львом Захаровичем сейчас к вам приедем!

Через полчаса Мерецков и Мехлис были у него. Мехлис торжественно зачитал указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении генерал-лейтенанта Федюнинского орденом Кутузова 1-й степени. Федюнинский принял красивый, недавно введенный орден и начал разглядывать генералов. На них были новенькие мундиры с погонами и золотыми звездами. В них было что-то старорежимное. Но шутить по этому поводу Федюнинский в присутствии Мехлиса не стал.

Во второй половине февраля Федюнинский встал с кровати. Начал ходить на костылях.

Снова зазвонил телефон. Звонили из Москвы, из Генерального штаба. Поинтересовались, как здоровье, настроение. Через два дня — снова звонок, оттуда же. И снова те же вопросы. Такая нетерпеливая забота о его здоровье показалась странной. Оставалось ждать. И вот аппарат ВЧ снова зазвонил. На этот раз сказали прямо: создались благоприятные условия для замыкания кольца в районе Демянска; ему предлагали возглавить ударную группу войск, которая должна была атакой с севера перехватить «рамушевский коридор», окончательно запечатать демянский «котел», а затем участвовать в его ликвидации.

Армии Северо-Западного фронта в это время окружили и прочно держали в полуокружении значительную группировку противника — около пятнадцати дивизий. Проклятый осколок, подумал Федюнинский с горечью. Он понимал, что в Генштабе это предложение сформировалось, скорее всего, с подачи Жукова. Нужен был командир с опытом подобных прорывов. Что говорить, шлиссельбургско-синявинский выступ они срезали лихо, одним махом. Федюнинский был доволен тем, как действовали соединения и части 2-й ударной и 8-й армий. Упорно ломили вперед, широко применяли артиллерию и авиацию, уверенно гасили контратаки и тут же, на плечах противника врывались в опорные пункты, при этом надежно распирали фланги, чтобы противник концентрированным ударом не подсек основание прорыва.

— Спасибо за доверие, — ответил он. — Но мне, к сожалению, нужно время. А пока я могу командовать только лежа на кровати. И непродолжительное время — на костылях...

Больше из Генштаба не звонили.

Проклятый осколок!..

А тут еще, как назло, пропал порученец.

— Где майор Чуканов? Почему его нет уже три дня? — спросил он адъютанта Рожкова.

— Заболел, — как-то нехотя ответил адъютант.

— Чем заболел?

— Не знаю... Чем-то заболел. Отправлен в тыл.

— Как — отправлен в тыл? Кем?

Адъютант пожал плечами.

Федюнинский забеспокоился. С майором Чукановым он работал давно. Майор был инициативным, умным, образованным человеком, и терять такого офицера не хотелось. Из госпиталя зашлют в армейский или фронтовой резерв, а там назначат куда-нибудь в дивизию или в армию на штабную вакансию. Он кинулся к ВЧ и начал звонить в штаб фронта.

И что оказалось!

Оказалось, что Военный совет фронта действительно отправил его в тыл — с поручением срочно доставить в деревню Горку под Ленинград Елену Владимировну Федюнинскую.

И вот дверь генеральской палаты распахнулась. Генерал, увидев жену, встал навстречу. Елена Владимировна окинула его беспокойным взглядом и тихо сказала:

— Опять в ногу.

Третье ранение в ногу, и снова в правую. Первое — на польском фронте в 1920 году. Второе — в 1939 г. на Халхин-Голе. И вот — третье...

Он ворохнул ногой, поправил штанину пижаму и ответил:

— А брюки целы...

Они рассмеялись и обнялись.

В штаб Волховского фронта Федюнинский вернулся в начале марта. Ходил первое время с палочкой, прихрамывая. Потом свою «помощницу» где-то потерял. Подозревал, что ее спрятал майор Чуканов.

Войска фронта вели подготовку для операции с целью улучшения положения в районе Синявинских высот. В один из дней на передний край прибыл представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко. С ним Федюнинский выехал на передний край в одну из дивизий 54-й армии. Маршал решил осмотреть район предстоящего наступления. Водители неосторожно выехали на открытое место, где и остановили машины. Немецкие наблюдатели тут же среагировали. Короткий огневой налет, последовавший буквально через минуту, живо напомнил Федюнинскому недавнюю историю у рощи Круглая...

К счастью, на этот раз стрелки на той стороне оказались неважнецкие. Снаряды рвались в стороне. Машины пришлось отогнать в лес.

— Товарищ маршал, давайте спустимся в блиндаж, — предложил Федюнинский Тимошенко.

Тот, не отрываясь от бинокля, сказал:

— Знаю, вы недавно из госпиталя. Осколочное ранение при сходных обстоятельствах. Понимаю ваше беспокойство. Можете спуститься в укрытие. Я пока постою здесь. Оттуда ни черта не видно.

Никто никуда не пошел.

Наступила весна. Леса вокруг помолодели. Природа встрепенулась. Окопы и блиндажи обросли подснежниками.

По новой железнодорожной ветке, проложенной по южному берегу Ладожского озера, пошли поезда. В Ленинград сплошным потоком шли грузы — продовольствие, армейское снаряжение, сырье для промышленных предприятий. Из Ленинграда на фронт составы везли тяжелые танки КВ. Город-солдат по-прежнему оставался в строю. Теперь, наладив полноценный и устойчивый подвоз, Ленинград сражался еще яростнее.

В эти весенние дни Федюнинский получил новое назначение.

История и современность

Леонид ИВАШОВ

ТАВРИДА ИЗМЕНЯЕТ МИР

*Геополитический смысл
«Ялты—1945»*

*К 75-летию
Великой Победы*

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

*С берегов Тавриды в сорок пятом
Запущен обновленный мир.*

Л. Г. Ивашов

В октябре 2019 г. в Сочи состоялся форум Россия — Африка. Форум довольно представительный: делегации из 54 африканских стран, более 40 из которых возглавили главы государств. СМИ запестрели заголовками типа «Россия возвращается на африканский континент». Естественно, я попытался разобраться в причинах «возвращения» и его вероятных последствиях. И вообще — в том, что подвигло нынешнее руководство и олигархическое бизнес сообщество РФ пойти на этот очевидно популистский шаг. И, конечно, пытался найти в этом мероприятии высокий геополитический смысл. Но, увы: списание долгов африканских стран Советскому Союзу на 20 млрд долларов и заключение новых контрактов почти на 800 млрд рублей. То есть, чистый бизнес и никакой геополитики. Простить долги, которые никто не желает отдавать государству по имени РФ, и позволить российскому провластному бизнесу пополнить свои кошельки. Но в целом это неплохо, что в российских верхах вновь нашли на карте большую Африку. На российско-африканском саммите, к моему глубокому сожалению, не было сказано ни слова о действительно великом событии, коренным образом изменившем ситуацию на африканском континенте, событии, позволившем выжить многим народам и племенам Африки — о Ялтинской встрече лидеров СССР, США, Великобритании. Попробую разморозить эту тему.

**«Лучше коммунизм,
чем нацизм»**

4 февраля 2020 г. исполняется 75 лет со дня открытия Ялтинской конференции, на которой встрети-

лись Ф. Д. Рузвельт — президент США, У. Черчилль — премьер министр правительства Великобритании и И. В. Сталин — председатель правительства СССР. Она была одной из трех встреч лидеров держав антигитлеровской коалиции: тегеранской (1943), ялтинской (февраль 1945) и потсдамской (июль 1945). Но первая конференция трех держав состоялась в Москве 29 сентября — 1 октября 1941 г., на которой из лидеров трех держав присутствовал только И. В. Сталин. Британскую делегацию возглавлял лорд Бивербрук, министр снабжения, американскую — личный представитель Президента США посол Гарриман. Основным содержанием Московской конференции были, естественно, вопросы оказания помощи Советскому Союзу и согласование некоторых международных вопросов, непосредственно влияющих на ход военных действий. Следует также отметить, что президент Рузвельт (США еще не находились в состоянии войны с Германией) и премьер-министр Черчилль с первых дней гитлеровской агрессии против СССР однозначно встали на сторону Советской России и выразили готовность оказывать нам помощь. И, действительно, оказывали. Помощь для СССР была жизненно важной, по крайней мере, в первом периоде войны. И это не только вооружение и продовольствие, автотранспорт, но и огромный перечень металлов, порохов, химикатов, других различных средств, необходимых для оборонной промышленности. Развязывание Гитлером войны 1 сентября 1939 г. нападением на Польшу отрезвило многих политиков Запада. Уже 6 октября 1939 г. У. Черчилль на встрече с советским послом И. Майским заявил: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир (с Германией. — Л. И.). Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм»¹.

22 июня 1941 г. У. Черчилль первым из лидеров иностранных государств, твердо заявил о поддержке СССР и о готовности оказать «России

¹ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 12

и русскому народу всю помощь, которую только сможем». Примерно то же самое выразил президент США Ф. Рузвельт 24 июня 1941 года. Уже 27 июня 1941 г. британская военная и экономическая миссия прибыла в Москву, через неделю российская военная миссия направилась в Лондон и Вашингтон. 12 июля в Москве было подписано советско-британское «Соглашение о совместных действиях в войне против Германии». В конце августа 1941 г. по согласованию между правительствами двух стран советские и британские войска вошли в Иран, чтобы предотвратить вовлечение страны в войну на стороне Третьего Рейха. Плодотворно развивалось сотрудничество трех стран в ходе всей войны, что сближало взгляды сторон на послевоенное мироустройство. Но именно Ялтинская или Крымская встреча трех лидеров стала определяющей для судеб послевоенного мира. Контуры послевоенного мироустройства, послевоенные западные границы СССР, конструкция Европы после разгрома гитлеризма впервые были поставлены И. В. Сталиным еще во время встречи с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в декабре 1941 года. В Тегеране лидеры держав «рассуждали» о послевоенном мироустройстве, рисовали его абстрактные контуры, дискутировали о будущем Германии, Европы, международном механизме предотвращения войн, в немецком Потсдаме подписывали соглашения и решения стран-победителей, облакали будущий миропорядок в правовые и концептуальные формы. Но Ялта стала тем местом, где вырабатывались эти решения, определившие во многом судьбы народов всей планеты. Г. К. Жуков, говоря о Потсдаме июля 1945 г., подчеркивает: «При рассмотрении этих важнейших задач участники конференции были связаны решениями, ранее принятыми на Крымской конференции трех великих держав»¹. И эти решения, пусть где-то в искаженном виде, продолжают определять современный мировой политический процесс, правила поведения государств и цивилизаций. Так что, «Ялта—1945» — это особая, уникальная веха в истории человечества, в истории тех 54 стран Африки, представители которых прибыли на форум в Сочи.

Сомнений не должно быть, что на Западе постараются юбилейное (Ялта—1945) событие не заметить, или, по крайней мере, принизить его значение, потому как уже вбито в головы послевоенных поколений: победу над гитлеровской Германией одержали американцы при помощи англичан, они же спасители мира, а СССР здесь совершенно ни при чем. Но даже у самых отпетых патриотов США возникнет вопрос: а почему американский президент и британский премьер, рискуя жизнями, двинулись в какую-то советскую Ялту решать послевоенные судьбы всего мира. Для российских либералов (в первую очередь от власти) эта дата тоже ложка дегтя в бочку награбленного богатства России: как могла разрушенная революцией, гражданской войной и иностранной военной интервенцией страна за 20 лет превратиться в мощную державу, способную остановить нашествие практически всей Европы, да еще и заложить основы будущего миропорядка. Придется сравнивать те результаты с результатами 30-летней «демократизации» страны, придется упоминать Сталина, который, несмотря на всю разнузданную хулу, становится кумиром для нынешней российской молодежи, не говоря уже о старшем поколении. Но мы будем говорить геополитическую

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В трех томах. М., 1995. Т. 3. С. 328.

правду об этом событии, повернувшем ход истории человечества. Благодаря беспримерному подвигу советского солдата, превосходству военной мысли русского офицерского корпуса, гениальности Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, творчеству и изобретательности инженерно-конструкторского сообщества, трудовой жертвенности всего советского народа.

Здесь, в Ялте, 4 февраля 1945 г. были заложены основы нового миропорядка, приняты небывалые ранее решения, изменившие судьбы всех народов земной цивилизации. Отсюда, с берегов полуденной Тавриды, поплыла, растекаясь по земному шару, новая эра человечества. Здесь был поставлен политико-правовой крест на колониальной политике капитализма.

На пути к «Ялте—1945»

Президент США Ф. Д. Рузвельт, начиная с 1942 года, неоднократно обращался к И. В. Сталину с предложениями о встрече в двустороннем или в трехстороннем формате. Предлагались и различные места для саммита, включая территорию США, север Африки, даже Берингов пролив и прочая экзотическая география. Естественно, на встречу на территории Советского государства Ф. Рузвельт не напрашивался, как это делал Черчилль, а советская сторона на готовность принять президента США не намекала. Иосиф Виссарионович согласился на встречу только после Курской битвы, коренным образом изменившей ход войны, предложив местом встречи избрать Тегеран. Коренной перелом в ходе Второй мировой войны серьезно поднял авторитет СССР и геополитический статус И. В. Сталина в системе тройки лидеров. Отказ от территориальных предложений Рузвельта о месте встречи он мотивировал необходимостью быть, как Верховному Главнокомандующему, ближе к театру военных действий. Избрание местом встречи столицы Ирана укрепляло позиции Москвы в этом ключевом регионе Среднего Востока, тем более, что на территории этого государства находились советские войска и действовала развитая система военной разведки СССР. То есть, это была территория, находившаяся в зоне интересов и влияния Советского Союза. Одновременно это был компромисс с союзниками, позволявший Ф. Рузвельту и У. Черчиллю сохранить политическое лицо внутри страны, так как британские и (в меньшей степени) американские компании активно работали в Иране. Естественным логичным шагом при организации следующей встречи должна была стать территория СССР, что закрепляло бы решающий вклад советского народа в разгром фашистской Германии. Иной вариант принижал бы роль страны Советов и статус И. В. Сталина. Но присутствовала еще одна немаловажная деталь: у Сталина с Рузвельтом на основе взаимного уважения сложились «негласные» доверительные отношения. Оба были заинтересованы в ослаблении позиций Англии и персонально У. Черчилля, стоящих за ним британских и американских кругов, а также в укреплении политических позиций друг друга — лидеров двух ведущих мировых держав. Причины тому были разные, но интерес был обоюдовыгодным. Выигрывали от такого подхода США, СССР и все человечество, проигрывали британская политическая и финансовая элита и связанные с ними американские группировки, включая ряд американских генералов. Полагаю, не будет авторским заблуждением предположить, что Ф. Рузвельт искренне желал укрепления позиций СССР и лично Сталина на международной арене.

не. Нет, он не был социалистом (хотя его оппоненты обвиняли в этом) и тем более большевиком-коммунистом, и не желал победы социализма на планете Земля. Как и И. В. Сталин не желал укрепления капитализма, и тем более американского империализма, но к Рузвельту относился с уважением и шел ему навстречу там, где компромисс был возможен. Они оба были реалистами и масштабными личностями, возможно, самыми масштабными политиками XX столетия. Рузвельт осознавал силу социалистической идеи и грандиозность советского проекта, организаторскую мощь и планетарную гениальность сталинского таланта, понимания им мирового исторического процесса. Осознавал он и беспримерное мужество и стойкость советского народа, невиданный в истории героизм и духовный подъем, сплоченность вокруг своего вождя.

«Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир. После войны наша страна всегда будет рада поддерживать отношения добрососедства и искренней дружбы с Россией, чей народ, спасая себя, помогает спасению всего мира от нацистской угрозы».

Франклин Делано Рузвельт

Сталин, в свою очередь, высоко ценил здравый подход к мировым проблемам и к характеру военных действий президента США, в то же время понимал его реальные возможности и силу противников его курса. И, конечно, Сталин желал иметь дело с такой личностью, как Рузвельт, чем с какой-то посредственностью, типа Г. Трумэна. Еще одним сближающим позиции Сталина и Рузвельта мотивом являлось негативное отношение к Черчиллю. Нелюбовь Сталина к Черчиллю была понятна: это матерый русофоб и антикоммунист, твердо исповедовавший расовую политику в отношении народов британских колоний, в международных делах исходил только из позиций выгоды для господствующего класса Англии. Россию Черчилль ненавидел и презирал, и даже в годы войны, особенно когда стало ясно, что Союз выстоит и блицкриг не состоялся, делал все, чтобы как можно больше ослабить ее мощь. Но одновременно, особенно в начале войны, в лице Советской России он видел спасение Британии. Для Рузвельта Уинстон Черчилль был главой правительства страны-соперника и как личность неприятная во многих отношениях. Плюс Черчилль был выходцем из рода британских аристократов, запустивших в мир колониализм, рабство, расовую ненависть. Американский президент наследовал (как и его более скромный род) политические принципы Линкольна и Дж. Вашингтона, ценил свободу и независимость своего и других народов. Рузвельт неоднократно в переписке и в личных беседах заявлял о неприемлемости жестокого обращения англичан с колонизированными народами. В одной из телеграмм Ф. Рузвельт жестко спрашивал у британского премьера, почему англичане даже не убирают с улиц трупы убитых и умерших местных жителей колонизированных ими стран. Вот один из ответов Черчилля на подобные обвинения, озвученный его личным секретарем Дж. Колвиллом:

«Премьер заявил, что индусы гнилая раса, которая спасается своим безудержным размножением от полной гибели. Он бы желал, чтобы Берт Харрис (командующий ВВС. — Л. И.) послал несколько лишних бомбардировщиков для их уничтожения».

Послушаем, что пишет Сьюзен Батлер о встрече в Ялте в довольно интересной и правдивой работе «Сталин и Рузвельт: великое партнерство». «Идену (министр иностранных дел Англии. — Л. И.) и Черчиллю было известно, что в сотрудничестве с Рузвельтом по формированию послевоенного мира они неизбежно столкнутся с проблемой — категорическим неприятием Рузвельтом постулата о превосходстве белой расы, на который опирались Британская империя и право Британии на управление своими колониями... По мнению Идена, президент США “надеялся, что бывшие колониальные территории, освободившись от своих угнетателей, станут политически и экономически зависимыми от Соединенных Штатов”. Это было политическое заблуждение Идена и Черчилля, не понимающих концепцию Рузвельта: не зависимость, а независимость стала бы наилучшим экономическим решением проблем человечества. Они не понимали и того, что **американский президент был убежден: диктат и сохранение колониальных империй явились глубинной причиной возникновения второй мировой войны** (выделено мной. — Л. И.). Но Иден и Черчилль этого не понимали. Сталин понимал. Молотов, скорее всего, нет»¹.

Президенту США после трагедии Перл-Харбора (декабрь 1941 г.) докладывали (доверительно), что английская разведка якобы знала о планах японцев по уничтожению американского флота, но руководство страны не проинформировало Вашингтон. Основания у британцев для этого были: гитлеровцы бомбили Лондон и другие города, топили английские корабли, угрожали вторжением на британские острова, но США в войну не вступали, считая ее европейской войной. Памятны были действия премьера Англии Чемберлена и политического класса «туманного Альбиона», поощрявшие Гитлера к развязыванию войны и походу на Восток. Высокообразованный аналитик Франклин Рузвельт видел и то, что скрыто для других: у истоков первой и второй мировых войн стояла элита, финансовые круги и тайная стратегия Великобритании. Германия лишь исполнитель этих тайных и неведомых ей замыслов. После атаки на Перл-Харбор США тут же официально вступили в войну против Германии, Италии и Японии. Противоречил Черчилль Рузвельту и в вопросах помощи Советскому Союзу. Но были и более серьезные, геополитические противоречия между США и Великобританией: кто станет лидером послевоенного западного мира, мира капитализма в целом? Было ясно — тот, кто меньше пострадает в ходе военных действий, усилит свою совокупную мощь и внесет больший вклад в победу. В 1944 г. Бреттон-Вудским соглашением, где доллар был объявлен мировой резервной валютой, США торжествовали победу над Британией. Черчилль и Рузвельт диаметрально расходились и в вопросе деколонизации.

Но все же главное, на мой взгляд, что вызывало политические взаимные симпатии Рузвельта и Сталина, это отрицательное отношение к войнам, колониализму, геноциду народов и стремление выстроить мир без

¹ Батлер С. Сталин и Рузвельт: великое партнерство. М., 2017. С. 427–428.

войн и агрессий. Что и нашло отражение в заключительном коммюнике Конференции.

Есть среди историков мнение, что Рузвельт имел намерения с помощью доллара и американской экономики поставить значительную часть мира под американский контроль и сильно влиять на положение в Советском Союзе. Возможно. Но и Сталин имел козырь: советский представитель подписал Бреттон-Вудс, но Верховный Совет СССР не спешил его ратифицировать.

Что касается советского предложения о месте Конференции, то здесь тоже присутствовала, на мой взгляд, совместная интрига Сталина и Рузвельта. Советский Союз был серьезным должником США еще с периода индустриализации. Американские компании участвовали в строительстве и запуске около 600 крупных заводов в СССР, делились технологиями и, конечно, кредитовали проекты. В годы войны возникли новые огромные потребности, и Соединенные Штаты, как могли, помогали нам выстоять, но, естественно, не бесплатно. Рассчитывались Советы тоже чем могли: золотом, зерном, пушниной, но этого было явно недостаточно. Поэтому Крымский полуостров стал залоговой гарантией по советским долгам. Американская элита понимала, что СССР рассчитаться не сможет, и Крым за долги отойдет к Америке. Деловые люди в США, особенно еврейской национальности, уже строили разные проекты по Крыму, но самым популярным и влиятельным в годы войны стал проект «Калифорнийская Таврида». Было создано акционерное общество, выпускались акции, издавалась газета с таким же названием. Определенные круги США распространяли идею сделать Ялту новым Иерусалимом, а Крымский полуостров — Израилем (Новой Хазарией). И эта идея набирала популярность, а поддержка еврейской общины была очень важна для Рузвельта, против которого нарастало давление со стороны консервативных кругов, включая некоторых влиятельных генералов. Особенно эти круги были недовольны политикой Рузвельта в отношении помощи Советскому Союзу. Далеко не все решения Рузвельта находили поддержку в конгрессе. Сталин, со своей стороны понимал, что в Москву приглашать Рузвельта и Черчилля — означало ослабить позиции президента США, дать повод его критикам для разжигания русофобии и антисоветизма. А значит, конфронтация с могучей Америкой. Чего Сталин и советский народ очень не желали. Поэтому и была предложена «Калифорнийская Таврида» для совещания «тройки». А чтобы поиграть ценой, были продемонстрированы, с одной стороны, тотальные разрушения и варварство гитлеровцев, с другой — великолепные исторические архитектурные комплексы, прекрасная природа и море. Видимо, эти обстоятельства подтолкнули Рузвельта к решению предоставить Советскому Союзу кредит в 10 млрд долларов США на восстановление страны. (Впоследствии Трумэн, став президентом, в кредите отказал.) Но и Крыма с Севастополем американцы тоже не получили: Сталин, на удивление даже американским евреям-финансистам, стал расплачиваться золотом.

Ялта—1945 — геополитический разворот мирового процесса развития

О ходе Конференции, сложных перипетиях Ливадийского дворца и принятых решениях написано много и подробно. Как говорится, нам оста-

ется подвести геополитические итоги. И для начала воспроизведем некоторые оценки главных участников, они наглядно показывают победителей и проигравших. Начнем с Иосифа Виссарионовича Сталина, который также подвергался критике своих соратников, обвинявших его в заигрывании с империалистами. Да и не все командующие и генштабисты хотели закончить войну на Одере, кое-кому хотелось форсировать Ламанш. Сталин желал мирного строительства социалистического государства и безопасного миропорядка. Поэтому он заявил после Конференции:

«Сотрудничество и взаимопонимание между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией вовсе не является проявлением беспринципности и конъюнктурности, а скорее твердой и постоянной политической линией».

И. В. Сталин

В этой фразе звучит стремление избежать раскола человечества на противостоящие друг другу лагеря и новой мировой войны, что созвучно с мыслями американского президента. Сталин остро надеялся на развитие тесного сотрудничества с Франклином Рузвельтом именно по вопросам международной и взаимной безопасности США и Советской России. К глубокому сожалению, 12 апреля 1945 г. президента США не стало. Остались, и по сей день работают: его детище — Организация Объединенных Наций, принципы международной политики, заложенные в Устав ООН, запрет на колонизацию и геноцид народов, принцип равноправия и многое другое.

Вот его оценка результатов Конференции. В центр внимания Ф. Д. Рузвельт ставит реализацию мечты его жизни — образование всемирной организации для установления мира без войн и насилия.

«На Крымской конференции три ведущих державы совместными усилиями смогли найти точки соприкосновения для достижения мира. Это должно означать конец системы односторонних действий, исключительных союзов, сфер влияния, баланса сил и всех других средств, которые были опробованы на протяжении многих веков — и всегда неудачно. Мы предлагаем заменить все это всемирной организацией, к которой наконец-то смогут присоединиться все миролюбивые государства».

Франклин Делано Рузвельт

Наверное, только он и И. В. Сталин в полной мере понимали величие совершенного, грандиозность впервые в истории человечества создаваемой организации, которой все страны мира делегируют право подавления войн и наказания агрессора. Причем, Рузвельт закладывал динамику развития и совершенствования ООН: «Организация Объединенных Наций превратится в самый совершенный инструмент прекращения войны, ничего подобного пока еще не было придумано. Кроме того, она положит начало для создания все новых и новых инициатив, которые последуют за этим».

То есть, создание устойчивой и эффективной системы международной безопасности, кардинально ломающей прежний сложившийся миропорядок, было не проявлением популизма президента США, недавно избранного на четвертый срок своего президентства, но убеждением политика и граждани-

на мирового уровня. В главной советской газете «Правда» в связи со смертью президента США Ф. Д. Рузвельта был дан обширный материал, среди которого и статья под названием «Глашатай мира и безопасности». В ней были приведены цитаты из написанной, но не оглашенной (в связи с кончиной) речи Ф. Д. Рузвельта: *«Работа, мои друзья, — это мир. Больше, чем конец этой войны, — конец всех войн. Да, конец, полное прекращение этого непрактичного, нереалистичного урегулирования разногласий между правительствами посредством массового убийства народов»*. Вот как видел великий американский президент итоги Ялтинской конференции и создание ООН. И в И. В. Сталине он (может быть, неожиданно для себя) нашел надежного союзника. И Сталин в соболезновании Элеоноре Рузвельт не побоялся таких высокопарных фраз в адрес Ф. Д. Рузвельта: *«он был великим организатором борьбы свободолюбивых наций против общего врага и ...лидером в деле обеспечения безопасности всего мира»*. («Известия» от 13.04.1945). Вот так главный коммунист мира оценивал роль главного капиталиста!

Другим важным вопросом, который решался в февральской Ялте 1945 г., была деколонизация. И здесь также политические взгляды Рузвельта и Сталина были близки. Теория социализма рассматривала колониализм с классовых позиций, считала его особой формой эксплуатации трудящихся масс, и антиколониальную борьбу за независимость считала справедливой. Иосиф Виссарионович, естественно, следовал этой теории и развивал ее. Франклин Рузвельт, как указывалось выше, не только выступал против колониализма, но и считал его источником Второй мировой войны. В работах И. В. Сталина, даже в ранних, не раз подчеркивалась роль колониализма (борьба за колонии) как источника и первопричины Первой мировой войны. Так что и в этом вопросе обнаружилась близость политических взглядов и подходов к проблеме колониализма. Вот что писал Ф. Рузвельт после посещения в ходе войны британского протектората Гамбии (Африка): «Мне в жизни не довелось видеть ничего ужаснее... Коренное население отстало от нас на пять тысяч лет... Британцы там хозяйничают уже целых двести лет, и на каждом вложенном в Гамбию долларе они зарабатывают десять... “Большая четверка” (мы сами, Британия, Китай и Советский Союз) будет отвечать за мир на планете... Эти державы возьмут на себя задачу обеспечения образования, повышения уровня жизни и состояния здоровья всех отсталых, угнетенных колониальных территорий. А когда эти территории получат шанс на развитие, им должна быть предоставлена возможность получить независимость... Если этого не сделать, мы должны осознавать, что стоим на пороге новых войн»¹.

Эти мысли, безусловно, были близки советскому лидеру, и СССР воплощал их после войны в своей политической практике. Вопрос о запуске в Ялте процесса деколонизации человечества был решен в феврале 1945 г. двумя великими политиками. Возможно, тем самым один из них подписал себе смертный приговор. Об этом мне в США не раз намекали ветераны американской политики и генералы. Но, тем не менее, колониальная система была разрушена, и это огромный шаг в развитии человечества. Обсуждались и многие другие вопросы, находились компромиссные решения, в чем-то Рузвельт и Сталин шли на уступки Черчиллю, но в глав-

¹ Батлер С. Сталин и Рузвельт: великое партнерство. М., 2017. С. 401–402.

ном уступок не было. А главное — недопущение новых войн и геноцида народов.

Уинстон Черчилль проиграл двум гигантам. Понимая, что британская элита и мировая закулиса ему этого не простят, он саркастически оценивает итоги Конференции и запускает контригру, которая вскоре зазвучит в полную силу как «холодная война».

«Ялтинская конференция — приятная в гастрономическом отношении, бесполезная — в военном, угнетающая — в политическом... Я стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать на церемонии распада Британской империи».

Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль

Геополитические итоги Ялты—1945

Четкой повестки дня Ялтинской конференции не было. Лидерствовал в формировании тем для обсуждения президент США. Действовал он очень гибко, но настойчиво. По большинству предлагаемых тем с ним соглашался И. В. Сталин. Обобщая, можно выделить в качестве повестки дня Ливадийского форума следующие вопросы:

- Строительство безопасного и справедливого послевоенного миропорядка.
- Образование ООН.
- Деколонизация человечества и предотвращение геноцида народов.
- Обеспечение надежной безопасности своих стран и предотвращение войн.
- Послевоенное устройство Европы и судьба Германии.
- Военные действия против Японии.
- Судебное преследование гитлеровского руководства.

Первые три вопроса повестки были главными, все остальные вопросы отходили на второй план и были предметом уступок и компромиссов.

Имея определенный опыт в сфере международной политики и двусторонних отношений, могу с высокой степенью достоверности предположить о существовании неформальной связи между советским и американским лидерами через доверенных лиц. И это были не только Г. Гопкинс и А. Гарриман. Во время службы в высоких инстанциях военного ведомства довелось слышать (и читать) о том, у Иосифа Виссарионовича были источники зарубежной информации из числа сотрудников военной и политической (имперской) разведки Российской Империи. Но работать на советский режим, на Сталина в его противостоянии с Троцким они стали на определенных условиях. И то, что звучало иногда в пожеланиях, намеках или критике Ф. Рузвельта (а иногда публично не озвучивалось), исполнялось И. Сталиным. Порой создавалось впечатление, что американский президент очень желает возродить в Советской России некоторые традиции России царской. Некоторые моменты, вообще-то, не имели никакого значения для интересов США. Но Рузвельт о них упоминал в переписке со Сталиным. Сьюзен Батлер в своей книге (С. 183) отмечает: «Как Рузвельту стало известно, Сталин пошел ему навстречу по трем важным вопросам еще до начала планирования

конференции (речь идет о тегеранской встрече): религия, Коминтерн и Китай. Рузвельту было особенно приятно, что Сталин изменил свою позицию ...в отношении Китая, согласившись с тем, что он может стать четвертым «международным полицейским»». Давайте посмотрим, что было изменено в СССР к началу Ялтинской встречи:

- роспуск Коминтерна и развитие отношений с компартиями на двусторонней основе;
- изменение гимна: Интернационал отменяется, новый гимн отражает национальную российскую традицию;
- восстановление в правах Русской Православной Церкви и возвышение ее роли в советском обществе;
- отмена института комиссаров в армии;
- изменение статуса офицерского корпуса, введение погон, возвращение традиций русской армии, образование офицерских собраний.

Изменялось и отменялось то, за что не на жизнь, а на смерть сражались красные и белые на фронтах гражданской войны. Ялта как бы примирила стороны гражданской войны в России.

Величие и всемирно-историческое значение Ялтинской конференции трудно переоценить. И сегодня, в условиях системного кризиса человечества и неопределенности его будущего, возвращение в февраль 1945 г. актуально и необходимо. Необходимо, потому что нынешнее поколение политиков, финансовых воротил и ТНК, как и «семерки», «двадчатки», «давосы», подзабыли истоки и ужасы Второй мировой. Необходимо, чтобы напомнить и о великих руководителях мировых государств, посланных нам небесами, чтобы устроить человеческий мир по-человечески. Убежден: забредшее под руководством Запада в очередной тупик человечество в поисках выхода из системного кризиса и угрозы новой мировой войны вынуждено будет вернуться к Ялтинским истокам.

Вот что автору хотелось бы услышать на форуме «Россия — Африка», да и приурочить его следовало бы к юбилею «Ялты—45». Тогда бы и списание долгов африканским странам было бы кстати. И это была бы геополитика, а не торгашество. Ведь деколонизация — это не просто освобождение народов от колониального рабства. Это и формирование геополитической прослойки между Западом и Востоком, между капитализмом и социализмом. Это третий мир, политически оформившейся после Второй мировой войны в Движение неприсоединения и много сделавший для разрядки остроты противостояния между миром капитала и миром социализма.

Точка ЗРЕНИЯ

Николай СТАРИКОВ

СПОР ОБ ИСТОРИИ С «ПОЛЬСКИМ ГОЛУБЕМ»

*К 75-летию
Великой Победы*

Николай Викторович Стариков — родился в 1970 г. в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти, общественный и политический деятель, писатель, историк, блогер, публицист. Основатель и идейный лидер общественной организации «Профсоюз граждан России» и партии «Великое Отечество». Член «Изборского клуба». Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург». Автор 20 книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Есть такое выражение, даже анекдот.

«Спорить с дураком — все равно, что играть в шахматы с голубем. Он раскидает фигуры, нагадит на доску и улетит всем рассказывать, как он тебя уделал».

В последнее время именно так выглядит дискуссия с польскими «партнерами» по поводу начала Второй мировой войны. Эту дискуссию начал Президент России В. В. Путин, не раз высказавшись на тему реального польского вклада в провоцирование Второй мировой войны. Надо сказать, что глава нашего государства был крайне мягок и дипломатичен, так как не сказал, что без Польши и ее поистине огромных усилий начаться самая разрушительная война в истории просто бы не могла. Доказать этот тезис проще пареной репы. Претензии Германии на польскую территорию были общеизвестны задолго до прихода Гитлера к власти. Ведь в 1918 г. Польша была снова «самопровозглашена» Пилсудским и сделана из кусков территории, которые до этого более века были частью территории России, Германии и Австро-Венгрии. Поэтому появление Польши на карте не могло не вызвать военных и политических конфликтов сразу с несколькими странами, к числу которых сразу добавилась Литва и Чехословакия.

Так вот именно Польша в 1934 году заключила с молодым и только что пришедшим к власти канцлером Германии А. Гитлером Пакт Гитлера-Пилсудского, ознаменовав появление у нацистов первого европейского союзника. Не заключи этот Пакт Пилсудский с Гитлером, как бы будущий глава Третьего рейха нарушал Версальский договор, если этим автоматически создавал претензии на польские территории? Ответ — никак. Война Польши и Германии в

1939 г. закончилась для поляков печально, но ее угроза в 1934—1935 гг., когда у Германии, по существу, не было армии, немедленно привела бы к свержению А. Гитлера. Заяви Варшава, что любое нарушение немцами Версаля и статуса-кво немедленно приведет к войне с Польшей, и путь нацистов к дальнейшему усилению был бы наглухо закрыт. И даже неважно, какую бы позицию заняли Париж и Лондон — да хоть нейтральную!

Но речь сейчас не об исторических проблемах, а... о способах их ведения. Поскольку польская позиция полностью состоит из позиции Запада, выработанной еще в 1947 г. в Вашингтоне и Лондоне, то российские либералы строго придерживаются точно такого же взгляда на историю. Стержень этой концепции состоит в том, что в развязывании Второй мировой в равной степени виноваты Германия и СССР. Поскольку Германии на вторую половину 40-х годов как самостоятельной и суверенной силы уже не было, то получалось, что из действующих мировых акторов виноват исключительно Советский Союз. С Гитлера-то какой спрос — он застрелился. Некоторых подручных повесили в Нюрнберге. Получалось, что теперь главные виновники Второй мировой — это Сталин, Москва, СССР и советский народ. Как видите, «легким росчерком пера» главную жертву той войны превратили в главного виновника. (Последствий у этого действия было много, вплоть до нарушения союзниками договоренностей по репарациям в пользу СССР!)

Вот почему подобная концепция «вины СССР—России» так важна для Запада.

Понимая это, Сталин еще в 1948 г. выпустил в СССР брошюру «Фальсификаторы истории», в которой спокойно и аргументировано разбивается вся ложь о той войне. Ее надо внимательно прочитать всем, кто хочет разобраться в истории и уверенно себя чувствовать в дискуссиях.

Так вот — о дискуссиях.

В «Фальсификаторах истории» в первых строках предисловия описан главный «приемчик», с помощью которого исторические шулера передергивают факты. Стараясь во всем обвинить СССР—Россию.

«В конце января Государственный Департамент Соединенных Штатов Америки в сотрудничестве с английским и французским Министерствами Иностранных Дел опубликовал сборник донесений и различных записей из дневников гитлеровских дипломатических чиновников, снабдив этот сборник таинственным заглавием “Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.”... Обращает на себя внимание при этом то обстоятельство, что в опубликованный сборник оказались включенными лишь материалы, относящиеся к 1939—1941 гг., материалы же, относящиеся к предшествующим годам и, в частности, к мюнхенскому периоду, в сборник Государственным Департаментом **не включены** и, таким образом, скрыты от мирового общественного мнения. Это, конечно, не случайно и преследует цели, не имеющие ничего общего с объективным и добросовестным отношением к исторической правде».

Фальсификаторы истории

Фокус в том, что к 1939 г. соотношение сил в Европе и мощь Германии неизмеримо возросла и Гитлер МОГ начать войну. В 1934—1938 гг. он к реальной войне не готовился! План удара по Польше, то есть ПЕРВОЙ военной операции Третьего Рейха (план «Вайсс» — Белый план), Гитлер отдал приказ разработать только 1 апреля 1939 года. Когда при попустительстве

Запада и Польши немцы вошли в начале 1938 г. в Австрию и присоединили ее к Рейху, то половина германских танков не смогла доехать до Вены, забив поломанными машинами все дороги к австрийской столице.

Но Запад и Польша со всеми действиями Гитлера соглашались. Варшаве они были выгодны. Сразу после присоединения Австрии к Германии, весной 1938 г. поляки попытались точно так же присоединить к себе Литву. Начались провокации на польско-литовской границе, угрозы и ультиматумы из Варшавы. Только «беседа» советского руководства с польским послом и угроза военного вмешательства Москвы в дело защиты Литвы от Польши остудила пыл польских националистов.

Но это еще не все.

Когда Гитлер угрожал Чехословакии и требовал отдать ему Судеты, населенные немцами, СССР заявил, что выполнит обязательства, которые имел по договору с чехами. То есть: если Прага окажется в войне с немцами, Москва направит на помощь чехам войска. В этот момент Польша заявила, что не допустит вступления Красной армии на свою территорию и будет сбивать самолеты, летящие на помощь Чехословакии. Объясняя это поведение Польши, нам говорят, что она «боялась» большевиков. Это значит не только, что поляки не боялись Гитлера, будучи его союзниками. Это значит, что Польша вместе с Германией собиралась «откусить» себе немного Чехословакии! И сделала это самым подлым образом. Когда чехи под давлением Лондона и Парижа подписали документы Мюнхенского соглашения (так называют совещание Гитлера, Чемберлена, Муссолини и Даладье 29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене), по которому часть территории Чехословакии отходила Гитлеру, они думали, что это все.

Не тут-то было! Через день Польша предъявила ультиматум Праге — или немедленная, в течение суток (!) передача Тешинской области (Заольшья), или — война! Чехи были вынуждены согласиться.

Думаю, что вопрос, почему поляки не сотрудничали с СССР в деле предотвращения усиления Германии, теперь очевиден каждому.

Следующей жертвой, чью территорию собирались делить Берлин и Варшава, был сам Советский Союз.

Но факты упрямая вещь. Оспорить факты невозможно, можно лишь начинать дискуссию с 1939 г., когда из-за позиции Лондона Варшава и Берлин поссорились в конце марта. Но как только начинаешь смотреть всю историю роста Третьего рейха — все сразу очевидно. Спорить невозможно. Можно лишь громко кричать и набрасывать факты вперемешку с ложью из более поздних периодов!

Именно так и ведут дискуссию и Польша, и наши либералы.

Вот пример.

Стоило мне опубликовать твит, напомнив о событиях 1938 г., как в ответ не появилось ни одного факта. А попытки сразу перескочить в 1939 и даже 1941 год.

Спрашиваешь, зачем Польша вместе с Гитлером делила Чехословакию, а они тебе про расстрелянного Тухачевского, про «не готового к войне Сталина», про сентябрь 1939 года. Про что угодно, лишь бы не отвечать на неудобный вопрос и не вести дискуссию о том, как Польша своими руками копала могилу. Думала, что копает ее СССР–России, а по факту оказалась в ней сама на долгие годы, вплоть до воссоздания Польши Сталиным.

Александр КУГАЙ

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ПАТРИОТИЗМ

Александр Иванович Кугай — родился в Запорожье, окончил Военно-политическую академию им. Ленина, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург). Полковник. Автор нескольких книг и многих статей. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Очевидно, инструментом давления на Россию выступает не только санкционная политика, но и политика, направленная на деперсонализацию национального самосознания, стимулирующая дискредитацию и дезавуацию самого понятия патриотизма в различных слоях общества. «Любая патриотическая идеология губительна для России. Сейчас это стало очень отчетливо видно. Патриотизм в РФ — это средневековое мракобесие», — утверждает президент общероссийского общественного движения «Союз Правых Сил» Леонид Гозман. Если раньше молодежь вдохновлялась трудом в заводских цехах, сегодня — отдельные ее представители — публичным перевираанием истории своей страны в цитадели ее недоброжелателей. «Была Маша с Уралмаша, теперь Коля с Уренгоя», доставленный с речью аж в Бундестаг.

Патриотизм — не столько рациональное, а сколько эмоциональное явление — изумительное чувство, как правило, непроизносимое вслух, поскольку «мысль изреченная — есть ложь» и лицемерие. Патриотические чувства — есть чувства сердечной любви, а трезвой любовь не бывает. Неслучайно, аллегорией нации признан образ Венеры, описанный Кристофером Уильямсом в картине «Пробуждение Уэльса». Патриотизм предстает как гностические — высшие человеческие чувства, складывающиеся из эмоций и представлений, принадлежности психических процессов нашему «Я».

Как глубокая и благородная эмоция сопричастности, патриотизм может экстраполироваться на разные явления, связанные с природными богатствами, культурой, спортивными достижениями, или с гордостью за страну, которая первой полетела в космос.

Можно вести речь о *естественном* патриотизме, присущем каждому человеку: годы детства, родственники, память предков, близкие, друзья, школа, природно-географический ландшафт, обстоятельства жизни, привычки, словом, любовь ко всей его «малой Родине». При уличных опросах молодежи «За что вы любите Россию?» набор ответов в различных населенных пунктах России одинаков: «За наших девушек — они самые красивые», «За наших самых мужественных мужчин», «За нашу необыкновенную природу, леса и реки», «Неразгаданная сказка, синеокая страна», «Я в березовые ситцы нарядил бы белый свет. Я привык тобой гордиться, без тебя мне счастья нет».

И — существует *государственно-гражданский* патриотизм — любовь к государству, его символам — мифам, эпосу, гербу и флагу, национальной культуре, необходимость в котором возрастает в зависимости от того, насколько то или иное государство (аппарат управления, власть — как его производные) нуждается в легитимации. Государственно-гражданский патриотизм, как любовь к «большой Родине», в значительной степени сконструированное явление — плод усилий элиты, социальных институтов по обеспечению национального единства. Патриотический строй мыслей и чувств начинает доминировать в жизни человека и общества тогда, когда речь идет о конкуренции и конфликтах с другими народами и государствами, международными политическими организациями. Присоединение Крыма взбудрило Россию, повысился градус патриотизма, страна сплотилась и плевать хотела на западные санкции, которые стали посылать и до сих пор шлют на наши головы. Крым стал той общероссийской скрепой, которой столь не хватало для поднятия с колен 90-х. Возникает вопрос: не дрогнет ли наша элита, значительная часть которой назначена, но не выросла из народа, припертая персональными санкциями, не отходящая от корыта, да и патриотизмом никогда не отличавшаяся, для которой патриотизм — ложка, которой можно успешно хлебать.

Таким образом, любовь, как основание патриотизма, обращена не только к ближнему кругу, окруженному мелкими заботами, но, пронизывая собою все слои социальности, ориентирована на отдаленный круг явлений, связанный с заботой об Отечестве. В трактате Цицерона «Об обязанностях» или «О должностях» (*De officiis*) — тексте, который был вторым по печатаемости в Европе XV–XVII вв. после Библии — представлена градация видов человеческой общности. Цицерон, исследуя разные варианты этой общности, утверждает: «Да, конечно, близкие, друзья, семья, город, человечество — они все важны и дороги, как некоторые типы сообщества. Но только ради *res publica* люди готовы умереть без колебания». А. Ф. Лосев, говоря о данном типе любви, заметил: «Это есть жертвенная любовь, а иной любви, без жертвы, быть и не может. Такая любовь к Родине открывает глаза человеку на то, что не видно ему обычно, что не видно никакому чужому и что вызывает насмешку у равнодушных и сытых».

Иначе: патриотизм нацеливает на подчинение личных интересов общественным («Жила бы страна родная, и нету других забот!»), воспринимаемыми как благо своего народа и государства. Патриотизм выражает жизненную позицию, исходящую из убеждения, что Родина (Отечество) — превыше всего. Составной частью нашего кода является то, что русский народ — народ государственник. В этой связи показательны, что, судя по вердикту МОК,

спецы WADA все же догадались, что самым мощным допингом для российских спортсменов является выступление под флагом своей страны.

Для русского менталитета является традиционным метафорическое сопоставление России, Родины с матерью. А мать, как известно, мы любим безотчетно и бескорыстно — не только, когда она успешна, но особенно, — когда она больна или находится в опасности, как это выражено в стихотворении Максимилиана Волошина «Святая Русь».

*Судаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?*

*Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко —
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самую желанной
Для заморских княжих сыновей?*

*Но тебе сыздетства были любви —
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.*

*Быть царёвой ты не захотела —
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменникам — ключи.*

*Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.*

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!*

Коктебель 1911 г.

Самосознанию элит ряда народов присущ *имперский патриотизм* — восприятие себя в качестве мирового (США, Россия, Китай) либо регионального (Германия, Англия, Франция, Польша, Турция) силового центра. Для ответа на вопрос: на каких сваях строить дом России, чтобы он выстоял под ударом землетрясений современного мира, лидер имперской идеологии А. Проханов обращается к самобытной идее «Пятой Империи», к ее спасительным технологиям как средству, которое в состоянии обеспечить будущность и долгоденствие драгоценной русской цивилизации в современном катастрофическом мире. Основание Пятой Империи — это, во-первых, осуществление масштабных и действенных проектов по сбережению народов России и прежде всего русского; во-вторых, решительное в массовом порядке перевооружение самой современной техникой армий и флота, единственных, по выражению Александра III, друзей Российской Империи; в-третьих, лавинообразное применение в экономике и в социальной сфере революционных, поистине сказочных технологий, полностью готовых в настоящее время к своему массовому использованию. Но главное состоит в восстановлении в повседневной жизни народа таких традиционных принципов, как справедливость, взаимопомощь и доброта. И когда критическая масса сообществ, живущих и действующих по законам Русской Правды, будет достигнута, когда они станут доминирующей силой в иерархии силовых структур, когда их усилий окажется достаточно, чтобы воплотить в жизнь проект Преображения России, тогда Пятая Империя будет основана. Очевидно, русская национальная идея, как понятие выступает атрибутом имперской государственной идеологии, для России это идеологически XIX век. Именно поэтому современные монокультурные и национальные государства не способны выработать национальную идею, особый национальный взгляд на философию истории (Украина, Грузия Молдова или Финляндия, Румыния, Болгария и т. п.). Для этого они слишком малы, поскольку — не были империями и не являются ими.

Выделяют *этнический патриотизм*, зачастую перерастающий в радикальный национализм, утверждающий, что наш этнос и страна — это нечто, а все остальные недоумки, недостойные существования. Если национальной политики у власти нет, то эта политика возникает стихийно. Закон природы.

Как говорится: «счастье живет на кухне». Конструктивными элементами патриотизма могут выступать: *гастрономический патриотизм* (к примеру, национальная кухня), *продуктовый* (шотландский виски, бразильский кофе).

Надо делиться! На это направлен так называемый *налоговый патриотизм*, посредством введения прогрессивной шкалы налогообложения противостоящий принципу «Богатым деньги — бедным патриотизм», тем, кто превратно соблюдают известный христианский завет: «Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется».

Отмечают так называемый *«квасной патриотизм»*. Происхождение термина связано с тем, что квас имел с древних времен самое широкое распространение в России, считался «народным» напитком и стал символизировать «коренное», «истинное» славянство, отечестволюбие и восторженный патриотизм. Именно в таком контексте читались строки в рассказе И. М. Тургенева «Два приятеля»: «Квас любил он, по собственному выражению, как отца родного, а вина французские, особенно красные, терпеть не мог и называл

их кислятиной». Однако, впоследствии «квасной патриотизм» означал общественное явление, противоположное истинному патриотизму, воспринимался как упрямая, тупая приверженность к бытовым мелочам национального быта. Г. В. Белинский в далеком 1847 г. писал: «Терпеть не могу я восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше».

Известно, каков язык, таковы и действия. Отсюда патриотизм выступает как филологическая проблема, представляя собой философию притяжательных местоимений. Мы знаем, притяжательные местоимения указывают на признаки предметов по их принадлежности к участнику речи: мой, твой, ее, мое, наше, их. Особенно интересны притяжательные местоимения в связи с трудностями, возникающими по отношению к третьему лицу, находящемуся в зоне оппозиции. Слова звучат либо грубо, либо ненормативно: онный, ихний, евонный, ейный. Очевидно, это происходит потому, что у них, в принципе, ничего своего быть не должно. Все есть только — наше, но не ихнее. В пределе «За нас с вами, но не — с ними!».

Проблема, существующая в языке, демонстрирует то, что в основе патриотизма лежит переживание самотождественности. В упрощенном и ироничном виде это может быть представлено так: в голландском музее сыра наш турист после завершения просмотра экспонатов спрашивает у экскурсовода, есть ли у них русский сыр, получив отрицательный ответ, отвечает: «а у нас — есть!» Но, помимо сыра, нам действительно есть чем гордиться — великой национальной культурой, космодромами, несокрушимыми и легендарными Вооруженными силами, крупнейшей в мире страной с ее природными богатствами.

Патриотизм утверждает себя не столько языком науки, философии, а, сколько, — посредством эпической мифологии. В пределе патриотизм — *национальный подвиг*. Художественной иллюстрацией национального подвига может служить расположенный в центре Хельсинки «Памятник народному поэту» — автору текста национального гимна Йохану Людвигу Рунебергу. Любопытна, в этой связи, представленная на постаменте фигура девушки-музы, облаченная в накидку из львиной шкуры — символа обретения независимости от шведской многовековой колонизации (с 1104 по 1809 гг.). Заметим, что это произошло в результате разгрома шведов русской армией под руководством Императора Александра I, внесшего решающий вклад в формирование финской государственности.

Внешняя экспозиция патриотического сознания представлена экзотерическими мифами. Главный из них: современная Россия — преемник Советского Союза, Российской Империи и, вообще, является органическим продолжением исторической России в мировой политике. В изотерической мифологии, ориентированной на внутреннее потребление, примером может служить демонстрация мощи нашего оружия на каналах Российского телевидения. «Наши Сушки — не разгрызть!», «Наш Белый лебедь — не на пруду!», «Наш Тополь — не срубить!». Из последних: «Наш Сармат вернет Америку к реальности».

В России — крупнейшей стране мира — армия во все времена являлась основным ферментом сплочения нации, гарантом ее существования. Генерал Российской императорской армии Михаил Бонч-Бруевич сравнивал армию с дубом, защищающий Родину от бурь. «Он распространил свои корни по всей стране и всасывает ими народные соки, этот дуб живет нацией, ко-

тору, в свою очередь, оберегает. Армия и нация подобны дереву и почве, первая прикрывает, вторая питает». И то, что в России День Защитника Отечества отмечается как национальный праздник, свидетельствует о его значении для всех слоев общества, как для мужской, так и для женской его половины. Своего рода гендерный баланс, его житейской и ироничной иллюстрацией может стать разговор двух пассажиров в автобусе, одна из которой жалуется другой:

— Ну что за дела! Пока мучилась, сына от армии «отмазывала», дочь пошла служить по контракту!

Эпическая мифология значима для национального самосознания не менее, чем природные богатства страны. Если Зою Космодемьянскую начнут воспринимать как шизофреничку, а Александра Матросова как самоубийцу, то не далек тот час, когда «Монумент защитникам Ленинграда» станет ассоциироваться с «мечтой импотента». Прецеденты есть. Для кого-то сегодня допустимо нарисовать фотожабу на «Родину-Мать», установленную на Мамаевом кургане. 23 января 2018 г. Минкультуры отозвало у компании «Вольгафильм» прокатное удостоверение на показ комедии «Смерть Сталина» за два дня до ее официальной премьеры накануне 75-й годовщины Победы в Сталинградской битве. Общую точку зрения экспертов Минкультуры сформулировала Елена Драпеко: «Больше гадости я никогда не видела, то есть вообще никогда. Это абсолютный пасквиль, провокация с целью убедить нас, что и страна у нас ужасная, и народ, и правители наши дураки — вот все, что есть, от гимна до персонажей все извращено».

В то же время, национальному сознанию отнюдь не чужд столь популярный в современной культуре дискурс иронии. Более того, он является ресурсом его сохранения и системной силы. К примеру: «Французское правительство возмущено, что русские присвоили себе победу в Отечественной войне 1812 года. — Без французской армии, — говорят французы, — никакой победы не было бы». Как известно, Центр стратегических коммуникаций НАТО StratCom юмористическую передачу КВН представил в качестве угрозы безопасности США.

Патриотизм воплощается в национальной историографии, смысл которой выражен в изречении Н. М. Карамзина: «Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует; все иное есть только отношение к ней, мысль, провидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России». Показательна в этом плане американская историография космонавтики. В ней Амстронг (USA) преподносится как первый в мире астронавт на Луне, а Гагарин — лишь как первый в мире советский астронавт. Печально то, что в однополярном мире ирония «Согласно решению так называемого Международного исторического комитета (МИК), Россию лишили победы во Второй мировой войне. Победу присудили США» может быть осуществлена.

Очевидно, архетипом русского самосознания является милосердие и доброта, связанные с острым переживанием своего несовершенства перед Богом, подчинение высшим идеалам справедливости. Нормой для русского человека является святость, ради нее он идет на самопожертвование. Сильный не тот, кто побеждает равного, а тот, кто защищает от сильного слабого. Рассуждая о различии между западным и русским человеком, И. В. Киреевский писал: «Отказавшись от поисков бесконечного и поставив

перед собой жалкие задачи, западный человек ...почти всегда доволен своим нравственным состоянием; почти каждый из Европейцев всегда готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его вполне спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми, что он одного только просит у Бога, чтобы другие люди все были на него похожи. Если же случится, что самые наружные действия его придут в противоречие с общепринятыми понятиями о нравственности, он выдумывает себе особую, оригинальную систему нравственности, вследствие которой его совесть опять успокаивается. Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки, и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою». Русские «Святые оплакивали свои добродетели, как грехи». Этого не знает западный христианский мир. Католицизм, исходит из ветхого человека, отсюда построен на заслугах. Если Я дал кому-то, то — увеличил банковский счет перед Господом, получается, что «Он в долгу передо Мной». В Православной традиции не Бог нас принимает или не принимает, но мы становимся способными к принятию Бога. Пока мы поступаем греховно, мы не способны принять Бога. Поскольку Бог есть Любовь. Поэтому у нас человек, который сидел, воевал, вызывает большее сочувствие, чем сытый — пожалеет. На Западе — напротив, буржуазный склад не может совместиться с милосердием, нужно уметь самому себя защищать. В православной культуре Любовью задан и норматив властных отношений, воплощенный в евангелистском императиве: «Если кто из вас хочет стать главным, пусть будет всем слугой» (Марк, 10:43).

В то же время мифологемы, как мировоззренческие универсалии самосознания, могут неадекватно отвечать на вызовы времени. В настоящее время — они в большей степени ориентированы не на мирную жизнь, а на патриотизм военного времени. Это проявляется в том, что люди, уже много лет действующие в условиях рынка, воспринимают частную собственность весьма негативно. Интеллектуальная и художественная элита не предложила соотечественникам практически никаких продуктивных моделей, помогающих адаптироваться к новой жизни. Обратимся к телевидению, оказывающему особое влияние на воображение и реальность. В большей части фильмов, созданных после 91-го года, а их — более девятисот, закон не работает, закон отдыхает: чиновники, полицейские и судьи представляются как взяточники, предприниматели — насильники. Так же и по отношению к государству. С одной стороны, отсутствие доверия к политическим институтам, с другой, — отвечая на вопрос: «Как вы считаете, кто эффективнее действует, государство либо частник?» — всего лишь 16 процентов наших сограждан, по данным ФОМа, полагают, что частные компании хозяйничают эффективнее, чем государственные. Однако в реальности происходит наоборот. В фильмах, сериалах люди не работают, в них нет и речи о конкуренции, творчестве и толерантности, внедряется лубочное понимание успеха. В результате, несмотря на достигнутые успехи в ВПК, агропромышленном и энергетическом комплексах, по объему ВВП мы уступаем той же Италии.

Почему в обществе родились и обозначились столь порочные представления о происходящем? Власть за них ответственность не берет, творческая интеллигенция, бизнес, общественные организации — и вовсе.

Наконец, не существует абстрактного патриотизма. Подлинный патриотизм всегда наполняется тем или иным содержанием в зависимости от исторических обстоятельств.

По всей видимости, современные мифологемы должны наполняться новыми смыслами, отражающие: эффективные инновационные модели управления государством и бизнесом, образы лидеров и менеджеров, обладающих «подвижными мозгами», способных оперативно реагировать на изменения, которые происходят в экспоненциально растущем мире.

Сегодня Россия находится в жестких тисках, когда ей приходится сохранять суверенитет в условиях противостояния однополярному миру. Действия западных СМИ пропитаны агрессивной русофобией. Россию маргинализуют и демонизируют. Чем вызван приступ русофобской истерии, каковы ее проявления и последствия? Пока в 90-е годы мы унижали себя — мы были хорошие, как только в Совбезе ООН выступили против бомбардировок Югославии — плохими. Сегодня русофобы, в основе своей, — те же, что во времена М. В. Ломоносова: кто не любит русский мир, разделяет сугубо негативный взгляд на нашу историю, культуру и церковь. Для патриота существует Великая Россия, но не Рашка. Можно дискутировать с людьми, которые противостоят власти, но нельзя с теми, чьи действия направлены на лишение России права на защиту национальных интересов, с теми, кто, раскачивая недоверие к федеральной власти, призывает к разделению территории. Выход — в их интеллектуальной изоляции.

Очевидно, для изменения ситуации следует вкладываться в зарубежную инфраструктуру. Русская революция 1917 г. положила начало трансграничному Русскому миру. Последствия этих событий мы переживаем до сих пор, поскольку именно они положили начало многомиллионному Русскому миру в том виде, каким мы его знаем сегодня. К тому же сегодня в мире как на институциональном, так и на концептуальном уровне происходит фундаментальная эволюция, суть которой в несовпадении границ государства и границ гражданства. Поскольку гражданство характеризует не только юридическую принадлежность, но и социально-культурную идентичность (как членство индивида в определенном сообществе), нельзя не обратить внимание на то, что в настоящее время происходит их рассогласование. Юридический и социально-культурный параметры гражданства все дальше расходятся. Гражданство, представленное как «членство», перестает совпадать с территорией государств, на которой граждане проживают. Это в полной мере относится к русским, проживающим за пределами России, но живущих русским кодом. К примеру, Альфред Шнитке — наполовину немец, наполовину еврей, идентифицировал себя с русской культурой.

Любовь к Отечеству не заставляет меня закрывать глаза на заслуги иностранцев. «Чем более я люблю отечество, тем более стремлюсь обогатить мою страну сокровищами, извлеченными не из его недр» (Вольтер). Патриот трезво оценивает положение своей страны относительно других стран, ищет, что можно заимствовать хорошего у других, чтобы сделать нашу жизнь более разумной. Изнутри это сделать практически невозможно. Только имея представления о других культурах, можно увидеть наши сильные и слабые стороны. Был ли Федор Михайлович Достоевским патриотом своей страны? Более чем тысячи других был. Разные обстоятельства приводили людей к необходимости переезжать в другие страны, но они

жертвенно, безответно оставались преданными своей Родине. Бывало и так, что Родина не всегда была благожелательна к таким людям, но они не опускались до чувства обиды к Ней.

Очевидно, необходимо принятие внешнеполитической программы «Русская школа за рубежом», лицензировать вузы, определять их рейтинг в зависимости от количества иностранных абитуриентов, обучающихся на русском языке, с упором на граждан соседних государств, разработать законы, упрощающие прием в гражданство Российской Федерации соотечественников.

Особым ресурсом патриотизма является народная дипломатия, участником которой в эпоху интернета может стать любой гражданин. Велика надежда на то, что по каналам сетевой коммуникации россияне, в том числе проживающие за границей, смогут превратить наших оппонентов в друзей, объясняя им геополитические реалии современного мира, особенности распада советской империи, связанного с ним конфликта между международным правом и правом народа на самоопределение. Необходимо, чтобы число понимающих, что причиной возвращения Крыма в Россию и продолжающегося конфликта на Донбассе является антироссийская, русофобская государственная политика Киева, направленная на принудительную украинизацию населения, идентифицирующего себя с русской культурой, разделяющего геополитические интересы России как исторической Родины, составило критическую массу. Не найдя поддержки граждан в Европе и Америке, санкционная политика в отношении России рухнет в виду геополитической несостоятельности.

Наконец, чувство долга и ответственности перед Родиной формируется с детства так, чтобы оно не пропадало ни при каких обстоятельствах. Обратимся к современному Китаю. Выступая перед студентами престижного Пекинского университета, Си Цзиньпин, отмечая, что главные жизненные ценности формируются в студенческом возрасте, сравнил этот опыт с рубашкой: если первую пуговицу застегнуть неправильно, все остальное пойдет наперекосяк. Иначе, народ, лишившись духовных и социокультурных ориентиров, приняв новую систему ценностей, трансформируется в другой народ, либо превратится в «население», утратив прежнюю идентичность, не обретя новой. Вышел «из себя», захотел вернуться, а там уже другой. Занято!

ПОЭЗИЯ

Олег СЕЛЕДЦОВ

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ. БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

Олег Валерьевич Селедцов — прозаик, публицист, поэт. Родился в 1967 года в г. Бодайбо Иркутской обл., окончил филологический факультет Адыгейского пединститута. Служил на Черноморском Флоте. Гл. ред. Краснодарской библиотеки для слепых им. Чехова. Засл. работник культуры Респ. Адыгея. Член СП и Союза журналистов России. Лауреат международных и Всероссийских лит. конкурсов. Автор 19 книг стихов и прозы, более 250 публикаций в российских и зарубежных изданиях. Награжден орденом преп. Сергия Радонежского и медалью Сергия Радонежского, грамотами от Святейших Патриархов всея Руси Алексия II и Кирилла. **Живет в Краснодаре.**

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ. БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

В Санкт-Петербурге произошел акт вандализма — на доме № 14 по Невскому проспекту закрасили белой краской надпись:

**«Граждане!
При артобстреле
эта сторона улицы
наиболее опасна».**

Сто двадцать пять. Не тратьте даром
Слова в безмолвии глухом.
Сто двадцать пять больших ударов,
Как Ленинградский метроном,

Звучат в ушах моих все тише
В потоках быстротечных дней.
Сто двадцать пять.

Нет граммов лишних
И лишних жизней у людей.

Но что-то, видимо, неладно
Со мной, с людьми, неважно с кем.
Сто двадцать пять —
не хлеб блокадный,
А жизнь и смерть в одном куске.

И никуда уже не деться
В унылом беспробудье дел.
Сто. Двадцать. Пять.
Взорвалось сердце.
Век новый. Старый артобстрел.

СКРИПАЧ БЛОКАДЫ

Скрипач Январь смычком мороза
Читает ноты зимних грез.
Он струны гладит виртуозно,
Как Моцарт или Берлиоз.

И струны-дни ему послушны.
И он играет без затей.
Да так, что оживают души
Замерзших в вечности людей.

И в звуках тех Весну и Лето,
И жизнь и смерть, и смех и плач
Рождаст сотни раз воспетый
И трижды проклятый скрипач.

Ему сулили честь и славу,
А он, не зная мелочей,
Играет вальс и пьет отраву,
Рыдая на моем плече.

Ах, музыкант, вина не надо.
Скрипач Январь, ты пьян не в срок.

Послушай, кончится блокада...
Но выпал из руки смычок.

Но жизни вальс сильнее смерти.
Играй, Скрипач, играй, играй!
Через года, через столетья,
Чтоб новой Пасхой вызрел май.

ПУТЕВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ

В автобусе орет ребенок.
Нет-нет, не плачет, а орет.
Он тельцем худ и шеей тонок.
От крика в вечность скошен рот.

Его терзают повсеместно?
Вся жизнь его детский страх?
Мальчонке, видите ли, тесно
Сидеть у мамы на ногах.

Не слышит уговоров мамы,
Кричит все громче, все сильнее.
Ведь знает он слова рекламы:
«На свете нет главней детей».

Остановите, Бога ради,
В безвременье летящий крик...

А где-то в зимнем Ленинграде
Сидит у проруби старик.

Нет, не старик. Нет-нет, напротив,
Таких же лет, как наш малец.
Но жизнь кружит его во фронте
Блокадных огненных колец.

Роль нелегка в военной драме,
Но путь судьбы он знает свой:
Не место на коленях мамы,
А принести воды домой.

И не кричит он и не плачет.
Он победит в войне своей
Смертям назло. А это значит —
Его на свете нет главней!

В автобусе орет ребенок...

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Зовут метрономы совести
В Минуту Молчанья майскую
По павшим до срока воинам
Давно погибшей страны
Не нас, позабывших горести,
Прельщенных обманкой райскою.
Фантомы — не птицы вольные,
Мы все смертельно больны.
Всерьез и страшно больны.

Истерикой — не беседую
И пошлостью обезличенные.
На буднях наших отметину
Закрасили полубоги.
Мы, словно слепцы, не ведаем,
Что снова чума коричневая
Свежею кровью пометила
Наших домов пороги.
Наших домов пороги...

ПОМНИ ВОЙНУ

Я не погиб.
Ну, так уж получилось.
Я не погиб. Я выжил на войне,
И надо мной
Лавина пуль кружилась,
Но доставались все они не мне.

Я не бежал
От смерти, не старался
Упрятать совесть в трещины земли.
Так получилось...
Я в живых остался,
Когда другие выжить не смогли.

И каждый раз
Весной, в начале мая,
Надев награды в праздничные дни,

Я, не сдержавшись,
Плачу, вспоминая,
Всех вас, кто пули принимал мои.

ЧУДО

Кружат огни, и марш разносится
Из допотопного кино.
Так осень — вековая сводница
Нас заманила в казино,

Где ставит на зеро до верного
Ноябрь-шулер всё, и вдруг
Очнулись цветом ветви вербные,
Постигнув тайну пут и мук.

А Осень злится, Осень бесится.
Уже с Зимой подписан пакт.
Но слушай: на рожке из месяца
Играет ангел вербе в такт.

И пусть сума тебе нагадана
Угрюмой суматохой дней,
Но над планетой запах ладана,
А над Россией — звон церквей...

Геннадий ИВАНОВ

«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ О НЕБЕСАХ»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор более десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

СОЛДАТ

Пехота заснеженным склоном
Ушла на метельный закат,
А в поле ночном и холодном
Остался упавший солдат.

Он умер не сразу, он долго
Лежал на горячей крови.
Он думал для жизни и долга
Собрать еще силы свои.

Когда понемногу стемнело,
Спокойные звезды взошли, —
Хотел он разбитое тело
Поднять от земли.

Но видел лишь ворон летевший,
Скосивший на война глаз,
Как жадно и как безутешно
Локтями он взламывал наст.

ВЕТЕРАН

Русланову слушает старый солдат,
И вольно в душе, как в долине.
Да, он консерватор, и он ретроград,
Но был в сорок пятом в Берлине.

И песня как ветер летит сквозь года
Из дали поверженной, прусской —
Русланова пела в рейхстаге тогда
С великою удалью русской.

Шумите, витии, не знавшие бед,
В герои себя возводите.
Не знали ни бед, ни великих побед,
Что вам остается — шумите.

* * *

И все же за нас умирали
В Отечественную войну.
За нас в самолетах сгорали,
За нас пропадали в плену.

Вставал из цепи кто-то первым
И падал —
Совсем не за тем,
Чтоб мы на великие жертвы
Ответствовали: «А зачем?»

Давайте говорить об отвлеченном,
 Политикой никак не увлеченном,
 И в злобе дня никак не уличенном...
 Давайте говорить о небесах.

А в небесах «торжественно и чудно»,
 А в небесах ни капли не занудно...
 А в небесах все будущее наше,
 Все вечное в прекрасных небесах.

Там облака, и грозы там, и птицы.
 Там не завидны никакие ниццы.
 И там людей прекрасных вереницы.
 Там ангелы!..
 — Но там и Судия.

— Но Судия там самый
 справедливый.
 Там претерпевший навсегда
 счастливый.
 И там грешить уже вовек не будешь.
 А Судия безмерно милосерд.

Да и осудит — чтоб грехи сгорели.
 Чтоб чистым стал. А это ли нам худо?
 Не унывайте, говорю я, братья,
 А радуйтесь, что близко небеса!

РУССКИЕ ПРОРОКИ

Вот обличает Тихон патриарх
 «Народных» комиссаров,
 Говорит:
 — Народу вместо хлеба вы дали камень,
 Руки обагрили вы братской кровью,
 Малых соблазнили,
 Монастыри закрыли, Кремль закрыт —
 А ведь вы только год всего у власти,
 И столько бед, бессмысленных убийств.
 Но взыщется с вас праведная кровь,
 И от меча погибнете вы сами.

Он говорил. Но кто его послушал,
 Казалось бы... Но вышло по нему.

Нам говорил недавно Иоанн
 Митрополит: — Одумайтесь!
 Россия
 Воскреснет лишь тогда, когда мы сами
 Воскреснем душами, сыны ее и дочери;
 Великое державное наследство
 Мы промотали,
 Мы изуродовали души своих детей
 Развратом грязным,
 Стариков мы превратили в побирушек...
 Одумайтесь!
 Пора восстановить
 В себе черты народа-богоносца,
 От потребительской заразы отойти —
 Она растлила многие народы.
 Вернуться в Церковь — вот спасенье в чем! —
 И обратиться к Богу с покаяньем!

Тогда, тогда очистится душа...
Тогда Господь Россию не оставит.

Нам говорил недавно Иоанн
Митрополит. Но кто его послушал?
Как будто многие. Но где наши дела?
Бог даровал такого человека
России, что, казалось бы, за ним
Должны мы были все вернуться к Богу...

А мы в сетях запутались, как птицы.

.....
Нет, не стоять России без пророка.
А нам должно быть стыдно — иждивенцы
Духовные, за счет других живем.
И я, безумный, тоже иждивенец.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Помяни, поставь свечу — и этот
Огонек перенесется вмиг
В те края, где мать твоя с рассвета
Ожидает знак твой, этот блик...

Я не объясню такое чудо.
Только знаю: матушка глядит —
Не летит ли огонек отсюда?

Что же он
Так долго не летит?..

* * *

Снег белейший,
милейший,
первейший...
Небо сыплет его от души!
И спускается
ангел
добрейший
посреди необъятной глуши!

Ну, а то, что деревни пропали,
что кругом небывалая глушь —
это все мы уже отстрадали
и оплакали, и устали...
Снег летит на печаль наших душ.

Он бинтует нам боли-печали,
он творит на земле чудеса.
Все чудесно, как в самом начале
были чудом и снег, и гроза...

Снег ложится так нежно на душу!
Радость, светлая радость во мне!
Я слезами ее не нарушу.
Хорошо мне в родной стороне!

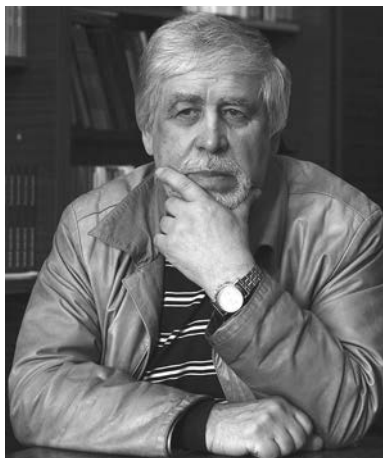
* * *

В небе реют ангелы заката —
Огненные крылья широки.
На планете брат идет на брата,
Дети плачут, плачут старики...

На планете нашей изначально
Брат идет на брата, льется кровь...

И спасает горько и печально
Этот мир великая любовь.

Да, конечно, горько и печально,
Но любовь превыше всех идей.
Так пребудет вечно, до скончанья
Всех веков земных и всех людей.

Владимир СКИФ

«И ВИДИТСЯ ГРЯДУЩЕЕ — ПРЕКРАСНЫМ»

Владимир Петрович Скиф — родился в 1945 г. на ст. Куйтун Иркутской обл., служил на Дальнем Востоке в морской авиации, окончил Иркутский гос. университет. Автор 29 книг, выпущенных в разное время в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге. Лауреат многих Международных и Всероссийских литературных премий. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. Секретарь Правления Союза писателей России. **Живет в Иркутске.**

СТРУНА

Я ночью, пробудившись ото сна,
Лежу один во тьме несокрушимой.
В ночи звучит негромкая струна...
Откуда этот звук непостижимый?

Быть может, это Ангелы во тьме,
Архангелом отпущенные к миру,
В предутренней осенней кутерьме
Несут мою истерзанную лиру.

А может, это у меня — Господь
С души покровы темные срысает.
Наверно, Он,
 обретший кровь и плоть,
Струну небес негромко задевает.

А может, сон — царапает сосна?
Поводит ворон крыльями из жести?
Наверно, эта странная струна —
Забывших предков тайное известье.

Их слово заповедное — во мне,
Их вера мне передана в наследство.
Вновь наяву, а может быть, во сне
Под звук струны я проживаю детство.

И кажется — расходится стена.
И светлячками бездна расцветает.
Звучит над бездной вещая струна,
И над струною Ангелы летают.

ПЕЧЬ

Пылает печь и согревает душу.
Она согласие призвана беречь.
Простого ритуала не нарушу,
Когда в тиши растапливаю печь.

Горят дрова, потрескивая мерно...
Гори, печаль! И горечь отгори!
Судьба и время дышат равномерно,
И тает льдинка у меня внутри.

Зима уже, как будто, недалече:
Вот-вот на землю явится Покров.
Стоит мороз,

 но мы довольны с печью:
Я дивно нынче заготовил дров!

Душа моя постанывает сладко.
Как благостно,
 как сладостно прилечь
У самой печки на топчане гладком
И слушать разговорчивую печь.

Спит кухня, убаюканная речью.
Я все сготовил, все успел сварить...
Лежу и разговариваю с печью,
Нам с нею есть о чем поговорить.

КОЛКА ДРОВ

Колю дрова по-деревенски, с толком,
Чтобы согреть свой
 подзастывший кров.
Мне нравится обыденная колка,
Похожая на праздник — колка дров.

Топор, колун —
 все в действии сегодня.
Какая радость в мышцах и в душе.
А в чистом небе — Николай Угодник
С живой водой в невидимом ковше.

Колю дрова. Так издревле водилось.
Мужской работы не боялись мы.
К нам снисходила Божеская милость.
...Колю дрова на стрежне у зимы.

Беру чурбак, оцениваю взглядом,
Из трещин — основную нахожу.
А женщина окажется вдруг рядом:
Тут я вокруг чурки петухом хожу.

Беру чурбак — березовый, сосновый,
Листвянный, тяжеленный, как валун.
И словно приговор вершу суровый,
Вздымаю свой сияющий колун.

И опускаю с неподдельным жаром,
И ощущаю вышних сил прилив,
Отточенным, нацеленным ударом
Чурбак на половинки развалив.

Потом топор идет в работу гулко,
Летят поленья. Все с душою в лад.
В своем дворе в начале переулка
Колю дрова, как белый рафинад.

СЕСТРА

Валентине

Как хорошо, как беспредельно тихо
По осени в истоке Ангары.
Цветет укроп и зреет облепиха
На огороде у моей сестры.

Бурлит ручей. Поет земля стоусто.
В распадке осень золотом слепит.
И листьями широкими капуста,
Как будто портунеями — скрипит.

Благоухают чеснока головки
С бородками, как будто мудрецы.
Срываясь с веток,
 не в пример морковке,
Спешат в ведро сами — огурцы.

Моя сестра — извечная трудяга —
Все делает разумно, не спеша...

Какая в ней высокая отвага!
Какая в ней сердечная душа!

Порой устанет, но душою светит
Сквозь несусветный,
 горький беспредел.
С улыбкой встретит,
 ласково приветит
Среди своих необозримых дел.

...Велосипед оставляю и от речки
Иду к сестре в сей райский уголок.
Я рад ее неповторимой речи,
Где легкий юмор, самобытный слог.

Поговорим — и отступает дыба
Тяжелой жизни. Светит Ангара.
Я говорю Всевышнему — спасибо
За эту осень! За тебя, сестра!

НАЧАЛО ЗИМЫ

Высокий свет насыщенных небес,
Лазурью напивавшийся в Байкале,
Морозом опрокинулся на лес
И подсинил заснеженные дали.

Как звонко в небе и легко в лесу,
В прозрачных рощах
 все переменялось.
Себя неслышно по тропе несу,
Мне это утро будто бы приснилось.

Среди берез такая благодать!
 Прильну к березке
 и скажу: — Голубка!
 Твоя душа — моей душе под стать,
 Все в нас с тобой устроено так хрупко.

О, где еще так плавно, так легко
Стремится время по сугробам ясным.
И дышится, как в храме, глубоко,
И видится грядущее — прекрасным.

СТЕПЬ

Какое в небе полымя заката!
Какая удивительная степь!
И облаков немереное злато,
И дальних гор чуть видимая цепь.

Ах, Забайкалье!
Мира непомерность.
Седеющее пламя ковыля.
Земли и неба трепетная верность,
Они друг в друге — небо и земля.

Живая степь не забывает длиться,
Шуршит песком, погонщиком поет.
Здесь даже время, словно кобылица,
От бесконечной скачки устает.

И дышит степь, вздымая над собою
Высоких сопок вольные бока.
Здесь бесконечность
 кажется судьбою
И вечностью становятся века.

✻ ✻ ✻

Какая осень, Господи! А лес
Такие миру выставил наряды!
И столько напридумывал чудес,
Что блекнут восклицанья и тирады.

А эти горы, что легли вразброс,
Уже в снегу, как чудо-великаны.
Над ними плещет золото берез —
И катят слитки с плеч Хамар-Дабана.

Оранжевым перенасыщен лес,
Карминно-красным,
 золотым, бордовым.
И этот весь божественный замес
Колется на фоне бирюзовом.

Не увезти, в тюки не увязать
У осени запаса золотого.
Пылает лес, и хочется сказать:
— Какая осень, Господи!
И снова

Так сквозь листву является Байкал,
Когда под гору из распадка глянешь:
По всей длине сияет между скал
На нем природный бирюзовый глянec.

В ее леса янтарные упасть
И в янтаре, как без вести, пропасть.

✻ ✻ ✻

Я на тропинку неба выхожу,
Смотрю на землю из небесной выси.
Уж целый век себя я не щажу,
Я искру сердца над столетьем высек.

И страшно петь. Но я еще живой.
 Меня спасла классическая лира.

Я слышу горький человеческий вой,
Мне зябко жить среди провалов мира.

И мой Байкал. И этот чистый свет,
Мои глаза и душу напоивший.
Я — светоносец! Я еще поэт,
Не зря, быть может,
на земле светивший.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

НАША ПОБЕДА ИЛИ «КРАСНОЕ СМЕЩЕНИЕ» РОССИИ

*О книге митрополита
Константина (Горянова)
«Чаша Господня
и чаша бесовская»*

*К 75-летию
Великой Победы*

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор 5 книг поэзии, книги критики «Резонанс жизни», книг по искусству. Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Восхищаясь не только красотой, богатством, но и именем Родины, Сергей Есенин говорил: «Россия — какое хорошее слово. И “роса”, и “сила”, и синее что-то». Когда Россия потеряла свой сине-голубой Богородичный ореол, окрасившись в кровавые цвета революционного переворота и Гражданской войны, великий русский поэт погиб, как погибли миллионы его соотечественников и их любимая родина. Казалось бы, этот трагический период российской истории, как страшный сон, надо забыть. Но спустя сто лет, события начала прошлого века, повлиявшие на все последующие и нынешние времена, требуют большего к себе внимания. Почему? Убедительно поясняют это явление ученые, философ Александр Дугин в своей статье «Я приглашаю всех проснуться». «История — совокупность не фактов, а смыслов. Событие само по себе превращается в историческое только после того, как оно подвергается интерпретации. Без интерпретации нет факта. Для человека только то является фактом и событием, что несет смысл. Поэтому постепенная утрата смысла Великой Октябрьской социалистической революции или Октябрьского переворота (как угодно) — постепенно стирает сам факт. И если мы и дальше не научимся понимать смысл этого события, через какое-то время мы его утратим». Понимая эту зависимость, враги России на наших глазах проводят смыслоискажающую атаку на великую всенародную Победу в Великой Отечественной войне и на другие важные — научные и культурные победы России, чтобы потерялся их сущностный смысл, чтобы тем ослабить нашу страну.

Не осознав истинной сущности революционного бедствия, не исследовав его реальных причин и послед-

ствий, забыв о страшных потерях во времена «красного террора», Гражданской войны и войны Великой Отечественной, ставших следствием сокрушения Российской империи, мы можем допустить повторение трагедии. Она, спровоцированная поныне бурлящими вокруг нашей православной страны деструктивными силами, сто лет назад залила Российскую империю кровью. Тогда красное знамя, символично отражавшее драматичный образ сегмента российской истории, взвилось над некоторыми зданиями в Петрограде еще до свержения и пленения законного руководителя Российской империи Царя Николая II, явившись символом революционного наступления, предвестником и образом, условно говоря, «красного смещения» России. Потеряв из вида за давностью лет исторические взаимосвязи и зависимости, мы можем допустить, что Россия вновь окажется смещенной с оси своего закономерного, национально-ориентированного развития, что вновь может быть допущен подрыв русского логоса. Таковы предостережения и опорные смыслы новой книги митрополита Константина (Горянова) «Чаша Господня и чаша бесовская» (1 Кор. 10:21), автора трех больших исторических томов и многих десятков научно-исторических и богословских статей.

«Красное смещение» — термин физический, оно состоит в смещении спектра в инфракрасную область в связи с удалением источника света. Оно также связано с космологическим эффектом «расширяющейся» (разбегающейся, разлетающейся после Большого взрыва) Вселенной. Но имеет и метафорическое содержание. Как говорил в романе «Петербург» Андрей Белый, ощущая inferнальную направленность этой части спектра, «красный цвет, конечно, был эмблемой России губившего хаоса ... Вы думаете, что гибель России подготавливается нам в уповании социального равенства. Как бы не так? Нас хотят просто-напросто принести в жертву диаволу».

Красный цвет символичен — это цвет крови и мучений, цвет жертвы Христа. Прозревающий скорую русскую Голгофу Блок изображал в цветах запекшейся крови предсказанные птицей Гамаюн страсти:

*На глядях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..*

Хаос, кровь присутствуют в художественных образах в книге митрополита Константина «Чаша Господня и чаша бесовская». Фоновый безымянный, мощный, пульсирующий гул разнузданной толпы, который вносят в повествование выразительные цитаты из художественных произведений, публицистики и документов времен революции, делает описание живым, выводит читателя на площади, вводит на заводы, где вольно себя чувствуют

провокаторы, разлагающие народное сознание. Митрополит Константин ведет нас дорогой попа Гапона вплоть до его убийства единомышленниками; вмещает в эпицентр забастовок, приглашает в великосветские салоны, где дебатировались лживые сплетни о Царе и Царице; показывает крестьянские восстания с разграблением барских имений и убийством помещиков; убийство ректора Пензенской Духовной семинарии семинаристами и т. п. Прослеживая связь времен, страшные последствия русской смуты, заставляет читателя побывать на фронтах Великой Отечественной, в партизанских отрядах, среди русской эмиграции, вставшей на защиту от фашизма своего далекого Отечества.

Композиционным достоинством сложной книги митрополита Константина является личное присутствие автора в качестве одного из участников исторического повествования. Он не скрывает своего здесь нахождения, проявляющегося в четкой авторской точке зрения на описываемые события. Из своего времени он видит дальше и шире, сегодня он знает больше, чем его герои и даже читатели. Это оправдано не только энциклопедическими знаниями богослова-историка, но временным отстоянием, панорамным видением истории, умением сфокусировать исследовательский взгляд на главном. В то же время создатель книги «Чаша Господня и чаша бесовская» не отделяет себя от читателя, в своем воззрении на русскую революцию и ее последствия он надеется найти в читателе совестливого единомышленника. Показывая, что взбунтовавшийся народ, желая изменить свою жизнь, находился в смятении, в непонимании того, что для этого надо сделать, в незнании, как нужно жить, митрополит Константин дает направления путей к праведному житию. Через разложение идеалов, распад морали, захлестнувших Россию начала прошлого века, автор, зная антропологические особенности человеческой личности, говорит, что в первую очередь результатом **богоотступничества** становится хаос, преступления и гибель. Но как Россия дошла до этого порога?

Исследуя истоки рукотворного, намеренного подготовленного (во многом извне) духовно-социального взрыва, приведшего к хаосу в русском мире, автор книги «Чаша Господня и чаша бесовская» показывает, что причины, вплоть до сегодняшних, его последствий уходят вглубь веков. Новая книга митрополита Константина — произведение актуальное и своевременное, созданное на стыке и во взаимосвязи многих областей человеческого знания — богословия, исторической науки, политологии, антропологии, статистики, литературоведения, экономики, искусствоведения. Характеризуя издание вкратце, его можно назвать осмыслением стратегии государственного существования России на основе библейских архетипов и истории русской революции, приведшей к мировой военной трагедии, завершившейся Победой нашего Отечества в Великой Отечественной войне. Сложная картина взаимосвязанных на протяжении тысячелетий исторических событий, представленных в книге, показывает, что земная жизнь связана с Богом. Трудное постижение человечеством этого непреложного закона должно стать поучительным для нас и будущих поколений. Название книги обусловлено тем, что Россия, которой в первую очередь она посвящена, находится в постоянной борьбе за независимость, разворачивающейся не только на воинском поле брани, но проявляющейся в непрерывном духовном противостоянии Чаши Господней с чашей бесовской.

Взяв за образец святую жизнь страстотерпца — последнего российского Императора Николая II, принявшего Царский венец как «Чашу Господню», — автор книги разъясняет сакральную сущность Помазания на Царство, клятвы народа на верность своему Правителю, священного права служения Отечеству. Революции, произошедшие в России в начале XX в. по инициативе и с финансовой помощью внешних, заинтересованных в гибели Российской империи властей, богослов рассматривает как агрессию адовыих сил. «Чашей бесовской» обольстились представители многих сословий русского народа, за что рассчитались потерей Родины, жизнями своими и своих детей. Автор доказывает, что только в крепости веры Православной, только в осмыслении библейских архетипов человеческого поведения, в соблюдении заповедей Божиих может быть непобедимой Россия.

Но как же случилось, что, будучи почти сплошь православным, народ Российской империи отрекся от своего Царя, которому целовал крест, предал свою историю и уверовал в лозунги чужеродной, лживой большевистской пропаганды? Кратко на этот вопрос ответить нельзя. Чтобы всем все понять, митрополит Константин провел большое историческое исследование и разъясняет современному читателю непреложные законы существования России в мире и в истории, предостерегая от их нарушения. Ученый-богослов показывает на фактах, современных и исторических примерах, через художественные образы, философские отступления, оставаясь в рамках исторического исследования, что Россия — это страна, обладающая особой цивилизационной идентичностью. Как говорил философ Александр Панарин, «...вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом»¹.

В соответствии с этим фундаментальным смыслом в книге, как заявлено в подзаголовке, выявляется стратегия государственного существования России, представляющей сложный объект научно-исторического исследования. В рамках поставленной задачи автор рассматривает вопрос о сущности и соотношении таких категорий, как государство и власть, личность и народ, верность и предательство. Это рассмотрение выносится не только в пространство политико-географическое, но экономическое, культурное, историософское, обсуждается в богословских категориях.

В книге митрополита Константина, что обусловлено сложностью решаемой задачи, осуществляется синтез имеющихся исторических знаний. Обобщение исторических данных, новейших академических исследований, достижений классической и современной культуры, позволяет автору, используя принцип экстраполяции, дать рекомендации на перспективу. На основе рассмотрения отдельно взятого факта, конкретного события или процесса исследователь переходит к теоретическому, обобщенному рассмотрению национальной истории, определению места России и русского народа в мировом историческом развитии. На глазах читателя происходит глубокая творческая переработка, новая систематизация имеющегося в распоряжении богослова-историка накопленного в прошлых веках и современного общенаучного материалов. Следует отметить, что митрополит Константин по-

¹ *Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб.: Политехника-сервис. 2014. С. 3.*

дробно изучает все работы, на которые ссылается; в результате осмысления источников, сравнений и сопоставлений решаются новые задачи, стоящие перед современной наукой и обществом. Причем, эти решения, не обремененные политической конъюнктурой, много способствуют искоренению исторических фальсификаций.

«Народ безмолвствует»

Митрополит Константин предлагает самый совершенный, не зависящий от личных мнений, политических пристрастий метод оценки события: с помощью Библейских архетипов. Базисом исследования является канонический текст Библии. Библия — книга реальная, созданная под воздействием Святого Духа, она служит не только доказательством божественности мироустройства, первоисточником веры, справочником по древней истории человечества, руководством праведного жития, но и основой истинной аргументации. Глубокая личная вера в Бога автора книги «Чаша Господня и чаша бесовская» помогает понять правду «высшего уровня», много поднимает планку исторического исследования вопроса о причинах крушения благополучного Русского Царства, повлекшего за собой и Великую Отечественную войну, и наши современные нестроения.

Главные направления авторского исследования задают библейские эпиграфы, вынесенные в начало книги. Для их понимания потребуются знания библейских текстов или прочтение всей книги митрополита Константина «Чаша Господня и чаша бесовская». Много проясняют смысл названия слова апостола Павла: *«Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?»* (1 Кор. 10:21–22). Если современному читателю относительно понятны антагонистические образы трапезы Господней и трапезы бесовской, то что означает *«раздражать Господа»*, для нынешнего невоцерковленного человека, наверное, требует пояснения. Оно проводится на протяжении всего повествования, но наиболее проникновенно, посредством исторических сюжетов, образов, людских деяний и судеб дается в большой главе «Не прикасайтесь к помазанным Моим и пророкам Моим не делайте зла» (Пс. 104:15). Эта начальная фундаментальная часть книги придает уникальность всему содержанию. Впервые в современном историческом исследовании так подробно, доказательно произведено исследование взаимосвязи библейских архетипов с историческими личностями и событиями новой и новейшей истории России.

Архетипы — базовые составляющие книг Библии. Они кратки, но представление о них делает более ясным смысл текста, который мы читаем в Богоданной Книге. К тому же, поскольку архетипы встречаются на всем протяжении Библии, они становятся одним из основных инструментов, с помощью которых Библия предстает перед нами как единая Книга. Привязка действующего лица к определенному архетипу не означает, что оно лишается индивидуальных черт и своей уникальности. Так в Библии архетипическая дилемма «священство и царство» — представлена личностями Аарона и Моисея, пророка Илии и царя Ахава; жестокость и братоубийственность гражданской войны с религиозным компонентом — Авелем и

Каином, покушение на царскую власть — Мордохеем и Эсфирью, оболгавших царского советника Амана и т. д. Митрополит Константин в названной главе подробно разъясняет смыслы этих антагонистических взаимоотношений, а также многие сложные вероучительные аспекты, как, например, непримиримое противоречие Символа веры в Православии и в католицизме.

Перекликается библейский сюжет, рассказанный в 3 книге Царств: *«И подошел [пророк] Илия ко всему народу, и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ему ни слова»* (3 Цар. 18:21) с финалом гениальной Пушкинской трагедии «Борис Годунов», где тоже «Народ безмолвствует». И действительно, как показывает митрополит Константин, здесь много общего смысла. Ваал — языческое божество, о его непристойном, исторически доказанном многовековом культе рассказано в книге на основе библейских источников и русской религиозной литературы; Ваалу поклонялся народ Израиля и его цари, в частности, царь Ахав. Пророк Илия увещевал жестокосердного правителя Израиля и его народ, что Господь — есть Бог, а не Ваал. Но израильтяне не поддержали пророка, *«и не отвечал народ ему ни слова»*. Не поддержал и русский народ своего законного, Помазанного на Царство правителя, о чем говорится в исторической поэме Пушкина, и был ввергнут в кровавую бездну Смутного времени. Не поддержал и в другой раз — в начале XX века, и в конце этого же века с радостью принял разрушение устоявшегося государственного строя. Смута наползает на Русь-Россию, когда «народ безмолвствует» — доказывает автор, сопоставляя библейские архетипы с отечественной историей.

Много библейских параллелей приводит богослов-историк, находя аналогии современным явлениям в судьбах ветхозаветных Мардохея и Эсфири, обманом свергших советника Амана и покусившихся на трон персидского царя; Юдифи, отсекавшей голову обольщенному ею царю. Митрополит Константин применительно к современности излагает историю возникновения культа «золотого тельца», рассматривает истоки национальной неприязни на примере судьбы жены Моисея во время его служения у мадиамского священника Иофора; трагедию царя Саула, потерявшего богообщение и др. Но все это исследование автор делает не для расширения кругозора читателя, а чтобы доказать истинность библейского слова как такового и, в частности, абсолютную верность постулата: *«...ибо кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным?»* (1 Цар. 26:9). Эти слова так, понятнее, звучат из уст провидца, старца Николая Гурьянова: «Кто любит Царя и Россию, тот любит Бога... Россия не поднимется, пока не осознает, кто был наш русский Царь Николай». Вся книга подтверждает эту библейскую заповедь.

«Образ кротости» и «Каменное сердце»

В книге митрополита Константина смыслы располагаются в полярной системе нравственных координат, композиция основывается на выявляющих правоту автора противопоставлениях: святость — зло, правда — ложь, любовь — ненависть. Большая часть ее посвящена личности последнего русского Царя Николая II, чья внешняя и духовная красота выявляются в процессе его непримиримой конфронтации со злом, покусившимся на свя-

торусскую православную монархию. Враги русского мира понимали, что если в царской власти, связанной со Христом через Помазание на Царство, существует механизм противостояния злу, значит зло нужно внедрить туда, где эта защита слабее, то есть в народные массы, отвратить народ от Церкви, оболгать и унижить Царя, и Церковь, и весь строй русской жизни. Изощренные, выверенные извечными недругами России методы сокрушения христианской формы правления, в последующие богоборческие времена скрывались, внедрялось в умы, что революция была народным возмездием «угнетателям». Сегодня многое становится явным не только благодаря рассекречиванию архивных материалов, но и в результате векового пополнения массива исторических данных, значение которых проявляется в процессе сопоставления их друг с другом и с современностью. Так зримо выстраивается последовательность, отражающая деструктивную революционную тактику, так вскрываются факты, свидетельствующие о том, что объективной революционной ситуации в предреволюционной России не было, о чем свидетельствуют цитируемые митрополитом Константином воспоминания и равнодушных наблюдателей, и яростных делателей революции. Подтверждение мы находим при сопоставлении записки князя Н. Д. Жевахова, проникнутой любовью к Отечеству, и откровением кровавого Троцкого о беспощадной «молекулярной» революционной работе на низовом уровне.

Митрополит Константин приводит наблюдения Николая Жевахова, сделанные в дни начала Февральского переворота: «Проехав тысячи верст, я видел не только полнейшее спокойствие и образцовый повсюду порядок, но и неподдельный патриотический подъем; я встречался с высшими должностными лицами, со стороны которых не замечал ни малейшей тревоги за будущее; все были уверены в скором и победном окончании войны и, в откровенных беседах со мной, жаловались только на то, что один Петербург, точно умышленно, создает панику, а Государственная Дума разлагает общественное мнение ложными сведениями о положении на фронте. Видел я и возвращавшихся с фронта солдат, и направляющихся на фронт новобранцев, и любовался их бодрым настроением и веселыми лицами, их уверенностью в несомненной победе, их молодецкатым видом и выдержкою. Не испытывало никаких лишений и население. Всего было вдоволь...»¹

А вот свидетельства яркого в своей ненависти к Царской России Льва Троцкого: «Февральскую революцию совершил Петроград. Нигде, кроме Петрограда, борьбы не было», «Переворот в Москве был только отголоском восстания в Петрограде», «В ряде провинциальных городов движение началось только 1 марта, после того как переворот совершился уже и в Москве».

Митрополит Константин показывает механизм искусственного возбуждения революционной ситуации, цитируя красноречивые признания Троцкого из его книги «История русской революции».

«На каждом заводе, в каждом цеху, в каждой роте, в каждой чайной, в военном лазарете, на этапном пункте, даже в обезлюженной деревне шла **молекулярная работа** революционной мысли. Везде были свои истолкователи событий, главным образом из рабочих... Элементы опыта, критики, инициативы, самоотвержения пронизывали массу и составляли внутреннюю,

¹ *Константин (Горянов), митрополит.* Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога. 2019, С. 24.

недоступную поверхностному взгляду, но, тем не менее, решающую механику революционного движения как сознательного процесса»¹.

Эта «молекулярная работа» началась давно, митрополит Константин показывает ее истоки, нравственную низость ее апологетов на примере известного в свое время анархиста Нечаев, автора радикального «Катехизиса революционера», проповедовавшего идею: «Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции...». Так об этой страшной личности, убийце, прославленном большевиками, свидетельствует митрополит Константин: «Нечаевым восхищался Ленин, называл его “титаном революции”. “Совершенно забывают, — говорил Владимир Ильич, — что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос — «Кого же надо уничтожить из царствующего дома?» Нечаев дает точный ответ «Всю большую ектению». Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или иным причинам, бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царский дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь дом Романовых, — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»².

Ленину нравился экстремальный радикализм Нечаева. Вот некоторые его тезисы: «кто не готов отдаться революции до самоотречения, тот обречен стать жертвой»; «чем больше жертв, тем лучше». Нечаев «почти всегда лгал, был искривлен во лжи», и в этом была его сила. Особенно он был искусен во лжи на власть.

Митрополит Константин особо подчеркивает лживость распространенной поныне точки зрения о спонтанности, народности Февральской революции и факта, что она не имела, якобы, организаторов. Автор книги ошибочность этого воззрения и запланированность сценария подтверждает словами Ленина, не скрывающего («Письма издалека»), что заговор против России существовал. «Без революции 1905–1907 годов, без контрреволюции 1907–1914 годов невозможно было бы такое точное “самоопределение” всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия... Первый этап показал нам, во-первых, совместный удар царизму, нанесенный двумя си-

¹ Константин (Горянов), митрополит. Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога. 2019. С. 328.

² Там же. С. 13.

лами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и **со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов** с одной стороны, и Советом рабочих депутатов, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой»¹.

На страницах книги представлены в чудовищной своей ненависти к России заокеанские покровители и спонсоры «русской» революции. Называя имена Якова Шиффа (сегодня его потомок, конгрессмен США Адам Шифф принимает санкционные законы против России), Парвуса, Дейча, Мотодзиро Акаси, Рутенберга и др., автор книги не только показывает их активную роль в деле революции, но дает биографические справки, расширяющие представление об этих личностях. Мало того, что они поспособствовали свержению монархии и расправе над ненавистной им Русской Православной Церковью и, как следствие, над русским народом, да еще и непомерно на этом обогатились.

Автор проводит библейскую аналогию: как коварная Иудифь (Юдифь) безжалостно отсекла голову опьяненному царю Олоферну, так потерявшие бдительность русские «голубые князья», члены Государственной Думы, предательский генералитет были обольщены хитрой «Иудифью» и потеряли не только свои головы, но свое имущество. Как написано в Библии, израильский *«народ расхищал лагерь в продолжении тридцати дней»* (Иудифь 15:11) так и «победители» в ходе гражданской войны и после разграбили страну. Но митрополит Константин на протяжении всего повествования подчеркивает мысль — пути Господни неисповедимы, и милость Божия безмерна.

Оставшимся в живых после всероссийского голода бывшим подданным Царя и их детям пришлось искупать грех богоборчества и попустительства цареубийства на фронтах Великой Отечественной войны. И там они себя не посрамили. Не в числе победителей оказались аристократия и интеллигенция, мечтавшие о революции в благополучной Российской империи, а потом — о куске хлеба на чужбине. Честно показывает митрополит Константин и трагические заблуждения Церкви, вначале поддержавшей революционеров и либералов, и ими же разгромленной. Обо всем этом с реальными историческими примерами и нравственной оценкой иерарха современной Русской Православной Церкви митрополит Константин рассказывает в книге, основные смыслы которой людям нецерковным покажутся, наверное, дискуссионными. Но доказательная ее база документальна и научно убедительна, и оппонентам придется, если не смириться, то хотя бы, прочитав, принять к сведению нефальсифицированную историю России.

При этом автор книги затрагивает болезненно воспринимаемую поныне тему убийства русского Царя как ритуал. Этот вопрос митрополит Константин смело исследует на основе архивных данных, выводах всех следователей факта убийства, вплоть до современных, представляя разные точки зрения. Рассматриваются также вопросы о неблагоприятной роли Керенского в убийстве Царя и его Семьи, причины, почему Семья Николая II не смогла или не захотела уехать за границу, какой вклад в революцию внесли

¹ Константин (Горянов), митрополит. Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога. 2019. С. 149.

масоны и т. д. Трудные темы исследуются с привлечением современных исследований ученых, публицистов, писателей И. Фроянова, П. Мультатули, Т. Мироновой, Н. Коняева, Н. Старикова, Л. Решетникова, А. Вассоевича, академика РАН В. Мясникова, Г. Скотниковой, В. Большакова, В. Катасонова, А. Боханова, В. Шамбарова, В. Шубинского, А. Мирека, Н. Козлова, (А. Щедрина), Олеся Бузины, А. Холопова, работ священников о. Георгия Вахромеева, о. Александра Шаргунова, о. Геннадия Рязанцева-Седогина и др.; новых материалов иностранных авторов, используются также тексты русского духовного наследия. Цитируются статьи и выступления Святейшего Патриарха Кирилла, митрополита Тихона (Шевкунова), официальные документы заседаний Священного Синода, Государственного архива РФ и мн. др. Все это способствует не только раскрытию исследуемых тем, но и убедительной аргументации.

В своих прежних работах митрополит Константин показал основополагающее значение Православной монархии для объединения, становления и усиления России. Он рассматривал силу русского самодержавия как результат и вершину всемирной мысли: начиная с использования опыта Византии, русские цари изыскивали лучшие формы общественной жизни. Таким образом, величайшая в мире русская цивилизация была создана во многом благодаря монархической форме правления. Каждый из русских царей внес свою лепту в наше прошлое и настоящее¹. Император Николай II много сделал для процветания государства. Автор книги приводит статистические данные, характеризующие время его правления как благоденственное, в соответствии с возможным для того века уровнем технического прогресса и благосостояния. Дает сведения о достаточно высокой военной мощи страны накануне Первой мировой войны, перечисляет разработанные в то время большие государственные проекты в обеспечение «нового экономического курса» России. При Николае II были тщательно разработаны пятилетние экономические планы, куда входили, в том числе, гидроэлектростанции Волховстроя и Днепрогэса, проекты которых были полностью готовы еще в Российской империи. Транссибирская железная дорога, первые заводы по производству автомобилей, всеобщая грамотность, женское образование — все это входило в план модернизации Российской империи. Придя к власти, большевики держали в тайне личное участие Царя в разработке первых пятилетних планов и все перечисленные проекты приписали себе. Автор приводит свидетельства царского министра финансов П. Л. Барка об экономической стабильности государства, пережившего Русско-японскую войну и революцию 1905 года.

Человеческий образ российского Императора митрополит Константин создает посредством осмысления нравственной стороны его поступков, цитируя его доказывающие любовь к Отечеству высказывания, любясь отношениями в дружной боголюбивой Царской Семье, где дочери отказались выходить замуж, чтобы не расставаться со своей любимой Россией. И в народе, и в армии отношение к своему Царю даже на четвертый год войны было ровное, почтительное. Чтобы это доказать, митрополит Константин обращается к недавно изданной книге воспоминаний церковного и обще-

¹ См.: *Константин (Горянов), архиепископ Курганский и Шадринский. Путь Царский. К 400-летию Дома Романовых.* СПб.: Родная Ладога № 3. 2013. С. 149.

ственного деятеля русской эмиграции Глеба Рара «И будет наше поколение давать истории отчет», где приводятся такие наблюдения очевидцев:

— «Я не имею права считать себя всеведущим, но все же могу твердо заявить, что до трагических событий в Петрограде никаких настроений революционного характера в войсках не было. Все понимали, что ведется война, от результатов которой зависит судьба нашего отечества. Была у всех — до отречения императора — полная верность государю и правительству, и никто не допускал возможности каких-то перемен до окончания войны.

Когда начались предреволюционные события, армия стояла вне их и продолжала выполнять свой долг. Неожданное для всех нас отречение государя и практически конец монархии были восприняты с недоумением и горечью. Когда начали в войска прибывать революционные политические агитаторы с их речами и призывами, их воспринимали с возмущением. Еще раз повторяю, что отречение государя было воспринято с недоумением и никаких симпатий и доверия эти новоприбывшие люди в войсках не вызывали. Та часть солдат, которая все-таки начала доверять словам и обещаниям революционных деятелей, была ничтожной. И совершенно был прав молодой в то время генерал Врангель, сказавши, что революции никто не ожидал и не желал. Но она все же произошла, и в порядке дисциплины войскам пришлось подчиниться новым хозяевам. Но для большинства — с болью в сердце»¹.

Русский Царь был личностью выдающейся, непонятой людьми, далеками от Церкви, так как жил по ее законам. Его насильственное свержение с помощью плана, разработанного не без помощи западных спецслужб и осуществленное ближним окружением, генералами, среди которых большинство были масонами, явилось в условиях мировой войны — их государственной изменой. России, которая через несколько месяцев готовилась провозгласить свою победу в Первой мировой войне, был нанесен убийственный удар с тыла. Присоединились и «союзники», Великобритания и Франция, понимая, что лавры победителей выгоднее делить не на троих, а на двоих. Акт с «отречением» Царя Николая II от Трона, был не чем иным, как насильственным отстранением его от законной власти.

На фактах и свидетельствах автор книги показывает, как тщательно готовилось конспираторами «отречение» Императора, потому что победа русского народа приближалась. Поэтому заговорщики торопились, понимая, что с победой в войне Царь выйдет победителем и в революции. Они боялись этой его победы, как говорит автор книги, «Ибо победа Царя — означала собою конец мечтам о революции или дворцовом перевороте. Она означала собою мир и спокойный расцвет страны под скипетром Царя-Победителя, — она означала, — скажу откровенно, — позор и посрамление тем, кто пошел ва-банк, став на пути между Царем и победой»².

Николай II, казалось, смирился со своим положением. Но у этого видимого «смирения» были глубинные, нравственные причины. Он не пытался поднять восстание, во-первых, потому, что был заговорщиками пленен и отделен от народа и армии, а во-вторых, потому что понимал, что неминуемая

¹ *Константин (Горянов), митрополит.* Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога, 2019. С. 327.

² Там же. С. 189.

кровопролитная гражданская война приведет к поражению России в войне с Германией. Поэтому, как показывает митрополит Константин, Император Николай II в повторение подвига святых страстотерпцев Бориса и Глеба, сознательно принес себя в жертву.

Но, спрашивается, зачем нам сегодня нужны эти знания, эти подробности? И на этот вопрос в книге находится ответ: чтобы не повторилось. Митрополит Константин дает ужасающую картину погрома Российской империи, документально подтверждает русофобскую подоплеку революции, приводит страшные тому доказательства. Автор показывает звероподобные личины убийц Царя и его Семьи, отмечает низкие черты характера и непоследовательность действий председателя Временного правительства А. Керенского, прослеживает бандитскую биографию одного из руководителей нового государства Я. Свердлова, выявляет американские симпатии и обязательства Л. Троцкого. Также он подтверждает фактами из биографии Ленина его сущность, подмеченную Иваном Бунным, как «мыслящей гильотины». Создавая реальную историческую картину, митрополит Константин предостерегает нас от излишнего благодушия, показывает возможные его последствия, ведь враги России не унимаются и только укрепляются в своей к нам ненависти. Поныне!

К чему эта ужасающая ненависть приводит, можно видеть в главе «Каменное сердце». Это не метафора, это реальность, отмеченная еще в Библии: *«...и возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотяное, чтобы они ходили по заповедям Моим, и соблюдали уставы Мои»* (Иезек. 11:19–20).

На языке революционеров эта реальность или, как они говорили, «красный террор», характеризуется так: «Есть документальный рассказ одного из перебежчиков, который сообщал о практике употребления чекистами человеческой крови наряду со спиртом и кокаином, как средства для снятия нервных напряжений, возникавших вследствие непрерывных массовых кровавых расправ над людьми. Со слов очевидца: Один из палачей харьковской чеки говорил: “Мучился, да товарищ научил выпить стакан крови. Выпил, сердце как каменное стало”»¹. И этому есть документальные подтверждения.

В своих воспоминаниях С. Мельгунов цитирует автора книги, изданной на немецком языке, где дается описание человеческой «бойни» в Киевской ЧК. «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими останками. Все стены были забрызганы кровью... (часть невыносимых для нормального человека подробностей из этой цитаты опускаю из этических соображений. — автор книги М. К.). Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины. Этот желоб был на всем протяжении доверху наполнен кровью». Подобные зверства происходили в Воронеже, Одессе, Харькове, в общем, по всей России. Революционной необходимостью объяснить этот садизм нельзя, только

¹ Константин (Горянов), митрополит. Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога, 2019. С. 350.

“жертвоприношением духу коминтерна”. Как говорит кн. Жевахов, с точки зрения здравого смысла они ужасны, если не учитывать ритуальную, подразумевающую соби́рание крови жертв цель»¹.

Или такое откровенное выступление Л. Троцкого (по воспоминаниям Ратиева): «...Каждому из вас должно быть ясно, что старые правящие классы свое искусство, свое знание, свое мастерство управлять получили в наследство от своих дедов и прадедов. А это часто заменяло им и собственный ум, и способности.

Что можем противопоставить этому уму мы? Чем компенсировать свою неопытность? Террором последовательным и беспощадным! Уступчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены встать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти, возможно, враги нашей власти.

Предупредить, подорвать возможность противодействия — в этом и заключается задача террора.

Тишина, такая тишина в зале, что мне кажется, что тут нет никого, кроме нас двоих — его, отверзающего предо мной бездну, и меня, стоящего у самого ее края.

— Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения, — продолжает спокойным академическим тоном оратор. — Это то, что, уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, ученых, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они приедут работать к нам. Контролировать их нам будет, конечно, значительно легче, чем наших. Здесь они не будут связаны со своим классом и с его судьбой. Будучи изолированы политически, они поневоле будут нейтральны»².

Кажется невероятным, что Россия не погибла в эти страшные годы и осталась в истории. Но, как подчеркивает митрополит Константин на протяжении всего повествования: пути Господни неисповедимы, и милость Божия безмерна.

Наша Победа

Один из ценностных аспектов книг тот, что в ней показано, что последствия революций состоят не только в смене власти, они гораздо разрушительнее, обширнее и длительнее. Автор, соглашаясь с цитируемой мыслью доктора философских наук А. Л. Казина, что Вторая мировая война стала продолжением русской революции и Первой мировой войны, кланяется героическому подвигу русского народа и его Победе в искупительной Великой Отечественной войне.

¹ Константин (Горянов), митрополит. Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога, 2019. С. 350.

² Там же. С. 351.

Поэтому, несмотря на то, что в книге много говорится об истории революционных процессов, о трагедии царя Николая II, о нравственных предателях и обманутом народе, она, как написано на титульном листе, «Посвящается 75-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, ставшей искупительным подвигом». Посвящение оправдано тем, что история России нераздельна, все времена и события взаимосвязаны. Митрополит Константин убежден, «что если бы усилиями революционеров, масонов, американских, английских и немецких банкиров, иллюминатов, сионистов — то есть совокупной силой — не было бы совершено беззаконие, — не было бы сокрушено Самодержавие, не было бы Освенцима, тысяч концлагерей и гетто. Многие ужасы XX в. стали бы невозможными, если бы от среды не был насильно отнят “Удерживающий”. В Православии таким “Удерживающим” является законная власть, в данном случае — Царь, именно он оберегает вверенный ему Богом народ от крайних демонических нападений и проявлений»¹. Понятно, что в наше время о восстановлении монархии в традиционном ее понимании речи не идет, и автор книг поясняет — почему. Но элементы монархического правления в этике и политике современных руководителей России должны присутствовать. И они явно присутствуют. Главное — это ответственность за Россию пред Богом и народом. Иначе не совладать с не унимающимися врагами нашего Отечества, вооружившимися сегодня против нас дьявольской ложью.

Современным предательским искажениям фактов нашей Победы мы должны противопоставлять правду о Великой Отечественной войне, предпосылки которой были заложены в Версальском мирном договоре 1919 года. Победа в Великой Отечественной войне нашим недругам ненавистна поныне, так как не позволила воплотить мечту разрушителей Российской империи, поставивших в Феврале 1917 г. цель — уничтожить наше государство, вне зависимости от того, каким строем оно управляется. Россия западному миру не нужна никакая, ни царская, ни большевистская, ни демократическая — подчеркивает и предостерегает современных российских «мятежников» митрополит Константин.

Так кроваво-трудно установленный большевистский режим тоже оказался несовместимым с мировым замыслом о России: с властью комиссаров проще можно было пограбить и уничтожить страну, чего бы никогда не позволила Российская империя, тем более после неминуемой победы в Первой мировой войне. Уже в 1919 г. был подробно разработан сценарий уничтожения и Советской России военной мощью Англии, США, Франции, Италии. Причем в качестве ударной силы против Советской России рассматривались все народы, живущие на ее окраинах: финны, эстонцы, латыши, литовцы и др. Вот их основная цель, сформулированная на Парижской мирной конференции американской делегацией:

«Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждую со своей экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство»². «Большие естественные области» — это: Русь, тюркско-мусульманское го-

¹ Константин (Горянов), митрополит. Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога, 2019. С. 135.

² Цит. по: Кефали И. Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007. С. 117.

сударство Идель-Урал, кубанско-донская Казакия, енисейско-забайкальская Казакия, Тыва, Калмыкия, Эмират Чечни и др., всего одиннадцать. Часть областей, как, например, Калининградскую обл., Карелию, Камчатскую обл., предполагалось поставить под контроль европейских государств, США, Японии и Китая¹. Только тогда можно было бы считать, что «русская» революция свершилась. Но ведь не свершилась! И помешала этому наша непостижимая Победа в Великой Отечественной войне.

Как говорил епископ Николай (Велемирович) Сербский, «...Все войны, с начала и до конца истории, — библейские войны, т. е. все они находятся в зависимости от живой, активной и всемогущей воли Третьего, Невидимого и Всерешающего; все они проистекают из греховности или обеих сторон, или только одной из них; все они действуют по библейскому закону причинности и оканчиваются так, как им присудит Вечное, Непогрешимое Правосудие... Могу с уверенностью сказать, что победит та сторона, которой дает победу воля Божия. Из Святого Откровения Божиего ясно, кому Бог дарует победу. Это ясно и из примера всех войн истории человечества, если их рассматривать в освещении Святого Откровения. Короче: воля Божия дарует победу тому, у кого самая ясная и крепкая вера в Бога и кто исполняет Его закон... Народ же, который вместе с вождями своими останется верным Господу Иисусу Христу (мы все еще говорим о христианских народах), — будет или пощажен от войны, или же выйдет из нее победителем, независимо от своей численности, культуры и вооружения»². Нашему народу Бог даровал Победу.

О том, какими неимоверными усилиями многонационального советского народа она была добыта, митрополит Константин показывает на примере подвигов военачальников и солдат, которые на поле брани обретали веру в Бога, соприкасаясь с чудесной Божией помощью. Люди, находящиеся пред лицом смерти, молились и получали помощь сил Небесных, о чем рассказывается в книге. Потребность в чуде имеет такую же природу, как воздух и вода, как хлеб и сама жизнь. И чудеса свершались. Чудом можно назвать и возрождение и укрепление в годы войны Русской Православной Церкви, прославившейся в это время молитвенными подвигами ее иерархов и солдатским героизмом простых священников. Не забыл историк о вкладе в Победу русской эмиграции, среди которой осталось мало обиженных, но оказалось много героев, за свою далекую родину пожертвовавших даже жизнями. Все это подтверждает существование неискоренимой духовной силы народа вне зависимости от социального его положения и государственного строя. Книга подтверждает, что даже революция не смогла оборвать глубинные духовные святорусские корни, и Советский Союз в пору своего расцвета стал достойным преемником царской России и продолжил победоносную поступь достижениями в науке, культуре, мировой политике. Но, доверившись «заклятым» западным друзьям, совершил те же ошибки, что и Российская империя, усугубив свое положение открытым богоборчеством.

При наличии трагических сюжетных линий, после прочтения книги, однако, остается просветленное настроение надежды, чувство уверенности.

¹ Цит. по: *Кефали И. Ф.* Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007. С. 119.

² *Сербский Николай, святитель.* Война и Библия. Симферополь: Издательство Шпатакова «Родное слово», 2016. С. 67–69.

Это связано с глубокой, умной верой автора, и с тем, что осознание законов бытия облегчает их соблюдение и наше существование в данном нам бытии. Это настроение связано также с художественными особенностями книги, богатой иллюстрациями, среди которых прекрасные прижизненные портреты Николая II, плакаты революционных времен, фотографии упоминаемых исторических личностей, духовные картины современного художника-иконописца Филиппа Москвитина. Обширно поэтическое цитирование, подтверждающее и укореняющее в сознании читателя авторские мысли созвучными им стихотворными строками классиков — А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Блока, С. Есенина, М. Волошина, С. Бехтеева, А. Несмелова. Это, параллельное сюжетному, поэтическое полотно, отражающее неизбывность нравственной идеи во времени, Митрополит Константин укрепляет поэтической окопной духовной исповедью простого русского солдата Андрея Зацепы, убитого в 1942 г., и стихами современными, написанными А. Ребровым, В. Ефимовской уже в XXI в., подчеркивая связь русской поэзии с русской исторической мыслью. Склонность автора к цитированию стихов классических и современных поэтов можно объяснить также желанием упорядочить, возвысить трудное повествование, оправдать человека, выявить лучшие стороны бытия, полнее всего отражающееся в поэтическом слове. Это желание поясняется мыслью русского православного философа С. Н. Булгакова: «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир»¹. Поэтическая преемственность в книге выразительнее, мелодичнее, чем даже преемственность рассудочно-философская.

Особенность книги митрополита Константина, ее глубинная мысль все же не только историческая, но в большей степени богословская. Писатель заставляет нас проникнуться верой в окружающий нас мир как в божественный дар. Понятие дара онтологично. Как говорит А. Панарин, «дарение имеет одновременно и мистическо-космическое значение стяжания благодати, и значение приращения социального капитала»². Революции, войны искажают, приводят к замутнению бытия, дарованное во всей его благодати человеку Богом. В книге митрополита Константина таким бесценным даром предстает наше Отечество — Россия. Но у получающего дар, как отмечали русские философы С. Н. Булгаков, А. С. Панарин, есть обязательство отдаривания, выражающееся в виде социальных, моральных обязательств, в нашем смысле — это служение Родине. Как говорит А. Панарин, «дело в том, что дар никогда не воспринимается как счастливый случай, как выигрыш в рулетку, как азартная игра отщепенской личности. Дар пробуждает в нас не только социальное чувство благодарности и признательности, но и космическое чувство причастности к миру. Ведь и сам даритель в этой вселенной никогда не воспринимается как конечная инстанция или первичный владелец вещей. Он сам получил их в дар — от богов, от космоса, от вышестоящего лица, от собственных предков. Именно поэтому он в свою

¹ Цит. по: Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб.: Политехника-сервис. 2014. С. 50.

² Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб.: Политехника-сервис. 2014. С. 49.

очередь обязывается к бескорыстному дарению — таков высший космический закон»¹.

Но для понимания этого закона нужно верующее, благодарное сердце, любящее Христа и Россию. Книга оканчивается не назиданием, не рекомендацией, а такими благодарными словами автора, посвященными русским людям: «Наш народ страданием Царя и молитвами всех новомучеников и исповедников Церкви Русской, терпением “тысяч зол” в богоборческие времена и во времена фашистского нашествия обрел мудрость, искупил зло и сегодня возвращает, собирая и сшивая в своем духе ризы Христианской Любви».

Книга митрополита Константина «Чаша Господня и чаша бесовская» помогает понять непреложные законы существования России. Понимание неразрывной связи исторических эпох, событий и поступков приходит к нам постепенно, как долгий рассвет, благодаря и этому щедрому нам дару митрополита Константина. И сегодня мы видим, что Николай II, Помазанник Божий, не зря принес себя в жертву, — Россия воскресает, укрепляется вера, развивается «христианское чувство истории». Бог милосерден, если грешник обращается к Нему с покаянием, с молитвой о прощении, с пониманием того, что наше Отечество — самый ценный наш — Божий Дар. И его сбережение в веках — наша Победа.

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб.: Политехника-сервис. 2014. С. 49.

Николай ДОРОШЕНКО БОНДАРЕВ

*Посвящение
выдающемуся русскому
писателю-фронтовику*

*К 75-летию
Великой Победы*

Николай Иванович Дорошенко — секретарь правления СП России, главный редактор газеты «Российский писатель» и одноименного сайта. Родился в 1951 г. в с. Сухиновка Глушковского района Курской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (отделение прозы, семинар Ф. Ф. Кузнецова). Был ответственным секретарем Комиссии по работе с молодыми литераторами в Московской писательской организации, главным редактором газеты «Московский литератор» (1988—2000), главным редактором ТВ «Парламентский час», преподавателем в Международном независимом эколого-политологическом университете (читал спецкурс «Культура как среда обитания»). Лауреат Большой Литературной премии России. **Живет в Москве.**

Есть два факта мировой истории, которые никому не могли бы показаться достоверными, если б не имели они документального подтверждения. Это биография Михаила Васильевича Ломоносова и итоги первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Что касается такого явления, как Ломоносов, то невероятным является даже и то, что некий помор смог прийти вместе с рыбным обозом в столицу и, не встретив современных ему сословных преград, получить за счет госказны образование даже и за границей, стать ученым-естествоиспытателем мирового уровня. Но и голова этого ученого должна быть, наверно, размером с современный Московский государственный университет, если учесть, что предметами его научных исследований были и молекулярно-кинетическая теория тепла, и физическая химия, и астрономия, и опто-механика с приборостроением, и география, и навигация, и геология, и теория электричества с метеорологией, и наука о стекле, и твердая ртуть, и даже охрана жизни да здоровья...

А еще Ломоносов создал прототип летательного аппарата...

Но и этого оказалось ему мало. Обнаружив, что со стороны гуманитарных дисциплин у России пустое место даже лопушком не прикрыто, химик и физик Ломоносов создает первый научный учебник русской грамматики, вносит свой весомый вклад в развитие риторики и в теорию стиля, а в области поэтического ремесла дерзает быть не только теоретиком, а и тем блистательным практиком, с которым потом будут соревноваться великий Державин и *наше всё* Пушкин:

*Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом...*

И совсем уж невероятным может показаться то, что и в области изобразительного искусства он проявил себя как непонятно откуда взявшийся, но вполне зрелый мастер, да еще и в технике очень сложной — в мозаике! — да еще и в стилистике европейской, русскому глазу непривычной.

А что касается итогов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, то приведу лишь небольшой фрагмент из доклада Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) от 7 января 1933 года:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь. В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны. Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новых базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии...»

Подобно тому, как явление Ломоносова было вызвано стремительным превращением России из окраины Европы в самодостаточную Империю, и в атмосфере всеобщего высочайшего созидательного напряжения сформировалось поколение выдающегося русского писателя Юрия Васильевича Бондарева. Да, его ровесников принято называть поколением победителей, поскольку одержанная ими во Второй мировой войне победа — это наиболее значительное событие не только в их биографиях, а и в истории их страны. Но — это бондаревское поколение победителей уже через пять лет

восстановило обрυσенную войной экономику страны, собственным ядерным оружием перечеркнуло агрессивные планы США, первым в мировой истории оправило в полет космический спутник и космонавта...

2.

Может быть, лучшим из лучших представителям бондаревского поколения удалось, как Ломоносову, в полной мере реализовать свои таланты потому, что советский государственный организм требовал бесконечных хирургических вмешательств. Потому, что сложился он не только из таких нравственных энергий, как русская интеллигенция (тогда еще не модифицированная), а и, если современными мемами воспользоваться, из токсичных *печенок* от германского генштаба и от банков США.

Чтобы было понятно, о чем тут идет речь, давайте представим себе, какая орда агентов иностранного влияния была бы сегодня изъята из власти и из влиятельнейших привластных элит, если б в Кремле вдруг появился некий центр, взявший, как и одержавший победу над пятой колонной сталинский режим, курс на развитие нашей страны. И они ведь, привыкши считать себя хозяевами страны, в отставку и в «болотную» оппозицию уйдут только тогда, когда их место займут их подобия...

Понятно, что лидеров созидательных всегда сменяют то ли, мягко говоря, карьеристы, то ли, опять же мягко говоря, *люди темные*, которые сначала перевыполняют планы по борьбе с врагами народа, а потом и всю вину за эту борьбу сваливают на кого-то. Например, даже и на моей памяти крупнейший советский идеолог Александр Яковлев сначала своею статьей «Против антиисторизма» попытался было заткнуть рот русской творческой интеллигенции с позиций ортодоксального марксизма-ленинизма, а при Горбачеве стал уже и всю страну прессовать с позиций либерализма.

Так что, если учитывать, что любой очистившийся и не очистившийся госаппарат неизбежно остается замусоренным всякими старателями типа Хрущева, Горбачева и Ельцина, то можно себе представить, с каким перегревом и в канун Второй мировой войны, и после работали социальные лифты. Надо было заполнять пустоты, образующиеся в результате событий, которые, кстати, весьма обстоятельно изложены Вадимом Кожиновым в его многотомном исследовании «Россия. Век XX» (глава «Загадка 37-го года»).

В результате, после 37-го года получился не цивилизационный пирог, состоящий из элитных слоев, а некий винегрет, где в элитах оказывались представители самых разных социальных групп. И вместо правящего сословия была уже правящая партия, в которую мог вступить не только потомок старых большевиков или выходец из революционного класса, а даже и, как автор советского гимна С. В. Михалков, потомок из класса «антиреволюционного».

То есть, это была демократия не в том смысле, что каждый мог либо штаны снимать перед публикой, либо их надевать, а в том смысле, что каждый мог реализовать свой творческий и государственный ресурс.

3.

Поколение, сначала перешагнувшее через бездну самой кровавой войны, а затем и преданное вместе с Отечеством не неким маргиналом, а самой властью, невозможно сравнить с каким-нибудь другим поколением в миро-

вой истории. Как, например, история не знает и такого уникального, как советское государство, цивилизационного проекта, оказавшего не за века, а всего лишь за несколько десятилетий не только самое значительное, а и самое позитивное влияние на гуманитарное и социальное развитие почти всех стран мира.

Конечно же, в таком грандиозном проекте даже и творец масштаба Ломоносова — это всего лишь один из многих тысяч таких же великанов.

Например, даже в сражениях Второй мировой войны на каждом участке и в каждый миг требовались не столько авторитетные и проверенные, сколько уникальные, еще не испытанные полководческие ресурсы. И если в ряду других полководцев Великой Отечественной войны генерал Катукوف остается до сих пор не самым именитым, то это вовсе не значит, что не он лично с меньшими ресурсами выиграл сражение за Москву против такого монстра, как Гудериан.

К сожалению, многим созидателям той величайшей эпохи пришлось пережить также и ее закат. А для этого потребовались уже иные эмоциональные и духовные энергии.

4.

Уже и после развала СССР никогда мне не удавалось поговорить с кем-то из фронтовиков о современных им репрессиях. В канун революции и до середины 20-х годов родившиеся, они пору своей юности запомнили скорее тем, что им «все пути были открыты», а не, как это пытается нам современная пропаганда представить, ожиданием вероломных казней.

Поэт Михаил Федорович Борисов, в одиночку подбивший в Прохоровском сражении около десятка фашистских танков, отвечал на мои расспросы своим вопросом: «А что, разве сегодня не та зараза, которую при Сталине не довычистили, страну нашу погубила?»

Полагая, что разговоры с Михаилом Федоровичем и другими его ровесниками мне пригодятся, я их потом на скорую руку записывал в нетбук; и вот теперь, чтобы найти эти записи, я вбил в поисковик чаще других формулируемые темы наших бесед, и, к своему изумлению, вышел на когда-то скопированный мной для чтения текст Аристотеля «Никомахова этика». Да, разумеется, не от Аристотеля Михаил Федорович получил представление о нравственной природе человека. Просто, как подсказал мне поисковик, советский человек или, как теперь его принято называть, «совок» и «ватник», чувствовал бы себя наиболее комфортно в век Перикла.

Вот, например, я спрашивал у Михаила Федоровича: «Неужели на Прохоровском поле, когда весь ваш расчет погиб, не страшно было вам одному остаться у пушек и по немецким танкам палить?» И он пояснял мне, что во время сражения с немецкими танками чувствовал себя не отчаявшимся одиночкой, а частью бессмертной славы всего своего великого народа. «Это сейчас ночью от ужаса просыпаюсь и сердце у меня колотится, — рассказывал он. — А тогда умереть в столь великом сражении было совсем не страшно. Потому что не верилось, что смерть моя будет напрасной».

А у Юрия Бондарева в повести «Батальоны просят огня» капитан Борис Ермаков рассуждает хоть и более по-житейски, но с таких же позиций: *«Когда убиваешь немца, который стреляет в тебя, — значит, не впу-*

стю. Родину не защищают впустую...» И вот это «не впустую» является оправданием стояния батальона насмерть.

То есть, у советской цивилизации, как и у Древней Греции, *наивысшими* в иерархии человеческих ценностей были героические деяния, требующие от человека *наивысшего* напряжения его душевных и физических сил. И если, например, историки отмечают, что героические деяния у древних греков имели даже и эстетическое значение — как «*проявление прекрасного и возвышенного в их единстве*» (Ю. Бореев, «Эстетика»), то разве советская фронтовая литература не убеждает нас в том же самом относительно героических деяний советского человека?

Единственное, чем советские герои отличались от героев Древней Греции, так это тем, что происходили не из «потомков богов» и не из «достойных мужей», а, как и подавляющее большинство выдающихся советских полководцев, организаторов науки и производства, ученых и деятелей культуры, из самых, что называется, безымянных масс.

Помимо Михаила Федоровича Борисова примучивал я своими любопытствованиями также и Михаила Петровича Лобанова — выдающегося советского мыслителя и тоже фронтовика. «А как вы, Михаил Петрович, можете считать советскую эпоху наиболее близкой себе по духу, если вам постоянно давали понять, что в советские стандарты вы не вписываетесь?» — допытывался я. И Михаил Петрович мне отвечал так: «Для тех, кто мне навязывает свои стандарты, Родина высшей ценностью не является, им, как Гамлету, не приходится и теперь делать выбор в пользу каких-нибудь высших смыслов, они подчиняются только инстинкту личного доминирования и выживания».

Мне довелось прочитать и частично даже опубликовать в еще «бумажном» варианте «Российского писателя» юношеские стихотворения и письма народного писателя Михаила Николаевича Алексеева, написанные им в окопах Сталинграда. И уж столько в них было отваги, которую можно было бы назвать жертвенной, если б она не была такой бравой.

При чтении алексеевских стихотворений и писем мне казалось, что если бы из смерзшегося окопа и орудийного грохота рука небесная перенесла бующего автора «Драчунов» в тепло и тишину, то он бы даже не обрадовался. И точно так же, когда мы на фронтовых песнях выросли, то хотелось ведь и нам оказаться у «тесной печурки», в которой «вьется огонь».

Пройдя сквозь все прокатные станы своего времени, фронтовики не только не расплющились, а и, что называется, обрели закалку и для нашей послевоенной *мирной* жизни сотворяли самые высокие смыслы.

5.

И не случайным является то, что 29 июня 1988 года не кто-то из самых искушенных политиков, а писатель фронтового поколения — Юрий Васильевич Бондарев, — на XIX Всесоюзной партийной конференции, как античный *бог из машины* («*Deus ex machina*») появился и вдруг сравнил горбачевскую перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка.

И в 90-х, когда признанного во всем мире русского писателя Юрия Бондарева, на российских медийных фабриках уже запрещенного, Ельцин

решил какую-то наградой в честь его юбилея все-таки поманить, а Юрий Васильевич от этой награды отказался, то русской интеллигенции показалось, что это так же и она в лице своего национального писателя не простила Ельцину столь очевидную измену Родине.

И, например, в веке нынешнем, едва Путин вернул российский Крым России, а вся либеральная рать против Крыма взвыла, то именно 90-летний Юрий Бондарев свою подпись поставил первым под письмом творческой интеллигенции, возвращение Крыма поддержавшей. Так что, дабы к Бондареву и к еще живым его соратникам лишнее внимание не привлеклось, пришлось либералам самим быстренько организовать письмо такое же, но подписанное деятелями номенклатурными, готовыми подписать что угодно.

То есть, так оно само получилось, что именно Юрий Васильевич Бондарев с некоторых пор вдруг стал для нас правофланговым всего героического фронтового поколения.

6.

При этом и он, писатель, и его ровесники, после войны ушедшие в науку, на производство и в любые иные сферы деятельности, в отечественной истории остаются не только воинами, а и творцами.

И первым обратил на это внимание главный реформатор нашего образования Андрей Фурсенко.

«...Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца», — заявил он. И сам же объяснил, почему сегодня наша страна, еще недавно являющаяся сверхдержавой, по уровню развития экономики уже уступает странам третьего мира: «...а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других».

Так что смысл трагедии, случившейся с поколением Юрия Бондарева и со всеми нами, заключается не только в том, что мы потеряли страну, созидаемую многие века и многими поколениями, а и в том, что мы как вид человека-творца оказались побежденными и вытесненными на обочину видом человека-потребителя.

7.

Но человека-творца придумала не советская власть, а сама природа.

Например, крупнейший ученый Борис Поршневу (он был историком, психологом, философом, социологом и т. д.), являясь атеистом и марксистом, все же вынужден был признать, что человек произошел от гоминидов не в результате эволюции и усложнения трудовых навыков, т. е. не по Марксу, а *по причине сбоя в эволюционных процессах*. Потому что эволюция за миллионы лет смогла наделить живые существа любыми свойствами, в том числе интеллектом и использованием орудий труда, но — только не способностью к творчеству. Так что только гоминид, в результате эволюционного сбоя творческий дар обретший и за тысячи лет его не утративший (не одичавший!), в полном смысле слова человеком может называться.

И когда наш народ теперь клеймят за то, что он к злодею Сталину с каждым годом испытывает все большее уважение, то надо понимать, что в глазах народа Сталин хоть и запросто человеческими жизнями распоряжался, но — распоряжался не по Фрейду, а как творец новой и более гуманной политической реальности. И что точно, так это то, что Сталин стоит в одном ряду с Александром Македонским, эллинизовавшим весь известный ему Древний Мир, с лидером Английской революции 1643—1650 гг. Кромвелем, с Петром I и т. д.

Но все это требует отдельного и более обстоятельного разговора.

8.

Я пытаюсь представить себе Юрия Бондарева в образе подростка, который в 1941 г. вместе с тысячами таких же юных комсомольцев отправился под Смоленск сооружать оборонительные укрепления. Увы, какую бы мобилизационную внутреннюю политику страны ни была, но подростки — это всего лишь подростки, и если сами они не возжаждут, то толку от них будет мало. Мобилизационным было самосознание значительной части бондаревских ровесников.

Сам же Юрий Бондарев размышлял не так схематично, как я в этой статье о нем, он самоотверженность и единение своего поколения объяснил многими из самой жизни взятыми обстоятельствами. Однако же, масштабам эпохи не свойственны мелкие и частные детали в человеческих характерах. Поэтому и герой бондаревской повести «Батальоны просят огня» Кондратьев рассуждает так: *«Я сам не знаю, буду ли жить, буду ли, но люблю все, что осталось, люблю... Ведь человек рождается для любви, а не для ненависти...»*

Лишь к лету 1942 г. Юрий Бондарев заканчивает 10 классов средней школы и призывается на учебу во 2-е Бердичевское пехотное училище, которое вскоре было эвакуировано в город Актюбинск.

А уже в октябре этого года он вместе с другими курсантами направляется сразу же в самый ад — под Сталинград, в качестве командира минометного расчета 308-го полка 98-й стрелковой дивизии. Был контужен, получил обморожение и легкое ранение. После госпиталя воевал командиром орудия в составе 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии Воронежского фронта. Участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева. В боях за Житомир был ранен и снова попал в полевой госпиталь. За уничтожение в районе села Боромля Сумской области из боевых порядков пехоты трех огневых точек, автомашины, противотанковой пушки и 20 солдат и офицеров противника был награжден медалью «За отвагу». За подбитый танк и отражение атаки немецкой пехоты в районе города Каменец-Подольский награжден второй медалью «За отвагу». С января 1944 г. воюет в рядах 121-й Краснознаменной Рыльско-Киевской стрелковой дивизии в Польше и на границе с Чехословакией. В 1944 г. удостоивается приема в компартию. В октябре направляется в Чкаловское артиллерийское училище и после окончания учебы, в декабре 1945 г., его признают по ранениям ограниченно годным к службе и демобилизуют...

И точно так же в 1991 г., когда либералы решили Союз писателей России разогнать, Бондарев среди построивших баррикады защитников писа-

тельского дома оказался теперь уже и по возрасту самым старшим (он тогда возглавлял наш Союз писателей России). А после ночи, проведенной в рабочем кабинете, он вполне бодро с нами обменивался шутками, и казалось, что для него вполне привычна вот эта баталия.

И точно так же в 90-х (когда многие из нас полагали, что если еще и еще разок мы выйдем в нашей столице на демонстрацию и прокричим сотнями тысяч голосов *«Банду Ельцина под суд!»*, то, как во всех цивилизованных странах, наше правительство, вызывающее у всех граждан не только недоверие, а и чувство стыда, вынуждено будет уйти в отставку), Юрия Васильевича Бондарева я видел среди демонстрантов самых молодых и энергичных, готовых щиты и дубинки у наступающих омоновцев вырывать из рук.

Античный *бог из машины* не знает возрастных преград и усталости, он появляется всегда и везде тогда, когда появиться должен по причине своих особых свойств.

При этом надо отдавать отчет в том, что Бондарев к 90-м, это человек, у которого помимо многих высоких военных наград и почетного ордена Отечественной войны 1-й степени — Звезда Героя Социалистического Труда, два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, Ленинская премия, Государственная премия РСФСР, две Государственные премии СССР и много других наград и премий.

Кто-то иной под тяжестью таких заслуг бронзою бы покрылся и уже не знал, какая погода за окном, а он, когда был депутатом Совета Национальностей ВС СССР 11-го созыва, по-лейтенантски использовал этот свой высокий статус для того, чтобы, например, протестовать против поворота северных рек...

9.

При этом не надо забывать о том, что отвага Бондарева, это не отвага Солженицына, у которого за плечами стояло ЦРУ вместе с Конгрессом США, не отвага Сахарова с Ростроповичем, каждый шаг которых охранялся «прогрессивной мировой общественностью».

Да и не отвага это была, а, как и у его героя повести «Батальоны просят огня» Кондратьева, это была самоотверженная, жертвенная любовь (*«Ведь человек рождается для любви, а не для ненависти...»*).

А поскольку нескрываемый патриотизм лишал Бондарева давно заслуженного высокого социального статуса и отодвигал его, писателя с мировым именем, на обочину литературной жизни, то можно сказать, что главной своей привилегией Юрий Васильевич Бондарев считает свое, слава Богу, не поддающееся конфискации человеческое достоинство.

10.

Да, творческая биография у Бондарева складывалась более чем благополучно. В 1949 г., за два года до защиты диплома в Литературном институте им. А. М. Горького, он дебютировал в печати. В 1953 году у него вышел первый сборник рассказов «На большой реке». Далее были книги «Юность командиров» (1956), «Батальоны просят огня» (1957 г. и в 1985 г.

4-х серийный фильм по мотивам этой повести), «Последние залпы» (1959 г. и одноименный фильм в 1961 г.), «Тишина» (1962 г. и одноименный фильм в 1964 г.), «Двое» (продолжение романа «Тишина»; 1964), «Родственники» (1969), роман «Горячий снег» (1969 г. и одноименный фильм в 1972 г.), «Берег» (1975; одноименный фильм в 1984 г.)...

Задолго до горбачевской перестройки он словно бы предчувствует развал СССР, размышляет о смысле жизни и о предательском с точки зрения фронтовика конформизме. А потом в романах «Искушение» (1992), «Непротивление» (1996), «Бермудский треугольник» (1999), «Без милосердия» (2004) его герои предстают людьми, оказавшимися неготовыми к современной гуманитарной катастрофе, затронувшей не только нашу страну, а и весь западный мир.

Но что значит *неготовыми*?

Русский самородный поэт Алексей Кольцов в своем стихотворении «Лес», посвященном памяти погибшего на дуэли Пушкина, написал так:

*С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...*

К чему не готов был Пушкин?

11.

Многие критики (Виктор Чалмаев, например) после публикации первых значительных повестей Юрия Бондарева отмечали, что он делает *«вызов официальной эстетике»*, сопротивляется *«обезличению, стандартизации человека и фактически обескровливанию, слепоте искусства»*. Позже и Вячеслав Саватеев в своей статье «Батальоны, вызывающие огонь на себя» обращает внимание на то, что *«уже в первой повести “Юность командиров” фронтовик Дроздов после просмотра фильма говорит: “Все пригладили и прилизали /.../. Представляю, как лет через двадцать-тридцать люди будут смотреть эту картину и удивляться: неужели такая игрушечная была война? Сплошное «ура!» и раскрашенная картинка для детей. Стоило герою бросить гранату на высоту, как немцы разбежались с быстротой страусов. Разве так было? Немцы дрались до последнего, а мы все-таки брали высоты /.../. Война — это пот и кровь. А герой — это работяга. Этого бы только не забывать»*. И обращает внимание на то, как К. Симонов отмечал, что следующая бондаревская повесть «Батальоны просят огня» *«многому научила даже маститых писателей»*.

И сам Юрий Бондарев считал, как рассказывает В. Саватеев, что его герои *«родились “от живых людей”, от тех, кого он встречал на войне, с кем “вместе шагал по дорогам сталинградских степей, Украины и Польши, толкал плечом орудия, вытаскивал их из осенней грязи, стрелял, стоял на прямой наводке, спал, как говорят солдаты, на одном котелке, ел пропахшие гарью и немецким толом помидоры и делился последним табаком на закрутку в конце танковой атаки»*.

И я бы придал этой бондаревской правде о людях, которых он на войне встречал, тот смысл, который критик Юрий Селезнев называл в военной прозе *«семенами человечности»*.

То есть, читая фронтовую прозу Юрия Бондарева, легко можно предположить среди его лейтенантов и рядовых также и Ивана Африкановича — героя повести «Привычное дело» Василия Белова.

А если вспомнить «Загадку 37-го года» Вадима Кожинова (о том, что был не только сталинский проект советского будущего, а и троцкистский, куда более суровый и о *«семенах человечности»* уж точно не помышляющий), то становится понятным, что это вслед за фронтовым писателем Юрием Бондаревым «деревенский» писатель Василий Белов в своем «В привычном деле» сопротивляется *«обезличению, стандартизации целовека и фактически обескровливанию, слепоте искусства»*.

Мое замечание никак не умаляет достоинства «деревенской» литературы. Но если Александр Яковлев обвинял русских почвенников в том, что они искажают идейную природу советского человека, то в том же самом, вплоть до игнорирования в войне роли партийных работников, уличали и Юрия Бондарева.

Я всего лишь хотел сказать, что Юрий Бондарев в исторических смыслах послевоенной русской литературы такой же почвенник, как пришедшие вслед за ним в литературу Василий Белов или Валентин Распутин.

12.

Опять же, читателям более молодым, чем я, может показаться, что почвенники, это всего лишь наше русское национальное и, к тому же, только литературное явление. На самом же деле, такими, как Бондарев или Белов, почвенниками являлись все последние лидеры европейских государств, не утративших статуса национальных: де Голь во Франции, Улоф Пальме в Швеции, Альдо Моро в Италии...

Если же с позиций нашего бывшего министра образования Фурсенко взглянуть и на отказ Европы от своей почвы (от национальных культур и от национальных государств), и на попытку современной России найти любую суррогатную замену таким, как Бондарев или Белов, национальным писателям, то все это можно расценивать лишь как насилие над уникальнейшим во всей биосфере живым существом — над человеком-творцом! — и над его культурной средой как над единственной нетоксичной по отношению к нему почвой.

Или, например, уже и либералка Людмила Улицкая открестилась от создавшейся в нашем постсоветском обществе духоты и резюмировала так:

«Отрицательный отбор, он идет на уровне культурном, на уровне нравственном. И это, я думаю, создает главную проблему сегодняшней власти. Это люди, которые очень легко прочитываются. Я не вижу там сложных людей. Довольно простая картина. Печальная».

13.

Проще всего сказать так: любым антропофобным системам власти противостоит только то, что подобно русской литературе в ее самых высоких смыслах, в том числе «Ваньке Жукову» Чехова и «Станционному смотри-

телю» Пушкина. Или — «Привычному делу» Белова. Или той прозе Бондарева, где его герои живут и погибают по причине любви, а не ненависти (это если совсем уж упростить). Потому, что человек по природе своей не индивидуалист и эгоист, а существо социальное, общественное, общее благо предпочитающее благу личному.

И если кому-то кажется, что слишком высокопарно я рассуждаю, то изъяснюсь *низким стилем* Козьмы Пруtkова: «*Чрезмерный богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей с аппетитом собственную грудь у колыбели голодающего дитяти*».

Опять же, если бы удалось спасти нашу страну в 1991 или в 1993 гг. точно так же, как в 1945-м, то сегодня о почвенничестве Бондарева я писал бы как об органичном для русского самосознания превращении сталинизма в антисталинизм. Потому что русская литература, если б ее естественное развитие не было приостановлено в постсоветский период, неизбежно вступила бы в гораздо более глубокий, чем в послевоенный период, конфликт с мобилизационным отношением к человеку.

Как и у Пушкина в «Медном Всаднике», это был бы нравственный конфликт между личностью и государством, а не политическое противостояние русских писателей проекту первого в мире социального государства как таковому.

Но русскому историческому типу антисталинизма состояться было не дано. Его место занял антисталинизм огульный, спекулятивный и по отношению к человеку куда более беспощадный, чем сам сталинизм.

Вот и сегодняшнее возвращение культа Сталина в русское массовое самосознание можно объяснить лишь тем, что жертвы сталинской эпохи приносились все же во имя будущего всеобщего благополучия, — в то время как жертвы нынешних либералов приносятся во имя благополучия лишь небольшой группы людей, которых, я повторю еще и еще раз, реформатор нашей системы образования Фурсенко уважительно называет *потребителями* и относит к виду, противоположному *человеку-творцу*.

Впрочем, можно все перевернуть с ног на голову, но без *человека-творца* мир не простоит ни единого дня. И если жизнь пока окончательно не превратилась в сплошную пищевую цепочку, то это потому, что в ней все-таки присутствует Юрий Бондарев и ему подобные люди. На эту деталь, как на само собою разумеющееся, обращает внимание и русский писатель Василий Дворцов в одной из своих вовсе не пафосных, просто о жизни, статей:

«Бронепоезд “Моздок—Ханкала” забит до предела — затекающие потом бойцы в разгрузках, с оружием, а в ногах, в проходах, на верхних полках сплошь объемные вещмешки и рюкзаки, бронежилеты, коробки с сух.пайками, аккумуляторы. Окна закрыты, и духота, духота, какая возможна в июне на крайнем юге России. Ползем пять-семь километров в час, впереди минеры проверяют каждую шпалу. Наискосок напротив, оттиснутый тремя уже мягкими от жары спецназовцами, притулился худенький белесый лейтенантик, горбится над затрепанной книжкой. Дождавшись, когда он, перелистывая страницу, поднял глаза, спрашиваю: “Что читаем?” Лейтенант в ответ чуть-чуть улыбается, извиняя мою недогадливость, показывает обложку: “Батальоны просят огня”. Ну, да, правда, как же я мог не догадаться! — да, конечно, лейтенант читает “лейтенантскую прозу”...»

**Валентина
КОРОСТЕЛЁВА**

**«ВОЙНА ВОШЛА
В МОИ ГЛАЗА...»**

МИХАИЛ ДУДИН

*К 75-летию
Великой Победы*

Валентина Абрамовна Коростелёва (Валентина Сунцова) — родилась в Кирове (Вятке). Поэт, публицист, литературовед. Окончила Литературный институт им. Горького. Автор 21 книги, из них 12 поэтических. Член Союза писателей России, лауреат Международных литературных конкурсов им. Андрея Платонова, им. Федора Тютчева, им. Андрея Белого и др. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в подмосковной Балашихе.**

Русская поэзия богата именами истинных творцов, и среди них — поколение поэтов, чьи судьбы, а значит, и их стихи, обожжены огнем Великой Отечественной войны. Сергей Орлов, Давид Самойлов, Константин Симонов, Александр Твардовский, Семен Гудзенко, Николай Старшинов, Юлия Друнина... Список этот, конечно, не полон. Но если Симонов, Твардовский, Друнина волею судьбы и таланта стали широко известны читателю, то другие остаются несколько в тени, что ничуть не умаляет их жизненного и творческого подвига.

Один из них — Михаил Александрович Дудин, особенно любимый петербуржцами, ибо с этим городом очень тесно связана его человеческая и творческая судьба.

Начало Великой Отечественной застало его в Ленинграде. А поскольку годом ранее он выпустил первый сборник стихов, то уже мог называться поэтом, хотя до настоящего мастерства было еще не близко. Однако война потребовала другие жанры, и профессию военного корреспондента пришлось осваивать на ходу.

В это время он с лихвой познал все невзгоды, что пережили блокадники великого города на Неве, а эта связь священна и уже на всю жизнь. Неслучайно на памятнике в честь защитников Ленинграда высечены слова Дудина: «Подвигу твоему, Ленинград!»

А по рождению Михаил Александрович из крестьянской семьи, и потому в юности прошел хорошую трудовую школу, отсюда и трудолюбие, и стремление к правде, и твердость характера, что помогали ему в разные годы не терять самообладания и достоинства. Любовь же к литературе заронил в сердце мальчишки еще дед, читавший ему Некрасова. И чем дальше он был от непосредственного литературного

труда, тем душа настойчивей звала его в это непостижимое, казалось бы, царство, где правит Его Величество Слово.

И потому специальность помощника ткацкого мастера на Ивановской текстильной фабрике не смогла удержать Михаила при себе. А когда пришло время службы в армии, война с Финляндией не дала закончить полковую школу командиров, и, в конце концов, Дудин вышел-таки на прямую дорогу судьбы: связал свою жизнь с журналистикой и поэзией.

В 1942 г. он пишет стихотворение, ставшее одним из главных в его творчестве — «Соловьи». Речь идет об умирающем после боя солдате. Есть там такие строки:

*Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.*

*Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».*

Надо сказать, память войны никогда не оставляла Михаила Александровича, но иначе и не могло быть. Слишком дорогую цену заплатила страна за победу над врагом, так же, как и за спасение блокадного Ленинграда.

*Я воевал, и, зная, не даром
Война вошла в мои глаза.
Закат мне кажется пожаром,
Артподготовкою — гроза.*

*На взгорье спелая брусника
Горячей кровью налилась.
Поди попробуй улови-ка
И объясни мне эту связь.*

*...Подходят тучи, как пехота,
От моря серою волной.
И шпарит, как из пулемета,
По крыше дождик проливной.*

(«Я воевал, и, зная, не даром...»)

После войны он полностью переходит к творчеству, у него выходят книги, его имя становится известным, и не только в Ленинграде. Лучшие фронтовые стихи выходят в книге «Переправа», публикуются сборники «Считайте меня коммунистом», «Мосты. Стихи из Европы», «До востребования».

Однако было бы преувеличением думать, что творческая судьба Михаила Александровича складывалась гладко. Строгие идеологические рамки толкали на желательные для власти произведения, и многие писатели вынуждены были считаться с этим. Тем более, что знали по гонениям на Ахматову и Зощенко, чем чреваты убеждения, не вписывающиеся в «нужные» ориентиры. И, не вступая в неравную борьбу, Дудин начинает активно пе-

реводить национальных поэтов из братских республик. Но когда опасная волна более-менее спала, он пустил в ход все свои возможности и добился отмены несправедливых и чреватых последствиями постановлений в адрес Анны Андреевны и Михаила Михайловича.

Наряду с творческой работой Михаил Александрович в эти годы подставляет свои плечи под насущные проблемы как литературы, так и страны в целом. Несколько лет он активно трудился в Ленинградском комитете защиты мира, был инициатором создания «Зеленого пояса славы», немало сил и времени тратил на деятельность в Союзе писателей СССР, будучи все эти годы примером максимально ответственного отношения как к творчеству, так и к любой значимой общественной работе. Да и школа жизни, что накрепко переплелась с воинской судьбой, не давала отступать в самых важных вопросах.

Однако и творчество не оставляло душу поэта. Все чаще стали появляться лирические стихи, открывая новые грани его поэзии.

*Дебаркадер да базар,
Яблоки моченые,
Деревянный тротуар,
Каблуки точеные.*

*Все черемухи в дыму
Над речными плесами.
Пароход на Кострому —
Чайки за колесами.*

*Много весен утекло
Полноводной Волгою.
Было грустно и светло
Той дорогой долгою.*

*Вечер мой который раз
Одиноко тянется.
Почему-то вспомнил вас,
И глаза туманятся.*

*Будто снова от реки,
Новые, с колодочки,
Простучали каблуки,
Лаковые лодочки.*

(«Дебаркадер да базар...»)

Одна за другой выходят его новые книги, растет популярность, приходит настоящее мастерство. В 1972 г. высоко оценена книга его стихов «Время», за которую поэт получает Государственную премию РСФСР имени М. Горького, а в 1976 г. Михаилу Александровичу заслуженно присуждается звание Героя Социалистического Труда, и несколько позднее, в 1981, он — лауреат Государственной премии СССР за циклы стихов «Седое сердце», «Дерево для аиста», «Полярный круг» и пару других.

Немало усилий приложил Дудин, чтобы организовать знаменитые ныне Пушкинские поэтические праздники, проходящие в Михайловском Псков-

ской области. И потому не случайно он стал почетным гражданином Пушкинских гор, чем очень дорожил и гордился.

А в творчестве нет-нет, да и слышалось эхо давних военных лет. Забыть их — значило для Дудина изменить себе, своим идеалам, памяти павших. В следующем стихотворении видно, как естественно для автора видеть и второй, и третий план на первый взгляд абсолютно мирного эпизода.

*Какая ты смешная, право,
Походкой легкою, как дождь,
Чтобы не сделать больно травам,
Почти на цыпочках идешь.*

*А я оглядываюсь ради
Твоей судьбы, тебя любя,
Мне кажется, что кто-то сзади
Стоит и целится в тебя.*

(«Небольшой девочке Еленке»)

Известность Михаил Дудина не была чисто литературной. Находясь на разных должностях, он находил время и для личной помощи тем, кто нуждался в этом. Так, немалый гонорар за произведение «Земля Обетованная» он направил на помощь жертвам известного землетрясения в Армении. А вот что рассказывал писатель Михаил Николаевич Кураев: «Когда я пришел в дом, где завершалась эта долгая и прекрасная жизнь, мне показалось, что я попал в русло обмелевшей реки. Там больше не было книг! Все книги, которые заполняли квартиру, он отправил по почте в университет города Иванова». И это только два из многих примеров. Дудин всегда был верен своему кредо:

*Есть и своя у зрелости отрада,
Свои дела, но не об этом речь.
В любое время для себя не надо
Запас души и жизнь свою беречь.*

(«Нет у меня пристрастия к покою...»)

Михаил Александрович, всегда сохраняя военную выучку характера, не был покладистым человеком ввиду сложного послевоенного времени. Юмор, ирония, а иногда и явный сарказм, как волна, прорвались в сборнике «Грешные рифмы» (чего стоит одно название!). И тут нельзя не привести хотя бы несколько четверостиший из этой книги:

*Живут же сукины сыны,
Своей не чувствуя вины,
Как будто есть одна вина
У Салтыкова-Щедрина.*

(«Салтыкова-Щедрина вспоминая»)

*Я любил тебя, Маланья,
До партийного собрания.
Как открылись прения —
Изменились мнения.*

(Раздумье после собрания»)

*Сказанное сгоряча —
На крючке у стукача.
Стукачу нужны харчи, —
Помни это. И — молчи!*

(«Предупредительная надпись в лифте»)

*Ответственности строгие слова
Теряют смысл и ощущение ноши,
И думать забывает голова,
Когда усердно хлопают ладоши.*

(«Аплодисментам, переходящим в овацию»)

Ни большие посты в Союзе писателей, ни деятельность депутата Верховного Совета СССР, ни многочисленные поездки по стране и встречи с читателями не могли заслонить для него главной задачи: продолжать свое «старинное дело», то есть писательское, и идти только вверх, к высотам Парнаса.

Без сомнения, Михаил Александрович выполнил свою задачу, стал автором многих книг, дошедших и до сердца современного ему читателя, и до нас с вами.

В Санкт-Петербурге возле станции метро «Парнас» несколько лет назад появилась улица Михаила Дудина, где открыта памятная доска в его честь. Город отблагодарил своего поэта, который немало для него потрудился, стал духовным ориентиром для нескольких поколений.

*Я душу вынес из огня,
Через кольцо блокад.
Ты песней жизни для меня
Остался, Ленинград!*

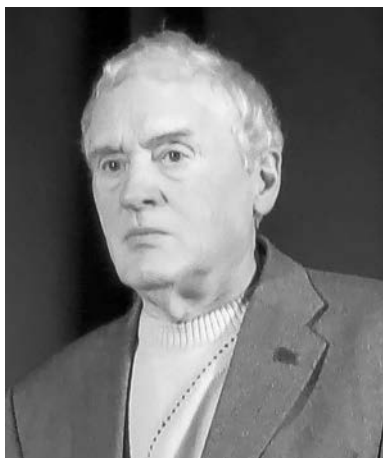
(«Все с этим городом навек...»)

Сегодня можно смело сказать, что «в певучем русском языке», так же, как и в истории советской литературы, Михаил Александрович оставил свое слово, как один из достойнейших представителей плеяды фронтовых поэтов, и в мирной жизни не оставлявших важнейших рубежей литературной и общественной жизни, а это тоже сродни подвигу, как показывает жизнь. Его не стало 31 декабря 1993 года.

На рабочем столе его осталась рукопись еще не изданной книги «Дорогой крови по дороге к Богу», уже одно название которой говорит о духовной глубине поэта, о мудрости много пережившего человека, о вечных темах: любви к родине, в том числе малой, верности сыновьему долгу перед ней, своим родителям. Волею судьбы она все-таки была издана.

Похоронен поэт на родине, в деревне Вязовское Фурмановского района, что в Ивановской области.

«Наверно, чудо поэзии в этом и есть — чудо умения преодолением своего горя снимать горе с другой, близкой по страданию души, возвращая ее к радости жизни. Ведь, в конце-то концов, жить — значит радоваться!» — был убежден Михаил Дудин. И не только был уверен в этом, но и старался жить именно так, подавая пример тем, кто думает, с кого «делать жизнь».

Александр КОРОЛЬКОВ

ХАРАКТЕР, УКРЕПИВШИЙСЯ ФРОНТОВЫМИ ПИСЬМАМИ ОТЦА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ¹

К 75-летию Великой Победы

Александр Аркадьевич Корольков — родился в семье сельских учителей на Алтае, юность прошла в Новосибирске, творческие годы связаны с Ленинградским университетом (СПбГУ) и Российским государственным педагогическим университетом имени А. И. Герцена. Доктор философских наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ за книгу «Русская духовная философия» (2002), лауреат литературной премии им. Александра Невского (2007). Автор «Романа небытия» о судьбе русских изгнанников в Праге, рассказов, паломнических очерков. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«...Маленькие человеческие подробности и являются основой больших человеческих чувств...» — это строки из дневника двадцатилетней Светланы Молчановой, которая через два года, в 1961 г., станет женой молодого журналиста и писателя Валентина Распутина. «Маленькие человеческие подробности» открывают многое не только ближайшего родственного круга семей Молчановых и Распутиных, но судеб поколений, закаленных жизнью большой семьи во время войны и после нее, напитавшихся чтением книг и сердечным общением.

В оглавлении книги видим восемь фамилий, но, углубившись в чтение, понимаем, что авторство принадлежит и Валентину Распутину (здесь его выступления, письма), и Ивану Ивановичу Молчанову-Сибирскому, отцу Светланы, с его стихами, фронтовыми письмами, и тем родным, которые оставили интереснейшие заметки о дружбе, общении со Светланой и Валентином. По подборке фотографий — это почти семейный альбом, даже подписи под фотографиями по-домашнему теплые: «Три сестры: Настя, Маруся, Катя», «Сережа в детском саду», «Светлана с Марусей и племянницей Катей», «Светлана, Жень, Галя, Милочка Прокопчук на свадьбе у Кати и Коли, 1986 г.», «За чаем» (без чая дом Распутиных не представить).

Открывают книгу обширные воспоминания Евгении Молчановой, младшей сестры Светланы. Распутин, хотя и полусхот, но отмечал безусловную литературную одаренность Евгении-Жени:

¹ Книга о спутнице Валентина Распутина — Светлане («...Жить в полную силу...» Воспоминания о Светлане Распутиной. Иркутск. 2019).

*Вот дал Господь ей положение:
Со всех сторон видна, красна,
А все от чтенья, от волненья,
А все от книжного вина.*

В. Распутин. 2 октября 2008 г.

«Кстати, Евгению до недавнего времени я называл просто Женей. Но вот она написала совершенно замечательные воспоминания об отце — и сразу выросла в моих глазах, так что я не смею называть ее Женей. Она сразу для меня поднялась в Евгению Ивановну» (Это из выступления 2003 г. в Москве).

И в этой книге заметки Евгении прочитываются на одном дыхании, погружая нас в очарование большой молчановской семьи, в умело встроенные в повествование фрагменты писем, стихов отца, устных слов Распутина. В том числе приводится запись выступления писателя на вечере, посвященном 100-летию Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, где он рассказал о том, как, будучи студентом университета, встретил на набережной Ангары будущую жену. «Встретил ее, ну и, конечно, увлекся. Она была хороша собой, она и сейчас хороша, а тогда была хороша особенно». В этих сдержанных словах, в повторе «хороша» звучит любовь, упрятанная от внешнего проявления. Сдержанность передалась и его дочке Марусе, это мы знаем по рассказу «Что передать вороне?»: «...Она спускалась по лестнице и,

*Светлана и Валентин Распутины.
Фото А. Пантелева*

увидев меня, вся встрепенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь, она не рванулась ко мне, не заторопилась, а быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врожденный, но не затвердевший еще характер, каких усилий стоит ей сдерживаться и не кинуться мне на шею».

На первые свидания Светлана, как рассказывает в том же выступлении Распутин, «почему-то, может от застенчивости, приходила со своей подружкой». И вот однажды эта подружка «мне открыла глаза, она сказала, что Светлана — это дочь известного поэта

Ивана Молчанова-Сибирского. Я, конечно, перепугался... Я подумал — всё. Надо куда-то спрятаться, надо просто не появляться ей на глаза. Думаю, куда мне с моим рылом, что называется, быть рядом с этими небесами». Таким было начало для Валентина. Совсем другую интуицию доверила своему девичьему дневнику Светлана: «Часто сейчас мне стало казаться, что В. Р. (так она называла его в дневнике. — А. К.) — судьба моя». «С февраля 1961 г. они уже не расставались», — пишет Евгения Молчанова.

В обширном очерке Евгении Молчановой открывается романтически влюбленный студент Распутин, который пишет письма Светке, уехавшей с сокурсниками на строительство сельского клуба. «Я хотел отправить тебе целых пять вот таких листов и подробно осветить, какой я в тебя влюбленный, но подлое начальство догадалось, что моя голова занята совсем не тем, чем полагается заниматься, и соизволило отправить меня в Шелехов для освещения вопросов технического прогресса». Это целомудренные письма: «И будь добра — разреши хотя в письме поцеловать тебя». А в другом письме шутивное пояснение: «Я — это Валька. А то ты, чего доброго, перепутаешь еще». Тогда они были Светкой и Валькой, а в 1961 г. родился сын Сергей, которого они тогда именовали Лякой. Только жена смогла настоять, чтобы Валентин забросил журналистскую поденщину и погрузился в то дело, которое дало миру явление, именуемое коротко — Валентин Распутин.

«Закончив университет, с маленьким сыном Сережей (которому не было тогда еще и годика) и мужем Валентином Распутиным, молодым журналистом, Светлана уезжает по распределению в Красноярск, где работает преподавателем высшей математики в Технологическом институте. Жить пришлось в общежитии, что было непросто: общая кухня, туалет, душ». В том же очерке Евгения приводит отрывки из писем Светланы: «У нас везде очереди и очереди. Чтобы найти что-нибудь, надо пять раз пробежать этот самый проспект Мира из конца в конец. На Ляку каждый месяц дают талон на ½ кг манной крупы, риса и масла. Неужели у всех так?.. Нам достали булку настоящего белого хлеба, а белый хлеб мы не ели с иркутских времен, потому что в очереди стоять некогда...» (С. 33).

И это написано не о военных, не послевоенных и даже не разрушительных 90-х годах XX столетия, это о начале 60-х. Коротка наша память и избирательна. Избирательно рассуждают порой и о литературных премиях Распутина, об его преуспевании материальном, не ведая о тяготах и даже трагизме его жизни. Почитайте книгу, о которой пытаюсь сказать, и откроете истинное бытие семьи Молчановых и Распутиных, бытие глубинных сибирских городов.

Пора сказать об отце Светланы Молчановой. Отчего так перепугался студент историко-филологического факультета Иркутского университета Валентин Распутин? Писательская слава поэта и прозаика Ивана Молчанова-Сибирского в середине XX столетия была не только сибирской. Его стихи, детские книги издавались многотысячными тиражами (общий тираж книг приближался к миллиону). Его имя ныне носит Иркутская областная универсальная государственная библиотека и одна из улиц города. Писатели благодарно вспоминают его как руководителя иркутской писательской организации. «При нем в писательском доме всегда царили доброта, искренность, благожелательность, царил дух настоящего писательского дома, куда

Светлана, Мария, Валентин Распутины. Фото А. Пантелеева

стремились все писатели — и молодые, и старые». Это тоже из речи Распутина, хотя самому ему не довелось прочувствовать наставничество опытного писателя: Молчанов-Сибирский ушел из земного бытия в 1958 г., поэтому отец Светланы не мог увидеть и оценить становление писателя Валентина Распутина. Светлана дорожила общением с отцом, он повлиял на ее отношение к семье, Родине, литературе.

*Остановись и шапку скинь, прохожий:
В чужом краю, где степь гудит пыля,
Лежит солдат. Ему была дороже
Всего на свете русская земля.*

Такие строки мог написать только фронтовик, постигший собственным опытом смысл воинского чувства.

Фронтовые письма военного корреспондента И. И. Молчанова-Сибирского — это камертон характера Светланы и знак неслучайности ее более чем полувековой жизни с Распутиным, его женой, матерью их детей и бабушкой внуков. И отношение к детям тоже закладывалось письмами Ивана Ивановича жене, Виктории Станиславовне, «этому удивительному человеку, сохранявшему молодость сердца и очарование души многие годы», — так вспоминал о ней Распутин. Вот строки из письма конца 1944 г., в них боль и сильная забота о «маленьком сыночке»: «Нужно только сделать так, чтобы он не испытывал недостатка в молоке... Прошу превратить в молоко мое пальто кожаное и костюм черный. Когда вернусь домой, могу обойтись шинелью и своим обычным обмундированием». Сколько было таких отцов, которые обходились после войны шинелью,

солдатским ватником и кирзовыми сапогами! И семьи после войны только возрастали, хотя едва сводили концы с концами, чтобы хватало на зиму картошки и квашеной капусты. Иван Иванович писал письма даже малым своим детям, знал, что будут подрастать и слова папы услышат, прочитают, прочувствуют.

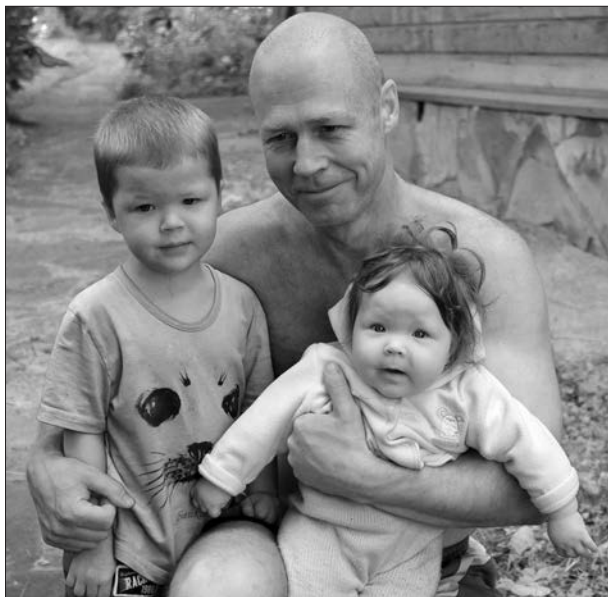
*Прежде, чем поставить точку
(Уж пора. Полночный час).
Сына два... Еще бы... дочку...
Чтобы две и... в самый раз.*

В семье Молчановых выросли три сына и три дочери. Чем труднее была жизнь, тем меньше сокрушались о невозможности иметь детей из-за житейских тягот и скудных заработков. В больших семьях дети вырастали добрее, трудолюбивее, дружнее.

Дух молчановско-распутинской семьи не угасает в ее нынешнем преемстве. Сергей, сын Валентина и Светланы Распутиных, унаследовал этот дух в главном — он не страшится увеличения семейства, до последних дней радовал своих родителей рождением внука и внучки. Как сияла Светлана Ивановна, рассказывая о пополнении семьи внуком Гришей Распутиным, а потом и внучкой Любой! Не довелось ей увидеть правнучку, дочь Антонины и Максима Осташко, но Валентин Григорьевич, казалось, с радостным недоумением смотрел, как стремительно семенила на четвереньках правнучка Алиса. Дух любви к толчее большой семьи не уходит из стен молчановско-распутинского дома, хотя стены дома уже иные; не стены, а дух неуничтожим.

Редкостное гостеприимство отмечают все, кто бывал в доме Молчановых и Распутиных. При самых трудных обстоятельствах хозяйка находила угощение, пусть скромное, но радующее гостя. Известна любовь Распутина к хорошему, умело заваренному чаю, но все же самый редкий чай и он, и его жена стремились подарить гостям. Дарить, отдавать, угощать было для них естественным состоянием души. Принимать гостей тоже: гости могли их стеснять, мешать работе, но они не препятствовали их приходу, даже самому неожиданному. И оставлять гостей на ночлег — заведено было в их квартире, на даче. Это тоже от молчановских устоев и от бесприютства, тесноты, которых сполна хлебнул в детстве писатель.

Встречи, праздники наполняли юмором, выдумкой. Все авторы увлекательно пишут об этом, передавая дух семьи, дух времени. Новый год, день рождения не обходились без открыток, стихов, розыгрышей. А юмор Валентина отличался особой серьезностью и мог обескуражить несведущего человека. Когда Евгении Молчановой исполнилось 16 лет и она получила паспорт — ей хотелось хоть где-то предъявить столь весомый документ, она попросила Валентина, который в ту пору работал в Красноярске, прислать ей письмо до востребования: «Валюша подошел к этому “творчески”». Помню недоумевающие глаза работницы почтового отделения: на конверте, подписанном каллиграфическим Валюшиным почерком, были сделаны все ошибки, какие только можно было придумать: “Жени от Вали. Пусть на память тебе астається нипадвижная личнась мая. 8/Ш-1965. (Это я тебе Женя пасылаю в память о наших встречах.) Помни и ни забывай”».

*Сын Сергей Распутин с детьми.
Фото А. Пантелеева*

Настоящие книги пишутся сердцем, в России уж точно. Книга «Жить в полную силу...» — это книга любящих сердец, книга сердечной памяти. Неслучайно Н. Л. Крупина названием своей главы сделала перефразированное распутинское: «О Светлане Распутиной с любовью: живем и помним». Страницы любви, неугасающей памяти и в других главах — Екатерины, племянницы Светланы и Галины Николаевой, с которой они в студенчестве подружились, а позднее породнились, поскольку сын Николаевой женился на Екатерине.

Не только житейские подробности обнаруживаем в книге. Литературовед, литературный критик, биограф найдет свой срез на многих страницах книги. Филолог Наталья Дулова, знавшая с детских лет дом Молчановых и подружившаяся с семьей Распутиных, передает смысл некоторых суждений писателя о литературе, она отваживалась даже оспаривать его суждения. Н. В. Дулова сумела записать мимолетно родившийся афоризм Распутина: «Достоевский всегда с человеком, а Толстой — над человеком». Здесь есть над чем подумать специалисту любой квалификации.

Испытания собственной семьи приближали Распутина еще более к Достоевскому. Ударом была смерть в 1969 г. прожившего лишь годик сына Романа, но молодые родители еще как-то могли выдержать этот удар. Гибель дочери Марии в жуткой иркутской авиакатастрофе, когда сгорел уже приземлившийся самолет со 125 пассажирами, выдержать уже оказалось не по их силам. Об этом очень тактично пишут авторы сборника, сознавая, что жизнь Светланы и Валентина разделилась на «до» и «после» катастрофы, и что болезни, преждевременный уход их из жизни оказался предопределен этим пожаром. В книге приведены проникновенные письма утешения от близких людей.

В ткань книги гармонично вошли стихи и шуточные, и серьезные, и трагические. На гибель Марии отозвался Владимир Скиф, муж Евгении Молчановой. Творчество его ценил Распутин. Скиф вел в органном зале Иркутской филармонии концерт памяти Марии, органные концерты которой слышали и в Иркутске, и в Петербурге, и в Москве, и в Германии.

*И как-то странно, очень странно,
Что нет ее. Тень из угла
Метнулась, как душа органа,
И задышала, ожила.*

*А в небе рано, слишком рано
Звезда Мариина взошла.
Болит, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была.*

Скиф посвятил стихи не только Марии, но и Светлане — этот цикл стал своеобразным послесловием к книге.

Поразительно, что эпиграф к книге воспоминаний был предугадан Светланой Ивановной и Марией. Об этом — свидетельство Виктора Стефановича Кожемяко, собеседника Распутина по диалогам, публиковавшимся в газетах и отдельными книгами. Провожая журналиста, уже в прихожей Светлана Ивановна вдруг сказала:

— Извините, пожалуйста, у Маруси возникло затруднение, в котором я не могу ей помочь. Может быть, вы помните, чьи это стихи?

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были!*

В. А. Жуковский

Сергей КОТЬКАЛО ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

О книге «Письма
с фронта», 2019

К 75-летию
Великой Победы

Сергей Иванович Котыкало — сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных рассказов, опубликованных в журналах «Молодая гвардия», «Россияне», «Роман-журнал. XXI век», книг прозы «Лепет обманутого восторга», «Дурман», «Монастыри России», «Крик журавля», главный редактор журнала «Новая книга России». **Живет в Москве.**

Труд, за который взялась Татьяна Василевская со товарищи, — благороднейшие люди нашего времени, — поднимая за томом том бесценный груз «Писем с фронта», не может не вызывать восхищения и чувства благодарности. Своей незримой, кропотливой работой они выполняют завет еще фронтового поколения: **«Никто не забыт, ничто не забыто!»** — возвратив и увековечив память тех, кто в годы Великой Отечественной войны ценой своих жизней спас человечество от фашизма. Этот летописный памятник в четырех томах (а не за горами и пятый. — С. К.) посвящен бойцам непобедимой и легендарной Красной армии, узникам фашистских концлагерей, детям войны, вдовам и матерям, выпущенный в Краснодаре издательством «Книга». Это наша Русская Библия, которая не только просвещает, но и лечит тело и душу в самом прямом смысле слова.

Я лично был свидетелем, как уже немолодой человек, находясь далеко не в лучшей физической форме, почти смилившийся с невозможностью двигаться в пространстве, прочитав два тома «Писем с фронта», вдруг восстал, восстал ради того, чтобы послужить продвижению уникального свода фронтовой письменности в народ.

«Все в стране знали картину художника Лактионова “Письмо с фронта”. Залитая светом, как-им-то необыкновенным райским светом... В дом пришла радость. Письмо привез с фронта раненный, с перевязанной рукой фронтовик. В проеме двери стоит освещенная изнутри этим светом женщина, наверное, мать или жена приславшего с фронта весточку бойца. С восторгом читает письмо мальчишка-сын. У поручня крыльца с повязкой бойца ПВО стоит радостная девушка, то ли младшая

сестра, то ли невеста воина. Свет, радость! — обратился этот человек, В. Н. Ганичев, к участникам XXIII Всемирного Русского Народного Собора. — Сделаем же и мы так, чтобы свет Победы никогда не угасал и правда ее множилась! Нет сомнения, что и сейчас, когда книга вышла, к сожалению, небольшим тиражом, наши власти смогут поставить ее в золотой ряд литературы страны и издать ее надлежащим тиражом...»

— Фронтовые документы для четвертого тома нашего проекта «Письма с фронта» собраны молодежью Кубани по собственной инициативе и переданы в издательство отделом Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края, — рассказала читателям руководитель проекта Татьяна Василевская. — И это искреннее участие в гражданском проекте, стремление сберечь фронтовые документы, сохранившиеся в семейных архивах, — солдатские треугольники, похоронки, снимки военных лет, запечатлевшие защитников в дни боев под Москвой и Сталинградом, сражений на Северном Кавказе и Украине, Белоруссии, освобождения Европы...

* * *

Первая глава книги названа **«Солдатский треугольник»**. В ней собраны и разобраны письма по годам войны: 1941, 1941, 1943, 1944, 1945. Там есть всё: боль и радость, преодоления и надежды, любовь и разлука...

Но я хочу проиллюстрировать лишь несколько писем 1941 года. Одно из них написано за несколько недель до начала войны:

Автор неизвестен.

«1 июня 1941 г.

Привет на родину.

Привет от вашего сына. С первых строк моего маленького письма я вам хочу описать свою жизнь, временно длительную службу, во-вторых, я вам сообщаю, что я нахожусь жив и здоров, чего и вам желаю в настоящее время, быть живыми и здоровыми и ждать меня домой к моему истекающему сроку службы. Вкратце я могу вам описать свою службу. Служба пока ничего, живем — не горюем, с базару кормимся. Так у нас протекает служба в данный момент.

Конечно, в настоящее время немного скучновато, потому что все под-ходит как будто время, что в скором будущем придется побывать дома...

Никуда не ходим... Я купил ремень себе и думаю взять фуражку казачью, чтоб приехать домой, переодеться во все казачье, чтоб показать вид командирский и казачий. И еще одна просьба. Те брюки, которые первые получил, прошу их перешить, отдать в мастерскую, сделать только <...>. Только смотрите, не надейтесь сами переделать, а то все переведете. Смотрите, лампасы не отпорите.

Вот и все, что я хотел вам написать о своей жизни, но прошу от вас ответ.

Все, с тем до свидания. Остаюсь жив-здоров. Ваш извечный сын Касья».

А вот уже письмо начала войны, сдержанно-тревожное от Петра Ивановича Щербины, адресованное в ст. Упорную Краснодарского края:

«24 июня 1941 г.

Здравствуйте, дорогие родители — папаня и мама, сестрица Маруся, братишка Коля и бабушка. Шлю вам всем дорогой привет и желаю долгой зажиточной жизни.

Сообщаю, что я жив и здоров — пока, а дальше видно будет. Но вы не волнуйтесь за меня. Письмо ваше получал, еще когда был в лагерях. За письма очень вам благодарен. Сейчас нахожусь от Краснодара далеко. На юге, а где дальше буду — неизвестно. Возможно, придется на фронт. Это трудно определить, легче догадаться. Но вас еще раз прошу, не беспокойтесь. Училище, очевидно, не придется кончить, но это неважно теперь. На этом кончаю. Недавно проезжал через ст. Курганную. Пишу из Туапсе. Писем не пишите. Можно будет, то я еще напишу.

Все, с приветом ко всем вам, ваш сын Петр Щербина».

И в этот же день письмо Артема Рыкова, молодого командира, уверенного в себе, но еще не знающего, что такое война:

«24 июня 1941 г.

Дорогие родители!

Началась война. Мы скоро уедем на фронт защищать родину. Я в чине лейтенанта буду драться по-нашему, по-русски, как уралец. Ведь я работал на “Уралмаше” и буду в первых рядах. Мы прошли за три года очень хорошую военную подготовку. И вы, мама, за меня не беспокойтесь. Не погибну, а вернусь с победой.

Ваш сын Темка Рыков».

А дальше по страницам книги течет река «Солдатских треугольников со всех фронтов, начиная с 1941 года и до самой Победы. Из них мы узнаем разнообразие полноты солдатской и гражданской жизни на войне. Всю книгу не перескажешь, но хочу обратить внимание на судьбы людей, отраженные в их письмах. Вот фрагмент из раздела **«Родная кровь»**, где собраны письма Вячеслава Всеволодовича Строкова, фронтовика с июня 1941 г. по сентябрь 1945 года:

«8 ноября 1942 г.

Славная девушка Оля!

В землянке топится железка, на столе из снарядного ящика коптит фитилек, по полу бегают мыши, за окном третий день пурга. В такую погоду не стреляем, нельзя наблюдать за падением снарядов и результатом трудов своих. Сегодня получены газеты. Прочитал я их, и захотелось мне написать вам ласковое письмо. Так иногда нахлынут воспоминания детства, хочется с кем-то поделиться своим настроением, вот я и решил писать вам, незнакомой мне девушке из Куйбышева.

Я не тот, кому адресовалось ваше письмо, напечатанное в газете. Кровь ваша, возможно... <нрзбр...> потерявшего свою в бою, и я за него вам благодарен, словно как бы и за себя. Мне дважды самому вливалась чужая кровь. Можно ли ее назвать чужой? Едва ли! Когда ощущаешь прилив жизни после моментов полуобморочного состояния и чувствуешь веяние воздуха, холодность его при дыхании, чувствуешь боль в перебитых ногах (меня что-то все по ногам лупили), то с нескрываемой благодарностью переносишься в мыслях к тому, кто дал эту кровь для вос-

становления жизни, и этот человек для тебя — самый близкий, самый родной! Я не знаю, чья кровь вливалась мне врачами, но благодарен я и моему кровному брату (или сестре), и всем другим, в том числе и вам.

Когда оторван от близких своих, а зачастую и не знаешь, живы ли они и где они находятся, то все хорошее и ласковое, что приходит нам на фронт, встречает всегда хороший же и отклик. Когда я читал моим бойцам ваше письмо, меня спросили, не сестра ли вы мне? И я, не задумываясь, ответил: “Да! Сестра!” Так вот, сестренка, приобрели вы и брата, кто знает, может быть, и попадет ваша кровь мне, война то продолжается.

Простите, если письмо мое вам чем-либо не понравится, я, поверьте, не хочу вас ни обидеть, ни задеть. Всему виною ваша фамилия, ибо я тоже Строков. Если хотите, пишите! Мой адрес: 236-я полевая почта, часть 858. В. В. Строкову...»

Переписка Вячеслава и Оли продолжалась до конца войны, до самой Победы, а любовь до конца жизни... И таких судеб было немало.

На войне, понятно, всяко бывало. И не только на фронте. Тяжко было и тем, кто оставался в тылу, а иногда и совсем горько, о чем пишет З. М. на фронт Иосифу Марченко:

«Апрель 1943 г.

Мой дорогой Иосиф!

Не знаю, где и при каких обстоятельствах найдет тебя мое письмо. Пишу все, как есть, ничего не утаивая. Обманывать, ты же знаешь, я никогда не умела. Со мной стряслась непоправимая беда.

Я потеряла руки и ноги. Горько и обидно остаться в 23 года инвалидом... Видимо, моя песенка спета. Будь свободным, родной. Поступай, как сочтешь удобным для себя. Не могу, не имею права стать преградой на твоём пути. Устраивай свою жизнь. Прощай...»

Но в большинстве своем, находясь в невыносимых условиях, в письмах на фронт родные старались прибодрить своих близких. Из блокадного Ленинграда, за два дня до своей голодной смерти, Вера Алексеевна Вечерская писала сыну Павлу 6 июня 1943 года:

«Только вчера послала тебе, мой мальчик, письмо. А сегодня вечером пишу снова. Знаешь, Пашенька, я давно хотела написать тебе РАДОСТНОЕ письмо. Думала, что так и не смогу. Смерть папы, бабушки, Валечки. Казалось, ничего в жизни не обрадует меня, кроме встречи с тобой.

А сегодня был день чудес, радостных, неожиданных.

Поверишь, я была на праздновании дня рождения Пушкина! Музей был закрыт с начала войны... И вдруг получаю розовенький листочек — приглашение в музей!

Пришло восемь человек из близлежащих домов. Выступали Вс. Вишневский, В. Инбер и Николай Тихонов. С какой пронзающей душу верой Вишневский сказал: “Голод уйдет! Поверьте: мы победим!” В. Инбер читала “Памяти Пушкина”. На бюсте Пушкина был венок, настоящий, из живых цветов. А я вспоминала, как малышом ты потерялся в музее, и я с трудом отыскала тебя у этого самого бюста. Ты тогда сказал:

“Я с каменным дядей гулял!” Помнишь? Знаешь, сынок, нас было восемь человек. Всего. Но мы были в центре Вечности... И Бессмертия. Жизнь будет! Она бесконечна.

Дом Пушкина не пострадал. Бомба упала в Мойку и не взорвалась! Есть в мире места неприкасаемые, хранимые свыше!

Я, Пашенька, пока не очень хорошо хожу (только не волнуйся — ничего серьезного), а из дома Пушкина пошла (первый раз) на Стрелку. Силы появились! А день какой сегодня чудесный! Солнце! Нежная зелень деревьев! Ах, какое чудо! Ты не представляешь, Румянцевский садик разбили на квадратики... под огороды! А на набережной разрыхлили газон для ЦВЕТОВ!

Милый, меня так взволновал запах парной земли... Я целыми пригоршнями подносила ее к лицу и до головокружения вдыхала ее запах — запах жизни!

Господи, скоро я увижу ЦВЕТЫ! Павлик! Какие у нас ЛЮДИ! Город, в котором сажают в блокаду цветы, победить нельзя!

Вернулась домой. Зашла Зинаида Васильевна. Рассказала, что весь персонал их детского дома собрался, чтобы посмотреть драку двух мальчуганов. Представляешь, они ДРАЛИСЬ! Женщины плакали от счастья. Дети молча лежали, только с трудом начали вставать. И вдруг... ДЕРУТСЯ! И не из-за еды! А свои мальчишеские отношения выясняют. Ожил маленький народ! Победа! Еще какая победа!

Вечером у меня стала кружиться голова. Тетя Дуся (бывшая лифтерша — помнишь ее?) говорит: “От слабости, Лексевна, поди, долго не протянешь”».

Павел дожил до радости Победы. Дожила и Феня, чья фотография представлена в книге с дарственной надписью матери на обороте:

«Немецкая память. В лагере, где мы сидели с этой девушкой в заключении. Где мы договорились убегать с этого лагеря. Андрей фотографировал, мы и сами не видели, когда он фото зробив, то мы после смеялись, если бы кто другой видел из немецких полицейев, то нам бы резины дали...

Маме фото для сохранения. Это память моя на все мое время, пока я жива буду.

Дочь Феня и подруга Шура.

23 октября 1946 г.»

Таким и другим фотографиям наших защитников посвящен многостраничный раздел «Лицо Победы». Да какие лица! Да даже не лица, а светлые лики фронтовой молодости страны. В условиях суровой действительности они сумели выстоять и победить. О том, «какие это были дни», надо обязательно прочесть хотя бы этот фрагмент рассказа «Сами себе были командиры...» Анны Борисовны Мазохиной, брянской партизанки с 1942 года:

«1941 г.

22 июня 41 года началась война. Отец ушел на фронт воевать с фашистами. У моей матери осталось семеро детей. Самому маленькому, Дмитрию, было шесть месяцев. Он родился в 41-м году.

Двое старших ушли в партизаны, все бежали от страха в лес, потому что немцы угоняли молодежь в Германию. Они к нам в Брянщину пришли где-то в конце июля. Белоруссию они быстро прошли и у нас оказались.

1942 г.

В июле 42-го года было жарко. Когда они заехали к нам в село на мотоциклах, в черных робах с крестами, такие страшные, злые, хватали молодежь, издевались, особенно над девочками. Потом стали выгонять всех из домов.

Дома были с деревянными крышами или соломенными. Они стреляли трассирующими пулями, крыши загорались.

Нас погнали на край села. Село было большое — три колхоза: Кирова, Подлесный и Восточный, в общем, где-то шестьсот домов. Когда нас пригнали на край села, дома горели. Там, где была школа ШКМ, посадили всех на колени, обставили фотоаппаратами и пулеметами, в общем, они так расстреливали села, поселки и посылали все отчеты Гитлеру, что расстреляли столько партизан, а на самом деле это были дети, старики.

Когда нам стало страшно, что сейчас расстреляют, я закричала маме:

— Держи дальше Митю грудного, а то нас убьют, а он будет ползать по нам.

Ну, мы тут, трое девочек, решили бежать в лес. Лес был близко, молодой сосняк, где-то метрах в пятистах, и мы рванули. Мама плакала:

— Куда ж вы, вас побьют сейчас немцы!

Ну, когда мы побежали, мама уже рассказывала потом, по нам стреляли. Но я очень быстро бегала, меня и пуля не догнала. Я пробежала молодняк, вброд перешла реку, она неглубокая, где надо проходить, я знала, а плавать я не умела.

Когда прибежала в большой лес, там были партизаны. Один стоял с биноклем, кричал: «Девочка!» Схватили меня, спрашивают: «Что в селе?» Я им не могла сразу ничего сказать, заморилась, испугалась...»

* * *

Немало писем молодежь собрала, где не сохранилось ни даты, ни почтового штампа, ни автора... В книге их поставили особняком, в отдельную главу под названием «От героев былых времен не осталось порой имен...» Как и в сорок первом, так и сорок третьем, сорок четвертом, пусть пока неизвестные, солдаты не сомневались в Победе.

Автор неизвестен.

«1 февраля 1943 г.

Здравствуй, дорогой Ленник!

Ты чувствуешь, что скоро-скоро наша доблестная Красная армия освободит наши родные края от гитлеровских мерзавцев, и мы с тобой будем иметь возможность через 5-10 дней узнать о судьбе своих родных. Ты знаешь из сводной информации, что, вероятно, наши уже слышат

гул орудий и звуки <...нрзб...> наших воинов, громящих без оглядки бегущих фашистов. Они чувствуют час освобождения, лживая агитация немецкой пропаганды уже не в состоянии скрыть факты. Враг разгромлен, как никогда, и бежит, как бешеная собака, с родных полей Дона и Кубани. Мы снова будем счастливы. Мои дела улучшаются, рука хотя медленно, но заживает, в феврале из госпиталя выйду. <...>

Будь здоров, до скорой встречи со мной и родиной. Целую, твой отец».

* * *

Автор неизвестен.

«25 августа 1945 г.

ДВК [Дальневосточный край], гор. Благовещенск.

Здравствуйте, дорогие родители, папа, мама и сестрица Ниночка!

Спешим передать вам наши низкие поклоны до самой сырой земли и крепко-крепко целуем хотя бы заочно, но чистосердечно, и Ниночке горячий сердечный привет, пожелать всего наилучшего и сообщить о себе.

Извините, что так долго не писали вам, все так быстро изменяется, из Семипалатинска меня перевели в Павлодар, я вам писал, а теперь из Павлодара нашу часть перевели на ДВК, и попали мы на Восток близ Благовещенска, доехали благополучно, чувствуем себя хорошо.

С 15 по 22.8.45 г. я был в Маньчжурии по спецзаданию командования, поработать пришлось многовато. Клава оставалась одна, обстановка каждый день менялась, и мы решили не писать, чтобы вы меньше беспокоились. 22.8 я возвратился в Благовещенск и сегодня в гостях у Клавы, живет она хорошо, я ее обеспечил, хозяйка хорошая, теперь, наверное, будем вместе, ждем сына или дочь, так что в гости приедем к вам с внучком, а приедем теперь скоро.

Находимся пока в Благовещенске, но видно, будем недолго, куда дальше — пока неизвестно.

Еще одна радость — с Японией война закончена, теперь народы нашей Родины начнут снова строить свою счастливую зажиточную жизнь.

Пожелаем и вам всего наилучшего в вашей жизни и здоровье.

Пока все. Пишите больше о себе, адрес пока неизвестен, сообщу телеграммой <...>».

Невозможно пройти мимо последних писем 1945 года, писем тех, кто дошел до Победы, но не вернулся из последнего боя зимой весной и летом...

* * *

Георгий Божко умер от ран 30 января 1945 г. и похоронен на общем кладбище с. Эльгут (Германия).

«30 января 1945 г.

Расставанье

Итак, прощай, моя дорогая, и мы с тобой расстались — навсегда, навеки — как два стальных кольца. А в сердце бродит призрак темный и вызывает боли без конца.

Забыть тебя, забыть минуты счастья, забыть весь мир; не можешь ты понять, как болен я, как мучаюсь я, как хочется мне плакать и рыдать. Но ты осталась одна — и далеко. Не покидай моих деток — расти и утешай.

Да, я ушел — холодно и далеко, окутав сердце покровом льда. Не покидай меня, мне бесконечно жутко, пусть мне покажется, что ты еще моя. Часто-часто бывало, как наступит вечер, и на траву опустится роса, думал и мечтал о наших встречах и о дорогих твоих глазах. Кажется, они чудесно мне сияют, и как их взор манит меня к тебе, и о том, что встретиться сейчас не можем, но и письмами. Прости навсегда.

Первый поднявший блокнот, напиши: Настеньке. Божко Жорж З.

[В конце письма приписка]:

Вот я и пишу вам его заветы. [Подпись неразборчива]»

* * *

Автор неизвестен. Письмо адресовано Е. П. Гогидзе в редакцию газеты “Колхозный ударник”, в ст. Приморско-Ахтарскую Краснодарского края.

12 июня 1945 г.

Катюша! Здравствуй, родная! Кажется, что уже целую вечность не получаю от тебя писем. У тебя, наверно, за это время скопилось столько новостей, что в одном письме все не расскажешь. Так ведь, Катюша? Получила ли ты мое первое письмо? Если бы ты знала, как хочется сейчас получить хотя бы от кого-нибудь письмо, не говорю уже от тебя. Пиши, Катюша, обо всем, что было с тобою за это время. Я сейчас нахожусь опять в Польше. Вчера перешли границу и движемся ближе к дому. Живу хорошо. Думаю скоро попасть на гражданку. Как только остановимся на месте, так буду просить комиссию, и тогда <...>. В общем, должен скоро увидеть тебя. Ну, вот пока и все. Жду ответа очень-очень.

Крепко целую, твой Владимир».

* * *

Письмо о гибели Семена Григорьевича Высоцкого, написанное его сослуживцем.

«15 июля 1945 г.

Привет незнакомой фамилии Высоцких от незнакомого вам бойца Ивана Трофимовича. В первых словах своего письма разрешите вам сообщить по просьбе вашего сына Семена Григорьевича, когда он умирал, то просил меня. “Ваня, — говорил, — конечно, я думаю, что мои родители про меня не забудут, будут писать мне письма, то будь добр, напиши моей маме и папе, что я убит”. И вот я решил написать вам ответ на это письмо, что он погиб за родину в апреле, числа точно не помню.

Когда получите это письмо, напишите мне, чтобы я знал, что вы получили мое сообщение.

Незнакомый вам боец Ваня. Жду ответа».

Игорь Волошко окончил артиллерийскую спецшколу, затем Севастопольское училище зенитной артиллерии. На фронте с декабря 1944 года. Погиб 13 марта 1945 г. в Польше.

«4 марта 1945 г.

Здравствуй, дорогая мама! Вчера был радостный для меня день, получил твоё письмо. Сейчас я на фронте. С училища мы все были направлены сюда. Сейчас я часто встречаюсь с некоторыми ребятами. Пишу в землянке, а живём чаще всего в шалашах, в палатках. Все время движемся вперед. Был я в Восточной Пруссии, там били немцев, а сейчас пока в Польше. Живу хорошо. Погода стоит то теплая, то маленький мороз. За меня не беспокойся. По возможности буду писать почаще. Мама, если долго не будешь получать, не волнуйся. Значит, я в пути. Ведь тут как приехал, окопался, постоял несколько часов или переспал — и дальше. А потом, почта часто не успевает за нами. Мама, тебе нужна бумага? Могу выслать.

Ну, кончаю. Жорину фотокарточку высылаю. Жду писем. Целую крепко-крепко. Любящий тебя Игорь. Привет Руденко и др. Письмо твоё получил за 5.02.1945 г.»

О гибели Игоря матери сообщили товарищи:

«13 марта 1945 года ваш сын при выполнении боевого задания, идя в разведку, попал под огонь противника и пал смертью храбрых, до конца преданный своему народу и своей Советской Родине. В лице вашего сына мы потеряли лучшего товарища, отличавшегося своим спокойствием и решимостью биться с врагами за счастливое будущее своего народа...»

Всего, действительно не пересказать, а так хотелось коснуться еще глав из книги «Дорогой товарищ председатель...» и «Земля вздымалась и горела...» Иосифа Мадовского, «Мы с Павкой Корчагиным в бой ходим...» Марии Педенко и «Здравствуй, дорогая моя Галочка!...» В. П. Тыщенко, «Дорогая Наташа!...» Н. Е. Бурной (Овчаровой)... Это даже не главы, а повести военных лет внутри огромного эпического полотна.

А завершить дискурс по страницам жизни героев четвертой книги «Письма с фронта» хочу стихотворением ленинградского поэта Николая Рачкова «Еще раз о Великой Победе»:

*А он для нас есть праздник самый главный —
От южных и до северных широт.
Но кто-то на салют Победы славной
Презрительно кривит в усмешке рот.*

*«Спасли Европу? Вы в своем уме ли?..» —
И пишут, и кричат наперебой,
Что воевать как надо не умели.
Не так дрались. Не так ходили в бой.*

*Не так умели утеплять землянки
И наступать из логова болот.
Зачем, зачем бросались мы под танки
И всю грудь падали на дот?*

*Никак не переварят нашу славу,
Вбивают в наш салют за клином клин.
Зачем не сразу взяли мы Варшаву?
Зачем поторопились взять Берлин?*

*Да можно ль перечислить поименно
Всех, кто легли под братские холмы?!
А мы целуем красные знамена.
Враг был сильней.
Но победили мы!*

Победили мы! Поклон и память! Спасибо всем, кто прислал эти письма, спасибо Татьяне Васильевской и ее издательству «Книга», спасибо Краснодару и всем, кто поддержал и ведет эту святую книгу в жизнь. Будем верны этим письмам, их духу, будем собирать их со всей страны, в них и есть великая правда о войне для будущих поколений и для нас сегодня.

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

РАСКАЖИ МНЕ ПРО ВОЙНУ

Рассказ

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Деревня просыпалась медленно, хотя солнце уже давно вырвалось из колких объятий высоких елей, окупнулось в бодрящих водах таежной речки и сияющее и радостное собралось одарить окрестности своими извечными солнечными милостями. Пусть еще лето, вернее, последние его августовские дни, но чувствуется приближение новой битвы времен года. Где-то за горами облаков и туч зима копит силы, точит свои морозные когти. А ее прислужница осень уже намерилась проложить путь владычице мертвого царства. То лужу льдом скует, то охапку листьев сорвет с макушки дерева и рассыплет по ветру. А сегодня поутру напустила ватный туман, окутавший и сияющее солнце, и искристую речку. Но все равно — по календарю еще лето. И в школу идти не надо, и Мишка, двенадцатилетний мальчишка, нежится на лежанке русской печки.

Разбудили его голоса. Разговор вели Мишкина мама и Павел Иванович. Павел Иванович, высокий крепкий мужик сорока лет, работал в колхозе трактористом. В деревне его, еще молодого, пришедшего с фронта в орденах и медалях, почти все уважительно величали Павлом Ивановичем. Исключением были одноклассники и близкие друзья, для которых он с детства был Пашкой, а сейчас стал Пашей или Павлом. Отчество не произносили, дабы подчеркнуть льстившую им дружескую связь с фронтовиком-героем.

И Мишкина мама была из таких — одноклассница Павла Ивановича.

— Анята, буди Мишку, — не уменьшая силу голоса, пробасил Павел Иванович.

— Паша, ты потише. Он же спит. Что случилось-то? — взволнованно спросила Анна.

— Так технику надо с Игнатьева перегнать сюда, на машинный двор.

— Так и гони. При чем здесь мой сын. Пошли во двор, поговорим, а то у тебя голос как труба: батальон в атаку поднимет.

— Не пойду во двор. Буди. — Настойчиво повторил гость.

— Паша, ему через несколько дней в школу, дай передохнуть мальцу. Он и так все лето у тебя прицепщиком отработал.

— Не у меня он работал, а в колхозе. Работал хорошо. Хорошо надо и закончить трудовую вахту. Осталось лишь технику перегнать. Не смогу я один это сделать.

— Так тебе же бригадир замену назначил, сама слышала.

— Назначил, это точно: Витальку Седана. Только он сейчас на покосах в Дальней Тушаме и когда вернется, никто не знает.

— Что он там делает?

— Он там не один, все покосное звено отправили.

— А что же так поздно?

— Да, зароды¹ не огородили. Скошенное сено зверью подарили.

— Вот тебе и работники, — всплеснула руками Анна.

— Так ведь вся бригада — молодежь в основном. Бригадиром был Василий-кузнец, в конце сенокоса заболел, в район увезли, вот и получилось, что углядеть некому было.

Разговор затих. Анна, вздохнув и неодобрительно покачав головой, пошла к печке, отдернула ситцевую шторку и от неожиданности всем корпусом отпрянула назад. На нее в упор смотрел сын.

— Ты не спишь, Миша?

— Нет, попробуй усни у вас.

— Ты все слышал?

— Да, я встаю, Павел Иванович, — по-солдатски бодро отрапортовал мальчик.

— Молодец, Мишаня, встречаемся на берегу, у моей лодки, —скомандовал гость и стремительно вышел из дома.

— Хорошо, — крикнул ему вслед Мишка.

Мальчик как змейка соскользнул с лежанки, ловко натянул штаны, на ходу обуваясь, выскочил в сени к умывальнику. Зябкий предосенний воздух сжал в своих объятьях жилистое мальчишечье тельце так крепко, что Мишке показалось, что он окунулся в холодную воду реки.

Вода из умывальника, оставшаяся там на ночь, обжигала тысячами ледяных игл. Бросив несколько ладошек тающего ледка в лицо, фыркнув, как полагается мужику, он обтерся полотенцем и пулей влетел обратно в комнату.

— Миша, не торопись, я налью сейчас в умывальник теплой воды, — ласково-певуче сказала мама.

— Не надо, я уже помылся.

— Уже? — Мать, нахмурившись, выглянула из кути². — А зубы кто чистить будет?

— Мама, некогда, да и в сенях стоять невозможно, видимо, ночью заморозки были.

— Да, были, иди сюда, я тебе теплой водички дам и над тазиком почисти свои зубчики.

¹ Зарод — стог сена.

² Куть — кухня.

Мишка вздохнул, но спорить не стал. Матери он повиновался всегда.

Улица встретила его клочками густого тумана, между которыми проглядывало ясное, как будто сопротивляющееся мутной напасти небо. А река сдалась без боя: туман через всю ее, ныне невидимую, зеркальную гладь раскатывается как конькобежец по льду. От берега до берега — сплошная скользящая по реке белая масса тумана. Она плывет по течению, ударяется в лоб Красного Яра, поднимается вверх и, как ни в чем не бывало, плывет дальше, дальше.

Противоположного берега и домов не видно за плотным молочным занавесом.

Мишка сел на весла сам, зная, что от ранения одна рука у Павла Ивановича покалечена.

— Мишаня, остановись, в таком тумане лучше мне грести, а ты на корму сядь, — приказал Павел Иванович.

— А рука?

— Ну чего рука? Перетерпит, не в первой.

— А вы думаете, что я по течению поплыву?

— Нет, я ничего не думаю, просто хочу, чтобы ты поберег силы, впереди дел невпроворот.

— Ладно, вы здесь командир, — не сильно огорчившись, повиновался паренек.

Лодка медленно и плавно скользит по зеркальной глади. Молочная пелена не сдается, присутствует как участник в любом деле. Сейчас она мягко обнимает и лодку, и сидящих в ней людей, умягчая все окрестные шумы. Только слышно, как поскрипывают уключины, да иногда хлестнет по воде рыба. Но солнце — воин умелый и непобедимый. Видно, как первые его лучи взрыхлили туман, он заволновался, задвигался, клочками отрывается от воды, поднимается вверх. Пелена меняет цвет, становится лимонно-желтой, потом оранжевой, потом появляются алые краски. И вдруг — ослепительная густая синева: это река освободилась от своего ночного одеяла. Вот уже видны и берега. Только макушки прибрежных сосен еще окутаны белоснежной пушистой шалью. Когда лодка ударилась носом о берег, туман совершенно исчез, и высоченные сосны примеряют ослепительную корону из солнечных лучей.

— Ну вот, Миша, мы точно прибыли в порт назначения.

— В порт? Ну это вы скажете, Павел Иванович. Это уж слишком.

— Да нет, не слишком, именно порт, ведь сюда приплывают баркасы из других деревень, даже с Ангары, здесь через Илим ходит паром. Ну чем не порт, Мишаня?

Мишка понял, что предмета спора нет, что Павел Иванович опять прав, и, улыбнувшись, махнул рукой.

— Ну раз насчет порта согласен, давай покурим и вперед, нам нужно три версты отмахать. Хоть и на тракторе, но по бездорожью.

— Я не курю, Павел Иванович.

— Я тоже, а говорю так по привычке. То есть — передохнем.

К четырем часам по полудню Павел Иванович с Мишкой добрались со всем своим хозяйством до паромной переправы. К их удивлению, паром все еще стоял на противоположной стороне, хотя должен был их ждать здесь.

— Это что за чудеса, — вылезая из кабины трактора, проворчал Павел Иванович, — в это время он же здесь должен быть, — и указал рукой на

близкий берег. Мишка, привыкший к тому, что Павел Иванович всегда прав, промолчал, вразвалочку подошел к воде, снял сапоги и, подвернув штаны, пошлепал по реке босыми ступнями. Отхлебнув из ладошек несколько глотков холодной речной воды, обтер губы и залюбовался своей родной деревенькой, отделенной от него рекой. Дома, казалось, составляли разноцветное ожерелье, бок о бок они стояли вдоль берега, все были выкрашены и ухожены. У лавниц к большим корягам привязаны лодки, на уго-рах, почти у каждого дома красовались баньки. На речной глади не видно было ни одной морщинки, не заметно течение, бездонная глубина покрыта иссиня-черной водой.

Павел Иванович заглушил свой издававший виды ДТ-54, и нахлынула такая тишина, что Мишка слышал биение своего сердца. Постепенно эта тишина стала заполняться звуками: там — лай собак, хлопки калиток, откуда-то доносится мерный разговор мужиков. У паромы они чинили блок. То ли лопнул, то ли замяло под него трос, этого Мишка не понял.

— Давай, Мишаня, все-таки передохнем, — повалившись на траву, сказал Павел Иванович. — От воды-то отойди, она уже не летняя, уже холодом дышит.

Мишка послушался и присел рядом со своим командиром.

— Сколько же они копать будут со своим блоком? — неожиданно спросил Мишка, неизвестно к кому обращаясь.

— Да кто ж их знает? А ты посмотри, у тебя глаза повострее, кто там сегодня за главного.

— Я по голосу слышу, что это Володька Куклин, назаровский сын, — особо не вглядываясь, ответил Мишка.

— Если Володька, значит, быстро справятся, этот парень рукастый и «сельсовет» работает.

Павел Иванович, улыбнувшись, постукал себя по виску.

— А ты, Мишка, куда торопишься или тебя кто-то ждет?

— Кто ждет? Кроме мамани, некому, — со вздохом ответил мальчик, выражая этим вздохом свое глубокое, не имеющее словесного эквивалента, почтение к матери.

Разговор прервался. Первым тишину нарушил Мишка.

— Павел Иванович, а сейчас какое поле пахать будете?

— Наверное, погадаевское. Оно у нас под зябь пойдет.

— Погадаевское поле большое, справится ли наш трактор?

— Справится, куда деваться, сильнее этого трактора нет.

— Вот бы танк сюда, Павел Иванович, он бы в миг всё сделал.

— Танк, конечно, хорошо, но он ведь для других дел предназначен, — нехотя отвечал тракторист.

— Но сейчас ведь мы не воюем. И танк стоит без дела, — не унимался мальчишка, радуясь своей наивной мысли.

— Не воюем, это правда, но пахать нужно не танками, — глубоко вздохнув, чуть помедлив, ответил Павел Иванович.

Бойцы сельской страды молчали, параллельными взглядами глядя на реку, на родную деревню, на качающиеся паромный трос, соединяющий берега.

— Павел Иванович, — не выдержал Мишка, — вы никогда не рассказывали про войну.

— А чего про нее рассказывать, — отмахнулся собеседник, зябко пере-дернув плечами, поморщившись, как от тяжелого воспоминания.

— Вы же танкистом были! — выкрикнул удивленно мальчишка. — Это так здорово, не разбирая дороги мчаться на тридцатьчетверке и давить фрицев!

— А я на тридцатьчетверке не воевал.

— Как так? Вы же танкист?

— Ты кроме Т-34 какие-нибудь другие танки знаешь, Мишаня?

— Нет. А разве были другие?

— Да, были. А вам в школе только о тридцатьчетверке рассказывали?

— В школе об этом ничего не рассказывали. Я кино люблю про войну, а там других машин не показывают. И книжки читаю про танки.

Павел Иванович, крутивший в пальцах сухую веточку, резко разломал ее на несколько частей и отшвырнул их в сторону. Покачав головой, стал рассказывать:

— Миша, я не люблю вспоминать и, тем более, рассказывать о войне, но учитывая, что ты мой напарник, что ты многого не знаешь, давай поговорим.

Призвали меня на войну в первый месяц, тогда я уже был женат. После школы решил остаться в родной деревне, курсы трактористов окончил. Поработать на тракторе не довелось. А повоевал вдоволь. Благополучно, то есть без раны-царапины почти до самого Берлина дошел. Там-то, в Германии, меня и хватануло.

Павел Иванович показал на руку. Мишка ничего не ответил, как будто замер, боясь вспугнуть рассказ солдата.

— Жив остался потому, что воевал на тяжелых танках. Сначала был КВ — Клим Ворошилов, а потом нас пересадили на ИС — Иосиф Сталин.

Тридцатьчетверкам всегда доставалось, они горели как свечки, так как все время в бою были, всегда под огнем. А наше дело было взламывать оборону немцев и штурмовать преграды. В экипаже нас пятеро. Я водителем всю войну прошел.

— Павел Иванович, а чем же танк КВ от Т-34 отличался?

— О-хо-хо, отличался, говоришь, проще сказать, чем похож был. Главное броня, ее фашистские танки пробить не могли, это уже когда у них «Тигр» появился, полегче им стало. Ведь у КВ мощная пушка была, способная поражать любой тип немецких танков, да и скорость неплохая. Правда, бед у нашего непробиваемого тоже хватало.

— Бед? У танка? Разве такое бывает? Но он же не человек, — не понял техническую метафору Мишка.

— Как знать, Мишаня? Танк — конечно, не человек. Но он вместе с экипажем в бой идет, поэтому, можно сказать, оживает, приобретает человеческую душу, зоркость, смелость. А беды — это чисто технические характеристики. Ходовая часть часто подводила, особенно на длинных маршах. Двигатель не выдерживал нагрузки и ломался. Помню, мне мешал плохой обзор и неудобное расположение люков для экипажа. С переправами также проблемы: тяжеловат был наш конь, иные мосты не выдерживали общего веса. Бывало, что своей машиной разваливали переправу и проваливались в воду.

— Как же из воды выбирались? — азартно спросил Мишка.

— Везло нам. А потом выбирали для переправ места неглубокие, выползали. Танки, как говорится, ни воды, ни грязи не боятся. Потому живой остался и сижу сейчас вот здесь, с тобой разговариваю, — широко улыбнувшись то ли своему собеседнику, то ли милостивой судьбе, пояснил бывший танкист.

— Мама говорила, что вы в Сталинграде воевали?

— Воевал, Миша, бился с фашистом не на жизнь а насмерть... — уже посуровевшим тоном, медленно произнес тракторист.

— Там вы без танка были? — не унимался Мишка, пытаясь направить рассказ своего наставника к интересующей его теме.

— Почему без танка? Я же танкистом был.

— Там ведь не поля, где танки сражаются, а дома и улицы в завалах. Я так видел в кинохронике.

— Что тебе ответить? — задумчиво произнес Павел Иванович, понимая абсолютную воинскую некомпетентность своего собеседника. Он снял кепку, ладонью потер лоб, поправил волосы, после минутного колебания начал говорить.

— Ты прав, Мишаня, сегодня и в книгах, и в кино битву за Сталинград показывают так, что у людей создается впечатление, что у немцев и у нас воевали только пехотные полки. Но я, как механик-водитель, скажу, что это не так. Ведь сама Сталинградская битва — это не только битва за город. Это целый комплекс самых разных сражений и операций с участием различных родов войск и формирований.

— Я знаю, что только за город дрались, а что же там еще было? Ведь Сталинград — это только город, и по его имени битва названа, — не унимался Мишка, отстаивая свою точку зрения, неясную самому себе.

— Да, я на своем танке город освобождал. Но битва проходила и в донских степях, и в руинах города. Но самая мясорубка случилась в холмистой местности, севернее Сталинграда, там колхозные поля в излучине Дона. Огромная площадь, несколько армий бились — кто-то за поживу, за новые для себя земли, за личные блага, а кто-то за свою землю, за Родину, за тебя, Мишка.

Тракторист легонько похлопал мальчика по плечу и нежно прижал к своей груди. И разговорился. То возмущенно краснея, то бледнея от страшных воспоминаний, то смахивая слезу, то скорбно смолкая.

— Помню, как сейчас. Лето, жара, мы в танке как вареная картошка. Уже воды в организме нет, все в пот ушло. Кровь до того загустела, что в ушах не шумит, а стучит молотком. В районе переправы Калача был организован контрудар по немецким соединениям, прорывающимся к Дону. Но у нас, как всегда, часть танков переправилась, а большая часть отстала. Пришлось нам отдуваться за отставших.

Веду танк по полю на максимальной скорости, маневрирую то влево, то вправо, запутываю вражеских наводчиков, не даю гадам произвести прицельные выстрелы по моей машине. Но все равно достается, удары сыплются по обоим бортам.

Молю Бога, чтобы только в ходовую не попали, только бы дотянуть до немецких пушек. А уж там — мы погуляем!

Наши танки не отстают, огонь ведут из пушек и пулеметов. Надеюсь, что и немцам радости мало, когда на них прет лавина советских танков.

До пушек добрались, но и многие наши танки остались недвижимы на поле, полыхали огнем, заволакивали небо черными дымами.

— А почему наши-то горели? Они ведь непобедимые, — с глубоким переживанием выкрикнул Мишка свою простую, любимую мысль.

— Потому и горели, что бой шел, а снаряд пути не выбирает, куда пошлют, туда и летит. Попал, и стоп машина.

— А наши танкисты тоже гибли, Павел Иванович? — огорченно спросил паренек.

Тракторист потрепал его по макушке, взъерошил волосы и печально сказал:

— Гибли, Миша. Погибали страшной смертью, заживо горели. А бывало, приходилось и в штыковую атаку вместе с пехотой нам ходить. Тоже страшно. Через ливень пуль идти, не сгибаясь, видя звериные оскалы и полные ненависти волчьи глаза фашистов. Все было. Вот сейчас модно говорить, что простой немецкий солдат не виноват, что его заставили с нами воевать. Ты бы видел этих «простых» завоевателей, с какой жестокостью они вырывали куски нашей земли, убивали без необходимости тысячи мирных людей. Никогда не забуду их зверства.

Тракторист почему-то резко отвернулся. Мишке, воспитанному на кинематографической героике, на победных атаках, было невдомек, что его большой, сильный друг сейчас утирает слезу.

Но торопить рассказ тоже не стал. Дождался, когда Павел Иванович заговорил сам.

— Да, кругом война. Наши танки КВ — мощные махины, горели порой, как огромные костры. После каждого боя друзей хоронили.

На этих словах не выдержал Мишка и уткнулся в плечо своего друга, подозрительно похлипывая. Павел Иванович нежно гладил по голове своего юного, прижавшегося к нему собеседника, словно ищущего защиты от грядущих ужасов и бед. А потом ойкнул.

— Ой, Мишаня, ты придавил мою больную руку.

Мишка сразу отпрянул, быстро отодвинулся, застеснявшись своей слабости.

Павел Иванович улыбнулся. Но от последовавшего вопроса оторопел.

— Павел Иванович, а ты с моим отцом воевал?

— С твоим отцом? С чего ты взял?

— Но он тоже за Сталинград бился.

— Нет, вместе мы не воевали. Учились в школе с Костей вместе, но воевали в разных частях. Отец твой меткий стрелок был. Дед ему школу хорошую преподавал, на охоте обучал сына этому делу. Из-за такой «школы» у Кости неприятностей в образовательной школе хватало. Из-за охоты пропускал он уроки. Но стрелком метким стал. Потому на войну его снайпером призвали. И немало фрицев положил. А я до войны уже сидел за штурвалом трактора. Так что у меня прямая дорога была — в танковые войска.

Вдруг Павел Иванович, всплеснул руками, посмотрел вокруг, взглянул на небо, быстро встал.

— Слушай, Мишаня, ты покричи работничкам, чтобы поторопились, побыстрее свой паром ремонтировали. А то скоро ночь грянет.

Мишка подбежал к краю воды. Набрал в легкие воздуха, чтобы прокричать приказ своего командира, но его опередил сосед по дому, дородный мужчина лет сорока пяти, Василий Черемных, переплывший Илим на лодке.

— Не кричи, Мишка, вроде устранили неполадки, осталось зажимы на трос поставить. Минутное дело, говорят.

Зная их минуты, растягивающиеся как воздушные шарики, не меньше часа будут делать, прикинул Мишка. Да доплыть еще машине надо. В общем, можно отдыхать.

— Вы обождите еще с Павлом Ивановичем, — сказал, садясь в лодку, Василий.

Павел Иванович тоже подошел к лодке и слышал последние слова Черемных.

— Здорово, Василий.

— Здравствуй, здравствуй, я все ближайшие планы Мишке выложил. А ты куда дэтэшку гонишь, да с плугами еще?

— Да и бороны не забываю. Иван Савельевич сказал: на погадаевское поле, оно под зябь пойдет.

— Под зябь? Погадаевское? Его же под пары хотели вспахать. — удивился Василий.

— Хотели да передумали.

— Во агрономы, Павел Иванович. Куда не кинь, нигде порядка нет.

— Ты чего раскудахтался, Вася. Тебя кто по уху ударил? Откуда ты пары взял? Поле два года назад отдыхало. Может, ты с Кулигой попутал, там будут пары нынче точно.

— Да ну вас, я тороплюсь к жене, она у меня в больнице, — спешно перевел разговор Василий, добавив на жаргоне, — покедова.

— Покедова-то оно покедова, — незлобиво вслед Василию тихо повторил Павел Иванович. — Трепло деревенское. — И, отвернувшись, стал смотреть на паром.

— Посмотри, Мишаня, у тебя глаз вострее, вроде, сдвинулся? — спросил Павел Иванович, показывая на паром.

— Сдвинулся, сдвинулся, пошел к нам.

— Ну вот и хорошо.

— Ты же про Сталинград не рассказал, — захныкал Мишка.

— Завтра расскажу.

— Завтра?

— А когда? Уже темнеет, нам бы с нашей техникой переплыть.

— Но я же... Меня же бригадир... — попытался возразить Мишка.

— Знаю я все. Школа у вас первого сентября на носу. Так?

— Так.

— А завтра только двадцать седьмое, успеешь, да и Виталька с покоса еще не вернулся. Не дуйся, а про Сталинград я тебе расскажу обязательно. Выходи завтра на работу.

Лето заканчивалось. Об этом напоминал не только календарь, висевший на стене возле стола, но и холодные утренники. Мама достала из сарая красиво заштопанную телогрейку и велела Мишке ее надеть. Он сначала попытался отказаться, но с матерью, которую любил больше всех в жизни, спорить не стал. Для него мать была божеством, олицетворением всего светлого, доброго, самого лучшего в жизни. Он готов был за нее идти в любое сражение, и в танковое, и в штыковую атаку. Мишка не раз в полусне представлял себя в роли отважного солдата-защитника. Этот образ грел его мальчишеское самолюбие и заставлял соответствовать ему в реальной жизни.

— Ты посмотри, — говорила мать, — вся трава покрылась инеем, заморозки каждую ночь, в рубахе можно ходить разве только в середине дня, когда солнце пригреет.

Мишка молча натягивал слежавшуюся за лето телогрейку и беззлобно ворчал, показывая матери свое маленькое мужицкое самолюбие.

— Не зима ведь, увидят люди, смеяться будут.

— Не придумывай, роднулька моя. — Анна всегда разговаривала с сыном, как со взрослым, не ломала его мнения, мягко убеждала, если сын был не прав.

В машинный парк, расположенный у гумна, где стоял трактор с плугом, мальчик, стесняясь своего не по времени года наряда, пошел не по улице, а через огород, по тропинке он вышел на поскотину, а уж с нее свернул к гумну.

К его удивлению, Павел Иванович тоже был одет в телогрейку. Мишка успокоился и повеселел.

— Привет, Мишаня, — громко закричал тракторист, перекрикивая ворчание трактора.

Мишка помахал рукой.

Пахоту они начали, разделив поле пополам. Часам к десяти треть этой половины отливала черными искрящимися пластинами плодородной земли. Павел Иванович остановился. Мишка ладошками обтирал измазанное лицо. Густая едкая пыль покрыла его, забила ноздри и уши. Хорошо, что на голове кепка. Павел Иванович тоже выглядел не лучше. Едкий пот оставлял черные борозды на покрытом толстым слоем пыли лице.

— Давай чуточку отдохнем, Мишаня, — пробасил командир трактора.

— Давай, — радостно согласился Мишка.

Павел Иванович достал туесок, налил из него в кружку воду и передал Мишке, а сам начал пить напрямую из туеска.

Мишка воду выглотал быстро и протянул пустую кружку Павлу Ивановичу.

— Еще? — спросил он.

— Нет. Спасибо.

— Тогда поддержи кружку, налью воды лицо ополоснуть.

Ополоснув лицо, Павел Иванович скомандовал Мишке.

— Сложи ладони лодочкой, и тебе надо с лица пыль смыть.

Мишка с удовольствием умылся.

— Полегче стало?

— Да, Павел Иванович. Спасибо.

— Тогда чуток отдохнем. Видишь, как солнышко пригревать стало. И иней исчез, только роса серебрится. Красота. На мир полюбуемся, жизни порадуемся.

— Павел Иванович, вы же мне обещали...

— Не забыл, не забыл, Мишаня, помню, — перебил Мишку тираду тракторист. — Сейчас, дай самому-то вспомнить, как там было. Давай устроимся поудобнее.

Мишка принес из стога солому, собранную после уборки хлебов. Соседа сняли телогрейки, расстелили их аккуратно на соломенной подстилке, и после минутного сосредоточенного молчания Павел Иванович начал.

— Насчет «вспомню», это я для красного словца сказал. Всю войну ведь прошел, ничего, конечно, не забыл. Бывали дни как страшный сон.

На войне я был рядовым — механиком — водителем тяжелого танка. Я совсем не знал планов битв, для это были генералы, командиры. Но в каждом важном сражении я участвовал. Я твердо знал — надо победить. И вел танк прямо на врага. Руководствуясь таким принципом, на тяжелом танке КВ-1, на котором я начал войну, мы с командой дошли до Сталинграда.

Всем была хороша машина. Крепкая броня, которую не могли подбить большая часть немецких оружий, маневренность. Но и этой машине, как я тебе рассказывал, доставалось жару.

До войны я нигде не бывал, ни в каких городах нашей Родины, что-то о других странах читал, что-то в кинохронике видел. А во время войны я пол-России прошагал и пол-Европы, но видел только разрушенные дома да одинокие печные трубы деревенских изб.

Сталинград, говоришь? Для меня это сплошная, покрытая пылью, гарью и кровью плоскость, поверхность какого-то непостижимого пространства. И, как мне казалось из моего маленького окошечка, я один по ней веду танк. Под гусеницами скрежещут битые кирпичи, железная арматура, рассыпаются деревянные конструкции. Но от меня зависела жизнь всего моего экипажа. Во многом я нес на себе ответственность.

В той битве не было четкой разграничительной линии: вот там немцы, а здесь мы. А было так. Сегодня они взяли центральный вокзал, а завтра мы его отбили. Они вышли на окраину города, и мы пошли в бой, и опять немцы пошли в наступление. В городе живого места не было. И нам приходилось воевать на улицах, выкуривая немцев из зданий и укрепленных позиций. Чтобы тебе понятно было, это примерно так, как известная русская игрушка «Мужик и медведь»: то один кувалдой колотит, то другой.

Помню, как однажды один экипаж из нашей роты тянул застрявшую машину, у нее заклинило гусеницу. Притаившиеся в подвальном помещении немцы неожиданно ударили фаустпатроном по буксировочному танку, и он мгновенно вспыхнул как спичка. Спасся только механик-водитель. Остальные ребята сгорели на наших глазах, и мы ничем им не могли помочь. Зато с фашистами посчитались, раздолбили весь подвал. От гадов, наверное, даже пуговиц не осталось.

Немцы наших КВ боялись. Немецкие танки не пробивали нашу броню, и мы использовали этой неуязвимостью сполна.

Павел Иванович замолчал. Стал смотреть на свои руки, сжимая и разжимая пальцы. Затем поднялся, подошел к берегу Илима. Почуввав человека, отождествив его с опасностью для себя, из десятков прибрежных гнезд-нор, вырытых в береговом остатке, в небо поднялись стрижи. Они шумно хлопали своими крылышками, дружно кричали, пытаясь отпугнуть нежданного гостя.

— Ты посмотри, Мишаня, стрижи еще не улетели.

— Кто не улетел? — не поняв смены темы разговора, переспросил Мишка.

— А куда они улететь должны? — наивно спросил тракторист.

— В Африку, — с уверенностью знатока ответил мальчик.

— Куда? — удивился Павел Иванович.

— Наш учитель говорил нам, что в Африку, и улетают они туда в первой половине августа. Что же их задержало?

— Наверное, потомство, — предположил не большой эрудит Павел Иванович.

— Да, наверное, птенцы уму-разуму не набрались, — согласился Мишка.

Павел Иванович нежно посмотрел на подростка и улыбнулся.

— Это ты у нас, Мишаня, уже большой и умный. А птенцы, конечно, глупые. Но их для этого и учат взрослые птицы, чтобы в дальнейшем не было у них бед.

Павел Иванович поднялся и пошел к трактору. Мишка поспешил за ним.

— Люблю работать осенью, мошка и комары исчезают, спокойствие наступает, — как будто сам себе сказал тракторист.

— Павел Иванович, а про Сталинград на следующем перекуре расскажешь?

— Что рассказать тебе, Мишаня, я ведь не был ни генералом, даже до командира танка не дорос, в смотровую щель мало что видно. То, что увидел, осталось в памяти моей навсегда. За войну пришлось уничтожать гусеницами и танки, и пулеметные гнезда, и людей. Это не только в Сталинграде, повсюду. На своей земле жалко было эту землю топтать и дома русские, занятые фашистами, рушить. А в Германии — только в радость. Я не мстительный человек, но возмездие быть должно. И мы им всем отомстили, да так, что и правнуки их не забудут.

Павел Иванович тяжело вздохнул, подняв голову, расправил грудь. Мишке показалось, что этой своей героической головой он уперся в небо и стал выше, мощнее прежнего. Казалось, что это глубокое, чистое, невиденное Мишкой в такой красоте небо держится сейчас на могучих плечах этого славного воина. Что своей грудью он заслоняет и поле, и деревню, и Мишку от чего-то страшного, не уничтоженного до конца. Но ничего плохого в мире не может случиться, пока есть такие герои, как Павел Иванович.

— Да, у нас красота неописуемая. День чудесный, несмотря, что последние летние деньки на дворе. Но хватит, покалякали, пора за дело. Да ладно тебе, не дуйся, Мишаня, вот дело сделаем, наговоримся. Не обижайся.

Мишка и не обиделся, он отвернулся от Павла Ивановича, чтобы сохранить в памяти его только что виденный богатырский образ. Тракторист подошел к плугу, но на сидение не сел, потом подошел к Мишке и здоровой рукой крепко прижал к себе паренька.

— Не обижайся, Мишаня. Для меня ты дорогой человек. Это я ведь и за тебя бил фашистов, чтобы ты родился, чтобы любовался нашим небом, рекой, полями. Зачем тебе знать подробности? Они кровавы, отвратительны, бесчеловечны. Война — дело не романтическое. Да и танки теперь другие, лучше, крепче прежних. Ты лучше книги читай о войне, там все правильно написано. У войны ведь кроме боевой части есть другие планы — политические, философские, экономические. А если говорить о танках, то это интереснейшая научно-техническая страница нашей истории. История в технических достижениях не менее интересна, чем тактически-боевая. Вот и наш с тобой трактор скоро в музей отправится, а на его месте появится новый, красивый, послушный и ломаться он не будет никогда.

Голос Павла Ивановича завибрировал, как будто от сильного волнения или от вдохновения, или от понимания значимости своего дела — прежнего, танкового, и нынешнего — тракторного. Но он овладел волнением и напоследок сказал просто и ясно:

— Что я знаю про войну? Я же рядовым был. Им и остаюсь.

— Я тоже, — прошептал Мишка.

Андрей ПОПОВ

«КОГДА Я РЯДОМ С ВАМИ, СЛОВНО ВЕТЕР. И СЛОВНО СВЕТ»

Андрей Гельевич Попов — родился в 1959 г. в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Член СП России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Арт», «Арион», «Мир Севера», «Войвыв кодзув», «Крещатик», «Московский вестник», «Встречи» и др. Стихи переводились на венгерский язык. Лауреат еженедельника «Литературная Россия». **Живет в Сыктывкаре.**

* * *

На великой реке Печоре
Я смотрел, как падает снег,
Как впадают в серое море
Осень, небо и человек.

Как звезда октября находит
На речных излуках ночлег,
Как плывут по хмурой погоде
Утро, баржи и человек.

* * *

Надежд больше нет. Конец октября.
Дожди безысходных строк.
Как будто я умер, а прожил зря —
Молитву не слышит Бог.

Но если не слышит, что-то не так,
В душе не прощанье — дрожь.
Надеюсь еще на осенний мрак,
Надеюсь на мелкий дождь.

А надо — не пей ничего, не ешь,
Ни с кем не дели ночлег
И никаких не имей надежд
На друга, на сон, на снег.

Никто не помнит. Никто не помог.
И тень надежды мертва.
Тогда остается с тобою Бог
И слышит твои слова.

* * *

Пока мы разбирали сны и думы,
Их, если честно, вряд ли разберешь,
Купили наше время толстосумы.
И сразу оптом. И почти за грош.

Скупили и молчание, и слово,
Движение столетий и минут,
И нефтяное поле Куликово,
И речку детства, и знакомый пруд.

Понадобилась им любая малость —
Все продано. Всему дана цена.
И лишь душа, как сирота, осталась.
И лишь душа... Кому она нужна?!

Она столичной никогда не станет — Встречай с ней утро и заката пламя,
Прок от нее выходит небольшой. Делись с ней неизбывною виной:
И тратиться не стали. Купили наше небо с облаками.
В глухомани Скупили наши звезды — до одной.
Живи себе с непроданной душой.

* * *

Постные люди, как птицы, поют,
Но не становятся с песней добрее.
Хватит твердить свой бездонный талмуд —
Горе вам, книжники и фарисеи!

В сердце раскол — так и в церкви раскол,
Много труда, а молитва немеет —
К небу взывает о шуме мирском.
Горе вам, книжники и фарисеи!

Дни убегают, кончается стих.
Глядя в себя и в глаза, и в дисплеи,
Что там увидим мы — в душах своих?
Горе вам книжники и фарисеи!

* * *

Пустили слух, что умер Бог. В восторге
Десятки независимых газет
Об этом пишут. И сказал Георгий
Ивóнов: «Хорошо, что Бога нет».

Забавно это модным менестрелям
И разным социальным докторам.
Нет больше Бога. В Бутове расстрелян.
И продан за границу, как уран.

Волнуются московские предместья,
Алтайский край, Владимирский централ.
Чего шумят?! Мы знаем, Бог воскреснет.
Он для того всегда и умирал.

ДВА НИКОЛАЯ

*Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны...*

Николай Рубцов

Жил в Воркуте я, морем Карским
Дышал, читая между дел
Стихи Рубцова. Власти царской
Он не жалел.
А я жалел.

И морем Карским, и свободой
Дышало небо надо мной.
Жаль храм, разрушенный народом,
Народ, разрушенный войной
С собой...

Жаль веру:
 став обузой,
Ушла в стихи и лагеря.
Мне жаль Советского Союза.
И жаль убитого царя.

Мне жаль разрушенный, как атом,
Народ
И храма русский свет...
Что царь убит своим солдатом,
Своею женщиной — поэт.

* * *

Келья была у монаха проста:
Стол и божница, псалтырь и кровать.
Было окошечко в форме креста,
Чтобы сквозь крест этот мир понимать.

В сердце бы келью такую иметь,
Скромную келью монаху под стать,
Чтобы смотреть на рожденье и смерть,
Чтобы сквозь крест это всё понимать.

* * *

Прочтут стихи, что ничего не значат,
И некролог,
И кто-то нерешительно заплачет
В цветной платок.

Оставим несчастливые глаголы —
Слова, слова...
Я вижу вас! — воротники, подолы
И рукава.

И вытирая чувственные слезы,
И сняв берет,
Начнет рассказ высокопарной прозой,
Что жил поэт.

Я вижу вас! — носы, усы, бородки,
Разрезы глаз
И складки губ. Как явственно и четко
Я вижу вас!

Я это «жил» услышу, напрягая
Посмертный слух.
И я воскликну, что душа живая,
Что жив мой дух.

И так милы мне чувственные слезы,
И мил сюжет,
Изложенный высокопарной прозой,
Что жил поэт.

Что вижу вас — всех,
 кто пришел проститься —
Простить меня.
Но зря, друзья, унылы ваши лица,
Не умер я.

Касаюсь плеч и трогаю за руки,
И в этот час
Осознаю всю трогательность муки,
Что вижу вас.

Не умер я, поверь мне,
 брат мой лирик,
Что я живой!
Поверь мне, всегдашней поликлиник
И сын пивной.

Осознаю, никто мне не ответит,
Вздыхнув: «Привет!» —
Когда я рядом с вами, словно ветер.
И словно свет.

Михаил СИЛКИН

«И СНОВА ПОБЕДНЫЙ У НАС ЮБИЛЕЙ, И ЛЮДИ БЕССМЕРТНЫЕ С НАМИ»

Михаил Владимирович Силкин — поэт, литературный критик, журналист. Родился в 1977 г. в г. Рязске Рязанской обл. Окончил факультет журналистики Военного университета МО РФ. Служил в Московском ВО. Лауреат Всероссийских и Международных премий в области литературы и искусства. Награжден многими медалями, обладатель литературной премии «Золотое перо Руси». Автор трех книг стихов. Член СП России. Капитан запаса. **Живет в Москве.**

ОНИ

Кружится планета в свинцовом дыму,
А из нержавеющей стали
Проходят ребята один к одному,
Надев ордена и медали.

Они на парад не дойдут никогда,
Они не увидят салюта.
Въезжают на танках они в города
И машут, и машут кому-то.

Их грустный сизарь осеняет крылом,
И небо дрожит от осадков.

Да сколько же лет

снился каждому дом?

Да семь с половиной десятков!

Они и не ведают, видно, о том,
Что столько вот лет пролетело.
И Родина их осеняет крестом,
Хоть раньше крестить не хотела.

Доносится крик молодых журавлей,
Вздывается алое знамя.
И снова победный у нас юбилей,
И люди бессмертные с нами.

МОНОЛОГ МЕДАЛИ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

Заглянул в такие дали,
Даже оторопь берет:
Тихо шепчутся медали,
Чтоб не слышал спящий взвод.

Взвод стрелковый спит,
как мертвый,
Каждый пулею прошит,
С краю, кажется четвертый,
Иванов на скатке спит.

На руке его повязка,
Снять ее пока нельзя.
И сползает снова каска
На зеленые глаза.

Немцев выбили с пригорка.
Только вот какой ценой?
Знает только гимнастерка,
Выданная старшиной.

Завтра же из мирной стали
Там, где выжили сердца,
Свет на жизнь прольют медали,
Что положены бойцам.

— Что ты знаешь, «За отвагу»?
Иванов изранен весь,
Я же с ним входила в Прагу,
Лучше в душу мне не лезь.

Все равно, что к Иванову
Лезешь в душу, а сама

В лютой схватке под Ростовом
Видимо, сошла с ума.

Помолчи ты, «За отвагу»,
А не то разбудишь взвод.
Мы назад с тобой — ни шагу,
Шли под пулями вперед.

Мы к героизму лишь довесок,
Брали стойко города.
На груди нам хватит места.
Правда, «Красная звезда»?!

В МУЗЕЕ

В. С. Павлову

Музей Вооруженных Сил,
А в нем — Военная присяга.
Мой враг меня еще не бил,
И я назад не сделал шага.

В неслышном трепете знамен
Я представляю чьи-то лица,
И тысячи простых имен,
Закрывших намертво столицу.

Что ждет друзей моих потом,
Когда отпыхают речи!?

Стою и думаю о том
И даже расправляю плечи.

Вот что-то говорит комбат
Вот властный голос Левитана.
Вот я в объятиях ребят,
В музей шагающих с экрана.

Я им клянусь не подвести,
Когда тяжелый час случится.
И зажимаю страх в горсти,
И в сердце мужество стучится.

ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ

Над Поклонной горой порой
Свет такой, что темнеют очи:
То проходит курсантский строй
Под покровом осенней ночи.

И до неба блестят штыки,
И до неба окопы роят

Настоящие мужики,
Не отмеченные герои.

У Подольска свои права
И на вечность их, и на смелость,
Но куда бы без них Москва
Тою осенью страшной делась?!

НЕ СПИ, ПОКЛОННАЯ ГОРА!

Не спи, Поклонная гора,
Пока не стало в мире мира!
Летят горячие ветра,
И сотворяет мир кумира.

А в парке теплая листва
Уже прошедшего рассвета.

Стоят Россия и Москва,
А Сталинграда больше нету.

В чем этот город виноват,
За что ему одни проклятья?!
Стоит, забытый, как солдат,
Готовый броситься в объятия.

Не спи, Поклонная гора,
Тебе отсюда дали видно.
За наше славное вчера
Тебе, родимая, не стыдно.

Не спи, Поклонная гора,
Идут с тобой навстречу внуки,
Твое великое вчера
Они берут сегодня в руки.

МОЯ УЛИЦА

За рекой зарделись купола,
Над рекою раскричались утки.
И уже весеннего тепла
Просят невеселые маршrutки.

На конечной очередь растет,
Очередь машин у светофора.

Только по оврагам зацветет
Белая черемуха не скоро.

Пол-апреля, а вокруг — снега.
И когда появятся туманы?
Но тепло вбирают берега,
И цвести готовятся тюльпаны.

МАТЕРИ ПУШКИНА

Жизнь продута свежими ветрами,
Ржавью лет покрылся пистолет.
Нет стихов у Пушкина о маме,
Ну, ни строчки, ни полстрочки нет.

Где любовь к ней, чувственные грани,
Что потомкам мог бы передать?
Только няня в строчках, только няня,
Только, к сожалению, не мать.

ПУШКИН

Никто опровергать не станет,
Что в мире породнились с ним,
Что он любим в Афганистане
И в Эфиопии любим.

В любом ауле, в сакле, в хате,
В любой деревне и в селе

Ему любовью люди платят
За то, что свет дарил земле.

Он до сих пор не подражаем,
Он наше всё и наш запас.
Да что мы, разве возражаем,
Что он светлее сделал нас?!

ТРИКОЛОР

*Россия! Какое хорошее слово!
В нем и роса, и сила, и синее что-то.*
Сергей Есенин

Полотнище моей России,
Любимый с детства триколор.
В нем есть роса, и есть в нем сила,
И синий негасимый взор.

И солнце проступает ало
И обнимает белый цвет.

И быть единой не устала
Страна, вкусившая рассвет.

Заря восходит на востоке,
И этот ход не повернуть.
И внукам наступают сроки,
Чтобы продолжить русский путь.

ПОЭЗИЯ

Милена АЛЕКСИЧ

«ПОД СИНИМ КУПОЛОМ ВЕКОВ»

Милена Алексич — поэт, переводчик, литературный критик, преподаватель русского языка и литературы в гимназии г. Новый Сад, сотрудник Паневропейского университета в г. Бане-Луке. Автор книг прозы и поэзии, соавтор учебника по технике перевода генетически близких языков. **Живет в г. Новый Сад (Сербия).**

НЕБЕСНЫЙ ТКАЧ

В ночи бабьего лета,
в теплой, бархатной, поздней,
Небесный Ткач играет на станке,
как на лире.
Серебряные звуки пряжи
искристой, звездной
Дрожат, запряженные
в тихом ночном эфире.

Осенние звезды пахнут сладкой
спелой айвой,
И Ткач пахучие нитки вдевает
в лунный серп.
Для неба и для земли
он вышивает золотой,
Бархатный октябрьский покров,
на нем свой герб.

ПЛАТАН

Тот платан перед храмом
всегда мог все обнять:
И золотистый свет поздних
октябрьских дней,
И полнолуние, и звезд
искристую благодать,
И серебристый шепот тихих
осенних дождей.

В тени златолиственной
паутина светится.
Все мимолетное тут сразу
станет вечным,
Тут невозможное со своей
возможностью встретится,
Далекое станет близким,
бесконечное — конечным.

Все, что когда-либо явлено
было нам с Фрушкой-Горы¹,
Все, что можно было воспеть,
прославить стихами,
У всего этого есть тень
на стволе белокором,
Все это снова поет в сухой листве
под ногами.

¹ Фрушка-Гора — гора в Воеводине.

Вместе с птицами небеса на ветках гнездились,
Придунайские ветры, гоня над ними тучи, летели...
С них капал лунный свет, руки в нем золотились,
И ожерелья звезд долго на шее звенели.

СВ. СИМЕОНУ МИРОТОЧИВОМУ¹

Пока расплетали Твой погребальный покров,
Столетия становились Твоей золотой порфирой.
Ты источаешь свое благодатное миро —
Утешение всем, объатым скрежетом оков.

С раненных фресок текут капли благословенья.
Иконы над кивотом плетут нити эфира.
Ты источаешь свое благодатное миро —
За земные и небесные грехи молишь прощенья.

Под синим куполом много веков собралось,
И Твой кивот давно стал золотым потиром.
Пока Ты источаешь благодатное миро —
Мы знаем — наше «завтра» с Тобой уже началось.

СВЯТОМУ КОРОЛЮ СЕРБСКОМУ

Когда со своими братьями обнялся
Над кивотом Святого отца Симеона,
Голос всепрощенья радостно раздался
Под торжественные звуки перезвона,
Тогда в могилах все предки замолчали,
В Жиче² засветился свет из Хиландара³.
И только на стенах святые рыдали,
Узрев пепелище и огонь Врачара⁴.
Когда Ты, наш Первый, на царство венчался,
Под священной аркой стоя на коленях
Пред Христом, когда ты робко поклонялся
С пламенной молитвой о благословенье,
Из мягких теней сплетались арабески,
А из свеч катились капли жемчугов.
И только на стенах все грустили фрески,
Узрев все печали грядущих веков.

¹ Стефан Неманя, Великий князь, отец св. Саввы Сербского. Став монахом, вместе с сыном построил сербский монастырь Хиландар на Афоне. Причислен к лику святых вскоре после смерти, когда стал мироточивым. В монастыре Жича над его мощами помирились его сыновья Вукан и Стефан, ставший впоследствии первым королем Сербии.

² Жича — монастырь в Сербии, построенный св. Саввой Сербским, братом первого сербского короля Стефана. В монастыре св. Савва, приехавший с Афона, над привезенным им мощами их отца св. Симеона примирил братьев Стефана и Вукана, а потом, как первый архиепископ только что получившей независимость Сербской православной церкви, благословил брата Стефана на царствие.

³ Хиландар — монастырь на Афоне, основанный св. Саввой Сербским и его отцом св. Симеоном Мироточивым.

⁴ Часть Белграда, холм, на котором турки сожгли мощи св. Саввы Сербского.

ВИДОВ ДЕНЬ¹

Святой Лазарь, великий князь,
Ты видишь с Небес Вышних,
Какой гнев обрушился на нас?
Как нам принять без воплей лишних
Эту долю справедливую?
Как из сердец, помолившись,
Вынуть злость невыносимую?

И как нам заново родиться
И стать, как слезинка, чистыми,
Из лесного ключа напиться
И обнаружить под листьями
Зернышко молодой пшеницы,
Очистить сердца молитвами
И зарыть его во землю?

Чтобы дети у нас рождались
И, подобно лозе виноградной,
Солнечным соком наливались,
А на дороге безвозвратной
Именами витязей назывались.
Великий князь, как же нам жить,
Чтобы раны косовские исцелить?

ШКОЛЬНЫЙ КОЛОКОЛ²

Один митрополит блаженпочивший
Первый услышал во сне этот звон.
И Козачинский, в Карловцы ступивши,
Узнал далекий, совсем не слышный тон.

И Сабов Дмитрий видел сон о нем,
А эхо приснилось Патриарху Герману.
О звуке тайном, неясном таком
Сон явился также и к батюшке Стевану.

Прошло много лет прежде, чем блеснула
На осеннем солнце золотая медь,
Но во сне ее увидел Партош Джулла.
Так все сновидения и сбудутся впредь!

¹ День св. Вида, 28 июня. В этот день в 1379 г. на Косовом поле было сражение сербского войска, возглавляемого князем Лазарем, и турецкого, возглавляемого султаном Мурадом.

² Стоящий и по сей день колокол во дворе первой сербской гимназии, основанной в 1791 г. в Сремских Карловцах. В стихах упоминаются люди, имеющие самое непосредственное отношение к основанию и постройке гимназии, а также к первым годам ее работы: митрополит Стеван Стратимирович и Дмитрий Атанасиевич Сабов — основатели, Джулла Партош — архитектор; Григорий Анджелич (в монашестве — Герман), ставший патриархом и покровительствовавший гимназии, вместе с братом Стеваном Анджеличем, священником, Эммануил Козачинский — священник, педагог, общественный деятель и писатель, воспитанник Киево-Могилянской академии, один из первых преподавателей гимназии.

Годы приходят, уходят, он все еще звенит,
Мягкими, медными звуками века обаяв.
Паутиной и патиной давно уже покрыт
Уголок, где навеки встретились сон и явь.

СОЛЬВЕЙГ

Он лег на землю, укрывшись облаками,
И вдруг, метелью,
Гроздя ласковых, теплых звезд сами
На плечо слетели.

Эти прикосновения чистыми были,
Не могли обмануть:
Будто у него впервые глаза открылись
И он увидел путь!

По этому пути он мог бы вернуться к себе,
Себе самому,
Далеко от грехов, к лесной избе, где
Сольвейг поет ему.

ПЕРЕД КАРТИНАМИ ХУДОЖНИКА САВЫ СТОЙКОВА

Окаймленные рамами небеса растут, сходят со стены
И вселяются в наши глаза, делая их золотыми.
Серый быт, как маску, снимают с нас. И мы —
Уже другие. Небеса возвращаются в картины.

Рамы на стенах стонут: в них небосклоны нарастают,
Панонское море поднимается и с полотен, в тишине,
Зелеными водопадами картины медленно сползают —
В широкую, теплую струю радостно погружаемся все.

Мы долго стоим, затаив дыхание, к красоте прикоснувшись,
Слушая песню души, благословляя тот час,
Когда из своих рам и с белых стен рванувшись,
Свою благородную жизнь картины продолжили в нас.

БАБЬЕ ЛЕТО

С осенних праздничных свеч, похожих на балюстрады,
Скользят и рассыпаются теплого воска кораллы.
Вино, давно проснувшееся в синих сердцах винограда,
Уже начинает петь январские мадригалы.

Их чудное многоголосие долго качается в недрах,
Поют земля и небо, им подпевает солнце...
Будто за песни цыган, осень расточительно-щедро
Бросает на теплую землю листья золотой червонцы.

Камилла КУЗНЕЦОВА

ПАМЯТЬ О ПОЛЯРНЫХ КОНВОЯХ

*К 75-летию
Великой Победы*

Камилла Эдуардовна Кузнецова — окончила 1-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ) в 1956 году. Работала учителем в средней школе, 7 лет работала секретарем Санкт-Петербургской региональной общественной организации (СПб РОО) «Полярный конвой». Серьезно занимается историей декабризма, историей Российского флота, историей своего рода — рода кораблестроителей Тирнштейнов, имеет публикации по этим темам.

В конце марта 1999 г. совершенно неожиданно (по телефону) я получила приглашение работать секретарем в Санкт-Петербургской региональной общественной организации (СПб РОО) «Полярный конвой». Приглашение сделал незнакомый мне Александров Юрий Ефимович, капитан I ранга в отставке, возглавляющий эту организацию. К этому времени я уже несколько лет активно и серьезно занималась историей Беломорской военной флотилии Северного флота (БВФ СФ), где в годы Отечественной войны служил мой отец — капитан I ранга Эдуард Гансович Аугъяров. Я общалась с ветеранами-беломорцами и поняла, что этот звонок — неслучаен.

С благодарностью за оказанную мне честь (хотя и не сразу) я приняла предложение — в память о моем отце — и начала свою многолетнюю работу в этой замечательной ветеранской организации, искренне отдавая силы, знания и душевное тепло на пользу делу и ветеранам флота, получая от них в ответ понимание и глубокое уважение.

И в канун 75-летия Великой Победы нашего народа над фашизмом считаю своим долгом рассказать о сути Полярных конвоев во время войны и о создании организации «Полярный конвой» в нашем городе, а также — о вкладе в Великую Победу тех моряков-североморцев и наших союзников, с кем мне выпала честь познакомиться и общаться в Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Полярный конвой».

Я познакомилась со многими замечательными моряками, прошедшими суровые испытания на штормовых «дорогах» Севера. Мне по-

счастливилось встретить четверых сослуживцев отца. Они поделились своими главными впечатлениями о нем как о человеке («сдержан, обязателен, надежен»), и каждый вспомнил какие-то небольшие, но важные и запомнившиеся эпизоды их контактов. Я бесконечно благодарна этим пожилым мужчинам за их хорошую память! Для меня эти общения с беломорцами были, пожалуй, первым значимым и очень важным прикосновением к военной истории на суровом Севере в годы войны.

Потряс меня взволнованный рассказ 88-летнего ветерана Константина Александровича Егорова о том, как в конвое PQ-18 (первом после трагедии предыдущего — PQ-17) на пути из Исландии в Архангельск был торпедирован и тонул пароход «Сталинград» (капитан — А. Н. Сахаров). На этом транспорте — в своем третьем конвойном плавании — возвращался капитан-лейтенант Егоров, «военным комендантом судна» (по судовой роли — дублером капитана), выполнив приказание командующего БВФ вице-адмирала Г. А. Степанова — «возможно полнее ознакомиться с организацией проведения конвоев в Англию и обратно в Советский Союз».

Утром трагического дня 13 сентября 1942 г. конвой двигался своим походным порядком в 10 колонн (10 по 4), справа — норвежский берег, занятый немцами. Наши транспорта «Сталинград» и «Сухона» — в правой колонне... *«Вахтенный громко крикнул: “С правого борта пузыри!” Через 20-25 секунд раздался оглушительный взрыв. Торпеда попала в машинное отделение, оттуда повалил пар и угольная пыль... О заделке пробоины пластырем, о чем мы накануне говорили с капитаном, не могло быть и речи... Судно быстро тонуло, уже ушла под воду палуба... Я оказался в воде, в этот момент что-то навалилось мне на плечи — очевидно, это был привальный брус шлюпки — и я стал тонуть... Уже под водой у меня мелькнула мысль: “Неужели это конец?”, я непроизвольно открыл рот и хлебнул изрядный глоток гренландской воды... Какая-то сила выбросила меня наверх. Неожиданно я увидел над собой свет. Небо!.. Вздыхнул... Заметив недалеко перевернутую шлюпку с несколькими людьми наверху, подплыл к ней и схватился за спасательный леер. С противоположного борта к шлюпке подошел «англичанин» (небольшой деревянный тральщик-спасатель), сняв людей, отошел... Меня не заметили... Из последних сил мне удалось взобраться на шлюпку — и это спасло мне жизнь. Меня заметили с другого тральщика, на ходу сильные руки матросов подхватили меня...»* Спасатели приняли все необходимые меры: дали — как всем спасенным — чашку рома, пару теплого белья, огромные резиновые сапоги (фетровые бурки Егорова, тоже огромные, сорвало в водовороте). Его ватные брюки, в которых находился дневник (все записи делал нехимическим карандашом), китель и спасательный капковый жилет высохли на горячих решетках в машинном отделении. *«Переоделся в свою форму. Остановившиеся часы на моей руке показывали 8:25. Через некоторое время я перешел на эскадренный тральщик “Харриер”...»* На нем капитан-лейтенант Егоров пережил во второй половине этого же дня атаку немецких торпедоносцев. *«Из восьми судов 9-й и 10-й колонн осталось одно судно... Один из торпедоносцев шел прямо на тральщик “Харриер”, но, встретив ураганный огонь, внезапно сел на воду не далее полумили от нас. Очевидно, был подбит. Летчики вылезли на крылья самолета, но их не стали подбирать. “Юнкерс” “полетел” на дно... Командир*

“Харриера” был невозмутим, только неизменная трубка слегка дрожала в плотно сжатых зубах, да изредка раздавались отрывистые слова команды». К вечеру атаки подводных лодок и торпедоносцев прекратились. Все это Егоров наблюдал, находясь — с разрешения командира тральщика — на мостике. Конвой потерял в тот трагический день 11 транспортов (в том числе — два советских — п/х «Сталинград» и п/х «Сухона»). Именно за транспортами (груз!) «охотились» немецкие воздушные и подводные стервятники. Только с одним транспортом — п/х «Сталинград» — на дно ушли, не дойдя до СССР: 18 танков. 350 т олова, порох, мелкокалиберный боезапас, бурильные машины, самолеты на люках... Дневник, в котором сделана была запись в тот день в 8 часов утра (координаты, волнение моря, сила и направление ветра, температура воздуха и воды), Константин Александрович мне показал и даже позволил полистать. Помнится, мои руки дрожали от волнения... После войны семья Егоровых отмечала два дня его рождения, второй — 13 сентября...

Я спросила Константина Александровича, записано ли все, о чем он сегодня рассказывал. Услышав «Нет!», позволила себе выразить сожаление. Но, вероятно, моя реакция и вопрос послужили толчком: пожилой человек взялся за перо и оставил нам, потомкам, все, что крепко держала его память столько лет! Во всяком случае, за год до начала моей работы в РОО «Полярный конвой» его воспоминания об участии «В трех арктических конвоях» уже были им написаны. А точнее — продиктованы им дочери (отказало зрение), и записаны Татьяной Константиновной.

В послевоенные годы холодной войны тема военно-экономического сотрудничества Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции не имела широкого освещения и многим была фактически неизвестна. Толчком явилось празднование в 1991 г. 50-летия прибытия в Архангельск 31 августа 1941 г. первого конвоя союзников «Дервиш» (PQ-0) с помощью по ленд-лизу.

СПРАВКА: Сразу после нападения фашистской Германии на Советский Союз руководители западных стран — У. Черчилль и Ф. Рузвельт — заявили о своей поддержке нашей страны в борьбе против нацизма. И были заключены официальные соглашения о Совместных действиях и взаимной помощи в войне против фашистской Германии и о товарообороте. Был создан «некий “резервуар Победы”, куда каждый вкладывал то, чем был богат, и оттуда брал то, чего ему не хватало. Великобритания располагала огромной военно-морской базой и обеспечивала ею своих союзников. США являлись экономической базой коалиции. Советский Союз ломал становой хребет военной машины Германии — ее сухопутным войскам...»¹. Поставки шли по ленд-лизу («взаимы — в аренду»). Оружие (танки, самолеты, корабли, взрывчатка, топливо) занимало 1/3 объема поставок; остальная часть — материалы, сырье и оборудование для налаживания собственного военного производства; значительная часть поставок — продовольствие (для армии и населения).

Из трех путей доставки (через Дальний Восток, через Каспийское море и вокруг Скандинавии, занятой немцами, — в Архангельск и Мурманск) север-

¹ Платонов А. В. Война в арктических морях 1941–1945 гг. СПб., 2010.

ный путь был самым коротким, быстрым (10-12 дней, но и самым опасным. Конвой по ленд-лизу шли к нам — PQ -..., от нас — со стратегическим сырьем — QP-... (с декабря 1942 1945 — другие аббревиатуры). «Показателем тяжелейшей для нас 1941 год: конвои в Архангельск и Мурманск PQ-0 — PQ-6 доставили 153 977 тонн грузов, обратные конвои QP-1 — QP-4 вывезли 136 000 тонн ценной древесины, руды редких металлов, химикатов. Это — блестящий пример делового сотрудничества наших стран»¹.

Не случайным было — в год 50-летия Победы над фашистской Германией — образование Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Полярный конвой» во главе с председателем президиума — капитаном I ранга в отставке Александровым Юрием Ефимовичем (зарегистрирована 29 декабря 1995 г.). «Главными задачами своей деятельности члены организации «Полярный конвой» провозгласили увековечение памяти о боевом сотрудничестве стран антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, пропаганду истории Северных конвоев 1941–1945 гг., всемерное попечение о ныне здравствующих и семьях погибших участников конвоев, организацию акций примирения бывших противников ради укрепления мира на Земле и активную военно-патриотическую воспитательную работу с молодежью города» (Ю. Е. Александров).

Справедливо будет назвать тех, кто стоял у истоков СПб РОО «Полярный конвой» и при его «первых шагах»: контр-адмиралы В. А. Солодов и А. В. Петерсон, капитаны I ранга Ю. Е. Александров, В. М. Ахутин, С. В. Апрельев, Г. А. Веледеев, В. Н. Каштанов, И. В. Козырь, А. В. Платонов, Г. Г. Поляков, К. М. Сергеев, А. Г. Уваров и писатель-маринист Г. А. Черкашин. С самого начала организацию поддерживали моряки Главного Управления навигации и океанографии (ГУНиО) МО РФ и ветераны-североморцы-беломорцы во главе с председателем Объединенного Совета ветеранов КСФ капитаном I ранга Б. С. Борисовым (первый коллективный член). Впоследствии ряды членов нашей организации пополнились многочисленными ветеранами Морфлота, ледокола «Ермак» и полярниками. 15-18 лет назад 90-летними пришли в «Полярный конвой» всего несколько человек, уже зрелыми по возрасту вступившие в войну. Это — полковник Аркадий Тимофеевич Лаврович, 1907 г.р., редактор газеты БВФ «Северная вахта»; капитаны I ранга: Александр Гурьевич Панкратов, 1913 г.р., участник ВОВ под Сталинградом, на Севере и войны с Японией на востоке, и Николай Никифорович Козлов, 1909 г.р., флагманский механик бригады подводных лодок СФ; Осип Юльевич Деграве, 1912 г.р. — стрелок-радист ВВС СФ; Израиль Исаакович Левинсон, 1915 г.р., подполковник и Алексей Сергеевич Гусев, 1915 г.р., полковник — летчики Сафоновского полка на Севере; капитан I ранга Борис Иванович Комиссаров, 1915 г.р. — участник Таллинского перехода, инженер по артиллерийскому вооружению и приборам управления стрельбой Штаба БВФ, занимавшийся вооружением судов для конвоев и ЭОН (экспедиций особого назначения) по трассе Севморпути и другие.

Свою деятельность организация «Полярный конвой» проводит в тесном взаимодействии не только с отечественными ветеранскими организациями Архангельска («Братство северных конвоев») и Мурманска, но и с зару-

¹ Платонов А. В. Война в арктических морях 1941–1945 гг. СПб., 2010.

бежными — Англии, США, Канады, Исландии и Норвегии. Неоценимую поддержку и помощь оказывают представители Законодательного собрания и Администрации Петербурга, а также командование Ленинградской Военно-Морской базы и деловые круги города.

Работая над этой статьей, мне хотелось рассказать хотя бы кратко о каждом из этих мужественных, преданных Родине людей, в трудных условиях делом доказавших ей свою любовь... Увы, боюсь, мне этого не удастся сделать. Но постараюсь, обратившись и к их «Воспоминаниям» (в двух сборниках, изданных «Полярным конвоем»).

Так начал свои воспоминания А. А. Бачурин, кочегар парохода «Вытегра», начавший свою моряцкую жизнь с 16 лет, эвакуированный в 1942 г. из блокадного Ленинграда в Кировскую область. Добровольцем попал он по комсомольскому набору на Северный флот, прошел месячное обучение под Архангельском и был направлен в Северное Государственное Морское пароходство «кочегаром I класса» на п/х «Унжа». *«Меня и еще одного доходягу определили работать угольщиками, на две вахты. За свою вахту я должен был обеспечить кочегаров углем и поднять вручную на палубы три раза по 60 кадок шлака. Во время краткосрочных стоянок учился стоять вахты у котла. Вот так постепенно я и стал настоящим кочегаром первого класса морского флота, и думаю — вполне приличным.*

Касаясь быта и обеспечения: это — неважный паек, никакого обмундирования, кроме робы, оклад — почти весь уходил на “военный заем”, “танковые колонны” и т. д. Но жизнь на судне проходила как-то само-забвенно, без приказов, на одном порыве — так надо и все!» Этот отрывок я взяла специально для сегодняшних молодых людей...

Дальше Алексей Алексеевич рассказал несколько эпизодов из своего плавания на пароходах «Унжа» и «Вытегра» (с 1943 г.) — на Новую Землю — мыс Желания, где немцы уничтожили полярную станцию, обеспечивавшую проход северных конвоев, ее срочно требовалось восстановить оборудованием и обслуживающим персоналом; плавание в Карском море — к пос. Амдерма — обеспечить углем и забрать плавиковую руду — на Архангельск, бомбежки, ураган; плавания на п-ов Рыбачий — доставка блокированным там нашим войскам военного снаряжения и живой силы. *«...Нам надо было в безлунную ночь проскочить незамеченными Мотовским заливом между Рыбачьим и материком, мимо Титовки, где были немцы, и, прикрываясь дымовой завесой, разгрузиться. Рейс этот был столь же важен, как и опасен. Однако, благодаря опыту и мастерству капитана судна Чернявского, мы совершили несколько рейсов, притом — благополучно».*

Вторгшиеся на нашу землю 22 июня 1941 года без объявления войны полчища германской армии быстро продвигались на восток и в сторону Ленинграда. И очень скоро в опасности оказался наш Балтийский флот, основные силы и штаб которого были размещены в прибалтийских водах, на побережье и островах. Инженер-капитан Б. И. Комиссаров (после окончания Военно-морской академии) начал свою службу с ноября 1940 г. в Палдиски в штабе береговой обороны Главной базы КБФ инженером по приборам управления стрельбой. *«В связи с непосредственной опасно-*

стью захвата базы в Палдиски 28 августа 1941 г. — во время дежурства инженера-капитана Б. И. Комиссарова — поступило распоряжение об эвакуации Главной базы и уничтожении складов горючего, вооружения и другой техники...» — начал свои воспоминания Борис Иванович. Об эвакуации войск из Главной базы флота и перебазировании кораблей КБФ из Таллина в Кронштадт написано за эти годы много. Я же хочу вспомнить в этой статье тех моряков, кто совершил этот адский переход по заминированным водам Балтики, оба берега которой уже были заняты немцами, кто остался жив, продолжил воевать с врагом уже на Севере, а 60 лет спустя вступил в ряды «Полярного конвоя» в Петербурге.

Это — капитаны I ранга Борис Иванович Комиссаров, вышедший из Палдиски на транспорте «Балхаш», и Александр Иванович Лукин, помощник командира и штурман тихоходного ТЩ-42 охраны водного района (ОВРа) КБФ (только что окончивший Высшее военно-морское училище им. Фрунзе). Третий — Георгий Митрофанович Абросимов, тогда — старпом на транспорте «Серп и молот». Из троих — первым, кто взялся за перо еще в 1980-е годы, был Г. М. Абросимов. Свои воспоминания он назвал «Путь на Голгофу»... И в 2000-е годы, уже 90-летним стариком, рассказывал о том переходе, и чувствовалось, что он переживает все заново.

«С потерей Главной военно-морской базы в Таллине ВМБ Ханко оказалась в глубоком тылу противника. Поэтому, учитывая тяжелую обстановку на сухопутном фронте южного и северного побережья Финского залива, было решено эвакуировать ВМБ с полуострова Ханко морским путем», — пишет Александр Иванович Лукин. И далее подробнее рассказывает о том, как, какими судами и в каких тяжелейших условиях проходила эвакуация гарнизона базы, практически начавшаяся 23 октября и закончившаяся в Кронштадте 15 декабря 1941 г., операция, которая не смогла бы закончиться благополучно без активнейшего участия легендарного ледокола «Ермак».

Хочу завершить эту кратко изложенную тему отрывком из статьи историографа флота и СПб РОО «Полярный конвой» капитана I ранга И. В. Козыря. Статья «Три дня и еще четверть века из жизни капитана I ранга Комиссарова» написана им к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне и начинается словами:

«Историки до сих пор спорят: считать ли Таллинский переход Балтийского флота 28-30 августа 1941 года успешно проведенной операцией или одной из величайших трагедий в истории Российского флота, обернувшейся потерей 18 тысяч человек. Может быть, истина посередине? Ведь большая часть боевых кораблей пришла в Кронштадт, а военные и торговые моряки достойно выполнили свой долг перед Родиной, проявив мужество и стойкость перед лицом смертельной опасности.

Воспоминаниями об этих днях и других замечательных эпизодах своей почти 40-летней службы поделился капитан I ранга Борис Иванович Комиссаров. Давно уже 95-летний ветеран снят с учета как офицер запаса, но до сих пор стоят на вооружении кораблей ВМФ России ракетные комплексы, в конструкции которых нашел воплощение его боевой опыт, обретенный в годы в Великой Отечественной войны... На мой вопрос: «Разделяете ли Вы, Борис Иванович, мнение о том, что Таллинский переход является катастрофой?» — он уверенно отвечает: «Нет,

с этим я согласиться не могу. Мы знали о грозящей нам минной опасности и всех трудностях, связанных с осуществлением этой операции. Да, потери были велики, но моральное состояние личного состава флота осталось крепким, и мы смогли это доказать на переходе и в последующих боях. Штаб КБФ и командующий флотом вице-адмирал Трибуц сделали все возможное в сложившихся обстоятельствах с имеющимися в их распоряжении средствами»...

Вспомнив об участии в войне на Балтике ледокола «Ермак», о его беспримерных «16 огненных рейсах 41-го года» между Ленинградом и Кронштадтом, о проводке им трех колонн малотоннажных кораблей и судов со спасенными ханковцами от Гогланда в Кронштадт в суровых условиях скованного льдом Финского залива, под обстрелом немецкой авиации, при постоянной минной опасности (и даже — подрыве на заложенной немцами в снег — привезенной на санках! — mine), с уважением и благодарностью хочу назвать имена тех моряков, кто служил в те годы на «Ермаке» и кто 60 лет спустя вступил в Петербурге в ветеранский «Полярный конвой». Это — механики, машинисты и кочегары В. В. Волков и А. А. Гуляев, В. Е. Константинов и дневальная-буфетчица В. С. Слышкина, юнги Б. В. Трепцов, А. А. Королев, В. А. Померанцев, В. А. Чеков, В. А. Моханкевич. В год 100-летия ледокола «Ермак» Борис Кириллович Егунов, Евгений Петрович Дударев и Борис Владимирович Трепцов собрали через газету и радио 48 ветеранов-«ермаковцев». При непосредственной поддержке и помощи легендарного полярника Виктора Ильича Боярского, директора Музея Арктики и Антарктики, там состоялась 5 марта 1999 г. встреча «ермаковцев», положившая начало традиционным встречам, а через год, по предложению почетного полярника, члена СПб РОО «Полярный конвой» Валентина Валентиновича Дремлюга они коллективно вступили в нашу организацию. Так по праву пополнились наши ряды моряками, отдавшими службе на полярных морях немало лет жизни. И в одном из сборников «Воспоминаний» есть две статьи ветеранов-«ермаковцев».

Среди изданных «Полярным конвоем» книг среди воспоминаний ветеранов есть и — небольшая, но очень интересная книжка с интригующим названием «Неизвестный архипелаг» (2001). Она посвящена описанию историко-спортивной **экспедиции** команды «Север» из Екатеринбурга (коллективного члена СПб РОО «Полярный конвой»), совершенной к местам трагедии, разыгравшейся у берегов Новой Земли после разгрома союзнического конвоя PQ-17 в июле 1942 года. Здесь пытались найти спасение немногие уцелевшие суда этого конвоя и те моряки, кому удалось добраться до скалистых берегов архипелага на спасательных шлюпках и плотах. Участники этой экспедиции — члены историко-спортивной экспедиции команды «Север» — совершили в течение 20 лет много высокоширотных экспедиций по труднодоступным территориям нашей страны. Эту — на Новую Землю в 2000 г. — они посвятили героической эпопее Северных конвоев 1941–1945 гг. и 55-й годовщине Победы над германским фашизмом. Однако осуществить свои планы им было совсем не просто, т. к. «маршрут проходил через районы испытаний ядерного оружия в период “холодной войны”, ставшие надолго закрытыми для посещения учеными и тури-

стами. Здесь, как нельзя кстати, оказалась помощь СПб РОО «Полярный конвой», поддерживающей тесные дружеские и шефские отношения с командованием Северного флота и частями, где когда-то служили ветераны-североморцы... Участники похода в трудных природно-климатических условиях прошли от полуострова Гусиная Земля до залива Пухового и вернулись обратно к Губе Белушья»¹. И здесь, в поселке Губа Белушья, состоялось открытие мемориальной доски, которую члены команды «Север» и представитель СПб РОО «Полярный конвой» С. В. Апрелев привезли с собой. Мемориальная плита была безвозмездно изготовлена в Санкт-Петербурге на предприятии «Адмиралтейские верфи» и в торжественной обстановке передана членам «Полярного конвоя» и команды «Север», приглашенным в Смольный накануне отлета на север. Кстати, в Смольный был также приглашен и выступил консул английской дипломатической миссии в СПб.

Текст доски краток:

*В 55-годовщину Победы
над германским фашизмом
«Морякам конвоя PQ-17
Тем, кто нашел спасение на Новой Земле,
И тем, кто навеки остался в Баренцевом море».*

Лыжники посетили практически все места на побережье Новой земли, где высаживались спасшиеся моряки конвоя, и сумели снять увлекательный и познавательный фильм «По следам конвоя PQ-17».

Продолжению серьезных планов организации «Полярный конвой» в отношении поисков затонувших кораблей и судов конвоев периода войны суждено было — несмотря на немалые трудности — осуществиться несколько позже. Так, 11 июля 2003 г. начался международный поход-экспедиция к Новой Земле на борту ГИСУ «Сенеж» КСФ. Руководителем этого похода (и следующего — 2005 г. — в акваторию Кольского залива) был заместитель председателя президиума РОО «Полярный конвой», заслуженный военный гидрограф, контр-адмирал В. А. Солодов. На борту ГИСУ «Сенеж» находились ветераны конвоев разных стран и национальностей: петербуржцы капитан I ранга А. Л. Лифшиц, А. А. Нахимовский (п/х «Моссовет») и мурманчанин Е. Е. Яковлев, британский ветеран Билл Лоуз, канадские ветераны торгового флота Хил Вилсон и Роберт Фейрли, а также германский ветеран II Мировой войны, участник боевых действий Люфтваффе в Арктике (за что и отсидел в наших лагерях 10 лет) полковник Хайо Херман. В походе 2005 г. на ГИСУ «Визир» КСФ принимал участие ветеран северных конвоев из Исландии Петур Олафссон. Оба похода-экспедиции были организованы СПб РОО «Полярный конвой», а поддержаны — буквально «всем миром»: Администрацией и Законодательным собранием Петербурга, Главкомом ВМФ, Гидрографической службой Северного флота и Всероссийским НИИ им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ).

Морские геологи под руководством д.т.н. М. А. Спиридонова и д.г.н. А. М. Городницкого провели поиски и обнаружили на дне в районе Новой

¹ Из предисловия В. Дремлюги.

Земли два транспорта конвоя PQ-17 «Олопана» и «Алкоа Рейнджер», а на подходах к Кольскому заливу(2005) — британский корвет, германскую подводную лодку и американский транспорт. Таким образом, «...стали известны точные координаты затонувших судов, их состояние и национальная принадлежность, состав и состояние грузов и степень их влияния на экологию водной среды акватории. Опробованы современные методы и технические средства сонарной донной съемки, магнитной градиентной съемки, подводной съемки с использованием телеуправляемой аппаратуры»¹.

Серьезный геолог-океанолог, профессор и известный бард А. М. Горюничский посвятил этому походу целую поэму — «Полярный конвой 2003».

*Крики чаек сливаются в общем хоре.
Ветеранам военные будни снятся.
Мы идем через Баренцево море
По следам конвоя PQ-17...*

*...Здесь моих соотечественников трое,
Англичанин, немец и два канадца.
Их свела воедино судьба конвоя,
Рокового конвоя PQ-17...*

После «Таллинского перехода» — во 2-й части своих «Воспоминаний» — капитан I ранга А. И. Лукин повествует: «В кампанию 1942 г., в должности командира тральщика ТЩ-42, принимал участие в решении задач: траление подходных фарватеров к ВМБ Кронштадт, фарватера Кронштадт — о. Сескар — о. Лавенсаари, снабжение этих островов военным имуществом, личным составом и горючим для самолетов, а также обеспечение выходов подводных лодок на коммуникации Балтийского моря и их возвращения».

СПРАВКА: В начале 1943 г. по программе ленд-лиза в США началась постройка 10 единиц морских тральщиков (ТЩ) и 12 больших противолодочных катеров (БО) для действующего Северного флота. Строились они бесплатно, но с условием: оставшиеся после боевых действий корабли должны быть возвращены США. Экипажи этих кораблей (ТЩ и БО) формировались на флотах СССР, отправлялись в США и там по мере постройки кораблей изучали их устройство, механизмы и приборы по своим специальностям. Командный состав, кроме того, обучался (на тренажерах) боевому использованию оружия. Тральщики обладали большой дальностью плавания, высокой мореходностью, имели на вооружении новейшее тральное оборудование... и противолодочное вооружение. Фактически — противолодочные комплексы, включающие в себя средства наблюдения, уничтожения и управления стрельбой... Подобных комплексов в то время на нашем флоте не было... Все это давало возможность успешно использовать их на обширных просторах Баренцева и Карского морей для решения задач,

¹ Солодов В. А. Полярный конвой в плавании... 2006.

в том числе — и для охранения конвоев, как с запада союзнических, так и с востока внутренних... По мере окончания строительства, 4 группами (по 2-3 ТЩ и 3 БО) совершили переход через Атлантику в Кольский залив и вошли в состав Северного флота. Корабли немедленно вступали в активные боевые действия.

Александр Иванович Лукин дал развернутую хронологию участия 6-го дивизиона тральщиков Северного флота «американских тральщиков» — АМ — «амики», как их называли в войну в кампаниях 1943–1945 годов. Начав службу помощником командира ТЩ-117, закончил войну его командиром. И его «Воспоминания» напоминают четкий отчет командира — когда, где, сколько, выводы... Я хотела бы выделить из всего написанного — кампанию 1944 года.

«В течение кампании 1944 года ТЩ-117 принял участие в охранении 27 конвоев (около 140 судов). Из них 10 союзнических (около 80 судов) и 17 внутренних конвоев». Александр Иванович называет тральщики 6-го дивизиона, а также эсминцы и БО, с которыми вместе входили в охранение конвоев: ТЩ-111, ТЩ-113, ТЩ-114, ТЩ-115, ТЩ-119, ТЩ-120 (т. е. почти все), эсминцы «Гремящий», «Разумный», «Громкий», «Разъяренный», лидер «Баку», «Урицкий», «Достойный», «Дерзкий», «Деятельный», а также называет наши суда, которые ТЩ-117 конвоировал по разным маршрутам от Кольского залива до о. Диксон и пролива Вилькицкого.

60 лет спустя после описываемых событий в нашем «Полярном конвое» встретились многие моряки с названных кораблей и судов, в войну участвовавшие в одних боевых операциях...

А сейчас — **о конвое БД-5** (Белое море — Диксон) в составе — транспорт «Марина Раскова» (с грузом — более 6500 тонн и пассажирами 354 человека, в т. ч. 124 женщины и 16 детей — семьи зимовщиков, строители и т. д.), в охранении ТЩ-118 (с походным штабом на борту), ТЩ-114 и ТЩ-116. Конвой вышел из Архангельска 8 августа, а вечером около 20 часов 12 августа в Карском море в 60 милях западнее о. Белый раздался взрыв, и транспорт «Марина Раскова» потерял ход. Подводный глухой взрыв, похожий на привычный взрыв мины. «Попали на минное поле», — так и было решено (минная опасность считалась на тот период основной). Головной ТЩ-118, развернувшись, направился к транспорту и был уже на подходе, как вдруг *«в его кормовой части произошел сильный взрыв, и он начал быстро оседать на корму».*

Началась спасательная операция — с транспорта «Марина Раскова» и с быстро тонущего тральщика ТЩ-118 на все имеющиеся плавсредства силами экипажей двух оставшихся тральщиков ТЩ-114 и ТЩ-116... Около часа ночи 13 августа раздался третий взрыв, и переполненный людьми (в основном, женщинами и детьми) ТЩ-114 за считанные минуты скрылся под водой... На плаву остались: транспорт «Марина Раскова», переполненный ранеными и спасенными тральщик ТЩ-116 и все спущенные с «Марины Расковой» и тральщиков спасательные плавсредства с людьми — пассажирами, членами команд транспорта и экипажей тральщиков. К этому времени уже замечен перископ подводной лодки, что доложено было командиру ТЩ-116. Развернувшись, ТЩ-116 на скорости стал уходить... Спустя

короткое время раздались подряд два оглушительных взрыва, и транспорт «Марина Раскова» (водоизмещением 9000 т) ушел на дно. А через несколько минут в позиционное положение всплыла подводная лодка и, пройдя между оставшимися на воде шлюпками, вельботами, кунгасом, плотиками с людьми, ушла из района атаки в сторону ТЩ-116. Начинался шторм...

«В конце лета 1944 г. немецкое командование сосредоточило усилия своих подводных сил на нарушении советской арктической коммуникации. Конечно же, немцы не случайно сконцентрировали усилия здесь: им необходимо было нарушить подвоз ресурсов, прежде всего, стратегических грузов от союзников... С этой целью противник развернул в Карское море тактическую группу “Грайф” в составе 6 подводных лодок, которые действовали как одиночно, так и в составе “волчьих стай”. Немецкие подводники достигли некоторых результатов, но не цели полностью»¹. «На вооружение этих подводных лодок поступило новое оружие — акустические торпеды, самонаводящиеся на шум работающих винтов атакуемых кораблей и судов. К сожалению, мы об этом новом грозном оружии ничего не знали» (А. И. Лукин).

И 12-13 августа 1944 г. в Карском море у о. Белый это оружие было применено немецкими подводниками впервые. Конвой БД-5 закончился «трагедией в Карском море». Именно так называют свои публикации все авторы, кто пишет об этом конвое. Лично мне эта тема тоже очень близка, т. к. мой отец участвовал в этом конвое, и я изучала эту тему по архивным документам Центрального военно-морского архива, архивов в Москве и Архангельске.

Причастным в этой трагедии оказался и ТЩ-117. По получении в Архангельске в Штабе БВФ сообщения от командира ТЩ-116 о случившемся у о. Белый, именно ТЩ-117 и три БО были отправлены тотчас на Диксон. В Хабарово (пролив Югорский Шар) 13 августа уже пришел ТЩ-116 со 186 спасенными людьми с погибших тральщиков, и большую часть из них ТЩ-117 и два БО доставили из Хабарово на Диксон — в Карскую военноморскую базу. Спасательная операция пассажиров с транспорта «Марина Раскова» в Карском море продолжалась до 3 сентября.

1-го сентября 2001 г. по набережной Васильевского острова Петербурга впервые состоялось шествие ветеранов «Полярного конвоя» (от Академии художеств до л/к «Красин»). В белых клубных беретах с эмблемой (продолжение традиции англичан) торжественные, подтянутые (хотя некоторые и с тросточками), в орденах и медалях, ветераны прошли, стараясь держать шаг, в сопровождении знаменной группы, оркестра и колонны курсантов Высшего Военно-морского училища им. Фрунзе (ныне — Корпуса им. Петра Великого), которое многие из них окончили в разное время. Этим прохождением в честь 60-летия прибытия I-го конвоя «Дервиш» была заложена традиция отмечать этот день как **«День конвоев»**. Кстати, с этого дня начинался (и успешно продолжался несколько лет) в школах Васильевского острова конкурс, посвященный истории и роли полярных конвоев во время войны. Традицию шествия поддерживали несколько лет, пока позволяло здоровье ветеранов. И сейчас, глядя на фотографии «первого парада»

¹ Комаров М. П., Указ. соч.

Шествие ветеранов Полярного конвоя

(сделанные мною), вспоминаю и мысленно разговариваю с теми, кого запечатлел объектив.

Вот беломорцы: старший лейтенант **М. А. Авазбакиев**, с 1943 г. воевавший на тральщиках БВФ, а с 1998 г. принявший руководство Советом ветеранов Беломорской флотилии; идут женщины административной группы флотилии: **В. Д. Королева**, **Г. Е. Кузнецова** и **А. П. Ячменева**. Анна Прокопьевна в штабе БВФ занималась вопросами комплектования Соловецкой школы юнг. Полковник **И. В. Цимбаревич** в войну плавал матросом на ЭМ «Карл Либкнехт», после войны окончил Академию связи, в «Полярном конвое» в течение нескольких лет скрупулезно составлял «Хронику полярных конвоев 1941—1945 гг.» **Н. Г. Мухин** проходил службу на кораблях и в частях СФ, как офицер связи (аэродром Ягодник, Архангельск) участвовал в операции английских ВВС против немецкого линкора «Тирпиц».

Трижды успел принять участие в прохождении по набережной Невы в «День конвоев» последний «сибиряковец» в стране — **Михаил Федорович Сараев**, главстаршина радистов, парторг легендарного ледокольного парохода «А. Сибиряков». Это благодаря ему, в конце августа 1942 г. пославшему открытым текстом радиограмму о нахождении в Карском море грозного врага — тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», — была отведена опасность от каравана наших судов в проливе Вилькицкого, на уничтожение которого торопился «Адмирал Шеер».

Израиль Исаакович Левинсон окончил перед войной ВВМУ им. Фрунзе и Ейское летное училище. Службу на Черноморском флоте начал как летчик морской авиации. Первое боевое задание 23 июня 1941 г. (!) было успешно выполнено — его эскадрилья разбомбила нефтетерминалы румынского г. Констанца, горевшие несколько дней.

Константин Михайлович Сергеев, 1920 г. р., после досрочного окончания ВВМИУ им. Дзержинского в октябре 1941 г. был направлен инже-

нер-механиком в Каспийскую, затем Волжскую военную флотилию (ВВФ). С конца 1942 г. К. М. Сергеев воевал на подводных лодках (ПЛ) Северного флота. С мая 1943 г. Константин Михайлович — командир моторной группы крейсерской Краснознаменной ПЛ К-21 (командир — Герой Советского Союза Н. А. Лунин). Участвовал в 3 из 12 боевых походов ПЛ.

Александра Васильевна Никитина, 1923 г. р., студенткой Архангельского Морского техникума проходила практику «матросом 2 класса» на п/х «Мста», с началом войны — снабженческими рейсами на зимующие станции. С июля 1942 г. — на п/х «Аркос», который должен был в составе каравана (конвоя) идти на запад. Обстановка (вторжение немецкого крейсера «Адмирал Шеер» в Карское море) задержала наши суда на Новой Земле, и оттуда на Исландию они уходили в одиночку — каждый день по одному без охранения, — «капельными рейсами»...

Анатолий Львович Лифшиц, 1918 г. р., капитан I ранга, доктор военно-морских наук, профессор, кавалер 24 правительственных наград. На военную долю Анатолия Львовича, окончившего ВВМУ им. Фрунзе в 1941 г., выпала служба на эсминцах СФ «Гремящий» (первый Гвардейский корабль Северного флота) и «Разумный», участие в охране 23 союзнических и 20 внутренних конвоев. В течение войны штурман А. Л. Лифшиц *«участвовал в 88 боевых походах, при конвоировании 303 транспортов союзников и 38 советских транспортов, в охране поврежденного английского крейсера “Эдинбург”, в 15 атаках подводных лодок противника, в ходе которых 2 были потоплены и 2 повреждены. Он участвовал в обстреле немецких позиций в Северной Норвегии в 1941 году и при освобождении Заполярья в 1945 г. Непосредственный участник спасения 40 английских моряков конвоя PQ-17».*

В преддверье 70-летия Великой Победы и 20-летия СПб РОО «Полярный конвой» в Петербурге 31 августа 2014 г. был торжественно открыт **монумент «Памяти моряков полярных конвоев 1941–1945 гг.»** Он установлен перед зданием Морского колледжа, открыт в присутствии губернатора, почетных гостей и общественности города. Почетными гостями была и большая группа английских ветеранов из клуба «Русский конвой» с орденскими планками на груди и с российской наградой — «Медалью Ушакова». Этой медалью Указом Президента России В. В. Путина были награждены в 2014 г. ветераны — участники конвоев всех стран антигитлеровской коалиции 1941–1945 годов.

Открытие памятника и награждение редкой морской медалью ветеранов-союзников есть знак Памяти единения и сотрудничества во время II Мировой войны в борьбе с общим врагом — нацизмом, акт доброй воли и благородства со стороны России.

В преддверие 75-летия Великой Победы нашего народа хочу пожелать здоровья ныне здравствующим старейшим членам организации «Полярный конвой», лично — бессменному ее руководителю — капитану 1 ранга Юрию Ефимовичу Александрову, и успехов — самой организации, в настоящее время поддержанной новым поколением — детьми и внуками ветеранов.

Славянское БРАТСТВО

Елена ГУСЬКОВА

О СЕРБАХ НА БАЛКАНАХ — ИХ РОЛИ И САМОСОЗНАНИИ

Все более частые в последнее время попытки доказать антиисторическую, а подчас и регрессивную роль Сербии в истории балканских народов имеют политическую подоплеку, а потому с научной точки зрения обречены на неудачу. Сербию обвинили в гегемонизме, великосербских амбициях, в стремлении создать Великую Сербию за счет других народов. Эти штампы ширились и распространялись журналистами, становились шаблонами для каждой новой публикации о кризисе на территории бывшей Югославии. Самое, пожалуй, огорчительное, что и ученые не остались в стороне от этого процесса.

Елена Юрьевна Гуськова — родилась в Москве. Доктор исторических наук, специалист по истории югославянских народов, окончила исторический факультет МГУ. Руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН. Работала научным экспертом по Балканам в штабе миротворческих сил ООН на территории бывшей Югославии в Загребе. Опубликовала более 600 научных работ, из которых более 20 — книги и брошюры. Является членом Российско-сербской комиссии историков при Отделении истории РАН. Научный эксперт защиты в процессе над генералом Станиславом Галичем в Международном трибунале по бывшей Югославии (2002), участник научно-исследовательского проекта «Косово и Метохия между национальной идентичностью и евроинтеграцией» в рамках реализации проектного цикла Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии. Член Сербской Академии Наук и Искусств, избрана сенатором Республики Сербской (БиГ). Затем избрана иностранным членом Академии Наук Республики Сербской. Читает лекции на философском факультете Приштинского университета с временным пребыванием в Косовска-Митровице. Награждена многими российскими и сербскими орденами и медалями, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

В начале XIX в. сербы первые поднялись против османского ига (в 1804 г.) и... победили. Сначала получили при поддержке России автономию, а потом и независимость. И Сербия стала символом независимости для других народов. Когда после Первой мировой войны распадалась Австро-Венгрия, к Сербии потянулись славянские народы этой империи — словенцы, хорваты, сербы. Тогда, в начале XX в., на просторах Балкан начинает преобладать идея славянского единства. Присоединиться к Сербии в 1918 г. просят другие славянские народы Балкан. Удивительно то, что ради этой объединительной идеи Сербия готова была поступиться именем своего государства. Сербии как таковой после 1918 г. нет. Возникло Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство СХС), позже переименованное в Югославию.

Вспомним три составляющие в идеологии одного из видных политических деятелей Сербии конца XIX — начала XX вв. Николы Пашича, его национальную идею — «добиться ... национального освобождения и объединения всех сербов». Достижению социальной гармонии и осуществлению национальной идеи были подчинены шаги политических преобразований в сербском обществе. Да, действительно, освобождение и объединение остальных частей сербского народа являлось целью государственного устройства новой политической партии радикалов. Но способы объединения не носили экспансионистский характер. И что важно — ставилась задача сделать Сербию «привлекательной» для «еще не освобожденных братьев, равно как и для остальных народов на Балканском полуострове». Эта формула предполагала добровольное стремление сербов и других югославянских народов к объединению с Сербией, которая должна стать по своему внутреннему устройству идеалом для них. Это разбивает тезис, так широко распространяемый на Западе, о перманентной экспансионистской сербской идее, о стремлении создать Великую Сербию в ущерб (за счет покорения) другим югославянским народам.

Н. Пашич был приверженцем восточной, славянской, православной цивилизации, которая должна противостоять наступлению «германизма» на Балканы, резко усилившемуся после Берлинского конгресса. Западная зараза опасна, писал Н. Пашич, «ибо в силе она видит правду, во лжи — политику, в лицемерии — набожность». Кстати, именно сила, лицемерие и ложь характеризовали западную политику в современном кризисе на Балканах. И естественным было то, что Н. Пашич именно в России видел оплот славянской православной цивилизации, с ней связывал судьбу своего народа. Упомянем одну особенность. Прочное пророссийское определение и приверженность сербским обычаям и «сербству» такой сильной политической личности, блестящего партийного лидера, каким был Н. Пашич, не только совпало с настроениями общества в конце XIX в., но и оставило долгий и глубокий след в сознании народа. Именно этот историзм сознания, проявившийся в трудные годы современного кризиса, не был понятен тем западным, да и российским, рациональным политикам, которые пытались участвовать в его урегулировании в 90-е годы XX века. Он мешал им и раздражал. Однако в сербском сознании существуют черты, которые выдержали испытание временем. Среди них — надежда на Россию. Кроме того, вера в мудрость правителя, умение подчинять свою волю его воле часто проявлялась в истории, подтвердилась, а может быть, усилилась при Н. Па-

шиче, когда лидеру удалось добиться «харизматической» степени доверия сербского народа. В XIX в. крестьяне заявляли: «Байя знает, что делает». Те же самые слова мы слышали в 1994 г., когда поступки президента Сербии С. Милошевича никто не объяснял, а все верили ему беспрекословно, заранее предполагая некую вселенскую мудрость правителя.

Во второй половине XIX в. идеи югославизма вплелись в планы национального освобождения всех югославянских народов, но только одних — от ига Турции, а других — от Австрии. Теория югославизма удовлетворяла словенцев, т. к. давала им опору в борьбе против германизации и планов включения словенских земель в состав «Великой Германии» или Италии. В Хорватии народники обеспечение национальных интересов хорватов также связывали с объединением южных славян.

Сербское княжество становится центром антиосманского движения на Балканах. Н. Пашич обращается к идее конфедерации югославянских народов, размышляет над объединением сербов и хорватов. В 90-е годы среди сербской интеллигенции широкое распространение получили идеи о единстве сербов, хорватов и словенцев, об объединении «вокруг демократической Сербии», так как «сербский народ лучше сохранил свои славянские особенности». Развивались и идеи объединения Сербии с Боснией и Герцеговиной, Грецией, Румынией, частью Македонии.

Хотя в начале XX в. существовали разные проекты (государство на началах федерации, хорватско-сербская персональная уния, единое и унитарное государство с областным самоуправлением), идея объединения всех народов и всех югославянских территорий в единое и независимое государство становится политическим требованием.

Идея жертвенности во имя югославянства, ощущение ответственности за судьбу других народов многонациональной страны — важные характеристики сознания сербов на протяжении почти всего XX века.

Сербы восприняли идею югославизма в начале XX в. как свое историческое предназначение. Сербия была обуреваема идеей об освобождении не только сербов, но и всех славянских народов. Ради этой идеи сербы были готовы отречься от национальной индивидуальности и культурной самобытности. На алтарь общей идеи объединения всех югославян сербский народ в 1918 г. положил и имя своего государства, и свою государственность, а позже — и свою национальную идентичность. Среди тех, кто позже определял себя как «югослав», большинство было сербов. Сербы самыми последними из всех народов СФРЮ стали думать о своих национальных интересах. Это стало возможным потому, что столетиями вырабатывался сербский характер, взгляд на свою роль как защитника угнетенных, объединителя и славянских, и православных народов.

Федерацию, созданную после 1945 г., стремились сделать федерацией равновесия, федерацией, в которой учтены интересы всех проживающих в ней народов. Появились и новые нации — македонская и черногорская, получившие свои республики. А Босния и Герцеговина создавалась из трех (искусственных) наций, одной из которых (мусульманской) были созданы все условия для полного развития.

На формирование сербского самосознания в период после 1945 г. влияли несколько факторов. Следует учитывать, что многонациональная Югославия в годы Второй мировой войны представляла собой сложный клубок

этнических противоречий. Среди проблем назовем: нерешенный национальный вопрос в королевской Югославии, нацистская политика стравливания югославянских народов, кровавые формы межнациональной розни во время войны, идеологический раскол общества и т. д. Напомним, что в годы войны наряду с задачей освобождения страны от фашизма продолжала оставаться актуальной и борьба против «великосербской гегемонии» за свободу всех народов.

Чтобы избежать конфликтов, были найдены принципы, с помощью которых хотели достичь гармонии межнациональных отношений. Согласно одному из них, предлагалось не вспоминать обо всех разногласиях, обидах и ненависти предшествующего периода. Молодое государство с новой программой межнациональных отношений начинало как бы с нуля, с чистого листа, предоставляя всем народам равные права в строительстве нового общества. Для того, чтобы в Хорватии могли жить и сербы, и хорваты, хорватский национал-шовинизм идентифицировался с фашизмом. О геноциде сербского народа в Хорватии не говорили, поэтому концлагерь Ясеновац стал символом осуждения фашизма вообще. В рассматриваемые нами годы старались забыть о геноциде мусульман со стороны четников, о зверствах албанцев и их преданности фашистскому режиму. Второй принцип касался преодоления понятия «правлящая нация», на смену которому приходило понятие новой нации «югославов», складывающейся в процессе построения социализма. Развитие югославянства, как выражение политики интернационализма, должно было стать основой политического и национального единства страны. Свою же задачу партия видела в предотвращении появления национального эгоизма и шовинизма. Все, что могло поколебать прочность федерации, нарушить национальное единство, клеймилось как «предательство», «контрреволюция», «преступление».

В послевоенной Югославии с Сербией связывают еще одну проблему, которая касается непосредственно сербов и часто упоминающегося в литературе понятия «сербский национализм». Однако мы не поймем тех процессов, которые проходили в сербском сознании, которые накладывали отпечаток на менталитет сербской нации, если не обратим внимание на следующее историческое явление. Дело в том, что во время войны существовал еще один лозунг, который должен был способствовать объединению народов под флагом коммунистов: борьба против угнетателя предшествующего периода. Еще в годы войны наряду с задачей освобождения страны от фашизма продолжала оставаться актуальной и борьба против «великосербской гегемонии» за свободу всех народов. Причем, угнетатель имел не социально-классовый облик, а национальный. Так появляется и культивировался феномен страха перед «великосербской Югославией» и доминированием одной нации. В результате у сербов складывается так называемый «комплекс вины».

Тито подчеркивал, что борьба не была бы успешной, если бы народы не объединились не только в борьбе против фашизма, но и против тех, кто их угнетал, прежде всего, против «великосербского гегемонизма». Именно в этом Тито видел «национальный смысл» народно-освободительной борьбы, которая несла свободу и равноправие всем народам страны. Он отмечал, что «двадцатилетний период угнетения народов Югославии (хорватов, македонцев, словенцев и других) горсткой великосербских гегемонистов» был

одной из причин быстрой капитуляции Югославии и порабощения страны фашистами.

Дело в том, что Сербия при Тито считалась *возможным* носителем идеологии гегемонии. Произошло отождествление Сербии, а затем сербского народа с гегемонистской идеологией, проявлением которой была т. н. идея «Великой Сербии». Частое употребляемое выражение «гегемония великосербской буржуазии» в первые послевоенные годы постепенно уступало место выражению «великосербская гегемония». Одну из своих задач СКЮ видел в борьбе с этим явлением. Чтобы никто не обвинил их в национализме, коммунисты Сербии сами готовы были активно сражаться с идеологией «великосербизма» и гегемонизма. Поэтому идея жертвенности затмевается идеей вины за четничество и «великосербство», которое вылилось в борьбу с т. н. сербским национализмом и т. н. великосербской гегемонией на протяжении долгих послевоенных лет. Постановка же «сербского вопроса» тогда могла, считало руководство страны, нарушить национальное равновесие, которое достигалось с большим трудом.

В разрушенной послевоенной Югославии политическая консолидация как условие быстрого послевоенного восстановления страны затмевала, отодвигала на второй план национальный вопрос. Эйфория построения нового социалистического общества давала многим в стране уверенность в том, что все трудности и противоречия будут преодолены, что страшная Вторая мировая была последней в их жизни. А с ней ушли в прошлое и межнациональные распри, противоречия и раздоры. Из концепции «народного государства» и «народной демократии» вытекала формула о социальной однородности общества. Индивидуализму, который приравнялся к национальному традиционализму, противопоставлялся коллективизм, который сможет преодолеть национальные различия в процессе строительства и упрочения политического строя. КПЮ всегда очень остро реагировала на любые проявления национализма в культуре, науке, политике, полагая, что революционный централизм и «уравниловка» в межнациональных отношениях могут быть гарантией национального равноправия. В стране очень много делалось для создания национальных кадров, для помощи слаборазвитым республикам и краям, для выравнивания экономических уровней регионов.

Прямо противоположным эффектом национальной политики стало то, что самый крупный народ в многонациональном государстве стал «бояться» слишком открыто проявлять свои национальные чувства. Однако интересным было и то, что чувство ответственности за всю федерацию лишь окрепло.

Это чувство ответственности проявилось отчетливо в начале 90-х годов, когда сербы вместо того, чтобы открыто говорить о своих проблемах так же, как и словенцы, хорваты, албанцы, до последнего отстаивали идею югославянства.

Обратим внимание на следующий факт: распад СФРЮ (в 1991 г.) дал Сербии шанс вернуть государственную самостоятельность вне рамок федерации, но она дольше других отстаивала федерацию и фактически до недавнего времени отстаивала идею Югославии. *Таким образом, национальное самосознание титульной нации, задушенное в федеративном государстве, имеет подвижную, нестабильную форму и приобретает черты жертвенной наднациональности.* Именно это позволило заинтересо-

ным субъектам международного права так легко разрушить идею славянской общности на Балканском пространстве и лишить ее государственных основ. Феноменом XXI в. можно назвать такое явление, как легкая потеря государственности без утверждения законодательного органа независимого государства. В 2003 г. Союзная Республика Югославия распалась фактически за одну ночь по предложению Хавьера Соланы, и на ее обломках возникло «государственное образование» Сербия и Черногория (СиЧ), которое, в свою очередь, перестало существовать в 2006 году.

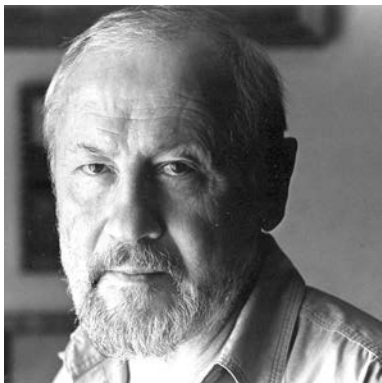
Когда в СФРЮ рассуждали о национализме, то, чтобы не обидеть кого-либо, говорили о национализме во всех республиках. На наш взгляд, менее всего национализм проявлялся в Сербии. В Сербии он выступал как «защитник» югославянства. Сербь, как самая многочисленная нация в Югославии, положившая на алтарь югославянства свою государственность, во многом ощущали свою ответственность за развитие государства в целом. Именно поэтому сербский «национализм» выступал против сепаратизма других национальностей. Если в Хорватии, Словении национализм приобретал форму сепаратизма, то в Сербии он был двоякого свойства — защиты федерации и защиты сербского единства.

И еще одна важная особенность, касающаяся сербской нации: после распада СФРЮ сербская нация, всегда ратовавшая за единство югославянских народов, перестала концентрироваться в едином государстве, стала в ряде государств национальным меньшинством и вынуждена была искать новые национальные ориентиры. Таким образом, мы являемся свидетелями процесса *восстановления* сербского национального сознания и национальной самоидентичности на географически крайне суженном пространстве в условиях раздробленности сербской нации. Эта проблема крайне актуальна и для России вследствие явных исторических и политических параллелей.

Другим важным моментом в историческом сознании сербов было осознание своей «маленькой» роли защитника большой России на ее далеких западных рубежах. Этому способствовали европейские державы, которые в Сербии видели «руку Москвы», стремившуюся укреплять православие на Балканах и влияние России на этот регион. Это тоже стало причиной того, что Запад видел Сербию всегда в «связке» с Россией. Это подтверждает история Второй мировой войны. И сегодня Сербия пострадала среди прочего и по причине своего порой неосознанного русофильства.

И именно этим обозначается нынешняя историческая роль сербского народа. Сегодня Сербия выдержала громадные испытания. В нынешних событиях Сербия доказала свои лучшие черты национального характера. Сербь возвращаются к пониманию своей роли в истории к осознанию своей национальной самобытности. Сегодня все больше идеи национального самоопределения начинают преобладать над идеями югославизма. А вместе с этим пришло понимание необходимости существования собственного государства под именем «Сербия».

Пути ПОЗНАНИЯ

Юрий ЛОЩИЦ

ШЕЛОМЕНЬ

*Из книги
«Славянские святыцы»*

Юрий Михайлович Лошиц — родился в 1938 г. в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 г. окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Путивль, когда въезжаешь в него с Глуховского шоссе, когда ходишь по его регулярно спланированным улицам, мимо белых хаток и садов, обнаруживается как город, стоящий в общем-то на плоском месте. Вот уж, думаешь, не могли места выбрать повеселее! Нет здесь такого взгорка, возвышения, холма, откуда бы город хотя отчасти проглядывался, подставлял взгляду шиферную мозаику своих крыш.

В летний полдень на дремотных улицах редко где скрипнет калитка или оконная рама. Помалкивают во дворах псы, утомленные бездельем. Пылят золою куры, устраивая себе в кучах пепла удобные лежанки. Но это не пепел с какого-нибудь пожара. Хозяйки постоянно сыплют золу из печей в одном и том же углу двора. Туда и прабабушки их выносили такую же золу. И предки нынешних кур пылили и угревались там же.

На центральной улице и на площади, где стоит павильон автобусной станции, заметно оживленнее. Хлопают двери магазинов. Тетки и бабки с пустыми корзинами, отторговав с утра на базаре, терпеливо ждут своих автобусов. Щебеча звонками, проносятся велосипедной стайкой ребята. Женщина наклеивает на доску написанную от руки кинорекламу.

Но пригложнут за спиной житейские шумы, дорожка выведет к деревьям и кустам городского парка. И тут они, подобием завесы, медленно распахнутся на обе стороны — и, ни больше ни меньше, — половина земли откроется взгляду.

Это как с борта корабля, когда видишь полукруглую спину моря и вогнутый объем неба, и, куда ни обернись, нет ни одной прямой линии, ни единой, — так что даже слегка задыхаешься в первый миг...

Внизу, у подножья стометрового обрыва, бесконечной строкой скорописных завитушек посверкивает Сейм, и многократно отпрыгивает от его поверхности небо. А дальше — изжелта-светлые обкошенные луга, пасмурные сгустки лесов. Разбегаются по лугам тропы, как белобрысые дети, увлеченные игрой. Еще дальше — глаза уже с трудом различают — угадываются стада, темнеют деревеньки. На горизонте подернутая дымкой земля сгибается в могучую дугу, насупленную, как бровь воина. Чем-то поистине эпическим веет с тех рубежей.

Во многих наших древних городах есть такие вот кручи — венцы, городища, площадки, валы и обрывы, откуда открываются дух захватывающие виды. Двадцатый век редко где не заявил о себе с вездесущей — и часто назойливой — деловитостью. В одном городе, глядишь, заречная низина по самый горизонт рассечена прямой линией шоссе. В другом — целый микрорайон вырос за рекой, заслонил собою окоемы, в третьем — горят над бывшими выпасами факелы или мачты-гиганты тянут вдаль свою высоковольтную паутину. Ну что ж, думает всяк из нас, поневоле вздыхая: все это нужное, все это нужное.

Тут же... Полчаса стоишь и час, а там, внизу, все так же невозмутимо дремлет земля, только комком серой шерсти сдвинулось вбок одно из стад да женщина с девочкой далеко отошли по тропе над речкой — еле различаешь их теперь. Вон что-то замелькало между кустами — не заяц ли? Нет, то чайка стелется низко над землей. То кигитка, как зовут ее на Украине.

И в одну из таких минут начинаешь понимать, почему эта вот круча стала когда-то «избранницей», почему отсюда именно героиня «Слова о полку Игореве» прокричала свой плач. Так много и так далеко видно отсюда, что кажется, не может человеческий голос затеряться. Если уж прозвучал, то полетит беспрепятственно, отталкиваясь от водных зеркал, от лесных стен, от береговых крутояров, ширяя между лугами и днищами облаков в дальние дали. Не так ли и тогда? Не заглох клик Ярославны в утренних туманах — раздался на целую Русь. И отозвалась земля, взволнованное земное море подкатило сюда, чтобы навсегда застыть под стенами и обрывами Путивля...

Однажды, много веков назад, будто при вспышке молнии на миг озарился этот город среди грозowego пространства русской истории. Вспышка вырвала из тьмы оживленную неразбериху путевых сборов — древки копий, платы женщин, зачарованные взгляды детей.

Шелестели хоругви на свежем апрельском ветру. Русские князья собирались в Поле. «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле». (Новгород, который упомянут автором «Слова о полку Игореве», — это Новгород-Северский, центр удельного княжества. Здесь, в верхнем течении Десны, на холмистом ее берегу, стол незнатного, но жаждущего славы Игоря Святославича. Отсюда в конце апреля отправился он походом на половцев.)

Ветры еще холодны, пахнут глубинной земной промерзью. Губы шелушатся и трескаются от таких ветров, а на лбах и скулах, на тугих мужских шеях — первовесенний, под цвет гончарной глины, загар.

Паводковые воды вжались в берега, но в речных долинах мреющей бирюзой светлеют пока старицы, сливаясь к горизонту в сплошные ослепительные моря. Весна досушивает ризы, кое-где в бурых пятнах, разводах.

Видно далеко: деревья и кусты стоят нагишом; старый камыш по берегам смят, измочален ледоходом, новый еще не растет; пыльные клочья травной ветоши висят на кустах высоко, уже не касаясь воды. На плесах — свежий выброс порожних двустворок, горшечные осколки голубых глин. В такой посуде варили уху, похоже, еще при старых богах.

Весною и бывалый человек смотрит на все молодыми глазами, всякая мелочь его волнует; любая новость, пусть и озадачивающая, бодрит. Многие прошлогодние броды стали теперь негодны для переправы, льдом, напором внешнего течения тут нарыло ямин. Что ж, надо выискивать новые места, рядом или на сотню сажений ниже. Вода коричневая, как отвар дубовой коры, но уже без мути.

Конным ничего, а пешее воинство сходило в реку, как на пытку: она крутила и ломала кости. И когда выбирались на берег, от голых красных икр шел пар.

В низинах сырая почва с бурой прошлогодней травой чавкала под копытами. Зато на пригретых буграх — нежные ноготки новой поросли, алые острия конского щавеля.

Расшевеливалась вокруг весна. Нежной зелени туман млеял в рощах. Невидимые жаворонки отзывались с высоты звону сбруй. Звуки журчащими волнами восходили от земли, и в седле дремалось, как в зыбке.

С весны, как обычно, начиналась воинская страда — время предутренних побудок, изнурительных переходов в клубах пыли. Весна давала отчет году, а сражения — жизни. Воин подрастал, мужал и старился в седле.

А в Путивле, точно, уже стояли стяги. Игорев юный сын Владимир поджидал со своим отрядом, чтобы присоединиться к отцовой дружине. Здесь, в стенах хорошо укрепленного города, Игорь простился с женой своей, Ефросиньей Ярославной, которая провожала его от Новгорода, простился со всеми родными. Жена на время его похода оставалась в Путивле. По обычаю, расставаясь, осеняли друг друга крестным знаменем, говорили последние напутственные слова.

...Однажды среди бела дня странный какой-то ответ появился на придорожных кустарниках, на лицах воинов. Как будто видишь все сквозь синеватую слюду. Даже пыль из-под копыт сделалась иссиня-серебристой. В передних рядах стали, порядок нарушился, отовсюду недоуменные голоса. Пока кто-то первым не догадался глянуть вверх. А там — солнце тускло, шло на глазах в ущерб, будто прикрывалось ладонью от просьб и жалоб. Оцепенели листья, приглохли звуки, только в ушах звон. Из красных темными сделались щиты, и на деревьях будто пал седой пепел. И такая потусторонняя тень сошла на лица людей, на скошенные лошадиные глаза, что показалось: сейчас все в мире кончится, оборвется на общем вопле ужаса.

Под невыносимым этим безмолвным гнетом словно минула бесконечность. Когда же еле заметно солнце дрогнуло, стало с медлительностью улитки выползать, выдох прошел по рядам. Похоже, отпустило.

Но долго еще потом топтались на месте. Кто хмуро помалкивал, кто вслух радовался: теперь до дому повернем.

Время стояло молодое, тяжело шевелился в крови языческий страх перед вещим знаменем. А лицо Спаса с хоругвей ничего не подсказывало.

Все же поехали вперед. Путь заметно менялся. Леса пошли на убыль. Хвойные деревья попадались реже. Все больше дубравы выглядывали вер-

хушками из яров и оврагов. Начинались степи. И ветер тут дул иной, горьковато-жаркий, тревожный...

Знакомство человека с новой для него землей в большинстве случаев бывает опосредовано картой того или иного масштаба — мы движемся от условного к конкретному, от схемы — к реальности.

У человека Древней Руси отношения с пространством строились не так. Они были суровее, непосредственней. Подсунь мы такому человеку географическую карту, компас, он бы, пожалуй, обиделся, счел, что ему не доверяют. Нет, он вовсе не самонадеян, но в своих отношениях с землей он привык надеяться на свою зрительную память. Чаще сидящий в седле или на скамье лодки, чем на лавке в доме своем, он сызмала приучал себя хранить в сознании тысячи сведений, примет, знаков и образов, касающихся пространства. В жилище его не водилось еще ни одной книги. Книгу, как некую диковину, он видел лишь в храме, когда священник читал по ней вслух.

Но зато у него была прекрасная книга памяти. Собираясь в неблизкую дорогу, он должен был прикинуть в уме, сколько суток перехода отделяют его от того или иного рубежа, какие лежат впереди поселения, в каких местах нужно переходить реки, чтобы не пришлось входить в одну и ту же воду дважды или трижды. А когда оказывался в пути, то теперь не только раз от разу рассчитывал свое местоположение относительно дома и цели, относительно городов, рек и дорог, лежащих по левое и правое плечо, но приглядывался буквально к каждой мелочи: вот обожженная молнией черная сосна, что стояла тут и пять лет назад, вот развилка, от которой, как он помнит, нужно забирать вправо.

Если же вынуждали обстоятельства, он мог без колебаний пренебречь знакомой дорогой и день-другой шел нетореными путями, чтобы потом выйти точно там, где и надо было ему быть.

Так что в познании родной земли он шел от конкретного, от опыта ходьбы и езды и, только в достаточной мере насытив память многоразличными сведениями, мог построить в своем сознании некую «мысленную карту», на которой умещались не только названия княжеств, городов и караванных путей, но — на равных с ними правах — обгорелое дерево, гранитный валун, куст цветущего шиповника, устье ручья, реки, остров на ней.

Естественно, такая «мысленная карта» никогда не переставала обогащаться в подробностях: появлялись на ней новые имена, новые очертания рек и дорог, новые крохотные, но драгоценные приметы. Это было такое же полноценное творчество, как слагание или накопление и хранение былин в уме какого-нибудь старца, способного петь их одну за другой неделю подряд.

И дорога разворачивалась как песня.

Вот она светлеет навстречу, умытая и помолодевшая после зимы, еще ни одно копыто, ни одно колесо нынче ее не касалось.

Бесчисленным дорогам, распустьям, тропам, естественно, уделялось на «мысленной карте» особое место. Бывалый ратник знал поименно древнейшие пути и шляхи, что пересекали Русь еще во времена его пращуров. Широкие русла этих морщинистых, курящихся прахом путей не один раз

несли его с севера на юг и обратно, и в каждой дороге было что-то щемяще-неуловимое от облика старой матери, которая провожает его, держась морщинистой рукой за стремя, заглядывает ему снизу в глаза и никак не хочет отстать...

Но иногда та же самая дорога становится мачехой; равнодушно выдает вражьему взгляду направление похода и величину войска. Тут опытный дружинник хмурится: незачем выставлять себя напоказ, надо кинуть верхнюю дорогу и двигаться оврагами, — хотя и петлистее, но надежней.

А как чувствовал себя в походе воин молодой, губы которого еще ни разу не бледнели от смертного испуга? Все было ему внове — и удивление перед громадностью и разнообразием пути, и томительное предчувствие первой встречи с врагом. Дорога разматывалась и разматывалась, конца-края ей не было видно, и оторопь брала: если суждено будет возвращаться, то один домой ни за что не доберешься — заблудишься.

И вот, вчитываясь в «Слово», мы находим в нем сразу оба эти настроения — и трезвую целеустремленность матерого бойца, и волнение юноши, оказавшегося в «земле незнаеме». Мы обнаруживаем, что о творце «Слова» можно говорить не только как о великом поэте, незаурядном политике, историке, филологе, но еще и как о великолепном знатоке земли. Земли — с ее реками и городами, дорогами и рубежами, холмами и болотами. Вчувствуемся в поэзию пространств, овевающую нас со страниц «Слова». Присмотримся к тому, как на этих страницах обретает контуры особый предмет — лирическая география. И вдруг откроем для себя: рядом с князьями и дружинниками живут здесь другие герои — города, реки, холмы, а за ними и вся целиком Русь, земля-героиня.

«Географию» современной ему Руси автор «Слова» знает в мельчайших подробностях, как будто вся она оттиснута у него на ладони. Такое знание, как уже говорилось выше, для человека его времени не могло быть знанием отвлеченно-книжным, условным. Для того чтобы написать «Кони ржут за Сулой...» — чтобы весь этот период написать так легко, удачно, нужно ему было хотя бы раз в жизни самому промерить путь от Киева до реки Сулы, а от Новгород-Северска до Путивля. Ведь не будь эти географические реалии достаточно удалены друг от друга, не получилось бы в его фразе образа всеобщих воинских приготовлений, хлопотливой взбудораженности, охватившей чуть не полстраны. А расстояния между ними на деле как раз таковы, что предположительная переключка воспринимается читателем не буквально, а как гипербола.

Вспомним, что по такому же принципу строятся в «Слове» и другие «географические» гиперболы. Когда Олег Святославович вступал в «золотое стремя в городе Тмуторокане, тот же звон уже слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове». Или про Всеслава-князя читаем: «Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокол, а он в Киеве звон тот слышал».

«Слово», в котором так ярко поведано о Бояновой игре и которое само настроено, как чудесный музыкальный инструмент, то и дело резонирует словами-названиями. Вот, походным приготовлениям в тон, как колокольное «дон-дон», разносится:

*...и посмотрим на синий Дон...
...отведать Дону Великого...
...шеломом испить из Дона...
...несутся к Дону Великому...
...Игорь к Дону войско ведет...
...на реке на Каяле, у Дона Великого...*

Монотонный гул колоколов плывет над землей, сопровождая русскую рать. И неожиданным тревожным контрастом этому гулу — целым созвездием названий — звучит клич таинственного Дива, обращенный к земле неведомой, «Волге, и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол!». Еще же диковинней, заклинательней эта строка в оригинале: «...Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутороканьский бльван!» Прочитать это — прикоснуться к дремучей дымчатой шерсти неприлизанного словаря. Названия будто отпочковываются друг от друга: из Помория вырастает Посулие, из Посулия — Сурож, из Сурожа — Корсунь. Сколько пространств связано узелком одной лишь звуковой метафоры!

Не эта ли «географическая» лирика отзовется через века в державинских строках?

*С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие россос род...*

А потом — еще богаче, мощнее — у Пушкина:

*Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?*

Но будем помнить: начаток этого орлиного кругозора — в «Слове».

Еще загадочнее, чем заклинание Дива, кажутся нам сегодня названия, принадлежащие в «Слове» к разряду архаической топонимики, названия, которым ничто не соответствует больше на земле. Где она ныне, быстрая и каменистая Каяла? Где горемычная Немига? Где поселения русские — Римов, Плесеньск, Дудутки? Где земля Трояня и где легендарная Трояня тропа?

Эти поневоле таинственные имена привлекли внимание уже первых исследователей и комментаторов «Слова». Вовсе не праздные вопросы возникали в связи с ними, и особенно при попытке воспроизвести на картах точный маршрут Игорева похода. Почти все ученые сошлись в одном: из Путивля Игорь движется на юго-восток, так что к югу от него остаются верховья Сулы. Затем отряд преодолевает уже довольно широкий здесь Псел и более узкую Ворсклу. Третья значительная речная преграда на пути вой-

ска — Северский Донец, но не в верхнем течении, где его сейчас перебрывают конные и пешие русичи, а значительно ниже, где им предстоит форсировать Донец еще раз. Пока же они по-прежнему движутся на юго-восток: нужно выйти на старинную дорогу, пролегающую от Курска до Тавриды (столетия спустя она будет названа Изюмским шляхом), и подождать на этой дороге дружину курян, если куряне сами уже не ждут.

После встречи дружины устремляются Изюмским шляхом прямо на юг. Дорога идет междуречьем Северского Донца и его притока Оскола, но жметя ближе к Осколу. Это уже пограничные окраины Руси. Где-то по ярам наверняка рыщут половецкие лазутчики. Но и русская конная разведка ушла далеко вперед.

А вот и переправа через Донец. Каждый, кто видел ее хоть раз в жизни, запомнит навсегда. Река в этом месте, упершись в гористый кряж, резко меняет восточное направление на северное и так поневоле влечется до тех пор, пока не обогнет самую верхнюю и высокую точку кряжа — кремнистую островерхую гору. И лишь тут, раболепно опоясав гору с трех сторон, Донец освобождается и мчит прямо на юг.

Гора, у подножия которой происходит переправа, впечатляет не только юношу, но и сурового бородача. Но если первый лишь подивится ее стройному конусу, то второй еще больше насупится. Он-то знает, что эта гора — пограничная веха, и не всякий, кто ее минует, возвратится назад.

Она стоит над рекой, как задумавшийся витязь, недаром и вершина ее подобна воинскому шлему. Доскакав от переправы на этот шишак, дружинники поневоле оглядываются:

О Русь, уже ты за холмом!..

Отчужденный ветерок шелестит билием, скупо растущим между камней. Внизу — река, за нею синие дымчатые дебри лесов. Прибрежные старые ивы отражены безмятежной водой. Останься! Куда еще идти? Сиди тут, наверху, вороша рукой кремневые осколки. Пой или плачь, любуясь на погруженную в туманы родину. Сиди и любуйся ею годы и века, пока не вопьется тебе в спину стрела, и тогда тебя понесут отсюда прямо до близкого неба. Останься!..

Но как остаться, ни разу не повидав в лицо врага?

О Русь, ты уже за шеломенем!..

И вот здесь, за изюмским кремневым шлемом (у подножия горы ныне лежит город Изюм), дальнейшие следы Игорева похода теряются. Отсюда — начало исследовательских гипотез, вариантов. Дело в том, что «Слово» говорит нам о битве «на реке Каяле, у Дона Великого». В двух летописных повестях о походе Игоря упоминаются при описании сражений еще реки Сальница и Сюрлий. Но в бассейне большого Дона, как и в бассейне Северского Донца, не существует ныне рек с такими названиями. Речная топонимика, как правило, очень консервативна, но и здесь в течение столетий многие наименования исчезают, уступают место новым либо «перебрывают» с одной реалии на другую. Последнее случилось, например, с Доном. Для современников Игоря Святославича «Великий Дон» — не что иное, как

нынешний Северский Донец, и русские ратники свое желание «шеломом испытать из Дона» исполнили именно здесь, у переправы, напротив шлемовидной горы, отраженной в воде.

Но что же было дальше? Уточнению места двух сражений русских с половцами посвящена довольно большая литература — дореволюционная и современная. Еще В. Н. Татищев в XVIII веке заинтересовался этим вопросом. Свои варианты маршрута похода и его конечной точки в разное время предлагали Н. М. Карамзин, Н. Арцыбашев, П. Бутков, Н. А. Аристов, А. В. Лонгинов, В. А. Афанасьев, Н. В. Сибилев, К. В. Кудряшов (развивший схему Сибилева), В. Г. Федоров, В. Стеллецкий, В. М. Глухов, М. П. Парманин и др. Наконец с критикой наиболее популярных вариантов и подробнейшим обоснованием своего выступил академик Б. А. Рыбаков. Подводя черту, можно сказать, что на сегодняшний день наиболее продуктивными оказались, пожалуй, варианты Сибилева—Кудряшова и Рыбакова. Собственно, вариантность возникает после переправы через Донец у «Русского брода», после изюмского Кременца-шлема. Если Сибилев и Кудряшов искали Сюурлий и Каялу в бассейне Дона, среди притоков Северского Донца, то Рыбаков — в бассейне Днепра. Слабые места первого варианта разобраны академиком обстоятельно. В обоснование собственной гипотезы он предлагает два допущения. Во-первых, что «шеломением» автор «Слова» назвал не гору напротив переправы, а водораздел между Доном и Днепром, преодолев который воины оказались лицом к лицу с противником и — в бассейне Днепра.

Предпочтение этому бассейну исследователь отдает еще и потому, что, как известно, Ярославна в своем плаче взывает к «Днепру Словутичу», как бы догадываясь, что где-то на берегах его (вернее, его притоков) томится сейчас ее милый. Что до Каялы, то реки с таким именем, по мнению Рыбакова, искать под иными, измененными названиями не имеет смысла, потому что Каялы не было и в XII веке. Она — плод поэтического воображения автора «Слова», река-символ, образ смерти.

Все ли до конца убедительно в этих допущениях маститого ученого? И если да, то не были ли бесплодными более чем двухсотлетние поиски его предшественников? Ведь сама цель поисков не ахти уж какая первостепенная в исторической науке.

Нет, сосредоточенность многих ученых на, казалось бы, частном вопросе позволила общими усилиями вдоль и поперек изучить громадные пространства половецкого Поля, мощный ареал степного юга России. И «виновник» этих очевидных достижений в исторической географии страны — все тот же автор «Слова», два раза всего упомянувший «шеломень», два раза — Каялу.

Обычно между дружинами, ушедшими летовать в степь, и оставшимися в тылу княжествами связи не обрывались. Русь то и дело через нарочных гонцов, через сторожей-разведчиков, через обозников и торговых людей получала свежие сведения о своих воинах.

А тут нависла над городами тяжелая тишина предгрозя. И о том, что с Игоровой ратью случилось несчастье, узнали не от своих, а от половцев, шишаки которых вдруг замелькали у частоколов Переяславля и Путивля. Значит, за свои тылы кочевники спокойны. Значит — беда!..

Ярославна плачет по мужу на городском забрале, плачет до того, как половцы сожгли путивльский острог. Она плачет тогда, когда еще ничего неизвестно точно. Но это плач предчувствия, и — увы! — безошибочного.

Для того чтобы понять хоть немного ее состояние, нужно увидеть, как жестоко контрастирует с горем женщины природа, погруженная в сладкий дурман цветения. Сверкая росой под первыми лучами солнца, лежит внизу половина земли. Сады и кустарники — в клочьях теплого тумана, бугры и отдаленные урочища — все оцепенело, оглушенное за ночь безумным соловьиным щекотом.

Ярославне, с ее языческим трепетом перед силами природы, земля открывается с путивльской кручи как вместилище необузданных, своенравных стихий — ветра, воды, солнечного огня. И она поочередно обращается с мольбой к каждой из этих стихий.

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале...» Но о каком Путивле идет речь в «Слове»? Казалось бы, все просто: это тот самый город, что известен нам и сегодня. Но почему тогда древние летописцы нигде не упоминают, что он стоит на Сейме? И зачем Ярославна сопровождала мужа к югу, к городу, где ее пребывание сделалось бы более опасным (так оно и получилось!), а не осталась дома, в Новгород-Северске?

В литературе о «Слове» возникло даже такое объяснение: был другой Путивль — хорошо укрепленное княжье село под Новгород-Северском, а ныне его пригород — Путивск. Не там ли тосковала Ярославна, не оттуда ли хотела полететь «зегзицею по Дунаеви»?

Но вспомним еще раз: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле». Богатырской этой перекличке нужен разбег, нужна эпическая дистанция. Ведь не простой звук служит тут мерой и не простая видимость. Автор «Слова», как и его герой, «мыслю поля мерит». Маленький Путивск — до него рукой подать от Новгорода — конечно же не подходит для таких промеров. И потому он скромно остается в стороне от громадных прыжков гиперболической переклички.

«На Дунае Ярославнин голос слышится...» И это тоже гипербола, мысленное преодоление пространств. Разве простой голос от Сейма до Дуная долетит? Казалось бы, все должно быть ясно и с этим образом. Но почему в тексте упоминается именно Дунай? Ведь помыслы Ярославны устремлены в иную сторону, к горемычной Каяле.

Некоторые исследователи считали, что в данном случае Дунай — символическое обозначение реки вообще, вовсе не имеющее отношения к конкретному Дунаю.

Но верно ли такое объяснение? Ярославна, как известно, дочь галицкого князя Ярослава, называемого в «Слове» Осмомыслом. Вот как говорит о нем автор: «Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, мечя тяжести через облака, суды рядя до Дуная».

И если автор обращается к могущественному князю с призывом к единению, то не естественно ли, что и Ярославова дочь шлет свои жалобы на Дунай, к «отню столу». И не естественно ли, что когда Игорь благополучно возвращается домой, приветственные крики долетают и с Карпат: «Девицы поют на Дунае, — вьются голоса их через море до Киева».

То есть мы видим, что, как бы автора «Слова» ни увлекали чисто поэтические задачи, он всегда, в любой детали остается предельно конкретен: если уж помянул Дунай, то не просто ради красного словца, а по делу. Поэзия не мешает географии, а географическая точность не сковывает фантазии поэта. Похоже, именно так обстоит дело и с неуловимой Каялой. За то, что эта река — не поэтический символ, говорят, по крайней мере, два факта. Во-первых, Каяла упомянута не только в поэме, но и в сугубо документальной хронике о походе Игоря из Киевской летописи. А во-вторых, автор «Слова» говорит о Каяле, как о реке, памятной русичам по еще одному сражению: «с той же Каялы Святополк повез отца своего между угорскими иноходцами ко святой Софии к Киеву». Какая точность в описании траурного шествия! — тело убитого воина везут на особом помосте между двух коней. И даже порода упомянута: венгерские иноходцы. И наконец, маршрут: могли ли везти с несуществующей, мифической реки к реальному храму реального города? Нет, трудно поверить в символическую Каялу!

Наш древний поэт задал немало задач историкам, филологам, географам. Далеко не все из этих задач решены, а некоторые, видимо, так и останутся нерешенными. Но чем глубже изучается «Слово», тем более восхищает нас поразительная «сведомость» его автора, его живая и подвижная пространственная память, воспитанная, надо полагать, многими годами хождений, путешествий, походов. Сухопутных и речных. По родной земле и за ее пограничными вехами.

Все пространство, на котором происходит действие «Слова», пересечено связующими «силовыми линиями». Голос ли трубный раздался — он тут же услышан на другом краю Русской земли. Прозвенело ли где стремя — тревожным возбуждением охвачены соседние княжества. Перекатываются над лесами тугие набатные волны. Печальным воплем птицы несется вслед за ними женский плач. Крикнет в поле одинокий оратай — по всей опустошенной стране разольется тоскливое эхо.

А как мгновенно меняются в поэме места действия! То мы на берегу Каялы, под дождем стрел, то на киевских горах, то на Волге, то на Дунае, то на холме у донецкой переправы... Полоцк, Белгород, Чернигов, Курск, Переяславль, Римов, Путивль, Тмуторокань, оба Новгорода. И снова Путивль, снова Киев, снова Каяла...

А рядом с именами русских городов и рек — названия соседних языков: могуты, татары, шельбиры, ревуги, хинова, литва, ятвяги, дремела. И далее — готы, немцы, венгры, греки, венецианцы. Могут сказать, однако, что перечень этот не так уж и велик. Даже бедноват сравнительно с тем, что в эти же десятилетия знали о народах и землях Евразии иные из современников автора «Слова».

Известно, например, что за двадцать пять лет до похода Игоря Святославича, в 1160 году, в сицилийском городе Палермо погибла — во время беспорядков при смене властителей — громадная географическая рельефная карта, выполненная из серебра знаменитым географом ал-Идриси. Сей ученый и любознательный муж (кстати, он же создал за свою жизнь и десятки других, более простых, рисованных на пергаменте карт) знал — ни много ни мало — о существовании Енисея, Байкала, Амура. Знал, конечно,

по слухам, по рассказам полулегендарного характера, так что сибирские реки имели на его картах очертания достаточно фантастические. Но все же «знал», а что же наш поэт?..

Во-первых, вполне допустимо: рассказывая о родной земле и ее соседях, пользовался он не одною лишь воображаемой «мысленной картой», не одними лишь письменными и устными свидетельствами странников и летописцев. В палатах кого-либо из русских князей, о которых пишет, вполне мог он видеть... пергаментную карту Земли, цветную, яркую, с синими жилами рек и даже с киноварными буквами русского уставного письма. Возможность вовсе не гадательная, хотя и известно, что первая из дошедших до нас отечественных карт датируется лишь XVII веком.

Во-вторых, географические познания автора «Слова» наверняка во много раз превышали то число имен-названий, которое он уместил в строки короткой поэмы. Ему просто-напросто не понадобились сейчас десятки (если не сотни) других названий русских (и не только русских) городов, рек, урочищ. В воссоздании образа родной земли у него была совсем другая задача, чем, допустим, у составителя «Повести временных лет», который в историко-географическом вступлении к русскому летописанию сообщает и о жителях Индии, и об обитателях Средиземноморья, и о насельниках Британии.

Мы замечаем, что поэт «Слова» создает перед нами какое-то совершенно особого рода пространство, настолько открытое, выпуклое, тесное и удобообозримое, что на нем, как на чудесном сказочном блюде, видишь, к удивлению своему, все разом: и встречу двух враждующих станов, и беспокойство остальных русских князей, и горе Ярославны, и тяжелую работу пахаря на запущенном одичалом поле, и темные тучи, прорезанные молниями, что ползут от моря.

Какова же природа этого сферически изогнутого, будто жгутами стянутого пространства? И почему его изобразил именно русский автор, казалось бы, самой природой своей земли приученный к скучно-плоским равнинам, заунывно-бескрайним далям?

Но не эта ли слабо выраженная рельефность славянской равнины как раз и породила желание видеть ее в образе некой спружиненной, крепко сбитой и ладно сшитой земли-тела? Не эта ли забота подсказывала ставить новые города не в долине, а на взгорье, на обрывистом берегу реки, откуда и луга и леса не так уж плоски?

Не потому ли и древний живописец, рисуя на доске или книжном листе город, стремился ограничить его всего несколькими предметами — стена, башня, купол, две-три крыши — и еще стискивал все это потуже, в один каменный кулак? А если за спинами людей хотел показать «природу», то непременно этой природой была горка, гора, а то и целое семейство гористых площадок, «лещадок», как он их называл.

Конечно, автор «Слова» часто видел такие изображения. И можно догадываться: они его не смущали своей «неправдой». Наоборот! Он узнавал в них правду души, тоскующей по открытому простору, по высоте, с которой бы проглядывались самые дальние дали.

На таком вот просторе никакой исторический поступок не может быть спрятан, замаскирован. Здесь все и отовсюду просматривается. Здесь нет второстепенных действий, нет малозначащих поступков.

Автор «Слова» поровну делит со своим героем беду и радость. И вот не только мыслью, но и горюющим сердцем своим он растекается по всей Русской земле. Он страстно желает видеть ее единой, целокупной. Он присутствует везде сразу, в любой ее точке, как носитель вечевоего соборного слова.

И потому, когда Игорь бежит из плена, вся Русь и все соседние земли в прямом смысле слова видят его, слышат каждый его шаг. Только преследователям он не виден на этом абсолютно просматриваемом пространстве.

Прошло немногим больше месяца с того дня, как Игорь оказался в плену. За это время ханы Кончак и Гза в «силах тяжких» совершили глубокие рейды по русским княжествам. В половецкий лагерь на реке Тор, где сейчас находился Игорь, то и дело поступали сведения об ушедших отрядах. Эти сведения — их князю доносил преданный ему половчанин Овлур — не скрашивали, конечно, жизнь пленника. Кончак, оказывается, ушел в направлении Киева. Гза ринулся в незащищенные земли его, Игорева, княжества. Говорили о битве у стен Переяславля. Еще говорили, что налетчики Гзы пожгли села в окрестностях Путивля, осадили сам город. Осталось ли что-нибудь теперь от Путивля? Жива ли Ефросинья? А если жива, то где она? В осажденном городе или успела вернуться в Новгород?

Между тем подоспели новые вести. Кончак повернул назад, не дойдя до Киева. Возвращался к берегам Тора и отряд Гзы.

Похоже, что и тому и другому хану не удалось пожить в слишком многим, и они не были довольны итогами набега. Но и Игорю от этого легче не станет. У границ Руси ханам нынешним летом делать уже нечего. Они отойдут в глубь неведомых ему кыпчакских степей. Оттуда он ни за что не выберется. Бежать надо теперь. Отряды могут вернуться со дня на день. Нужно теперь бежать, пока половцев в лагере немного, пока они, пользуясь отсутствием ханов, беспутствуют и бражничают, упиваются по вечерам своим кобыльим вином.

Но как быть с сыном? Он еще почти мальчик. Брать его с собой безрассудно. Лучше ему пока остаться в полоне. Как ни расвирепеют ханы, узнав о бегстве Игоря, княжича они не тронут. Они слишком хитры, чтобы остаться без заложника, за которого всегда можно взять дорогой выкуп или обменять его на какого-нибудь своего знатного батыра, плененного русскими.

Июньская ночь обморочно коротка. Вечернее зарево отступает нехотя. Свет не исчез совсем, он украдкой движется к северу. С Овлуром условились: с вечера он будет пасти лошадей на другом берегу Тора, напротив шатра, в котором держат Игоря. Когда в лагере уgomонятся, Овлур свистнет оттуда. Только бы никто не всполошился. Только бы не наткнуться на какого-нибудь неурочного половчанина на том берегу. Им надо будет скакать степью всю ночь, гнать что есть сил, чтобы наутро поспеть к донскому броду. А дальше? Дорога, по которой он вел свой полк на юг, сейчас им не годится: не время выставлять себя напоказ. Самый верный путь — вверх по течению реки, до малого Донца: они будут ехать сплошной уремой, под густым листовным навесом, по ничейной земле. На малом Донце — ближайшее отсюда поселение русских — сторожевая крепость... Только бы Овлур не обманул. Только бы скорей уgomонились в ближних вежах. Жаль терять самые темные часы.

Так Игорь мерял мыслью поле — от великого Дона до малого Донца. Нераспоясанный и обутый, он лежал на кошме с прикрытыми веками. А мыслью был уже далеко, скользил ею над погруженной в смуглую тень земель...

Овлур свистнул по-птичьи. Игорь пружинисто встал, мягким шагом вышел наружу. Между вежами полз туман. Было тепло. Ночь густо звенела мошкаррой. Князь спустился к воде. Распугал ужей, которые лежали в иле у самой кромки и нехотя, с шипом, соскользнули в реку. Река, почуяв человеческое тело, напряглась, журчащей судорогой выдавала каждый шаг. Но за спиной его загустевала белая сырь, кумысная пена. Вежи утонули в ней. Как будто не было их никогда. Бережно раздвинув камыши, поднялся наверх. Увидел в сумерках двух коней и человека между ними. Они прошли немного, держа коней в поводу, и еще прислушались. Теперь можно мчать — прямо на север, туда, где притиснута к земле узкая полоска призрачного света. Мчать, оставляя за спиной сухие каменистые русла, овраги и взгорки, травный шепот, поле бесславья, поснувших в нем навеки братьев, безмятежно спящего сына.

Они не покрыли еще и полпути до брода, когда небо стало бледнеть впереди и звезда севера, перед тем как исчезнуть, напоследок ранила глаза холодным сверлящим лучом.

Сейчас в лагере кто-нибудь пробудится и поднимет тревогу. Натасканные, как охотничьи псы, половцы быстро найдут их следы — по сбитой росе, по примятой траве, по копытным лункам. И тогда все решит вот это преимущество, вот эти полсотни верст ночного скака.

Сердце сжалось, когда князь увидел вдали каменный шеломень, освещенный с востока косыми солнечными лучами. Гора высилась, как былинный витязь в дозоре. Теперь они успеют. Еще несколько верст, и они напоят запаленных коней. Лишь бы выдержали кони. Хорошо степняку: бросаясь за кем-то в погоню или скрываясь от преследователей, он обязательно берет запасную лошадь, а то и двух. Запенит одну, переседет на свежую и так мчит дальше, вборзе. А у них нет запасных коней, эти же несут из последних сил. Придется их оставить у реки, если не падут прежде.

Сначала рухнула лошадь под Игорем. Овлур спрыгнул со своей. Она крупно дрожала и почти тут же прилегла наземь. Но не было часу для жалости. Когда, шурша щербнем, начали спускаться со склона горы к речной луке, солнце уже грело. Это хорошо: роса сохнет, ветерок взлохмачивает людские следы на траве.

От брода пошли лесом на запад, оставив реку по левое плечо. Она тут делала громадную петлю, и беглецы хотели эту петлю подрезать. К полудню опять выйдут на берег и уж будут за него держаться, как дитя за материнский подол, как слепец за поводыря. Места нехоженые, долго ли сбиться.

От сырой одежды дымился парок. Но об отдыхе и думать нельзя. Если погоня велика, половцы не поленятся обыскать и ближайшие от брода леса в надежде, что Игорь и Овлур свалились где-нибудь под деревом и спят.

И они шли безостановочно, перепрыгивая через завалы деревьев, шумно дыша, стараясь не наступать на сушняк, обходя поляны по краю. Было душно в лесу. Сонный дурман исходил от земли, от кустов папоротника. Солнце продвинулось высоко и уже не спину грело, а лило жар на голову, на плечи.

К реке вышли неожиданно. Она казалась много уже, чем у переправы. Только стремнина сияет, а у берегов вода темна под кровом лиственной уремы, оплетенной цветущим хмелем. Луговины сплошь поросли дремучим, в рост человека, травцетом. Шмелье и пчелы пьяно копошится в липкой пылице. Сладкая оцепенелая духота.

Спали понемногу. Сначала Игорь, а Овлур — на страже. Потом князь сидел, прислушивался, поглядывал искоса на осунувшееся смуглое лицо спящего друга, которого послал ему Бог. Невероятно, чтобы кто-нибудь мог разыскать их теперь, в этом первобытном урочище, где никто еще со дня творенья не косил траву, не срубал дерево, не целил стрелой в селезня или в белую лебедь.

И снова шли до самого вечера, пока не выбрали утайное место для ко-стра, для ночной стоянки. Теплый туман поднялся вверх от реки, смешался с дымом. Громкий всплеск в камышах. То ли чайка схватила рыбу, то ли щука вышла на охоту. Где-то у того берега, устраиваясь на ночь, хрипло переговаривались кряквы. Ночь наливалась комариным писком, шумами, шелестами. Но эти звуки не настораживали беглецов. Это была жизнь, известная с детства, с первых охотничьих выездов. Какая-то птица вскрикнет спросонья, будто приснилось страшное, и опять угомонится. Река воркует внизу, почмокивает. Полоз прошуршал невдалеке по влажной земле: охотится за мышью или лягушонком. Груда алых углей помаргивает, покрывается светлыми хлопьями пепла. Огня поддерживать не нужно. Тепло. Вот она, воля. Всего сутки назад они сели на коней. На свободе даже звезды светят иначе. Небесная телега показывает оглоблей прямо на север, домой...

«Страны рады, грады веселы...» Возвращение Игоря на родину сопровождается в «Слове» нарастающим звуком общего ликования. Вместе с князем эта радость поднимется с киевского Подола вверх по Боричеву взвозу, на горы. С киевских гор виден Днепр, луга, леса, строгие дали — половина земли видна отсюда.

Для плача поднималась жена Игоря на путивльскую кручу. И он теперь поднялся на гору — для веселья. Так на Руси издавна: и для горя, и для радости нужен простор, нужно высокое место, чтобы и сама земля делалась причастной людскому чувству.

Звонят с киевских гор, «звон же тот» слышат на других холмах и кручах. В Чернигове слышат и в Галиче, в Полоцке и Владимире, в Новгороде и Путивле. «Страны рады, грады веселы...» Только в Путивле радость на слезах замешена, потому что еще не остыли после недавнего налета степняков обугленные тыны.

И недаром на таких вот холмах чувствуешь себя по-особому: слишком много помнит их почва и тревожного, и торжественного. Настолько много, что эта память не может не коснуться и твоего сердца.

Александр ОРЛОВ
«ЛЕСТНИЦЕЙ
ВДРУГ СТАНУТ
ОБЛАКА»

Александр Владимирович Орлов — родился в 1975 г. в Москве. Поэт, прозаик, историк, имеет несколько высших образований, в т. ч. Литературный институт им. А. М. Горького. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор пяти стихотворных книг, сборника малой прозы, нескольких исторических произведений. Лауреат многих Всероссийских литературных конкурсов, Международного литературного форума «Золотой Витязь» (2017 и 2019), обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017). Лауреат открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). **Живет в Москве.**

* * *

Николаю Ивановичу Рыленкову

От московской незваной гордыни
Становлюсь я нередко свиреп
И спешу на тот берег Смядины,
Где заколот был юноша Глеб,

Где молитве, как старенькой няне,
Каждый пришлый подвластен вовек,
Где защиту находят смоляне
В теплоте страстотерпца опек,

Где в года мировых пятилеток,
Неподвластный безбожным властям,
Проезжал мой расстрелянный предок
По дорогам из кочек и ям,

Где округа извечно смолиста,
Где все жили во имя труда,
Где встречали с войны гармониста
Божий крест и победы звезда.

* * *

*Александр Трифоновичу
Твардовскому*

Я без вести не пропадал под Ржевом,
Не замерзал в мончаловских лесах,
Не побывал на правом и на левом,
Омытых кровью волжских берегах.

И не курил в окопах самокрутки,
Не пил из фляги перед боем спирт,
Не отпускал мне Вася Теркин шутки,
Но смерти мне знаком
холодный флирт.

И жизнь моя не сказка, не халява.
Кто скажет мне, что я себя берег?
Нас всех с годами встретит переправа,
Я для нее давно не новичок.

И в миг, когда начнется перевозка
И лестницей вдруг станут облака,
Меня поманит из-за солнца тезка,
Признавший в моем сердце земляка.

* * *

Помню, учили меня
быть надежным и смелым.
Все изменилось с тех пор,
но иду я к тебе,

Роща, где дед закопал навсегда парабеллум,
Где ждал связного не раз на медвежьей тропе.

Кажется мне, я иду по курганному полю,
Звезды угрюмо склонились к расстрельному рву,
Сон ты никак не обманешь, он рвется на волю,
Я его власть только с первым лучом оборву.

Снова под утро тревожат скупые просветы,
Наши свиданья с родней обреченно редки.
Грозным Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом в изголовье реки.

ОКРУЖЕНЕЦ

Весенний лес был полон соловьями,
Взвивался к солнцу звучный перелив,
А он сказал: «Под нашими ногами
Лежат друзья, а я остался жив.

Мы обошли угрюмую пустошку,
И с голодухи нас прельстила вонь,
И мы копали сгнившую картошку,
И пулеметный в спины лил огонь,

Мы пили воду из дорожной лужи,
Мы яблочную доедали прель,
Но знали, что бывает и похуже,
И хуже стало после двух недель.

И в поле я лежал между телами,
И мягок был под Вязьмой чернозем,
И небо омывало нас дождями,
И я простился с пленным октябрём».

БЕСПАЛЫЙ

Раскинулась за домом нежно радуга,
И мы расселись важно на крыльце,
И дверь была закрыта туго-натуго,
Ушла хозяйка, позабыла о жильце.

О том, как посреди крестов и свастика
Дымящихся Зееловых высот
Кончины ожидал десятиклассник
В тот самый важный сорок пятый год.

От «козьей ножки», полной самосада,
Газетная распространялась вонь.
Болтал вязьмич смешно, замысловато
О том, как не использовал он бронь,

Он говорил, что Божий он избранник,
Что баловень он, как ты ни крути,
Что починил на днях сапог и краник,
А я смотрел на две его культи.

* * *

Смоленщина, я внук артиллериста
И не застал немецкий артобстрел,
Но помню, говорили: смерть когтиста.
И от обиды я тогда взревел.

Взревел я оттого, что было стыдно,
Что не упасть в заснеженный окоп,
Что жизнь моя сыта, не инвалидна,
И ранит сердце пустомелей треп.

И пусть я не замковый, не наводчик,
Но есть друзья, и это мой расчет,
Который никогда не подведет
В кольцо интриг, кредитов и рассрочек.

Смотрю назад, и выглядит холмисто
Дорога предков за моим плечом,
И надо мной, под облачным крестом,
Не солнце, а лицо евангелиста.

КАНОНИЦА

Время неслышно
 в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряди в платок.
Что тебе снится, родная канонница?
Где твой избранник израненный слег?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь,
 как вой орудийный затих?
Где же погиб твой веселый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше,
 окликнет: «Сестра!»

Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея,
Ты — словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты приходящих молитвенный тыл.
Вечер пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

ДОРОГОВУЖ

Александру Сергеевичу Орлову и Сергею Васильевичу Серкову

Со дна июньских теплых луж
Тянуло медом, льном и кожей,
И вечер, вежливый прохожий,
Нас пригласил в Дорогобуж,

Где дождь, задумчив и покоен,
Кропил торговые ряды,
И большегрузные следы,
И дух усопших маслобоек,

Полки канатной конопля
И залежи пластичной глины,
Мещанских домиков руины
И плинфы кривичей в пыли,

И колченогих стариков
У перекошенной ограды,
Их опаленные награды
За Ржев, Смоленск и Могилев.

Дождь лил, слоняясь по дворам,
Передохнул в тиши сарая,
Кусты и грядки освежая,
Ушел к блестящим куполам,

Где жизнь доверчива, мудра,
Щедра, смиренна и упряма,
Сокрыта от Москвы и гама,
Где дремлет солнце возле храма
Петра и Павла,
Павла и Петра.

ГАГАРИН

Вчера я был проездом в Гжатске.
Что мне тебе, друг, рассказать?
Меня там встретили по-братски
Дома, погода, люди, Гжать.

Там помнят все о космонавте,
О горе, немцах, о войне.
Там жизнь как жизнь, меня отправьте
Туда еще раз в летнем сне.

Мне будет день людской подарен,
И в полдень встанут все часы.
И солнце сам Юрий Гагарин
Улыбкой скроет от грозы.

И, уезжая, напоследок
Я со слезой стопарь махну,
И водки вкус так будет едок,
Как взгляд ушедших на войну.

ПОЭЗИЯ

Наталья АПРЕЛЬСКАЯ

«Я ПИШУ ЭТОТ ГОРОД, КАК МОЖЕТ ПОЭТ...»

Наталья Апрельская (Наталья Борисовна Лубянко) — родилась в 1966 г. в Ленинграде. Окончила ЛГИК им. Н. К. Крупской, автор семи стихотворных сборников, является членом редколлегии ряда поэтических сборников. Член СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Что повторять за теми вслед,
Кто жил и видел лично
Снарядом взорванный рассвет
И снега цвет кирпичный.

Чем младше возрастом поэт,
Тем дальше канонада
Тех четырех кровавых лет,
И тише звук набата.

В мрак неизведанной войны
Зачем вплетать банальность
Печальных строк, где только сны?
Лишь сны. А не реальность.

Писать стихами о войне,
Блокаде Ленинграда?..
О них рассказано вполне
Свидетелями «ада».

* * *

*О чем шумят друзья мои, поэты,
В неугомонном доме допоздна?..*

Николай Рубцов

Я хожу любоваться фасадом
На Таврической. Дом тридцать пять.
Быстрым шагом Таврическим садом
Прохожу я опять и опять.

Почему так влечет к этой башне,
Где этаж окружает балкон?
Словно я наполняюсь вчерашним,
Мне знакомым еще изкокон...

Словно помню... А может быть, знаю
Пыл живых поэтических встреч,
И поэтов крылатую стаю,
И горячую критиков речь.

Тянет к дому с мистической силой
Века прошлого творческий след.
Видно, башня еще сохранила
Дух известных «Ивановских сред».

* * *

Я живу здесь безумное множество лет.
Ощуцаю порой, что их сотни и сотни.

Я пишу этот город, как может поэт:
От известных садов до слепой подворотни.

Гулкий отзвук пунктира моих каблуков
Разорвет тишины палантин акварельный...
Я пишу этот город под звуки шагов,
Под сирены, под грохот, под скрежет петельный

Проржавевших, разинувших души ворот.
От колодцев-дворов до красот эрмитажных
Я стихами пытаюсь все то, что вразброд,
В горсти строф собирать на страницах бумажных.

СЕГОДНЯШНЕЕ

Сбежать? Куда?
Остаться здесь? Заснуть,
Чтоб пробудиться, но в иное время,
Когда бы жизнь слагалась не по схеме,
Где ложь стремится в праведную суть!..

Где гарь и дым сжирают кислород,
Где нет конца и края преступлениям
И люди предают без сожаленья,
Ища в потоке жизни легкий брод...

Проснуться, чтоб растаяло, как сон,
То ощущение долгого кошмара,
Что для России фатум или кара,
Годами возводимые в закон.

ЛАДОЖСКОЕ

Природной удивляя красотой,
Здесь скалы нависают над водой.
Здесь солнце жжет, впадая в жаркий гнев,
И сотни лет шлифуется рельеф.
Хозяйничают чайки на камнях,
Пикируя прицельно на меня.
Кричат истошно, чтобы никогда
Не заплывала больше я сюда.
Им кажется, что я — внезапный враг,
А я в воде держусь-то кое-как
И от пятнистых крошечных чайчат
Не отвожу — восторга полный — взгляд.
А те молотят лапками в воде,
Ища спасенья в той стихии, где
Волна и глубина — куда страшней...
Конечно, с точки зрения моей.

ОСТРОВ НА ЛАДОГЕ

Не Хозяйка Медной горы.
Я сегодня — хозяйка острова.
Собираю в корзину дары
У лесного хозяйства пестрого.

Мох грибным разномастьем густ,
Полон влаги. С куста черничного
Покатались горошки бус...
Впрочем, что же тут необычного?

Не алмазы и малахит,
Не камнейв блестящих россыпи.
Под ногами земля горит
От широкой брусничной поступи.

Теплый август царит вокруг.
Сколько дани лесной собрала я —
Не хватает хозяйке рук,
Хоть взяла — лишь частицу малую.

ВСТРЕЧА НА РЕКЕ

Меж дикими лесными берегами
Текла река. И мы по ней текли
В байдарке легкой.
Веслами-шагами
Отсчитывали версты. Сон земли
Был не везде весною потревожен.
Май стартовал, и солнце иногда
Приятно грело, меж ветвями вхоже.
Лишь тихая холодная вода
Качала редких уток, как спросонок.
Река влекла за новый поворот...
И вот сюрприз: под горкой — медвежонок!
К воде спустился из лесу и пьет.
В восторге закричала: «Мишка! Мишка!
Живой! Такой красивый... Посмотри!»
Он, было, прочь рванулся, как воришка,
И, отбежав немного, метра три,
Вдруг замер, оглянулся с интересом,
Коричневый, мохнатый...

Но заметь:
На самом деле он — Хозяин леса —
Охотник сильный, русский наш
медведь.

* * *

Средь пыли загазованного города
Вдруг яркий запах скошенной травы
Над улицей повис, свежо и молодо,
Совсем не схожий с воздухом Невы.

Газон подстригли, и травы излишками
Закидана газонная земля.
Мне вспомнилась картина «Травки» Шишкина.
Некошеные русские поля...

Но в городской природе, обездвиженной,
Живей трава, которая подстрижена.

Дмитрий ХАНИН

«ДУША К ПРОЗРЕНЬЮ НЕ БЛИЗКА. НО ОТОВСЮДУ НЕБО БРЕЗЖИТ»

Дмитрий Игоревич Ханин — поэт, родился в 1989 г., выпускник факультета математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета, лауреат международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами», премии им. Николая Гумилева и др. Член СП России с 2011 года. **Живет в Ростове-на-Дону.**

* * *

Человечьи узки границы.
В мире света и синевы
Фотосинтезу б научиться
У качающейся травы,
У весенней беспечной вербы —
Чтобы терпкую гарь невзгод
Под лучами добра и веры
Переделывать в кислород,
Перечувствовать, постигая,
Передумывать, осознав...
И расти у подножья Рая,
Как одна из вселенских трав.

ЕЛКИ

Наши судьбы — словно елки.
Мишура мечтам сродни.
Осыпаются иголки,
Будто прожитые дни.

За окном все вьюга застит,
А на елке — блещет шар.
Он так хрупок и прекрасен,
Точно детская душа.

В доме тихо и нарядно,
Льется — сумраку в ответ —
Разноцветный свет гирлянды,
Словно будущего свет.

...Не впустую ночь проходит,
Если вспомнится потом,
Что от елки новогодней
Пахло светом и добром.

* * *

Подходит август к завершенью,
Сыреет высь над головой.
Мне судьбоносные решенья
Уже не кажутся игрой.
Уже громоздки стали цели,
Уже иные смыслы в них —
Как будто вдруг потяжелели
Значенья капель дождевых.
Я дождь читаю, словно книжку,
Слова сливаются в упрек:
Мол, я живу теперь с отдышкой
И дни мои текут не впрок,

Мол, за последнюю неделю
Я стал угрюмее и злей...
Все это так — на самом деле,
Душа теряет журавлей.

Пора синиц. Чего мне нужно?
Заглянешь в сердце —
грусть да гладь...
А в сентябре пойду по лужам
Учиться заново играть...

* * *

Мгновений бег — поэмки бег.
Здесь так зимы по-русски много!
Меж холодов бредет дорога
И снег сменяется на снег.

Душа к прозрению не близка.
Но отовсюду небо брезжит.
И очень хочется надежду
Найти в глазах снеговика.

И я сменяю год на год.
Мой снеговик, что слеплен Прошлым,
Тревогой зябкой припорошен,
А смотрит все-таки вперед.

Белеет вечность вдалеке.
Жизнь повторяется стократно...
...А снег о чем-то невозвратном
Скрипит на русском языке.

* * *

Душа о зле еще не знала.
И снег летел меж детских дней,
Как будто светлое начало,
Как будто жизнь, где смерти мало,
А больше елочных огней.

А снег спешил. Приняв свободу,
За ним летели на ветру
Надежды, страхи и невзгоды.
Душа выросла с непогодой.
Но все растаяло к утру...

И было радостно неясным,
Зачем летит он и зачем
Ребенок, выросший из яслей,
На снег, бескрайний и прекрасный,
Глядит, взрослея между тем.

Конечно, вновь зима расстелет
Свой белый цвет и торжество,
Но как по-детски жить в метели
Не ради выдуманной цели,
А ради снега самого?

* * *

У перронов осенних вокзалов
Дождь, как поезд, по рельсам стучит.
Жизнь моя средь ночных перевалов
Совершает усталый транзит.

Что ж, гони, машинист, по-над кручей
Мимо станций мерцающих лет!..
Сам себе я всего лишь попутчик,
Соучастник случайных бесед.

Часто чувствую в грусти бессонной,
Верстовые считая столбы,
Будто годы — колеса вагона,
Прицепного к составу судьбы.

...Фонарей промелькнет вереница,
А затем — до смятенья темно.
И надежда — души проводница —
Вновь из тамбура смотрит в окно.

* * *

Когда возникает апатия к ветру
И долго не спится,
То время идти, возвращаясь по метру,
К исходной странице,
Вдоль памяти — к детству, к далекой метели
И первому крику,
Любуясь, как снег укрывает качели
Да держит калитку.
А там, за калиткой — вишневые годы
И банка с вареньем,
И бабушкин взгляд, и беспечность свободы,
И радость рождения,
Там близость начала и вера подспудно
В бессмертье и лето,
Там все неподкупно, там все неподсудно,
Все кажется светом.
И нет ничего, что успеет наскучить:
Ни страха, ни цели —
Белеет надежда да ветер скрипучий
Качает качели.

* * *

Я стою среди могил,
Закусив по-детски губы.
Так, как дедушка любил,
Вряд ли кто меня полюбит.

Меж родными мне людьми
Жил — глаза на свет разинув,
Будто ягоды любви
Клал в сердечную корзину.

Кроме бабушки моей,
Кто в беду утешит словом?
Покосился крест над ней —
По весне поставлю новый.

Много ль вишенок сберег?
Годы катятся по свету.
Вот бы внукам в нужный срок
Передать корзину эту.

* * *

Любе С.

Как горбушку пшеничного хлеба,
Щепоть счастья от звезд отломлю.
Не по уши влюбленный — по небо,
Я тебя по рассветы люблю.

Пусть кружат щебетливою стаей
Разноцветные дни впереди.
О любви и уюте мечтаю
По осенние наши дожди...

Побродил я по миру — не скроюсь.
Так неужто случилось в пути
От любви, что бывала по пояс,
До любви, что по жизнь, дорасти?!

А когда, завершая беспечность,
Снег нездешний накроет и нас,
Я любить тебя буду по вечность
С тем же светом, с каким и сейчас.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ПУСТОЗЕРСК: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Елена НАУМОВА

Примерно тридцать лет назад мы посетили легендарный Пустозерск. Его основали в 1499 г. в дельте Печоры, в некотором удалении от основного русла на вдающемся в озеро полуострове. С трех сторон его окружала вода, а с четвертой вплотную подходила тундра, весной заливаемая рекой. И тогда Пустозерск превращался в сказочный остров Буян. Само название Пустозерска как бы говорило, что город основан на пустом, безлюдном месте. Со временем он превратился в крупный торговый центр, став перевалочным пунктом на пути в далекие сибирские края, в труднодоступные Обдорск и Мангазею.

Очень скоро далекий северный городок снискал печальную славу царской тюрьмы, места заточения опальных вельмож. Бежать отсюда никто не решался. Здесь оказался в

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Директор музея Елена Елисеева

Мемориальная часть деревни Устье

ссылке боярин Артамон Матвеев; недолгое время находился некогда все-
 сильный фаворит царевны Софьи князь Василий Голицын. Но, пожалуй,
 самым известным узником стал мятежный протопоп Аввакум, неистовый
 поборник старообрядчества. Пятнадцать последних лет своей жизни провел
 он в земляной тюрьме и был заживо сожжен со своими «соузниками»: ино-
 ком Епифанием, священником Лазарем и дьяконом Федором.

Пустозерск считался самым удаленным северным форпостом Московского государства, но со временем он стал терять свое значение. Слишком уж далеко находился от появившихся крупных городов и проложенных торговых путей. Со временем он превратился в деревушку, которую в 1962 г. покинула последняя жительница. Оставшиеся дома и церковь перевезли на противоположный берег озера в деревню Устье.

Спустя годы после первого посещения Пустозерска мы решили вновь увидеть этот некогда процветавший полярный город — в год его 520-летия и в канун четырехсотлетия протопопа Аввакума. Хотелось узнать, многое ли изменилось за эти годы как в самом Пустозерске, так и в Нарьян-Маре, откуда отправляются осматривать древнее городище.

Перемены действительно произошли. Достаточно сказать, что в Нарьян-Маре мы посетили главное здание созданного в 1992 г. историко-культурного и ландшафтного музея-заповедника «Пустозерск», где, осмотрев экспозиции, договорились о поездке в древний город. Увидели мы и установленный в честь пятисотлетия Пустозерска памятник в виде древней часовни. Побывали и в кафе «Фрегат в Пустозерске». Ясно, что слово «Пустозерск» в столице Ненецкого АО знакомо каждому жителю. Узнали мы и о существовании в городе старообрядческой общины.

Ранним утром, сев на быстроходный катер, мы примерно за сорок минут добрались до села Устье, расположенного совсем недалеко от Пустозерска. Там мы встретились с директором заповедника Еленой Анатольевной Елисеевой. Она рассказала нам, что деревня Устье постепенно становится частью музея-заповедника, показала деревянные дома, где разместят экспозицию и где смогут остановиться туристы. Увидели мы и перевезенную из Пустозерска деревянную Преображенскую церковь, срубленную в 1837 году. В наш первый приезд ее использовали под коровник. Теперь же готовили к реставрации. Вспомнилось, как тридцать лет назад мы посетили в Устье дом, в котором жил родившийся в Пустозерске Иван Иванович Кожевин. Тогда он показал нам английские монеты, найденные на территории ныне безлюдного городища. Пустозерск считался портовым городом, в гавани которого бросали якоря иностранные суда. Да и немало наших кораблей отправлялись отсюда торговать за границу, исследовать Арктику.

Иван Иванович нас не узнал, слишком много лет прошло. Но монеты вновь показал. Вспомнили мы, как в первый приезд, обратив внимание на не совсем обычную завалянку, догадались, что перед нами ступень космической ракеты. Иван Иванович объяснил тогда: «Они в тундре часто попадают. Где-то ракеты запускают, а на нас обломки сваливаются. Вот и подбираем. Не пропадать же добру без присмотра». На сей раз мы ракету не увидели, на ее месте стоял уазик-буханка. Выяснилось, что ракету увезли в соседнюю деревню и использовали для сооружения погребя.

Простившись с Устьем и его гостеприимными жителями, мы отплыли в Пустозерск. Он, к счастью, встретил нас пасмурным небом и мелким дождем. Мы радовались отсутствию комаров и гнуса, которые в прошлый раз, в ясную погоду и тридцатиградусную жару, заставили нас раньше времени покинуть Пустозерск.

Первым делом мы отправились в сторону недавно возведенной часовни в честь протопопа Аввакума. Ее регулярно посещают совершающие паломнические поездки старообрядцы. Осмотрев часовню, подошли к пустынному

Преображенская церковь, перевезенная из Пустозерска

Часовня протопопа Аввакума

городищу. Среди холмиков, в которые превратились фундаменты и срубы древних построек, по-прежнему возвышается установленная еще в 1964 г. краеведами-энтузиастами каменная стела с надписью: «На этом месте находился город Пустозерск, основанный в 1499 г., — экономический и культурный центр Печорского края, сыгравший важную роль в освоении Крайнего Севера и в развитии арктического мореплавания». Монумент сложен из камней фундамента разобранной Преображенской церкви. На древнем же го-

Место сожжения Аввакума

родище стоит, напоминая о печальном прошлом, деревянный памятник. Он появился на предполагаемом месте сожжения протопопа Аввакума, сумевшего за годы заточения в земляной тюрьме создать абсолютно новаторское для того времени автобиографическое произведение «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Свои сочинения он тайно передавал через единомышленников на волю.

В канун празднования четырехсотлетия знаменитого узника сотрудники музея-заповедника приняли участие в организации выставки, посвященной «Житию». Ее открыли «по соседству» — в старинном селе Усть-Цильма, вытянувшемся вдоль Печоры в трехстах километрах выше по течению от Нарьян-Мара. Усть-Цильму в качестве места проведения выставки выбрали не слу-

чайно. Издавна село считалось крупным центром старообрядчества. Сюда, спасаясь от преследований, когда-то бежали многочисленные противники никоновских реформ. Их усилиями Усть-Цильма превратилась в процветающее село с огромными двухэтажными бревенчатыми домами и ухоженными деревянными тротуарами. В некотором удалении от Усть-Цильмы находился Великопоженский старообрядческий скит. В декабре 1743 г., не желая сдаваться прибывшему по доносу военному отряду, скитники затворились в церкви и приняли мученическую смерть, совершив самосожжение. Погибли 86 человек. В историю произошедшее вошло под названием «Пижемская гарь».

Сегодня, как и в давние времена, попасть в Усть-Цильму непросто. Между ней и Нарьян-Маром в летнее время курсирует рассчитанный на 10 человек катер. «Частник тут один возит», — сказали нам в Нарьян-Маре. Вот и все транспортное сообщение.

И вновь рано утром мы подошли к берегу Печоры, где нас дожидался катер и его капитан — Константин Кириллович Чуркин, история и будни которого заслуживают отдельного рассказа. Ветер, скорость которого достигала 16 м/с, всю гулял по реке, поднимая волны с барашками. Не

Музей в Усть-Цильме

каждый капитан решил бы отправиться в путь в такую погоду. Но мы все же отчалили. Примерно 8 часов подбрасываемый волнами катер добирался до Усть-Цильмы. И за все это время, проплывая вдоль поросших тальником пустынных берегов, он сделал лишь три остановки. В селе Новый Бор капитан, он же штурман и матрос, приглашая на посадку записавшихся пассажиров, произнес несколько немецких фамилий. Оказывается, здесь живут потомки спецпереселенцев — поволжских немцев, когда-то не по своей воле оказавшихся в здешних краях. Скольких же страдальцев принимал Печорский край!

Оказавшись в Усть-Цильме, мы сразу отправились в местный музей. Он носит имя А. В. Журавского, много сделавшего для превращения Усть-Цильмы в крупный культурный центр нижней Печоры. Конечно же, нас прежде всего интересовала выставка «По страницам “Жития протопопа Аввакума...”». Рассказывая о ней, научный сотрудник музея Мария Петровна Канева показала скамеечку, сказав: «На ней молилась моя бабушка. Я передала ее в музей, равно как и икону Тихвинской Богоматери с клеймами почитавшейся в нашей старообрядческой семье святой Агафьи. Я тоже отношусь к староверам. Регулярно посещаю недавно построенную в Усть-Цильме старообрядческую церковь, где бережно сохраняются уцелевшие за годы гонений наши святыни».

Покинув Усть-Цильму, мы переправились на пароме через Печору и отправились в село Ижма, но уже не для того, чтобы преклониться перед местными святыми. Мы мечтали увидеть человека, хоть и не святого, но за которого наверняка молятся в десятках семей нашей страны. Зовут его Сергей Михайлович Сотников. Много лет он работает начальником местной вертолетной площадки. Вся Россия узнала о нем, когда на взлетную

Мария Канева

полосу вверенного ему хозяйства в 2010 г. приземлился терпевший бедствие ТУ-154, летевший из Якутии в Москву. К тому времени в Ижме уже 12 лет не садился ни один самолет. Но Сотников все равно поддерживал полосу в рабочем состоянии. Что заставляло его делать это? Скорее всего, долг профессионала, нежелание мириться с разрухой в своем аэропорту. Собравшиеся садиться на речку пилоты ТУ-154 вдруг к своему изумлению увидели чистую взлетную полосу без единого дерева и кустика. И хотя она и оказалась короче, чем требовалось для посадки крупного лайнера, тем не менее, самолет удачно приземлился, всего на 150 метров выкатившись за пределы взлетно-посадочной полосы. В результате ни один из 72 пассажиров и 9 членов экипажа не пострадал. Да и самолет не получил серьезных повреждений. После непродолжительного ремонта он самостоятельно покинул Ижму и еще долго осуществлял пассажирские перевозки.

Сергей Михайлович встретил нас у здания аэропорта, точнее, вертолетной площадки. Он работает один, помощников у него нет. Следит за прибытием и отправкой вертолетов, убирает территорию. В его распоряжении снегоуборочная машина и газик. Он сам ими управляет. Узнав о его многочисленных профессиях, мы сразу вспомнили о встретившемся нам на Печоре другом энтузиасте-одиночке — К. К. Чуркине. Наверное, на таких людях Россия и держится.

«К сожалению, сейчас вертолеты летают мало, — вздыхает Сергей Михайлович. — Для регулярных перевозок пассажиров они используются только во время распутицы, когда ни на каком другом транспорте, кроме воздушного, невозможно добраться до глухих деревень Усть-Цилемского и Ижемского районов республики Коми. Аэропорт вряд ли когда-нибудь вновь будет принимать самолеты. Бетонная полоса разрушается, хотели

Н. Шевцов и С. Сотников

было асфальт класть, смету на 40 миллионов прислали... Таких денег ни у кого нет... Думаю завершать свою работу. Я ведь уже семь лет как пенсионер. Тем более, есть чем заняться на отдыхе, ведь у меня три дочери и семеро внуков».

Услышав эти слова, мы почувствовали, что Сергей Михайлович глубоко переживает по поводу собственной не востребоваемости. Мы прошли вдоль той самой спасительной взлетной полосы. Естественно, она по-прежнему идеально вычищена. Сотников показал, где ТУ-154 коснулся земли, рассказал, как после ремонта лайнер снова поднялся в воздух...

Сергей Михайлович предложил довезти нас до центра Ижмы. Пока ехали, произошло удивительное. Мы увидели летевший вертолет. «Это не к вам?» — «Да нет, мимо нас из Ухты куда-то летит», — произнес Сергей Михайлович. И в этот момент вдруг раздался звонок по его мобильному телефону. «Сейчас буду», — ответил он. Выяснилось, что вертолет шел на посадку в Ижму, чтобы забрать заболевшую женщину. Быстренько распрощались, и Сергей Михайлович помчался в сторону вертолетной площадки. Мы же подумали: «Как же вы нужны всем нам, дорогой наш С. М. Сотников!»

История и современность

Владимир МАЛЫШЕВ

ТАЙНА ТУРГЕНЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

*Как пропало самое
знаменитое русское
книжное собрание
в Западной Европе*

Владимир Викторович Малышев — окончил итальянское отделение филологического факультета ЛГУ. Много лет работал корр. и зав. отделениями ТАСС и ИТАР-ТАСС в Италии и Греции, а также в центральном аппарате ТАСС в Москве. Публиковался и был заграничным корреспондентом «Литературной газеты», «Известий», «Московского комсомольца». Во время работы в Греции создал русскоязычные газеты. Автор многих книг, а также сценариев художественных фильмов. Был директором санкт-петербургского Дома писателя. **Живет в Санкт-Петербурге.**

С 26 сентября по 6 октября 1940 года специальное подразделение ведомства рейхслайтера Альфреда Розенберга вынесло из зданий № 13/15 по улице Бушери в Париже 306 ящиков с наиболее ценными книгами Тургеневской библиотеки. Так началось разграбление самой знаменитой русской общественной библиотеки в Западной Европе. Библиотека была названа именем великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, 200 лет со дня рождения которого отмечали недавно. Именно его книги стали основой этого замечательного собрания.

Долгое время считалось, что оно погибло во время войны в годы гитлеровской оккупации Франции, однако, как выясняется, на самом деле это совсем не так...

Инициатором создания русскоязычной библиотеки в Париже стал революционер-народник Герман Лопатин. По его замыслу, она должна была стать не только книгохранилищем, но и центром, вокруг которого объединилась бы революционная молодежь. Однако средств на ее создание у Лопатина не было, поэтому он обратился за помощью жившему в то время в Париже Тургеневу. Личные книги Тургенева и стали основой будущей библиотеки.

Датой ее рождения можно считать 15 февраля 1875 г., когда Тургеневым был организован утренник, на который собрались многие известные деятели культуры, находившиеся в то время в Париже: Репин, Поленов, Маковский, Антокольский, русский посол князь Орлов. Собранные две тысячи франков были потрачены на покупку книг и аренду помещения для библиотеки. После смерти Тургенева в 1883 г. библиотеке было присвоено имя великого писателя.

Лишившись своего щедрого покровителя, Тургеневская библиотека

не раз попала в трудное положение. Не всегда хватало денег и для выплаты жалованья библиотекарям. По заведенной традиции для изыскания средств организовывались благотворительные мероприятия. И хотя большинство русских эмигрантов не обладало большими средствами, Тургеневская библиотека выжила и продолжала умножать свою книжную коллекцию. Со временем она стала одним из крупнейших русских книгохранилищ за пределами метрополии.

В уставе, принятом в 1911 г., целью Тургеневской библиотеки было провозглашено: «дать возможность проживающим в Париже русским поддерживать духовное общение с родиной и следить за развитием ее общественной жизни». В 1920—1930 гг., когда во Францию хлынула новая волна эмигрантов, выброшенных из России Октябрьской революцией, «Тургеневка» стала одним из главных культурных центров Русского зарубежья, помогая людям переносить тяготы чужбины, сохранять верность историческим корням. В ней читались публичные лекции, проводились выставки, устраивались концерты. Читателями «Тургеневки» были люди самых разных политических взглядов и социального положения. При библиотеке был организован «Русский литературный архив» и специальный временный комитет. Возглавил его Иван Бунин, присуждение которому Нобелевской премии стало праздником для всей русской эмиграции. В состав комитета вошли люди, составлявшие цвет интеллигенции российского зарубежья: писатели Иван Шмелев, Марк Алданов, Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Михаил Осоргин, Борис Николаевский, художник и историк искусства Александр Бенуа, редактор журнала «Голос минувшего» Сергей Мельгунов, танцор и хореограф Серж Лифарь. Член комитета, большой знаток книжных раритетов Михаил Осоргин подготовил обстоятельное исследование книжных богатств «Тургеневки».

К числу самых ценных библиографических редкостей он отнес 4 тома «Собрания государственных грамот» (1813—1826); «Софийский временник», изданный П. Строевым (1820); изданное Новиковым первое «Полное собрание всех сочинений А. П. Сумарокова в стихах и прозе (1781—1782); «Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича» (1786); «Словарь достопамятных людей земли русской» Бантыш-Каменского в 5 томах (1836); первое полное издание «Сочинений Карамзина» в 8 томах (1803).

Фонды библиотеки постоянно пополнялись, в 1937 г. они насчитывали уже 100 тыс. книг. В этом же году библиотека получила великолепное помещение в старинном особняке XVIII века — так называемом дворце Кольбера на улице Бюшри.

«Эта библиотека — настоящий клад, — отмечал в свое время писатель-эмигрант Марк Алданов. — В ней иногда находишь издания, которых не было в лучших библиотеках России. Создано это дело на гроши в самом буквальном смысле слова. На гроши оно и ведется благодаря самоотверженному труду нескольких людей».

ВОСПОМИНАНИЕ ЭРЕНБУРГА

Илья Эренбург, живший одно время в Париже, в своей книге «Люди, годы, жизнь» вспоминал об этом уникальном собрании так: «Книги я брал в Тургеневской библиотеке. Ее судьба драматична... Два поколения рево-

люционной эмиграции пользовались книгами “Тургеневки” и обогащали ее библиографическими редкостями...

В начале Второй мировой войны русские писатели-эмигранты передали свои архивы на хранение Тургеневской библиотеке. Один из ближайших сподвижников Гитлера, балтийский немец Розенберг, который считался ценителем “россики”, вывез Тургеневскую библиотеку в Германию. В 1945 году, перед самым концом войны, незнакомый офицер принес мне мое письмо, посланное в 1913 году М. О. Цетлину (поэту Амари). Офицер рассказал, что на одной немецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле; он подобрал несколько писем Горького и, случайно заметив на истлевшем листке мою подпись, решил доставить мне удовольствие. Таков конец Тургеневской библиотеки», — резюмировал И. Эренбург.

РАССКАЗ НИНЫ БЕРБЕРОВОЙ

Свидетелем похищения гитлеровцами книг Тургеневской библиотеки стала жившая в то время в Париже в эмиграции Нина Берберова. Она написала об этом **очерк, опубликованный в Антологии «Нового журнала»**, издаваемого в Нью-Йорке, в 2002 году.

«Немцы заняли Париж 14 июня 1940 года, — вспоминает она. — В начале августа я приехала в Париж на велосипеде из деревни, где у меня в то время был маленький деревенский дом. Других способов передвижения, кроме велосипеда, в те месяцы не было. Я выехала очень рано и была в городе около одиннадцати часов утра. Я вела в те годы записи, нечто вроде дневника. По этим записям видно, что я в тот день была в Тургеневской библиотеке и взяла том Шопенгауэра (в русском переводе)...

Через месяц я снова приехала в Париж и на этот раз зашла к И. И. Фондаминскому, жившему у себя на квартире, на авеню де Версай. Кто в это время жил вместе с Фондаминским, мне неизвестно. Сам он по-прежнему занимал свой кабинет, темный и сыроватый, весь уставленный книгами. В течение августа месяца ко мне в деревню было привезено довольно много ценных вещей людьми, желавшими скрыть свое имущество...

У меня была мысль предложить И. И. Фондаминскому перевезти ко мне наиболее ценные книги, чтобы их сохранить столько же от бомбардировок, сколько и от обысков, которые вот-вот могли начаться. Но я встретила с его стороны категорический отказ.

НЕМЕЦКИЙ “ЦЕНИТЕЛЬ КНИГ”

Он начал с того, что высмеял меня за “панику”, и сказал, что бомбардировок он не боится, т. к. кабинет его в полуподвале (в этом, вероятно, он был совершенно прав), а что касается обысков, то ему они не страшны, так как у него теперь есть защитник — молодой немец, книголюб и ценитель русских изданий, который ходит к нему часто по вечерам и с которым он беседует на самые различные темы...

Делать было нечего. Я с грустью оглядела полки, на которых стояло столько прекрасных книг, и собралась было уйти, как раздался стук в дверь и в комнату вошел молодой человек, светловолосый, в очках, с улыбкой на довольно приятном лице. Это и был новый знакомый Фондаминского...

Я вышла с тяжелым чувством. Когда через несколько времени я снова приехала в Париж, начиналась уже осень. Самое трудное было в этих поездках передвигаться по городу с грузом — картофеля, молока, книг, — привозимых в город. Так как мне предстояло пробыть в Париже весь день, то я решила первым долгом завезти в “Тургеневку” том Шопенгауэра, оставить его там у консьержки, а затем уже сделать все, что нужно, в различных концах города; повидать кого нужно, купить кое-что и вернуться в библиотеку к ее открытию.

Отель Кольбер находится в маленькой улочке около моста Нотр Дам. Не было еще и десяти часов, когда я вошла в ворота.

РАЗГРАБЛЕНИЕ

Весь двор был заставлен длинными ящиками некрашеного дерева, похожими на гроба. Они лежали и стояли стоймя, их было около тридцати, а может быть, и больше. Они казались пустыми. Я постучала в окошечко консьержки, которая меня знала, и попросила ее сохранить книгу у себя, обещав зайти за ней после трех. Она посмотрела на меня хмуро и сказала: — Они там.

Я бросилась наверх. Двери были настежь. Два ящика стояли на площадке лестницы, два других — в прихожей. Шла быстрая, энергичная, ритмичная укладка книг. Я помню, что я растерялась настолько, что стала спрашивать на плохом немецком языке, что, собственно, происходит, хотя сомнений не могло быть никаких. Мне ответили вежливо, что книги увозят. Куда? Почему? На это ответа не было, но в переднюю вдруг вышел человек — это был молодой коллекционер русских изданий.

Он узнал меня, улыбнулся и спросил, не может ли он чем-нибудь быть мне полезен? У меня, вероятно, на лице была написана часть того, что переживалось. Он опять подошел ко мне. Мне показалось, что он хочет взять у меня из рук Шопенгауэра, и я помню, что в тот момент я бы, конечно, его отдала ему. Но он совсем не интересовался книгой, которую я держала под мышкой, наоборот, он очень любезно и с каким-то даже соболезнованием спросил меня, нет ли в библиотеке каких-либо моих книг, и если есть, то он мне сейчас же их выдаст...

Молодой коллекционер, конечно, задолго до прихода к Фондаминскому имел свой план действий. И знал хорошо о существовании русского книгохранилища в Париже. Но к Фондаминскому в то утро мне идти не захотелось, мне показалось, что нужно попытаться сделать что-то... но что? Я сомневалась всего одну минуту. В следующую я уже спешила на Монпарнас, к Вас. Ал. Маклакову...

ЗА ПОМОЩЬЮ В ПОСОЛЬСТВО

Когда я рассказала ему, откуда я, он думал несколько мгновений и затем взглянул на меня. И в эту секунду одна и та же мысль прошла в его мозгу и в моем, как это иногда бывает (и даже довольно часто). Мы оба подумали об одном.

— Я знаю, куда надо пойти, — сказал он. — И вы тоже это знаете. Я молча кивнула головой.

— Надо предупредить советское посольство, ведь они с Германией в союзе. Они могут вступиться. Если, конечно, добраться до настоящего человека и суметь объяснить. Они остановят!

Через минуту он уже звонил председателю Правления Тургеневской библиотеки, Д. М. Одинцу, историку и сотруднику газеты П. Н. Милокова “Последние новости”. А через полчаса Одинец уже был с нами.

Мне пришлось повторить свой рассказ. Маклаков, которого очень утомляла машинка, выключил ее и сидел неподвижно за письменным столом, не участвуя в разговоре. Одинец был совершенно согласен, что единственное, что еще можно сделать, это пойти в советское посольство на улицу Гренель и попросить вмешаться. “Кто пойдет?” — спросила я. “Надо мне идти”, — ответил Одинец...

ТАМ РАБОТАЛ ЛЕНИН!

Одинец вернулся часа через два. Его рассказ я тогда же записала... Сначала он говорил с одним человеком, потом с другим, потом с третьим. Кто они были, осталось ему неизвестным. Он несколько раз объяснял, зачем пришел: вступиться за русскую библиотеку; Тургенев основал; Тургенев — “Отцы и дети”, “Рудин”, — когда в Париже жил...

На лицах не отражалось ничего. Это надо сделать скоро, иначе все книги уйдут... Но слушавшие его люди только плечами пожимали: при чем тут мы? Эмигрантские дела! Нас совершенно это не касается.

“И вдруг, — сказал Одинец, — словно меня осенило, и я сказал им: в этой библиотеке Ленин работал, там есть книги с его пометками, там есть книги, которые он оставил в библиотеке, там даже есть стул, на котором он сидел (у меня, сказал Одинец, работало воображение, как никогда в жизни)”.

И вдруг люди забежали, засуетились, позвали еще троих, заставили повторить слова о Ленине.

— Провожая меня, — закончил Одинец, — они провели меня через совсем другие двери. И они все отпирали их и запирали их. И, представьте себе, мне показалось, что один из них даже обещал, что они что-то такое предпримут, хотя, конечно, мало это вероятно. А наверное, одного телефонного звонка было бы достаточно!..

В ту ночь я опять ночевала у друзей в Булони, и когда на следующий день я пришла к отелю Кольбер, все было кончено. Гробы были увезены, двери заперты, наложены печати. Самое крупное русское книгохранилище вне России перестало существовать...»

КОНФИСКАЦИЯ «ЕВРЕЙСКИХ» КНИГ

Но зачем же немцам понадобились книги из русской библиотеки? Дело в том, что штаб рейхслайтера Альфреда Розенберга, по замыслу нацистов, должен был заниматься созданием научно-исследовательской библиотеки для нужд нацистской пропаганды. В годы войны он превратился в организацию, проводившую в крупных масштабах захват культурных ценностей на оккупированных территориях. Розенберг подбирал в свою команду интеллектуалов, знавших толк в книгах и владевших, как и он сам, несколькими языками.

В их числе был Герд Вундер, бывший директор городской библиотеки в Дюссельдорфе. Он и руководил конфискацией книг в библиотеках французской столицы. В своем донесении на имя главнокомандующего немецкими войсками во Франции Герд Вундер сообщал, что в Париже его людьми уже конфискованы 110 «еврейских» библиотек. Тургеневская библиотека (имевшая к тому времени почти сто тысяч книг), по его мнению, тоже входила в число «еврейских». Часть книг этой библиотеки передали затем начальнику Главного управления имперской безопасности Эрнсту Кальтенбруннеру. Основной же фонд оказался в Берлине в распоряжении так называемой Восточной библиотеки, которая была одним из тех центров, где разрабатывалась доктрина «слабой славянской расы». После того как авиация союзников приступила к ковравым бомбардировкам немецких городов, было принято решение о перемещении фондов Восточной библиотеки из Берлина.

Книги были перевезены в Ратибор в Силезии. Согласно документам, сохранившимся в Военном архиве во Фрайбурге, к февралю 1944 г. коллекция книг из Тургеневской библиотеки была помещена (как и положено «еврейской библиотеке») в здание бывшей синагоги в центре Ратибора. Последние сотрудники покинули Восточную библиотеку непосредственно перед вступлением Красной Армии в Ратибор.

В мемуарах майора Бориса Шиперовича, служившего в трофейной бригаде Главного политуправления Северной группы войск в Силезии, отмечено, что сначала он нашел несколько книг со штампами Тургеневской библиотеки в замке, который он назвал «Немецкой Лиссой». Затем он и его офицеры обнаружили два огромных товарных склада в Мысливицах, где хранилось «около 1 200 000 томов на русском и других языках из шести советских библиотек Минска, Могилева, Пскова, Риги и т. д. Седьмой библиотекой, указанной в отчете трофейной бригады, была «русская Тургеневская библиотека в Париже». 4735 деревянных и 2305 картонных ящиков с книгами погрузили в 54 железнодорожных товарных вагонов и в октябре 1945 г. отправили в Минск.

Около 60 000 книг со штампами Тургеневской библиотеки были перемещены из Мысливиц в клуб офицеров Красной Армии в городе Лигнице. В зашифрованном сообщении один из руководителей трофейной бригады подтвердил, что «парижская Тургеневская библиотека находится в клубе офицеров в Лигнице под командованием начальника ГПУ Северной группы войск генерал-лейтенанта Окорокова».

Еще позже сообщили, что все лучшие книги, принадлежавшие Тургеневской библиотеке, переданы майором Б. Шиперовичем в Ленинскую библиотеку в Москве.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

По мере рассекречивания старых документов вскрылись подробности. Как свидетельствует Виктор Фишман в статье, опубликованной в газете «Русская Германия», в архивах Ленинской библиотеки есть немало сведений о получении книг, принадлежавших Тургеневке. Например, накладной № 1130 от октября 1948 г. засвидетельствовано получение 100 тонн (!) книг, доставленных «на скором железнодорожном поезде из клуба офицеров в

Лигнице», другой — о доставке 362 тонн (!) книг с военной базы в Печи, Минской области, и так далее.

Среди книг, помещенных после войны в спецхран Российской государственной библиотеки (бывшая Ленинская), как установили специалисты, есть, например, подписанная известным писателем Марком Алдановым книга «Портреты» (Берлин, 1931), редкое издание книги «Черная роза» (Берлин, 1910) Иллариона Ремизова; «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса (русский перевод, Женева, 1900), редкое берлинское издание трех рассказов Максима Горького, не прошедших цензуру в России, и т. д.

В отчете специалиста по архивам стран Восточной и Центральной Европы Гарвардского университета, доктора наук Патриции К. Гримстед есть свидетельство офицера Владимира Сашонко, служившего в Северной группе войск в Лигнице в начале 1950-х годов. Заведующий библиотекой в клубе офицеров Красной Армии в Лигнице рассказал Сашонко, что «отобранные книги, например, связанные с именами Ленина или с автографами Бунина, уже отправлены в Москву, а по поводу других он получил указание из Москвы сжечь их».

Имелись в виду эмигрантские издания из Берлина, Белграда, Парижа, Риги, Софии. Библиотекарь из Национальной библиотеки в Минске рассказывал Патриции К. Гримстед, что с риском для своего положения пытался спасти во время «чисток» хотя бы титульные листы книг из Тургеневской библиотеки с дарственными надписями знаменитых людей.

Таким образом, получается, что Тургеневская библиотека вовсе не погибла в годы войны, и судьба ее книг вовсе не «остается неясной», как указано сегодня, например, в Википедии. На самом деле значительная часть этого собрания хранится сегодня в Москве, о чем в свое время не сообщалось, поскольку все вывезенные из Западной Европы после войны в СССР сокровища культуры проходили под грифом «секретно» и поступали в спецхраны. Другую же часть бесценных книг этой библиотеки уничтожили мы сами, как «антисоветскую литературу»...

После войны трудами бескорыстных людей, озабоченных воссозданием русской библиотеки в Париже, «Тургеневка» возродилась, но уже в «новом формате». Город Париж снова предоставил русскому книгохранилищу помещение, но уже не такое большое как прежде. В основу нового собрания были положены дубликаты книг (около 600), которые хранились в подвале отеля «Кольбер» и до которых немцы не добрались. А потом библиотека стала пополняться за счет даров энтузиастов. В 1991 г. ее фонды насчитывали уже 40 тысяч томов.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ЗДЕСЬ ВСЕ — РЕАЛЬНО...

*О повести Игоря Изборцева
«Чудеса болотные»*

Николай Владимирович Переяслов — родился в 1954 г. Секретарь Правления Союза писателей России. Работал шахтером в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской обл., директором Самарского отд. Лит. фонда РФ, помощником мэра Москвы. Автор 40 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и др.; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад — милость для миров». Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалями св. кн. Даниила Московского, св. кн. Александра Невского, а также Мусы Джалиля и другими наградами. **Живет в Москве.**

Давно не читал я сказок, и не потому, что прошло уже много лет с той поры, как я вышагнул из детского возраста, а потому, что сами сказки куда-то напрочь ушли из нашей жизни после прошумевшей, как буря, над Советским Союзом перестройки. Воздух в стране стал каким-то другим, что ли, или атмосфера изменилась, будто сделалась за последние годы некой безвкусной и серой. Словно волшебство куда-то исчезло из нашей жизни, и все вокруг заполнили собой скучные и тусклые будни. Как будто окружавший нас мир стал навсегда вдруг унылым и безсказочным, словно цех заброшенного старого завода.

Единственное, что мне запомнилось из прочитанного за последние двадцать лет, так это были две сказки безвременно ушедшего в 2001 году от нас прозаика Михаила Волостнова «Несусветное в Поганочках» и «Авгень в Матрешках», показывающие нашу реальную жизнь под неким удивительным волшебным углом. Все же остальные произведения этого жанра представляют собой, на мой взгляд, только бледную литературную россыпь, не оставляющую в читательской памяти следов ни от нашей реалистичности, ни от сказочности.

И вдруг — новая сказка в духе Михаила Волостнова, в которой волшебная реальность намертво переплетается с самой что ни на есть реальной волшебностью. Ее написал интересный псковский писатель Игорь Александрович Изборцев (Смолькин), автор таких книг прозы и публицистики как «Делатель правды», «Не хлебом единым», «Спасти еще возможно», «Ратник духовный», «О тех, кто всегда идет впереди нас», романов «Ангел без печальный» и «Великий», повести «Пастушья сумка», рассказов «Были

и небыли Завокзалья», а также целого ряда других необыкновенных произведений. Суть, как мне кажется, заключается в том, что Игорь Александрович Изборцев в течение многих лет занимался изданием больших христианских календарей (типа альманахов), все страницы которых были насквозь пропитаны некими божественными чудесами, совершаемыми во благо людей посредством молитв такими святыми, как Николай Чудотворец, Георгий Победоносец, Сергей Радонежский, Спиридон Тримифунтский, Серафим Саровский, Матрона Московская, Ксения Петербургская, Иоанн Кронштадтский, Феодор Ушаков и целый ряд других чудотворцев, не говоря уже о Самом Иисусе Христе или Его Пресвятой Матери Марии. Деяния православных святых — это, конечно же, не сказочное волшебство, а воистину действие Божие, направленное на спасение человека. В этом и заключается суть чудес, к которым могут относиться не только исцеления людей от смертных болезней, но и избавления их от различных опасностей и даже их сильное физиологическое и духовное изменение.

Надо сразу отметить, что в этой небольшой полудетской-полувзрослой сказочке все оказывается в наивысшей степени реальным, и в то же время все — необыкновенно сказочным. Уже одно только название местности, на которой происходят сказочные действия, как бы относит их на границу нашей реальной жизни с вымышленной территорией. Эта местность называется — Завокзалье, что отчасти перекликается с такими сказочными названиями как Зазеркалье или Лукоморье. Но самое главное, что такие районы, как Завокзалье, находятся практически в каждом небольшом городке, где имеется железнодорожный вокзал, и я помню, что все свое детство мы с мамой и сестрой Танькой ездили в гости к своей бабушке, которая жила в хуторе с названием Восьмая Группа, расположенном недалеко от города Красноармейска в Донецкой области, для чего нам приходилось переходить через множество рельсовых рядов, называвшиеся путями, и за этими путями лежал странный поселок, дома в котором во многих случаях строились без фундаментов, а прямо на земле, вместо деревянных полов в этих домах были полы глиняные, а некоторые из них вообще представляли собой полуземлянки, не более метра возвышающиеся над землей.

Примерно в таком же поселке жил со своей матерью и Мишаня Коробов, игравший в свободное время в войну с такими же восьмилетними пацанами, да помогающий соседнему деду Пахому пасти гуся, по-братски делившему со стариком комнату в соседнем с ними доме. Жили Мишаня с мамой откровенно бедно, с трудом перебиваясь, чтобы хоть как-то хватало им денег на самое главное. «Бедность не порок, но, зачастую, едва посильный крест, — писал в своей сказке Игорь Изборцев. — Нина Сергеевна Коробова думала об этом каждодневно. Бедным и среди бедных жить непросто. Особенно без мужа, да с сыном-оболтусом».

Вот этому сыну-оболтусу и выпала по судьбе волшебная встреча с несколькими фантастическими вещами и персонажами, превратив его дни в страницы сказочной книги.

Однажды, не сумев выпросить у матери десяти копеек на кино в железнодорожном клубе, расстроенный этим Мишаня отправился, как говорится, куда глаза глядят, лишь бы не думать о недоступном для него фильме, и вдруг увидел перед собой фантастическую картину. В тупике, за заброшенным сараем, он неожиданно обнаружил то, чего там еще совсем недавно не

было: перед ним стоял небольшой, крашенный яркой синей краской дом с красивым крытым крыльцом, под красной черепичной крышей. Откуда он мог там взяться, Мишаня не мог даже придумать, и потому застыл с открытым ртом, не понимая, что же такое в его жизни происходит.

И тут перед ним появился воистину сказочный персонаж по имени Макар Иванович, который сначала осчастливил Мишаню целой двадцатикопеечной монеткой, подаренной ему на кино и мороженое, а потом открыл перед ним и другие нереальные дела. Ну, шутка ли — один раз этот самый Макар Иванович дал Мишане настоящий, хотя и маленький по размерам, паровоз, доставленный ему еще одним сказочным героем! Мишаня не знал, надо ли ему верить во все происходящее или не верить, но сказочный визитер с сачком на плече стоял перед ним на одной из Завокзальных улиц.

«— Я верный человек, с весточкой от друга! — сказал незнакомец приглушенным голосом, изображая на лице странные гримасы.

— Где-то я вас видел? — задумчиво спросил Мишаня. — Вы к нам в школу не приходили?

— Бывал, бывал, — тут же согласился незнакомец, — где я только не бывал?

— Вспомнил! — вдруг воскликнул Мишаня. — Вы — Дуремар из “Золотого ключика”!

— Ну, вот и познакомились, — как болванчик, закивал головой новоявленный Дуремар. — У меня для вас ценная бандероль, — он снял с плеча сачок, запустил руку в заляпанную засохшей тинной конусообразную сетку и извлек на свет Божий... огромную лягушку.

— Не то, — пробормотал он и отпустил земноводное в траву, еще раз пошарил в сетке и вытащил на сей раз прямоугольный сверток. — Только тс-с, никому! — приложил он палец к губам. — Вам дается в пользование до завтрашнего обеда. Потом вернуть! Кому, знаете сами. И тс-с! Никто ничего не должен знать!..»

В этой бандероли оказался во много раз уменьшенный маневровый паровоз с номером ОР-237-85, находившийся только что в районе депо и на поиски которого впоследствии была брошена большая группа оперативных работников. Они понимали, что источник этой фантастической истории находился в том самом красивом синем домике, который однажды встретил Мишаня в Завокзалье и познакомился в нем с незнакомым ему ранее Макаром Ивановичем, но попытка захвата этого таинственного дома вместе с его хозяином по какой-то причине не получилась. «А тот словно играл с оперативниками в странную игру, — писал далее об этом доме в своей повести Игорь Изборцев (Смолькин), — он то раскачивался из стороны в сторону, то пятился назад, то выступал вперед. Крыша его то сдвигалась набекрень, то выпрямлялась и приподнималась к небу... Пока оперативники бесшумно продвигались в глубину тупика, дом предпринял попытку скрыться. Он, как осьминог, выпустил чернильную копию самого себя и попытался было присесть за кусток».

Но атаковавшие странный дом оперативники тратить время на размышления не стали, вышибли наружную дверь и влетели в заваленные хламом сени, а затем, выставив перед собой оружие, распахнули следующую дверь...

И зажмурили глаза от яркого солнечного света. В лица им пахло ледяной свежестью моря, которое, собственно, и плескало волнами почти

прямо возле их ног. «По другую сторону узкой береговой полосы громоздились завалы из огромных камней, переходящие в горные уступы и сопки, покрытые диким первозданным лесом... Кроме леса и моря, ничего другого здесь не наблюдалось.

— Мужики, смотрите! — крикнул Одинок, указывая куда-то рукой.

Издали вдоль кромки воды в их сторону большими прыжками несется медведь...»

Так бесславно закончился захват оперативниками Макара Ивановича и его волшебного домика, на клумбе перед которым произрастали всевозможные вещи, типа саморастущих скворечников, а сам Макар Иванович дарил детям реализующиеся в жизни удивительные сказки. Да и, собственно говоря, в чем заключалась волшебная сказочность этого необыкновенного Макара Ивановича? На мой взгляд, исключительно — в доброте. Смыслом жизни Макара Ивановича было никого не обидеть, подарить ребенку радость и не дать никому нанести малышу незаслуженной боли. Ради этого и запускала в работу сила сказочного волшебства, привлекавшая для совершения необходимых чудес некоторых значительных политических персонажей, типа Юрия Владимировича Андропова или даже дорогого Леонида Ильича Брежнева. Ведь для чего нужны в этом не очень справедливом и грубом мире взрослые, если бы они не могли оказывать помощь детям? Доброта — это и есть та волшебная сила, которая помогает приходить в нашу жизнь чудесам и сказкам. И писатель Игорь Александрович Изборцев (Смолькин) прекрасно понимает миссию взрослых людей в этой жизни и роль в ней удивительной сказочной литературы...

ПРОЗА

Татьяна АГУРЕЕВА

ЧЕРДАК- ДИРИЖЕР

Татьяна Владимировна Агурева — родилась в п. Михнево Ступинского района Московской обл. Окончила Егорьевское музыкально-педагогическое училище и вокальный факультет РАМ им. Гнесиных. Работала в общеобразовательных учреждениях и учреждениях культуры Ступинского района, на протяжении 27 лет — внештатный регент церковного хора, из них 23 года в Успенском храме села Липитино. Награждена знаком отличия Губернатора Московской обл. «Материнская слава», грамотами митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, благодарственными письмами администрации и учреждений образования района.

Жила-была Девочка. И в том маленьком доме, где жила вся ее семья, был чердак. Чердак являлся не каким-нибудь там простым хозяйственным помещением между потолком и крышей дома, в котором складывали редко используемые или вовсе ненужные вещи. Чердак был особенным, можно даже сказать, сокровенным местом, куда регулярно должны были подниматься взрослые члены семьи, обязательно прихватив с собой что-нибудь из домашней утвари в качестве... музыкального инструмента. При этом о своих восхождениях на чердак они оповещали друг друга очень коротким и загадочным высказыванием, вкладывая в него только им одним понятный смысл: «Нужно лезть на чердак».

Чердак жил своей, самостоятельной, и нарочито обособленной от семьи жизнью, ярко проявляя в отношении всех ее членов необычайно требовательный и чуть капризный характер — характер повелителя. Когда Девочка была совсем-совсем маленькой, она явственно слышала, что чердак таинственно дышит над ее постелькой. Точнее, над полутораспальной кроватью ее мамы, с которой Девочка спала почти что до школьного возраста. Обняв милую мамочку за шейку или положив на ее большую мягкую грудь свою маленькую детскую ручонку с шустрými пальчиками, малышка быстро погружалась в сладкий сон, беззаботно позабыв обо всем на свете. В полудреме до ее слуха иногда доносились тихие звуки, похожие то на стрекот неутомонных кузнечиков в траве возле дома, то на жалобы старых деревьев в лесу. Взрослые дома знали, что так дышит их чердак-властелин, не страшно потрескивая потолочными перекрытиями, которые, соприкасаясь с большими листами фанеры внутри комнат дома, извлекали из

них легкое, чуть слышное пиццикато. Казалось, будто какой-то невидимый скрипач под руководством сказочного домашнего дирижера легким щипком своих умелых пальцев исполняет на огромной причудливой потолочной скрипке незамысловатые ночные мелодии. Тогда Девочка, конечно же, ничего не знала ни о симфоническом искусстве, ни о различных приемах игры на струнных музыкальных инструментах, которые обозначаются красивыми итальянскими словами. Она, как выражались в то время, родилась в простой советской семье, и только начинала говорить.

По причине своего младенческого возраста ей удавалось лишь повторять отдельные слова или короткие фразы, к примеру, из детских стишков прославленной поэтессы того времени Агнии Барто, которые малышка с радостью слушала перед сном. Особенно любимым из них было стихотворное повествование про Таню, уронившую в речку свой мяч, когда к авторскому тексту добавлялось мамино сочинительство. В своем рифмованном дополнении мама Девочки обнадеживающе обещала Тане, плачущей по плавающему в речке мячику, свою взрослую помощь: «Мы поедем за водой и достанем мячик твой». Как ездят за водой, да еще и на речку, Девочка не знала, потому что за водой в их семье не ездили, а ходили на колонку к пересечению двух улиц. В любое время года и в любую погоду кто-нибудь из родителей брал два больших десятилитровых эмалированных ведра и шел за водой. Дома воду из ведер переливали в сорокалитровую алюминиевую флягу, стоявшую в углу малюсенькой кухоньки у самой печки, и пользовались ею бережно и экономно для приготовления еды и всяких хозяйственных нужд. Там же, у хорошо натопленной печки, на две высокие «тубаретки» ставили белую пластмассовую ванночку, и мама мыла Девочку, обливая ее теплой водой из большого розового кувшина, ласково приговаривая: «С гуся вода, а с Танюшки худоба». Завернув розовощекую малышку в большое полотенце, кто-нибудь из родителей нес ее на мамину кровать вытираться и спать. После купания мама приятно напевала коротенькие куплетики, из разных известных детских песенок, которые она хорошо помнила со времен своей ранней молодости, когда работала воспитательницей в детском саду, находившемся в семидесяти километрах от дома в столице нашей Родины городе Москве. Было это десятью годами ранее рождения Девочки. А когда она появилась на свет, мама уже была продавцом в продуктовом магазине, который по-народному назывался «магазином на станции».

Еще со времен постройки железной дороги в самом начале двадцатого века, за этим местом, с платформой и дореволюционным зданием вокзала, у местных жителей прочно закрепилось название «станция». Были на том месте и водонапорная башня, и торговая площадь с бывшими продовольственными складами местных купцов, в которых на момент нашего повествования уже функционировали сберкасса, булочная, парикмахерская, клуб и музыкальная школа. Потом появились контора и сменивший ее поссовет. Но, не смотря на все эти, постепенно возникавшие градостроительные дополнения, ко всему скромному административно-архитектурному привокзальному ансамблю навсегда прилепилось простое местечково-географическое определение — «на станции». Такая система координат вот уже более полувека была привычной для нескольких поколений коренных подмосковных обывателей и понятной для немногочисленных, на тот момент, приезжих гостей. В свое время здесь, у станции, росли липы и тополя, в тени которых был разбит

маленький уютный скверик. Низенькая, окрашенная в зеленый цвет железная решетка огораживала ухоженное пространство с лавочками и пышно цветущими кустами акации, из изогнутых стручков которой проходилившие мимо дети обязательно делали свистульки и соревновались друг с другом в красоте и громкости извлекаемых звуков. Именно «на станцию», а не к установленному в начале скверика бюсту вождя мирового пролетариата, ходили с флагами, лозунгами, портретами руководителей ЦК КПСС, бу-мажными цветами и шарами, на так называемые демонстрации трудящихся 7 ноября и 1 Мая.

В начале праздничной колонны демонстрантов, двигавшейся по центральной улице, после знаменосцев всегда шел духовой оркестр в своем полном составе, исполнявший бодрые революционно-патриотические марши. Во все остальные дни года, по будням, отдельные музыканты того же оркестра, объединившись в небольшой ансамбль, ходили по той же главной улице только в обратном направлении — «от станции», сопровождая скорбно-траурными мелодиями похоронные процессии на местное кладбище, прозванное «Мясновским бугром». Вывод напрашивался однозначный: идти «на станцию» означало идти к жизни, свету и радости; что будет при движении «от станции» старались не задумываться. Эту мысль назойливо утверждали сложившиеся к тому времени коммунистические традиции местных демонстраций. Дойдя «до станции» и прослушав привычные призывные речи, звучавшие с красной, на ржавых полозьях трибуны, колонна советских граждан, состоявшая из хорошо знакомых друг другу жителей этого рабочего поселка городского типа, выкурив несколько папирос «Беломора» или «Дуката», постепенно рассеивалась по домам праздновать Октябрьскую или Первомай. Наша Девочка хоть и была совсем маленькой, но уже была «на станции» и считала для себя это путешествие самым дальним и впечатляющим в своей жизни. Одно из посещений такого знакового для всех жителей места было даже зафиксировано на фотографии: счастливая малышка с шарами, почти равными ее росту, стоит рядом с довольным, одетым в наглаженный костюм отцом. По обычаю, после демонстраций, отец с Девочкой заходили в здание, прозванное в народе «Стекляшкой». Взяв литровую кружку какого-то вонючего пенного напитка, отец с нескрываемым удовольствием пил его, шумно потягивая желтовато-коричневую жижу плотно прижатыми к стеклянному сосуду губами. Девочка видела, как пена иногда смешно прилипала к носу или верхней губе отца, которому самому это очень даже нравилось. Приподняв свои красивые с голубой проседью брови, отец с озорной искрой в глазах поглядывал на дочку снизу вверх. Девочка, точно артистка на сцене, стояла на столе, с высоты которого отчетливо видела всех празднично-громкоголосых посетителей «Стекляшки». Такое позволялось только в этой пивнушке. Приходя в другие местные пункты общепита под названием «Железка» и «Деревяшка», нужно было чинно усаживаться за покрытые засаленными скатертями столы. Девочка знала такие подробности народной жизни только потому, что ее отец, прихватив вместе с дочкой трехлитровый бидон, как бы идя за молоком, частенько бегал за любимым им пивным лакомством в один из поселковых ресторанов или ларьков.

Девочка росла, и все шире и глубже познавала окружающий мир. Ничего не ускользало от ее зорких глаз и тонкого слуха. Иногда она становилась

свидетельницей того, как отец с трехлитровым голубым чайником в руках, так внешне похожим на вышеупомянутый бидон с желтыми цветочками, выходил на терраску и поднимался на маленькую площадку справа от входной двери дома. Небрежно раздвинув занавески, прикрывавшие таинственное пространство, он исчезал за ними на некоторое время. Потом по потолку слышалось несколько легких шагов, и в железном квадратном ящике со страшноватым названием «расширитель», который был прикреплен под потолком у трубы печки, обогревавшей весь дом, звучала короткая мелодия булькающей воды. Легкие звуки восходящей хроматической гаммы отчетливо слышались в тесном кухонном пространстве. Наполненный расширитель, обеспечивающий нужный уровень воды в системе парового отопления дома, стихал, и через некоторое время с пустым, чуть погромыхивающим чайником возвращался возбужденно-повеселевший отец, удовлетворенный результатами своего непродолжительного восхождения на чердак. Девочка, конечно же, еще долго не могла запомнить имени этого небольшого железного ящика над печкой, а слова отца о том, что «нужно лезть на чердак и долить в систему воды», воспринимала как грозный призыв к нему, как к главе семьи, неумолимо требующий скорейшего выполнения труднейшей, как ей представлялось, взрослой работы. Она думала, что такое непонятное для нее, но очень важное для дома дело мог вершить только такой подвижный и все понимающий в хозяйстве мужчина, каким являлся для нее отец, на которого она была так похожа пластикой своих движений, привлекательными чертами лица и специфическим складом незаурядного детского ума. Отцовские чердачные действия, которые надежно обеспечивали безопасность отопительной системы дома и повторялись посезонно, по несколько раз в год, навсегда запомнились Девочкой как чердачные дуэты отца с чайником.

Мать Девочки тоже говорила, что ей «нужно лезть на чердак», но в отличие от отца произносила эту фразу гораздо чаще и с нотками некоторой досады в голосе. Нужно сказать, что отец Девочки был не худой, но достаточно суховатый мужчина чуть выше среднего роста, внешне сам чем-то похожий на чайник, которым он частенько пользовался еще и для любимого им индивидуально-уединенного кухонного чаепития. Отца Девочки роднили с чайником жилистые руки с угловато-длинными крупными пальцами, в объятиях которых терялась ручка упомянутого чайника, и ноздри, каждая из которых по своей ширине была сопоставима с размером носика того же чайника. Казалось, что чайник — это какой-то дружок отца, с которым он где-то встречается, и которого мать Девочки часто грозилась «разогнать», чтобы тот не спаивал ее мужа.

Мать Девочки в противоположность своему супругу была полноватой женщиной, но не с безобразно обвисшими по бокам складками жира, а с плотным красивым телом русской женщины-матери. Девочка его, материнское тело, очень любила, и с особым блаженством прижималась к мягкой материнской руке. Прильнув щекой к ее левому предплечью и обвивая детскими ручками всю родную теплую руку матери, Девочка вжималась в нее всем своим телом. Это сладостное мгновение встречи кровнородственных тел даже имело собственное кодовое название — «полежать на ручке». На коленях матери Девочка никогда не лежала, потому что на них лежал большой материнский живот с однобоко выпучившейся грыжей, которая состо-

яла из прорвавших брюшные мышцы кишок, опиравшихся изнутри лишь на тонкую кожу. Снаружи грыжу поддерживали широкие двойные резинки и металлические «кости» специально сшитого бандажа. У этой грыжи была своя история, неотделимая от биографии Девочки.

Грыжа появилась вместе с рождением Девочки, которая при своем явлении в мир весила более пяти килограммов и родилась бездыханно-синей с приплюснутым к широкому лицу носом. Поговаривали, что из-за тяжелых родов, чтобы спасти мать, Девочку хотели доставать по кускам, и видимо, испугавшись этих ужасных слов, она, после того, как благополучно очутилась в руках врача, сначала затаилась и не дышала, а потом истошно орала, не умолкая целые сутки. Окружающие этому крику почему-то очень радовались, а роддомовская акушерка даже прозвала Девочку «Зыкиной». Росла Девочка, росла и грыжа. Когда мать после декретного отпуска вышла на свое рабочее место в «магазин на станции», то выяснилось, что магазинные грузчики часто пьют горькую и не приходят на работу разгружать лотки с хлебом, мешки с мукой и крупами, фляги с молоком и сметаной, коробки с консервами, ящики с соками в трехлитровых банках и спиртным в бутылках по «пол-литра», бочки с соленой рыбой и подсолнечным маслом. Чтобы магазин работал, всю эту тяжесть приходилось «волочить на своем пупе» женщинам-продавцам. Именно поэтому материнская грыжа росла, и ни в какую не хотела исчезать даже после четырех хирургических полостных операций. Девочка грыжу не то чтобы не любила или боялась, но как-то расстраивалась при взгляде на нее, особенно в моечном отделении общественной бани, куда иногда ходили мыться мама и дочка. Девочка даже не могла досадовать на эту материнскую грыжу, потому что с малюсенького возраста для себя решила, что если бы она, будучи внутри матери, так не разъелась, то у той в родах не появилась бы эта ненавистная грыжа. Грыжа не только сковывала все движения еще очень молодой женщины, не давая ей свободно наклоняться и поворачиваться, но временами неожиданно ущемлялась и болела. Именно из-за этой, причинявшей столько страданий грыжи, матери и не хотелось лезть на чердак. Но ничто не могло отменить еженедельного изнурительного восхождения.

Необходимость лезть на чердак возникала у матери регулярно, вследствие стирки белья, которое огромной горой наполняло широкий таз, чем нетактично напоминало грыжу. Постиранное вручную мокрое белье неумолимо требовало своего просушивания на чердачных веревках, натянутых подобно струнам огромной виолончели под крышей семейного дома. Привыкшая справляться со всеми трудностями самостоятельно, мать, невольно вздохнув, брала тяжелый, набитый бельем таз, уверенно обняв его правой рукой и крепко уперев в подмышку. Лево́й рукой она бережно перекидывала через натянутую почти под самым потолком веревку висевшие на ней занавески. Они становились вдвое короче и открывали взору скрываемую от посторонних глаз уже упомянутую площадку. Только в это самое мгновение девочка могла видеть лестницу, почти вертикально устремленную в потолок и упирающуюся своей вершиной в откидывавшуюся крышку широкого лаза. Мать, подобно спортсменам, с шумом выдохнув воздух и сделав над собой усилие, поднималась на неудобно-маленькую для таких масштабных действий площадку. Ухватившись левой рукой за одну из ступенек посередине лестницы, женщина с тазом начинала лезть на чердак. Чтобы перенести

руку со ступеньки, за которую она держалась, на другую, более высокую, невольная гимнастка немного прижимала металлический таз к стене. Так же расчетливо и уверенно передвигались по лестнице и ее полные, заметно отекавшие ноги, покрытые синими и безжалостно выпученными от долгого стояния за прилавком венами. Именно материнские ноги с их плохо изученной географией кровеносных сосудов становились в любопытных глазах девочки главными действующими лицами, двигавшими еженедельную бельевую процессию на чердак. Они появлялись прямо перед ее взором и давали себя удобно рассмотреть. Чердак-повелитель постепенно втягивал мать в свое таинственное пространство. Медленно поднимаясь, она, в представлениях девочки, не просто исчезала на потолке, а волшебным образом перевоплощалась из вспотевшей и уставшей домохозяйки в сказочную незнакомку. Неумолимо требовательный чердак раскрывал для матери-труженицы свои страстные музыкальные объятия, и она из измученной жизнью женщины внезапно становилась талантливой исполнительницей оригинальных ударных композиций, увлекательные ритмы которых подсказывал ей он сам, чердак-дирижер.

Сначала из-под крыши глухо доносились отголоски знакомых грузных шагов. Потом слышался фанфарный звук, рожденный от встречи потолка и небрежно поставленного на нее таза, знаменовавший начало заключительной части прачечного действа. В оркестровое многоголосие вступали бельевые прищепки, партию которых отличали яркие акценты звонких синкопированных звуков. Легкое стаккато неожиданно падавших на деревянный настил бельевых прищепок сопровождало процесс развешивания белья до самого его окончания. В коротких паузах, в загадочные мгновения наступавшей на чердаке тишины, мать не бездействовала. Механически склоняясь над тазом, она беззвучно брала из него мокрую вещь, а затем, крепко зажав ее между пальцами и высоко подняв руки, с силой, резко опускала их вниз. От такого физического воздействия мокрая ткань расправлялась и, когда высыхала, ее легче было разглаживать. Встряхиваемое белье ярко заявляло о себе отчетливо слышимым широким крещендо. Короткая ударно-бельевая волна имела на пике своего звучания четкий хлопок со следовавшим за ним ясным диминуэндо. Это была самая настоящая музыкальная секвенция, число звукошумовых повторов которой зависело от количества вещей, лежавших в тазу. Иногда Девочка вздрагивала, потому что вдруг, неожиданно, с чердака прорывались резкие металлические вскрики, и по террасе проносился гул, похожий на нарастающие взрывные звуки больших литавр в симфоническом оркестре. Эти колористические эффекты рождались от ударов ноги матери по передвигаемому ею тазу. Чем меньше становилось в тазу белья, тем чаще и тоньше звучал его эмалированный голос. Потом наступало время финального дуэта в исполнении простейших телесно-бытовых ударных инструментов. Тапки со смятыми задниками, назойливо прилипая к вспотевшим ступням матери, виртуозно извлекали из ее пяток шлепообразные ритмические импровизации, служившие специфическим завершением чердачной музыкально-шумовой композиции. Хлюпающие голоса тапок прерывались звонкой радостной дробью стучавшего по ступенькам пустоготаза. Наконец появлялись знакомые, слегка потрескавшиеся пятки, потом мускулистые голени, шуршал немного выцветший и слегка небрежно заштопанный халат, и к Девочке возвращалась ее доро-

гая и трепетно любимая мамулечка. Как в театре при окончании спектакля опускается занавес, так и после завершения чердачного бельевого действия занавески опускались и заботливо поправлялись энергичной рукой хозяйки дома. Таз оставлялся на площадке. Незаметно устроившись за полосатыми шторками, похожими на сестренку-близняшек, этот бессменный участник еженедельного ритуала домашней стирки привычно ожидал, что очень скоро он вновь наполнится бельем и по повелению чердака-дирижера исполнит свою короткую, но без всяких сомнений детально проработанную и тематически завершенную музыкальную партию.

Следует заметить, что мама Девочки постоянно чем-нибудь гремела: посудой, ведром, шваброй, табуретом или стульями, чем доставляла дочке большую радость. Звуки материнских дел воспринимались Девочкой как симфония защиты, заботы и любви. Даже гремучий таз был нестрашен, потому что он был мамин. Девочка даже думала о нем как о самом любимом маминим инструменте. Она была уверена, что таз был способен так разнообразно звучать только при соприкосновении с ее, маминым, большим, и как тогда казалось, вечно-крепким и нерушимо-сильным женским телом. Без сомнения, лучше и ярче всего музыкальное содружество матери и таза проявлялось на чердаке. Поэтому Девочка справедливо решила, что если там, под шиферной крышей их дома, происходят такие сказочно-музыкальные преобразования ее матери и отца, значит, в том месте живет необыкновенное и творчески всемогущее существо, с которым ей нужно обязательно встретиться, чтобы тоже стать музыкантшей.

Девочка очень любила музыку, в том числе пение, которое окружало ее повсюду. Но не все вокальные произведения ей нравились. Например, отец Девочки в особенные для него дни любил очень громко петь одну и ту же песню. Где-то около полуночи, когда все уже лежали в своих постелях, не раздевавшийся отец, развалившись на диване в своей комнатушке, надрывно исполнял короткий отрывок почти забытой старинной народной песенной драмы: «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночь темная была. Одна возлюбленная пара...», — в этом месте его голос вдруг отчаянно срывался, и наступала долгожданная тишина. Мать вздыхала, поправляла сползшее на пол одеяло и засыпала на короткое время, до следующего музыкального повтора. Так могло повторяться несколько раз за ночь. Часам к шести утра концерт с участием единственного исполнителя заканчивался, но невольным слушателям уже нужно было вставать и собираться — матери на работу, Девочке в детский сад. Кроха боялась этих особенных для отца дней, когда тот, по выражению матери, «опять закатывал свой концерт». Не понимая, отчего так происходит, малышка весь свой детский ужас перенесла на эту, страшную и пугающую ее, русскую песню, с неведомым и жутко шумящим камышом.

Бывало, что особенные отцовские дни чередовались с тихими материнскими вечерами. По времени суток материнские вечера начинались намного раньше, чем случались отцовские концерты, тогда, когда девочку только-только начинали укладывать спать. Мать включала телевизор, садилась напротив, и, делая его звук потише, очень сосредоточенно и абсолютно отрешенно слушала прямые трансляции оперных спектаклей из Большого театра СССР или музыкальные передачи с фрагментами концертов из Колонного зала Дома Союзов. В отличие от отца, матери нравились русские класси-

ческие романсы, исполняемые академическими певцами в сопровождении симфонических оркестров, которыми руководили строгие дирижеры. Протяжные, с нотками грусти и неясного волнения романсы, конечно же, еще не были доступны полному пониманию Девочки, но очень нравились ее матери, в особенности те из них, в которых рассказывалось о душевных переживаниях покинутых девушек или несчастных судьбах молодых женщин. Девочка не боялась романсов и спокойно засыпала, даже если в очередной раз слышала из телевизора чью-то отчаянную жалобу: «Полобила я на печаль свою».

Все эти музыкальные моменты семейной жизни привели к тому, что Девочка, будучи в семилетнем возрасте, самостоятельно пошла на станцию и без помощи близких успешно прошла прослушивание у педагогов поселковой музыкальной школы. Она бесстрашно исполнила детсадовскую песенку «По малину в сад пойдем», чем очень удивила своих экзаменаторов. Девочка решила стать «концертной певицей», чтобы исполнять «телевизорную» музыку, дававшую столько успокоения и радости не только ей, но и горячо любимой ею матери. В дальнейшем она семнадцать лет своей жизни то с горечью, то с радостью, то с удовольствием, то с досадой занималась постижением тайн музыкального искусства. В пятнадцатилетнем возрасте Девочка окончила музыкальную школу, в девятнадцатилетнем — музыкально-педагогическое училище, а в тридцатидвухлетнем — академию музыки. Сольное вокальное исполнительство вошло в ее плоть и кровь.

Но будучи еще крохой, Девочка наивно полагала, что красиво петь грустные романсы она сможет только тогда, когда сама станет мамой. Ранимая фантазерка отчаянно надеялась, что однажды, после того, как она профессионально освоит мелодии посуды и швабры, ритмы ведер и таза, ей, наконец-то, позволит встретиться с собой бывалый, многоопытный чердак-дирижер. Но, к счастью, это знакомство произошло гораздо раньше.

Однажды отец взял дочку посмотреть на чердак. По привычке он легкомысленно раздвинул занавески и помог Девочке взобраться на площадку. С легкостью пушинки подняв на правую руку упитанного ребенка, отец стал подниматься на чердак тем самым способом, как это делала мать. Ощущая себя зависающей над пропастью, Девочка крепко ухватилась за напряженную родительскую шею. От неожиданно нахлынувшего ужаса она закрыла глаза и чуть взвизгивала при каждом шаге отца, лезшего с ней на чердак. Обретя твердую опору под ногами, маленькая путешественница с опаской распахнула слипшиеся от чрезмерно напряженного смыкания веки и, с все увеличивавшимся любопытством, стала рассматривать открывшееся ей незнакомое пространство. Деревянный настил посередине чердака лежал на утеплителе черного цвета, похожем на кусочки, раздробленного на части «антрацитного угля», с интересным названием «шлак». У трубы печки, ухидившей своим цилиндрическим телом за пределы крыши в поднебесное пространство, как бы воткнувшись в шлак, незаметно пристроилась короткая трубочка, соединенная с невидимым сейчас расширителем. В это узенькое отверстие трубки отец и доливал воду до того мгновенья, когда она начинала в нем поблескивать или чуть переливаться через край, сообщая о наполнении расширителя. Здесь тоже была слышна хроматическая мелодия ниспадающей водной струи, которая своевременно сообщала опытному слуху отца о приближающемся заполнении всей отопительной системы. По

периметру чердака были прибиты неширокие доски, ставшими от времени серыми и очень сухими. В доски были вбиты толстые длинные гвозди для развешивания всякой всячины, от старых пальто до колес разобранного велосипеда. На стропила крыши были натянуты веревки для просушки белья, которые, немного провиснув от длительного служения, надежно держали расположившиеся в хаотичном порядке, крепко вцепившиеся в них деревянные прищепки с поржавевшими пружинами. Чердак хорошо освещался дневным светом, проникавшим в два, расположенных друг напротив друга окна. Поглядывая с этой чердачной высоты на соседские строения, липы возле дома и яблони в их саду, Девочка неожиданно ощутила прилив незнакомых, но приятно волнующих чувств, которые опытные поэтические натуры называют восторгом и творческим вдохновением.

С этого самого момента она осмелела и стала сама, в одиночку, лазить на чердак, доверяя ему свои первые вокальные опыты. Девочка была очень рада тому, что и без таза или чайника властный чердак-дирижер разрешал ей ритмично и ярко звучать, чувствуя себя взрослой и сильной исполнительницей, громко распеваящей песенные композиции собственного сочинения.

Юная композиторша в широких протяжно-размеренных мажорных мелодиях рассказывала о том, как сильно она любит и маму и папу, как с нетерпением вслушивается в окружающее пространство, ожидая их возвращения с работы, стремясь заранее угадать появление кого-либо из них, привычно распознавая приближающиеся шаги. Повышая тон своего детского голоса и ускоряя темп речитативных восторгов, Девочка оповещала все вокруг о том, как она бывает беспредельно счастлива, когда слышит, звучащие в ее адрес ласковые слова, дающие ей ощущения личной неповторимости и незаурядной «хорошести». Восторженная мелодекламация начинающей вокалистки с наивной непосредственностью передавала ту особую радость, которой невольно наполняется ее детское сердце при звуках имени, произносимом родителями в уменьшительно-ласкательной форме и с щедростью приправленным восхищенными обращениями «дочка» и «моя умница». Непроизвольно учащавшийся ритм музыкальных высказываний давал возможность Девочке выразить свою внутреннюю тревогу, которая возникла у нее в минуты родительских ссор с взаимными упреками и обидными обвинениями в адрес друг друга. Это томительно-безнадежное состояние, сравнимое с ощущениями человека, загнанного в подполье, где трудно дышать и так хочется кричать от нестерпимого горя, она передавала синкопированными интонациями, раскрывающими страдания детской души в атмосфере длительных родительских молчанок, перемежавшихся короткими язвительно-оскорбительными перебранками. Низкие, прерывистые минорные мелодии, похожие на интонации сдавленного стога и затаенного плача по утраченному времени, данному для радостного общения друг с другом и спокойного наслаждения простым человеческим счастьем, позволяли невольной свидетельнице пугавших ее домашних сцен выяснения супружеских отношений двух равновеликих и безраздельно любимых ею людей облегчить свои недетские душевные терзания. Акцентированными скачкообразными модуляциями, срывавшимися на крик, Девочка обращалась к огромному могучему миру с отчаянной просьбой — помочь ее маме и папе помириться навсегда, чтобы они вновь могли любить друг друга и неразлучно быть вместе. Усиливающимся громкоговорителем звучанием, уходившим

в самые небеса, настойчивая просительница рассказывала о своем огромном желании увидеть себя в любящих объятиях объединившихся вокруг нее обожаемых ею родителей. Мечтательно вглядываясь в несбыточные ожидания, Девочка затихала, давая передышку уставшему от страдальческого надрыва голосу. Помолчав, она робким шепотом убеждала саму себя в том, что все просимое когда-нибудь обязательно будет, а для этого ей нужно совсем немного: учиться только «на пять», помогать носить воду и топить печку, много читать умных книг, ни о чем не просить и никому не мешать. Этот несмелый речитатив тайных помыслов перерастал в недетские размышления о правильном устройении семейной жизни, главной опорой которой являются сердечная близость, доброжелательность, понимание и поддержка. На смену унылым, болезненно-возбужденным порывам приходил торжественный момент решительных обещаний в том, что когда она повстречает своего Ивана-царевича, у нее все будет так, как должно быть в хорошо слаженном музыкальном ансамбле, когда все живут единым творческим порывом.

...Прошло время. Девочка выросла и покинула родительский дом, выйдя замуж за зрелого человека, разделяющего ее жизненные взгляды. Они стали родителями шестерых детей, и теперь все вместе строят собственный дом. Внимательно вслушиваясь и трепетно «вчувствываясь» в души друг друга, с деятельной поддержкой и бережной любовью им удастся объединенными усилиями всех разновозрастных членов семьи справляться с непредсказуемыми неожиданностями и преодолевать возникающие трудности. Царь-отец и Девочка-мать часто вместе поют, крепко прижимая к себе уверенно подпевающих им подрастающих детей. В минуты трепетной близости взрослые рассказывают новому поколению истории из прошедшей жизни...

Приходя в опустевшие после смерти матери и отца стены родительского дома, Девочка всегда поднимается на чердак, чтобы поприветствовать своего верного товарища и учителя. Чердак по-прежнему остается для нее и бесконечно преданным другом, бережно хранящим семейные истории и дорогие сердцу вещи, и надежным музыкальным соавтором, в бесхитростном молчании, дающим мудрые житейские советы. Насладившись этими мгновениями, Девочка спускается во внутреннее пространство остывшего дома. Она сиротски проходит по нему, проведя ладонью по потрескавшейся поверхности печки и посмотрев из окон на заросший Девичьим виноградом тенистый палисадник. В легкой задумчивости опытная певунья садится на отцовский диван и сосредоточенно вслушивается в знакомые с детства звуки покинутого всеми уютного гнездышка. Девочка явственно слышит, как по-стариковски вздыхает одинокий чердак-властелин, устало потрескивающий прогнувшимися от времени потолочными перекрытиями, которые, соприкасаясь с расщепившимися листами фанеры внутри комнат чуть покосившегося дома, извлекают из них еле слышное пиццикато.

Пиццикато минувшей жизни...

Спасибо тебе, чердак-дирижер...

Ольга ГОНЧАРОВА

«ДУША, ОКЛИКНУТАЯ БОГОМ»

Стихи 90-х

Ольга Александровна Гончарова (1937–2004) — родилась в с. Дегтяревка Мглинского (ныне — Суражского) района Брянской области. Училась горному делу, окончила техникум по специальности «маркшейдер». Жила и работала в Грузии, потом в Ярославле. Окончила факультет журналистики МГУ. Стихи и проза публиковались в различных «толстых» журналах — «Волга», «Нева», в газетах, были выступления на радио и т. д. Последние годы жизни провела на родной брянской земле. Работала в Брянске, а после выхода на пенсию большую часть времени проводила в родном селе Дегтяревка.

* * *

В единоборстве с василиском
во всю огромную страну
мои друзья идеалисты
ведут неравную войну.
У них ни связей, ни подмоги,
ни партий, ни масонских лож.
И не кричат они о Боге,
а просто не приемлют ложь.
И хоть любого взглядом мгlistым
убить способен василиск,
мои друзья идеалисты
пока что не перевелись.
Среди торгующих во храме,
среди счастливых налитых
они, по меньшей мере, странны,
но страшно было бы без них.
И если теплится в народе
идея братства и любви,
ее ростки живые всходят
на этой праведной крови.

* * *

Запела баба, как заплакала,
нарушив полевою тишь.
Среди равнины этой злаковой
о чем, сестрица, голосишь?
О том ли, что уже старуха,
а жизнь была — постылый гуж:
полусудьба, полупроруха
да полупьяный полумуж...
О нет, я слышу: древним ладом
слова твои напоены,
и злобу дня искать не надо
в седых напевах старины.
Но боль протяжных песен этих
опять, опять меня нашла,
пройдя столетья-лихолетья,
как оперенная стрела.
Кто оперил ее, каленую,
и кто в мою нацелил грудь,
чтобы тоскою воспаленною
мне душу так перевернуть?..

* * *

Зачем я воздух сотрясаю,
зачем над рифмой ворожу?
Ведь все сказал Первоисаия,
как я вовеки не скажу.

И горький мед Екклесиаста
мои печали воплотил.
Зачем же мучиться напрасно,
растрчивая столько сил?
Но снова тайная тревога
охватывает ввечеру.
Душа, окликнутая Богом,
дрожит, как факел на ветру.

И факел этот — видишь, Господи? —
такой, как все Твои дары:
чем ярче он, тем больше копоти
и тем быстрее догорит...
А он уже едва мерцает,
а он почти уже погас.
И не поможет тут Исаия,
и не спасет Екклесиаст.

* * *

Гроза взметнула пыльную завесу
над лугом и над потемневшим лесом.
Ершится поросль всей листвою кипучею,
а ветер за спиной ей руки скручивает.
Дрожат сухие камыши в затоне,
забыв, что их вовек гроза не тронет.
Забыли мхи в болоте и осоки,
что молния бьет только по высоким.
Но как мудра зверей повадка древняя:
покинуты высокие деревья.
Стоят они, стволами в небо прянув,
а по стволам от молний — шрамы, шрамы.
Печаль их высока, груба их нежность,
ведь понимают, чтоб пахнула свежесть,
нужна гроза и чья-то ниц-поверженность
и великанья их самоотверженность.
За духотой всегда ведь буря лютая,
гроза всегда немного революция.
И есть в том справедливость, пусть жестокая,
что молния бьет только по высокому.

* * *

В разливах рока и порока,
среди разлада и тревог
не слышно голоса пророка,
зато гарцует демагог.
И — как «новейшему» Завету —
ему внимает стар и млад.
Идей фальшивая монета
идет, как прежде, нарасхват.
И потому растет тревога:
что будет с отчею землей?

Кривая русская дорога
не захлестнулась бы петлей.
Не потакать бы нашим слабостям,
понять бы, что из века в век
не столько сытостью, как святостью
бывает крепок человек.
Я эту правду вековую,
то поникая, то бодрясь,
кукушкой вещью кукую
и не устану повторять.

* * *

Спасибо, Господи, за голову,
за тягу жить умом своим,
не поклоняться факту голому,
провидя вечное за ним.

Благодарю за дар единственный,
что всех иных даров ценней,
искать не выгоду, а истину,
и всюду следовать за ней.

Твой дар, а не мои чудачества
уберегли в конце концов
от власти и скоробогачества —
ловушек верных для глупцов.
Когда повальным помешательством
так многие омрачены,

гляжу безглаголю на стяжателей,
на бой за деньги и чины.
И пусть не скатертью дорога,
и крест тяжел, и век крутой,
благодарю за трезвость строгую
среди опьяненных суетой.

* * *

О быт послевоенный наш!
О командиры наши, где вы?
Оркестр и площадь — шагом марш!
И непременно — левой, левой.
А я всю жизнь не с той ноги,
хоть не глуха, не толстопята...
Друзья мои, мои враги,
ей-богу, я не виновата!
Я не могу чеканить шаг,
поскольку с розового детства
иная музыка в ушах
звучит — без всякого оркестра.

В любой веселый перебор,
в чеканный марш энтузиастов
вплетает некий дирижер
тягучий ритм Екклесиаста.
Старинных песнопений речь,
как мед прогорклый, застывает.
Я в нем — как муха в янтаре,
хотя пока еще живая...
Иная музыка в ушах,
и тут мне вряд ли кто поможет.
Я не могу печатать шаг.
Стихи печатать, впрочем, тоже...

* * *

На зрелость первую мою,
на восковой налив июля
внезапным холодом пахнуло
в родном и ласковом краю.
Я помню: именно тогда,
наклонно восходя к зениту,
чужая темная звезда
пересекла мою орбиту...

С тех пор — как иней на судьбе.
С тех пор, приглядываясь к лицам,
не раз встречала я в толпе
чеканный лик первоубийцы.
Не спутать страшное родство:
да, это он, библейский Каин,
идет, и темный путь его
логически неизрекаем.

* * *

Многоэтажный дом-квадрат,
свет окон зимних.
Зачем я, голову задрал,
стою под ними?
Мерцает отсвет голубой,
вещает телек
о годовщине роковой —
о той дуэли.
«Поэт бессмертен, вечно чтим», —
звучит привычно.
О, как себе мы нежно льстим
его величьем.
Измерить бы себя хоть раз
нелгущей меркой.

Признаться бы, что среди нас
Дантес бессмертней.
Вон тени пляшут по стеклу,
по занавескам:
сидят гении к столу
или дантесы?..
А ветер шепчет с высоты,
из дали млечной,
что лишь гармония вражды
под небом вечна.
И шелестит в ветвях метель
невнятной речью,
что не окончена дуэль
у Черной речки.

* * *

Ах, этот странствующий город!
Зачем в сумятице земной
его библейский древний морок
повсюду тянется за мной?
И даже здесь, в родной деревне,
где правит бал хмельной кураж,
воздвигся он стеною древней,
как обольстительный мираж.
А над стеной, над зыбкой гранью,
еще почти неразличим,

тот, уготованный к закланью,
взывает: «О, Ершалаим...»
О, морок Иерусалима,
нечистых сребреников звон!
Теперь в краю моем родимом
ты слышишься со всех сторон.
Вещует сердце: дело плохо.
И поздно начинать мольбу:
кочующая тень Голгофы
накрыла каждую судьбу.

* * *

Рука нарисовала душу.
И вот она глядит с листа
так невесома, так воздушна,
так восхитительно проста.
А что ж рука? Она повисла —
стал плетью мускульный рычаг.

Она как бы лишилась смысла
в духовных пристальных очах.
И плоть стыдится нареканий
за тягу к пище и питью.
И в сердце ходит сквозняками
тоска по инобытию...

* * *

Не изменившая себе,
я среди вас жила инкогнито.
Сердца людей глаголом огненным
не жгла в измученной толпе.
На женском каторжном пути
иное было мне веленье:
сквозь новое оледененье
огонь сохранным пронести.

Унять тщеславия синдром,
гордыню тайную умерить
и подо льдом на дальний берег
бежать бикфордовым шнуром.
Тянуться сквозь тугую тьму,
гореть — не излучая света!..
Ну, а о том, как больно это,
дай Бог не ведать никому.

Сергей КОРЫТИН

«СВЯЩЕННЫЙ КОЛОКОЛ ОТЧИЗНЫ»

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 г. в с. Екатериново Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 г. Екатерининской средней школы работал токарем на заводе «Прогресс» в г. Куйбышеве, служил в армии. В 1980 г. окончил Гидрометеорологический институт по специальности «Гидрология суши». Работал инженером-гидрологом в Нижнем Новгороде. В настоящее время подвизается на ниве отечественного предпринимательства. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Поверхностным своим умом
Касаясь мудрости Господней,
Я провожу как бы перстом
По чистой глади бездны водной.

Прочтя всего один псалом,
Два жития и три Послания...
Мечтая о себе — святом,
Я воду возмущаю дланью...

* * *

Обновится яко орля...

Пс. 102, 5

Человек под благодатью
Мирен, тих, благонадежен,
Хорошо духовно сложен
И храним Небесной ратью.

Человек под благодатью
Не уныл и не шумит,
В чистоте содержит платье,
В сердце свет святой хранит.

Совершает все неспешно,
Всю надежду возложив
На Того, Кто непременно
Жизнь, как орля, обновит...

* * *

У нас как будто бы забег...
Старт дан — в рожденье!..
Финиш — в смерти!..

И на дистанции лишь грех
Способен отобрать три вещи:

Не сможем мы других любить!..
К природе будем безразличны!..
И не поймем, по ком звонит
Священный колокол Отчизны!

* * *

Среди Гоморры и Содомы
Как сохраниться в чистоте?..
Уйти в леса, подняться в горы
Иль раствориться в пустоте?..

Не в пустоте, горах и дебрях,
А в сердце в глубину войти
И в сокровенных его недрах
На свой вопрос ответ найти!..

Вот главная задача верных,
Труд ежедневный для умов,
Кто избегает всякой скверны
И говорит, что он Христов.

РОССИЯ ДО 1917 ГОДА

А та страна была другой,
Граничила с пространством рая...
И каждый стебелек ржаной
Об этом знал и, поднимая

Свой колос к Небу, умолял:
«О Боже, милостив к нам буди!..
И в государственный штурвал
Вплети цветок священных судеб!..»

* * *

Томлю томящего мя.
Преп. Серафим Саровский

И борет, борет меня страсть,
В бараний рог сгибает!..
Но у Кого над миром власть,
Меня вновь выпрямляет.

Он выпрямляет для того,
Чтоб я учился брани
И чтобы больше без Него
В бой не вступал с врагами.

* * *

Если душой овладела страсть,
Значит, дела твои — скорбны.
Значит, в сердце греховная власть
Пустила глубокие корни.

Жди революций, бунтов и смут.
Охотиться будут ночью.
Сердце обвяжут множеством пут,
А душу порвут на клочья.

* * *

Паки и паки миром Господу помолимся!..
Начало Малой ектении

На волоске висело благочестие,
Пятнадцать раз сорваться мог на дно,
Но мысль: «Пред Небом быть в бесчестии?..» —
Удерживало душу на корню.

Держался. Хоть неравны были силы.
Боролся. И в борьбе изнемогал.
И, кажется, дно адовой могилы
Касалось пят... Но Кто-то помогал...

Удерживал. Все отбивал атаки.
За шиворот подтягивал наверх.
И слышалось все громче: «Паки!.. Паки!..»
И отступал от сердца тяжкий грех.

* * *

Вода похолодала за два дня...
Октябрь рассветы замесил погуще,
И солнце прячет зарево огня
В Тамбовский чернозем, в речные кручи.

Вода в реке скукожилась в два дня...
Жжет, обжигает жесточайше кожу,
Но вострепелось сердце ото сна
И не желает быть слугой в прихожей.

Слугой в прихожей страстности слепой...
И, вспоминая приглашение рая,
Неудержимо снова рвется в бой,
Овраги за дороги принимая.

Наивное!.. Уж много, много раз
Оно проигрывало все сраженья!..
Но, может быть, хотя бы в этот час
Оно поймет, в Ком сила и спасенье!

* * *

Русские люди почти не постанут,
Отбросили пост, как ненужный хлам.
Стебли пшеницы в полях колосятся,
И плачет на горке разрушенный Храм.

Скоро наступит Великая Жатва,
Спелые зерна Господь соберет
И переселит в Священное Завтра,
А сорные травы с соломой сожжет.

* * *

Земля родная напитает,
И вразумит, и вдохновит!..
А лучше лишь просторы рая!..
Но кто теперь на них глядит?..

Все больше смотрят в телевизор,
Все глубже лезут в Интернет,

Не замечая, что их ризы
Порабощает серый цвет.

Блажен, кто думает о Рае
И жизнь свою сверяет с ним!..
Такой себя не растеряет
И в Царствие войдет живым.

АПРЕЛЬ

Лед еще не растаял,
У берегов лишь вода,
Чайки расселись стаей
На середине пруда.

Ждут не дождутся часа,
Когда вихревой их взлет
Вздыбит и искромсает
Последний весенний лед.

* * *

Глазами Вечности смотреть на мир
Труднее, чем подняться на Памир
И дна глубокой впадины морской
Коснуться обнаженною рукой...

Ты скажешь: «Невозможно человекам
Глазами Вечности смотреть на мир!..»
Я соглашусь: «Коли не Божьим светом
Наполнен сердца плотяной потир!..»

* * *

В Завете с Богом не только был Ной, Авраам, Моисей и Павел!..	Другое дело, честны ли мы?..
В Завете каждый, кто рядом с тобой	И как обрести ту верность,
Стоит в Православном Храме.	Что выпрямит, вымоет наши умы
	И дарует светлую Вечность?..

* * *

Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.
Мф. 11, 30

А мы бежим и ищем иго	Оно легко для ослепленных,
Совсем иное, не Его!..	Для тех, кто грех так возлюбил,
Находим, надеваем лихо!..	Что сердце стало жить в потемках,
И нам как будто бы легко!..	А измениться нету сил...

* * *

Земля потрескалась от жары, Трава в канаве пожухла, Дождика не было с той поры, Когда забрезжило утро.	Сорок дней не видали дождя, И даже заплакало солнце.
Утро не в смысле начала дня, Утро — «Пасха в пригоршне!..»	Я слышал: в поле рыдало оно!.. Рыдало — горько и долго!.. И вторили солнцу — в пашне зерно!.. И — святорусская Волга!..

17 ИЮЛЯ 2018 ГОДА

Лилии на плесе зацвели, Словно Ангелы, стрекозы кружат, Облака причудливо сплели Царственный венок из светлых кружев.	Отражается венок в реке, А течение воды, что кудри.. Лилии вплели в них лепестки, Пасхой заискрился вечер будний.
---	--

* * *

Весна прилетела рано, Птицей спустилась с Небес	Послушать, как в русских Храмах Поют, что Христос воскрес!
--	---

* * *

*Ибо не любящий брата своего, которого видит,
как может любить Бога, которого не видит.*

1 Ин. 4:20

Осени меня крестным знаменiem,
Долгим, теплым... И помолись,
Чтобы сердце не стало каменным,
И чтоб златники завелись.

Но не те, что со звоном, с шуршанием,
Но нетленные — на века!..
Чтобы миром и покаянием
Наполнялась моя река.

Осени меня крестным знаменiem,
Чтобы я совсем не остыл...
Чтобы сердцем священно-пламенным
Я тебя... и Бога любил.

Андрей РОДОССКИЙ

«ЕВРОПА МОЖЕТ ПОДОЖДАТЬ, ПОКА РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР УДИТ РЫБКУ»

Андрей Владимирович Родосский — родился в 1957 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет ЛГУ (1982) и заочное отделение СПбДА (2015). Кандидат филологических наук. Магистр богословия. Автор десяти поэтических сборников и более десятка книг переводов стихов и прозы со всех романских языков. Награжден тремя медалями, в том числе «За заслуги в сохранении русской культуры». Живет в Санкт-Петербурге.

ЧЕТВЕРО РАССТРЕЛЯННЫХ

За Либкнехта и Люксембург
Отмстил крамольный Петербург!
И вот Великие князья —
Неразлучимые друзья —
По мрачной крепости бредут...
Один — в горячечном бреде,
Другой — с котенком на руках,
И два — с молитвой на устах.
В глазах — предсмертная тоска...
Мемориальная доска
На месте том водружена...
Она не мертвецам нужна,
А нам — потомкам бунтарей,
Дабы покаяться скорей!

* * *

Дедушка рассказывал когда-то,
Что еще студенческой порой
Видел, как выходит из Сената
Император Николай Второй.

Поклонился дедушка учтиво —
Так умели кланяться лишь встарь;
Жестом благородным и красивым
Руку приложил к фуражке Царь.

На дворе шестнадцатый был год!..
Дедушку внимательно я слушал;
Почему-то этот эпизод
Явственней всего запал мне в душу.

Эту боль, старательно влетая
В траурно-горжественный букет,
В Федоровском славном городке
Возложу я к бюсту Николая.

ПОЛЯРНАЯ БАЛЛАДА

Последние мирные годы!
Непрочен изменчивый мир...
В студеные, сонные воды
Выходят «Вайгач» и «Таймыр».
Сбиваясь в крикливые стайки,
Над мачтами кружатся чайки.
Вилькицкий¹ к биноклю приник:
По курсу — громадный ледник.

¹ Вилькицкий Борис Андреевич (1885–1961) — гидрограф-геодезист. Умер в эмиграции в Бельгии.

Полярники зрением острым
Скользят меж дрейфующих льдин:
«Возможно ль? Открыли мы остров!
И даже, видать, не один!
Всевышнему Господу слава —
Землей прирастает Держава.
Сподвижники! Надобно нам
Название дать островам».

Землей Николая Второго
Искатели их нарекли.
Казалось, не будет иного
Прозванья для этой земли.

Могло ли присниться кому-то,
Что грянет кровавая смута
И пьяный, взбесившийся сброд
Название у ней отберет?

Когда же появится снова
На карте российских морей
Земля Николая Второго?
Верните ей имя скорей!
Улыбка Царя-страстотерпца
Согреет отважное сердце,
И звонкий арктический лед
Акафист ему пропоет!

БАЛ У АЛЕКСАНДРА III (1894)

Сверкают анфилады в Зимнем,
За стеклами трещит январь —
И вечером холодным зимним
На бал явился Государь.

Все восхищались пышной знатю
И любовались на Царя,
Напоминающего статью
Былинного богатыря.

И черноглазая Царица
Обворожить сумела всех...
Ах, как изящно серебрится
Ее чуть-чуть лукавый смех!

Столы завалены закуской —
И чужеземные послы

Глядят на горы снеди русской,
Как буридановы ослы.

Звучат мазурки, вальсы, польки.
Танцующие встали в ряд.
Равняться немочки да польки
На русских барышень хотят.

Охота кавалерам снова
Кружить неутомимо дам...
Но вот пробило полвторого —
Пора собираться по домам.

На камне дремлет Всадник Медный,
Покуда не взошла заря...
Кто знал, что этот бал — последний
В семье Царя-богатыря!

НА РЫБАЛКЕ

Какой великолепный нынче клев!
Какая щедрая сегодня речка!
Доволен бородатый рыболов,
Что подыскал удачное местечко.

Но кто-то к рыболову подошел
И шепчет так, что слышно еле-еле:

«Французский ожидает вас посол.
Вы, Государь, принять его хотели...»

А тот, не надевая сюртука,
Лениво молвил, затаив улыбку:
«Европа может подождать, пока
Российский Император удит рыбку».

ЮБИЛЕЙ

Изящных тостов, выпренных речей
И пышных славословий не звучало,

Когда он праздновал в горах Урала
Пятидесятилетний юбилей.

За скромной трапезой народу мало —
Императрица, пятеро детей
Да близкие, что в верности своей
Пройдут за ним
до страшного подвала...

Но прочь тоску, унынье и усталость!
Пусть Родина презрела
правый путь —
Переживем и это как-нибудь...»

А жить всего два месяца осталось.

В его глазах застыл вопрос немой:
«Что сделали с Россией, Боже мой!

ДНЕВНИК НИКОЛАЯ II

Не упивался собственным страданием,
Не занимался самобичеванием,
Ни зависти, ни злобы, ни обид
Здесь ни одна страница не таит.
Лишь изредка средь записей коротких
Проскальзывают горестные нотки,
Когда тревогой автор обуян:
«Кругом измена, трусость и обман».

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de zoreana@mail.ru
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
	Пиетилийнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 22.04.2020 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ 20031583.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.